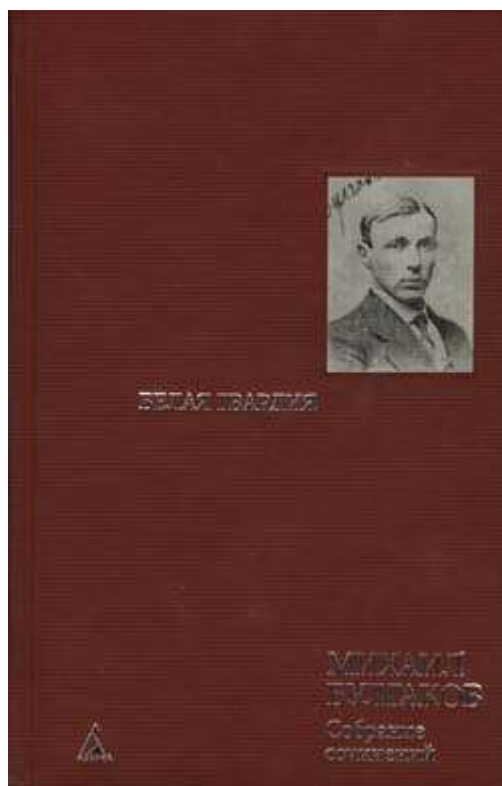

Михаил Афанасьевич Булгаков
Белая гвардия

Серия: Белая гвардия – 1

*«Т. 2: Белая гвардия: Гражданская война в России»: Азбука-классика; СПб; 2002
ISBN 5-352-00139-3; 5-352-00141-5 (т. 2)*

Аннотация

"Белая гвардия" - один из самых известных романов М.А.Булгакова. Действие его разворачивается в Киеве, втянутом в кровавый водоворот Гражданской войны. Однако в "Белой гвардии" рассказ о трагической судьбе одной дворянской семьи перерастает в видение вселенской катастрофы, в которой гибнет не только старый мир, но и вечные ценности культуры и цивилизации.

Михаил Афанасьевич Булгаков

БЕЛАЯ ГВАРДИЯ

Роман

Посвящается¹

¹ *Посвящается Любви Евгеньевне Белозерской.* – Вопрос о посвящении Булгаковым первого своего романа Л. Е. Белозерской является весьма спорным. Даже среди родственников и близких писателя этот вопрос вызывал различные мнения. Так, первая жена писателя, Татьяна Николаевна Лаппа, в своих воспоминаниях указывала, что в рукописных и машинописных вариантах роман был посвящен ей, а имя Л. Е. Белозерской, к удивлению и неудовольствию ближайшего окружения Булгакова, появилось лишь в печатном виде. Будучи в высшей степени скромным человеком, Т. Н. Лаппа в этом вопросе проявила твердость и незадолго перед смертью сказала с явной обидой: «Булгаков... однажды принес „Белую гвардию“, когда напечатали. И вдруг я вижу – там посвящение Белозерской. Так я ему бросила эту книгу обратно... Столько ночей я с ним сидела, кормила, ухаживала... он сестрам говорил, что мне посвящает...» (*Паршин Л. К.* Чертовщина в американском посольстве... М., 1991). Тут уместно будет напомнить: Булгаков не раз говорил близким людям, что если Бог и накажет его, то в первую очередь за Тасю...

Спустя уже много лет, когда возник вопрос о передаче архива Булгакова на госхранение и о публикации его произведений, сестра писателя, Надежда Афанасьевна Земская, ближе всех стоявшая к брату и проявлявшая наибольший интерес к его творческому наследию, написала Е. С. Булгаковой письмо (5 марта 1956 г.), в котором очень точно охарактеризовала ситуацию с булгаковскими посвящениями. Вот текст этого важного письма:

«Милая Люся!

Я знаю, что теперь ты работаешь над подготовкой Мишиного архива для сдачи его в Пушкинский Дом (первую часть архива Е. С. Булгакова сдала в Пушкинский Дом, но основную часть передала в Отдел рукописей „Ленинки“. – В. Л.). В связи с этим я хочу написать тебе мое мнение о посвящениях на произведениях брата Миши.

Я знаю, что были случаи, когда посвящения у него выпрашивали, что он был против посвящений и в последнее время собственноручно снимал все посвящения со своих произведений. Поэтому я думаю, что не надо оставлять посвящения ни на одном из его произведений.

Особо следует сказать о посвящении на печатных экземплярах романа „Белая гвардия“. Там стоит: „Любови Евгеньевне Белозерской“. Когда я впервые прочитала это посвящение, оно было для меня совершенно неожиданным и даже больше того – вызвало тяжелое чувство недоумения и обиды. Михаил Афанасьевич писал „Белую гвардию“ до своего знакомства с Любовью Евгеньевной. Я сама видела в 1924 году рукопись „Белой гвардии“, на которой стояло: „Посвящается Татьяне Николаевне Булгаковой“, т. е. первой жене брата Миши. И это было справедливо: она пережила с Мишей все трудные годы его скитаний, после окончания Университета, в 1916–17 году, и в годы гражданской войны, она была с ним в годы начала его литературной деятельности. Об этом есть свидетельства и в его письмах и в рассказах начала двадцатых годов. Роман „Белая гвардия“ создавался при ней.

Поэтому снятие ее имени и посвящение романа „Белая гвардия“ Любови Евгеньевне было для нас, сестер Михаила Афанасьевича, и неожиданным, и неоправданным.

Это мое мнение разделяет и сестра Вера, которая тоже видела рукопись романа „Белая гвардия“ с посвящением Татьяне Николаевне Булгаковой.

Я прошу тебя не оставлять никаких посвящений ни на одном произведении Михаила Афанасьевича, в том числе снять посвящение и с „Белой гвардии“. Да ты и сама знаешь, что Михаил Афанасьевич снимал все посвящения со своих произведений, говоря, что не нужно их.

Написать тебе это письмо я считаю своим долгом, так как думаю, что моя просьба о снятии посвящений совпадает с волей брата Миши» (НИОР РГБ, ф. 562, к. 35, ед. хр. 4).

Трудно что-либо возразить против доводов Н. А. Земской, поскольку действительно Булгаков собственноручно снимал посвящения со своих произведений, в том числе и посвященных Л. Е. Белозерской. Об этом прекрасно знала Е. С. Булгакова, видя вырванные с посвящениями места в рукописях Булгакова, не исключая и роман «Белая гвардия». Но она, внутренне соглашаясь, видимо, с Н. А. Земской, все-таки оставила посвящение Л. Е. Белозерской при печатании романа. Очевидно, были еще какие-то обстоятельства, которые нам неизвестны. Ко всему, что было связано с волей автора, Е. С. Булгакова относилась чрезвычайно внимательно и строго.

При недавнем обнаружении дневников писателя выяснилась и фактическая сторона этого важного и занимательного вопроса. Вот как она выглядела, если судить по записям самого Булгакова. Запись в ночь на 28 декабря 1924 г.: «У газетчика случайно на Кузнецком мосту увидел 4-й номер „России“. Там первая часть моей „Белой гвардии“... Не удержался... купил номер. Роман мне кажется то слабым, то очень сильным. Разобраться в своих ощущениях я уже больше не могу. Больше всего почему-то привлекло мое внимание посвящение. Так свершилось. Вот моя жена». И далее следуют записи, которые как бы объясняют, почему писатель внес изменения в посвящение в пользу второй жены: «...подавляет меня чувственно моя жена. Это и хорошо, и отчаянно, и сладко...» «...Ужасное состояние: все больше влюбляюсь в свою жену...» Пребывая в «ужасном состоянии», Булгаков при подготовке романа к изданию отдельной книгой в 1925 г. заменил в посвящении фамилию Белозерской на Булгакову, так как в апреле того же года они зарегистрировали свое фактическое супружество в загсе. Этот факт изменения фамилии в посвящении также весьма красноречив.

Такова история с посвящением романа «Белая гвардия». Не исключено, что со временем эта история пополнится какими-то новыми фактами. Но решать вопрос в принципе – оставлять или не оставлять посвящения на произведениях Булгакова – придется при печатании академического собрания сочинений писателя.

Любови Евгеньевне Белозерской²

Пошел мелкий снег и вдруг повалил хлопьями. Ветер завыл; сделалась метель. В одно мгновение темное небо смешалось с снежным морем. Все исчезло. – Ну, барин, – закричал ямищик, – беда: буран!³
«Капитанская дочка»

И судимы были мертвые⁴ по написанному в книгах сообразно с делами своими.

Часть первая

1

Велик был год и страшен год по Рождестве Христовом 1918, от начала же революции второй⁵. Был он обилен летом солнцем, а зимою снегом, и особенно высоко в небе стояли две звезд

² *Эпиграфы*. – Г. А. Лескис, комментатор трех романов М. Булгакова, отмечает, что «по техническим соображениям во всех (выделено нами. – В. Л.) наших изданиях „Белой гвардии“ эпиграфы к этому роману помещены ниже подзаголовка „Часть первая“, тогда как по смыслу эпиграфы относятся не к первой части, а ко всему роману в целом и потому должны следовать сразу за названием произведения» (Лескис Г. А. Триптих М. Булгакова в русской революции. М., 1999. С. 32). Это совершенно справедливое замечание относится к большинству изданий, в том числе и к Собр. соч. писателя в пяти томах (М.: Художественная литература, 1989–1991), но не ко всем. Правильно помещены эпиграфы в изданиях: *Булгаков М. Избр. произв. / Сост. Л. М. Яновская*. Киев, 1989; *Булгаков М. Из лучших произведений / Сост. В. И. Лосев*. М., 1993; *Булгаков М. А. Белая гвардия / Сост. И. Ф. Владимиров*. М., 1998.

³ *Пошел мелкий снег... Ветер завыл; сделалась метель... беда: буран!* – Со всей очевидностью в самом эпиграфе, взятом из «Капитанской дочки» Пушкина, Булгаков раскрывает одну из идей романа: революция и Гражданская война, разразившаяся в России, есть величайшая беда, ибо все в стране «смешалось... Все исчезло». Вообще Пушкин в творчестве Булгакова наряду с Гоголем занимает огромное место. К Пушкину Булгаков относился как к явлению чудесному, загадочному, почти невероятному и непостижимому, указывавшему на особую миссию России. Работая над пьесой «Александр Пушкин», он и на миг не мог себе представить на сцене самого Пушкина. Это казалось ему немислимым, противоестественным.

И. Ф. Бэлза постоянно подчеркивал, что все творчество Булгакова в той или иной мере овеяно духом и пропитано идеями и мыслями Пушкина, и особенно указывал на его стремление воспринять от Пушкина «грандиозный диапазон раскрытия и обобщения образов». Подробнее см.: *Бэлза И. Ф. К вопросу о пушкинских традициях в отечественной литературе* (на примере произведений М. А. Булгакова) // *Контекст*. 1980. М., 1981. С. 191-243.

⁴ *И судимы были мертвые...* – Второй эпиграф, взятый из Апокалипсиса (Откровение Иоанна Богослова, XX, 12), продолжает первый: тот, кто посеял бурю в стране, кто пролил кровь невинных, тот ответит за свои злодеяния на Страшном Суде. И не случайно редактор Рудольфи (он же Вельзевул, Мефистофель, Лукавый) в первую очередь вычеркивает из романа слово «Апокалипсис».

⁵ *Велик был год и страшен год по Рождестве Христовом 1918, от начала же революции второй.* – Эпическое начало романа соответствует авторскому замыслу, ибо Булгаков надеялся, что «это будет такой роман, что от него небу станет жарко».

Булгаков прекрасно понимал также, что революционные события в России – явление не мимолетное, а трагически-значительное и оно потребует нового отсчета времени, хотя в сравнении с Рождеством Христовым оно и переходяще, и окрашено в иные цвета.

Что касается конкретно года 1918-го, то для Украины он был ошеломляющим: смена властей (зачастую с прямо противоположными целями и задачами) происходила калейдоскопически. Мы уже приводили в комментариях к «Киев-городу» составленный Н. А. Земской перечень смены властей в Киеве. Но нам представляется целесообразным вновь отметить (более обобщенно) наиболее важные политические вехи того времени, поскольку именно о них идет речь в романе. Итак:

– 31 октября (13 ноября) 1917 г. (Булгаков в это время находился в Вязьме) после ожесточенных боев власть захватывает Центральная Рада, которая сначала провозгласила (7/20 ноября 1917 г.) Украинскую Народную Республику (УНР) в составе федеративной Российской республики, а затем (11/24 января 1918 г.) объявила УНР независимым государством;

– 26 января 1918 г. (8 февраля) Киев занимают большевики и устанавливают советскую власть;

ды: звезда пастушеская – вечерняя Венера и красный, дрожащий Марс⁶.

Но дни и в мирные и в кровавые годы летят как стрела, и молодые Турбины⁷ не заметили, как в крепком морозе наступил белый, мохнатый декабрь. О, елочный дед наш, сверкающий снегом и счастьем! Мама, светлая королева, где же ты?⁸

Через год после того, как дочь Елена⁹ повенчалась с капитаном Сергеем Ивановичем Тальбергом¹⁰, и в ту неделю, когда старший сын, Алексей Васильевич Турбин¹¹, после тяжких похо-

– 1 марта 1918 г. город взят германскими войсками, и на короткое время восстанавливается власть Центральной Рады;

– 29 апреля 1918 г. вместо распушенной немцами Центральной Рады объявляется власть гетмана П. П. Скоропадского как главы «Украинской державы»;

– 14 ноября 1918 г. Симон Петлюра и его сподвижники («Директория») объявляют восстание против гетмана, и ровно через месяц, 14 декабря, восставшие захватывают Киев;

– 5 февраля 1919 г. красногвардейцы вышибают Симона Петлюру из Киева и вновь объявляют власть советов.

⁶...высоко в небе стояли две звезды... Венера и... Марс. – Булгаков таким образом противопоставляет два полюса в жизни народа: Венера – это мир, любовь, радость, цветение; Марс – это война, ненависть, кровь, смерть.

⁷...молодые Турбины... – Для Булгакова, конечно, было очень важно найти «правильную» фамилию для своих главных и любимых героев. Судя по названию пьесы «Братья Турбины», писатель определился в этом вопросе во Владикавказе (хотя кто может оспорить и мнение о том, что к этой мысли Булгаков пришел, например, в Киеве?). Несомненно, в выборе фамилии «Турбины» решающую роль сыграл тот факт, что девичьей фамилией бабушки писателя по материнской линии – Анфисы Ивановны Покровской – была Турбина. Но не исключены и другие обстоятельства, которые могли повлиять на выбор фамилии главных героев романа (см.: *Лесский Г. А. С. 37*). Очевиден, конечно, тот факт, что под Турбинами писатель понимает Булгаковых.

⁸ *Мама, светлая королева, где же ты?* – Булгаков не смог приехать на похороны матери, умершей в феврале 1922 г. Как вспоминала Т. Н. Лаппа, это было время, когда они с мужем голодали в Москве и у них не было ни копейки денег, чтобы купить билет в Киев. Булгаков написал письмо в Киев, посвященное матери, о котором Н. А. Земская сказала так: «...письмо это – вылитая в словах скорбь...» (письмо это, к сожалению, утрачено).

Часто вспоминая «светлую королеву», Булгаков в своих письмах к близким обращался и к матери, ведя душевную с ней беседу. Так, в письме к своему другу П. С. Попову (24 апреля 1932 г.), в доверительном собеседовании с ним, он коснулся самых сокровенных сторон своей жизни и закончил свою «исповедь» трогательным обращением к матери. Вот отрывок этого прекрасного и в то же время очень грустного текста: «Дорогой Павел Сергеевич, итак, мои заметки. Я полагаю, что лучше всего будет, если, прочитав, Вы бросите их в огонь. Печка давно уже сделалась моей излюбленной редакцией. Мне нравится она за то, что она, ничего не бракуя, одинаково охотно поглощает и квитанции из прачечной, и начала писем, и даже, о позор, позор, стихи! С детства я терпеть не мог стихов (не о Пушкине говорю, Пушкин – не стихи!), и если сочинял, то исключительно сатирические, вызывая отвращение тетки и горе мамы, которая мечтала об одном, чтобы ее сыновья стали инженерами путей сообщения. Мне неизвестно, знает ли покойная, что младший стал солистом-балалаечником во Франции, средний ученым-бактериологом все в той же Франции, а старший никем стать не пожелал. Я полагаю, что она знает (выделено нами. – В. Л.). И временами, когда в горьких снах я вижу абажур, клавиши, Фауста и ее (а вижу я ее во сне в последние ночи вот уж третий раз. Зачем меня она тревожит?), мне хочется сказать – поедемте со мною в Художественный Театр. Покажу Вам пьесу. И это все, что могу предьявить. Мир, мама?»

Умирая, Булгаков сказал своей сестре Надежде: «Я достаточно отдал долг уважения и любви к матери, ее памятник – строки в „Белой гвардии“».

⁹...дочь Елена... – Несомненным прототипом Елены является сестра Булгакова, Варвара Афанасьевна (1895-1956), хотя в образе Елены нашли отражение черты и других сестер писателя.

¹⁰...с капитаном Сергеем Ивановичем Тальбергом... – Прототипом Тальберга считается Леонид Сергеевич Карум (? – 1968), муж Варвары Афанасьевны, кадровый офицер, капитан. После выхода романа в свет близкие к Булгакову (и к Каруму) люди сразу узнали его в Тальберге. Это вызвало крайне негативную реакцию по отношению к Булгакову и со стороны Карума, и со стороны Варвары Афанасьевны (в последующие годы Каруму пришлось испытать многие неприятности в связи со своим прошлым, ярко обрисованным в романе). Несмотря на это, Булгаков был непреклонным в отношении Тальберга-Карума и при инсценировке романа сохранил в пьесе «Дни Турбиных» отрицательные черты этого персонажа. Более того, и спустя много лет писатель не только не смягчился, но еще более ожесточился против Тальберга. В дневнике Е. С. Булгаковой имеется любопытная запись по этому поводу. 6 сентября 1933 г. на спектакле «Дни Турбиных» присутствовал Э. Эррио, известный французский государственный деятель. Он был «в восторге от спектакля» и после знакомства с автором пьесы стал задавать ему вопросы, на которые Булгаков отвечал коротко и быстро. «Эррио... спросил:

– Писал ли М. А. по документам?

– На основании виденного.

– Тальберг предатель?

дов, службы и бед вернулся на Украину в Город¹², в родное гнездо, белый гроб с телом матери снесли по крутому Алексеевскому спуску на Подол, в маленькую церковь Николая Доброго¹³, что на Взвозе.

Когда отпевали мать, был май, вишенные деревья и акации наглухо залепили стрельчатые окна. Отец Александр¹⁴, от печали и смущения спотыкающийся, блестел и искрился у золотеньких огней, и дьякон, лиловый лицом и шеей, весь ковано-золотой до самых носков сапог, скрипящих на ранту, мрачно рокотал слова церковного прощания маме, покидающей своих детей.

Алексей, Елена, Тальберг и Аня, выросшая в доме Турбиной, и Николка¹⁵, оглушенный

– Конечно».

В конце 1920-х (точная дата пока не установлена) Булгаков приступил к редактированию (корректировке) первых двух частей романа (напомним, что первый том «Белой гвардии» был выпущен в Париже в 1927 г. без вмешательства автора). Внесенные им изменения и дополнения не нашли отражения ни в одном печатном издании, кроме: *Булгаков М.* Из лучших произведений. М., 1993. Так вот, корректируя текст романа, Булгаков изменил Тальбергу и звание, и имя с отчеством, назвав «полковником Тальбергом Владимиром Робертовичем». Это изменение писатель последовательно внес в весь текст романа. Уточнение это оказалось, на наш взгляд, правильным с разных точек зрения: во-первых, офицеры Генштаба носили высокие воинские звания, во-вторых, в отчестве отразилось немецкое происхождение Тальберга-Карума (Карум был прибалтийским немцем), в-третьих, устранялись прямые совпадающие характеристики героя и прототипа (Карум был капитаном).

В дальнейшем вся позднейшая авторская правка отмечена нами так: «В поздн. правке», и далее идет откорректированный автором текст.

¹¹...*Алексей Васильевич Турбин...* – Читая роман, каждый, конечно, сознает, что в образе Алексея Турбина писатель изображает самого себя. Но наивно было бы думать, что это автобиографический очерк. Вымысел и фантазия присутствуют почти в каждом персонаже, созданном писателем. Что же касается автобиографичности данного образа, то необходимо помнить, что Булгакову приходилось тщательно скрывать многое из своего прошлого. И в связи с этим целые периоды его жизни до сих пор остаются малоизвестными (например, тот же киевский период, но 1919 г.).

¹²...*в Город...* – Булгаков место действия романа величает Городом (с большой буквы), подчеркивая эпический характер событий, а не противопоставляя Киев северной Москве или какому-либо другому городу, как полагают некоторые исследователи.

¹³...*в маленькую церковь Николая Доброго...* – В этой церкви, находившейся на Покровской улице, что на Подоле (ныне от нее осталась одна колокольня), венчались 26 апреля 1913 г. Михаил Булгаков и Татьяна Лаппа. Об этом событии так вспоминала Т. Н. Лаппа: «Мы обвенчались... после Пасхи. Сначала надо было идти в церковь, говеть. И мы последнюю неделю [поста] ходили с Михаилом в церковь, причащались, исповедовались...»

¹⁴ *Отец Александр...* – Прообразом отца Александра стал Александр Александрович Глаголев (1872–1937), священник церкви Николая Доброго, профессор Киевской Духовной академии, друг отца Булгакова – Афанасия Ивановича. В эту церковь Булгаковы часто ходили на службу. По воспоминаниям той же Татьяны Николаевны, «Варвара Михайловна была очень религиозной и с Глаголевым поддерживала дружеские отношения. Приглашала его стол освящать на Пасху... Александр Глаголев нас венчал...» По некоторым данным, отец Александр был духовником Михаила Булгакова.

¹⁵...*и Николка...* – Е. С. Булгакова в письме Николаю Афанасьевичу Булгакову, описывая последние дни жизни писателя, сообщала 17 октября 1960 г.: «...он (М. Булгаков. – В. Л.) Вас любил невероятно сильно. Николка в „Днях Турбиных“, в „Белой гвардии“, в рассказе „Красная корона“, в одном черновике романа, – все это посвящено Вам...» Конечно, Елена Сергеевна ничего нового не открыла для «Николки», но можно представить, с каким волнением он читал это письмо. Хотя это признание могло показаться несколько обидным для самого младшего брата писателя – Ивана Афанасьевича (1900–1968), чьи черты несомненно проявились также в образе Николки.

Оба брата добровольно ушли в Деникинскую армию (1919), воевали с большевиками, получили ранения, оказались в эмиграции, испытали мытарства и в конце концов осели в Париже. Как отмечал сам Булгаков, Иван стал «солистом-балалаечником», а Николай «ученым-бактериологом». «Николка» оказывал старшему брату огромную помощь в писательском деле: собирал для него материал о Мольере, защищал его авторские права, помогал, правда безуспешно, организовать поездку за границу. Добился выдающихся результатов в науке. Иван же, будучи более чутким и ранимым, поэтически одаренным (писал прекрасные стихи), не мог жить на чужбине, постоянно страдал, что видно и из писем его М. Булгакову. Быть может, те же чувства тоски испытывал и «Николка», но он был более сдержан (да и что он мог написать старшему брату, которого в «собственной» стране травил как собаку). Старший Михаил, страстно стремившийся повидать братьев, так и не смог их увидеть. Где-то внутренне понимая несбыточность своей мечты, Булгаков в феврале 1930 г. написал Николаю: «Одна мысль тяготит меня, что, по-видимому, нам никогда не придется в жизни увидаться». Вообще, только на примере судьбы братьев Булгаковых можно увидеть всю трагичность русской истории XX в. В чем, в сущности, провинились братья Булгаковы, чтобы испытать такую ужасную, противоестественную судьбу? Быть может, в том и состояла их «вина», что они были лучшими предста-

смертью, с вихром, нависшим на правую бровь, стояли у ног старого коричневого Святителя Николы. Николкины голубые глаза, посаженные по бокам длинного птичьего носа, смотрели растерянно, убито. Изредка он возводил их на иконостас, на тонуший в полумраке свод алтаря, где возносился печальный и загадочный старик Бог, моргал. За что такая обида? Несправедливость? Зачем понадобилось отнять мать, когда все съехались, когда наступило облегчение?

Улетающий в черное, потрескавшееся небо Бог ответа не давал, а сам Николка еще не знал, что все, что ни происходит, всегда так, как нужно, и только к лучшему.

Отпели, вышли на гулкие плиты паперти и проводили мать через громадный город на кладбище, где под черным мраморным крестом давно уже лежал отец. И маму закопали. Эх... эх...

Много лет до смерти, в доме № 13 по Алексеевскому спуску, изразцовая печка в столовой грела и растила Еленку маленькую, Алексея старшего и совсем крошечного Николку. Как часто читался у пышущей жаром изразцовой площади «Саардамский Плотник»¹⁶, часы играли гавот¹⁷, и всегда в конце декабря пахло хвоей, и разноцветный парафин горел на зеленых ветвях. В ответ бронзовым, с гавотом, что стоят в спальне матери, а ныне Еленки, били в столовой черные стенные башенным боем. Покупал их отец давно, когда женщины носили смешные, пузырчатые у плеч рукава. Такие рукава исчезли, время мелькнуло, как искра, умер отец-профессор, все выросли, а часы остались прежними и били башенным боем. К ним все так привыкли, что, если бы они пропали как-нибудь чудом со стены, грустно было бы, словно умер родной голос и ничем пустого места не заткнешь. Но часы, по счастью, совершенно бессмертны¹⁸, бессмертен и Саардамский Плотник, и голландский изразец, как мудрая скала, в самое тяжкое время живительный и жаркий.

Вот этот изразец, и мебель старого красного бархата, и кровати с блестящими шишечками, потертые ковры, пестрые и малиновые, с соколом на руке Алексея Михайловича, с Людовиком XIV¹⁹, нежащимся на берегу шелкового озера в райском саду, ковры турецкие с чудными завитушками на восточном поле, что мерещились маленькому Николке в бреду скарлатины, бронзо-

вителями русского народа?

Что касается образа Николки в романе, то о нем с восхищением писали многие литераторы и критики, в том числе и в эмиграции. Михаил Осоргин, исключительно положительно оценив роман в целом, о Николке писал так: «Прекрасным и честным пером художника-психолога нарисованы фигуры братьев Турбиных и нескольких офицеров: в Николке Турбине, юнкере, много от Пети Ростова, – красивый и кристально-чистый образ юноши-патриота» (Последние новости. 1929. № 2954. 25 апреля).

¹⁶ *Как часто читался... «Саардамский Плотник»...* – «Саардамский плотник» – роман Петра Романовича Фурмана (1816–1856) о юности Петра, о той поре, когда Петр находился в Голландии и трудился корабельным плотником на верфи в городе Зандаме (Саардаме). Книга, изданная в 1847 г., многократно переиздавалась и пользовалась большой популярностью. Следует отметить, что П. Р. Фурман написал значительное число историко-героических романов о великих русских деятелях, в том числе А. Д. Меншикове, Г. А. Потемкине, М. В. Ломоносове, А. В. Суворове и многих других.

¹⁷ *...часы играли гавот...* – Гавот – старинный французский танец.

¹⁸ *Но часы, по счастью, совершенно бессмертны...* – Г. А. Лесскис совершенно справедливо отмечает, что часы у Булгакова «составляют необходимую принадлежность дома» и «участвуют в жизни людей, реагируют на события» (*Лесскис Г. А. С. 44–45*). Но также часы помогают эти события окрасить в те или иные тона, поддержать напряжение, усилить мрак, подчеркнуть игривость и т. д. Вообще окружающая обстановка и природа выполняют у писателя роль значительную и многофункциональную, помогающую более глубоко, ярко и точно воспроизвести задуманное.

¹⁹ *...потертые ковры, пестрые и малиновые, с соколом на руке Алексея Михайловича, с Людовиком XIV...* – Т. Н. Лаппа в своих беседах с многочисленными интервьюерами часто отрицала то, что было описано Булгаковым в романе: ковров не было, часы гавот не пели, Елена не творила проникновенную молитву... Это же она говорила и Булгакову, когда он зачитывал ей отрывки из романа. Она понимала все слишком буквально и, видимо, не могла в полной мере оценить художественный дар и фантазию писателя...

Второй русский царь из династии Романовых, Алексей Михайлович (1629–1676), был большим поклонником соколиной охоты. Французский король Людовик XIV (1638–1715) пользовался в России наибольшей известностью.

вая лампа под абажуром, лучшие на свете шкапы с книгами, пахнущими таинственным старинным шоколадом, с Наташей Ростовою, Капитанскою Дочкою, золоченые чашки, серебро, портреты, портьеры, – все семь пыльных и полных комнат, вырастивших молодых Турбиных, все это мать в самое трудное время оставила детям и, уже задыхаясь и слабея, цепляясь за руку Елены плачущей²⁰, молвила:

– Дружно... живите.

Но как жить? Как же жить?

Алексею Васильевичу Турбину, старшему – молодому врачу – двадцать восемь лет. Елене – двадцать четыре. Мужу ее, капитану Тальбергу, – тридцать один, а Николке – семнадцать с половиной. Жизнь-то им как раз перебило²¹ на самом рассвете. Давно уже начало мести с севера²², и метет, и метет, и не перестает, и чем дальше, тем хуже. Вернулся старший Турбин в родной город после первого удара, потрясшего горы над Днепром. Ну, думается, вот перестанет, начнется та жизнь, о которой пишется в шоколадных книгах, но она не только не начинается, а кругом становится все страшнее и страшнее. На севере воеет и воеет вьюга, а здесь под ногами глухо погромыхивает, ворчит встревоженная утроба земли. Восемнадцатый год летит к концу и день ото дня глядит все грознее и щетинистей.

Упадут стены²³, улетит встревоженный сокол с белой рукавицы, потухнет огонь в бронзовой лампе, а Капитанскую Дочку сожгут в печи. Мать сказала детям:

– Живите.

А им придется мучиться и умирать.

Как-то, в сумерки²⁴, вскоре после похорон матери, Алексей Турбин, придя к отцу Александру, сказал:

– Да, печаль у нас, отец Александр. Трудно маму забывать, а тут еще такое тяжелое время... Главное, ведь только что вернулся, думал, наладим жизнь, и вот...²⁵

Он умолк и, сидя у стола, в сумерках, задумался и посмотрел вдаль. Ветви в церковном дворе закрыли и домишко священника. Казалось, что сейчас же за стеной тесного кабинета, забитого книгами, начинается весенний, таинственный спутанный лес. Город по-вечернему глухо шумел, пахло сиренью.

– Что сделаешь, что сделаешь, – конфузливо²⁶ забормотал священник. (Он всегда конфузился, если приходилось беседовать с людьми.) – Воля Божья.

– Может, кончится²⁷ все это когда-нибудь? Дальше-то лучше будет? – неизвестно у кого спросил Турбин.

Священник шевельнулся в кресле.

– Тяжкое, тяжкое время, что говорить, – пробормотал он, – но унывать-то не следует...

²⁰ ...Елены плачущей... – В поздн. правке: «...плачущей Елены...»

²¹ Жизнь-то им как раз перебило... – В поздн. правке: «Жизнь им перебило как раз...»

²² Давно уже начало мести с севера... – Имеются в виду события в Петрограде и Москве – революция февральско-мартовская, октябрьский переворот, начало Гражданской войны, террор...

²³ Упадут стены... – В поздн. правке: «И поверьте, упадут стены».

²⁴ Как-то, в сумерки... – В поздн. правке: «Как-то, в майские сумерки...»

²⁵ ...думал, наладим жизнь, и вот... – В поздн. правке: «...думал, наладим жизнь, и вот опять война...»

²⁶ ...конфузливо... – В поздн. правке: «...смущенно...»

²⁷ – Может, кончится... – В поздн. правке: «Кончится...»

Потом вдруг наложил белую руку, выпростав ее из темного рукава ряски, на пачку книжек и раскрыл верхнюю, там, где она была заложена вышитой цветной закладкой.

– Уныния допускать нельзя, – конфузливо, но как-то очень убедительно проговорил он. – Большой грех – уныние... Хотя кажется мне, что испытания будут еще. Как же, как же, большие испытания. – Он говорил все увереннее. – Я последнее время все, знаете ли, за книжечками сижу, по специальности конечно, больше все богословские...

Он приподнял книгу так, чтобы последний свет из окна упал на страницу, и прочитал:

– «Третий ангел вылил чашу свою в реки и источники вод; и сделалась кровь»²⁸.

2

Итак, был белый, мохнатый декабрь. Он стремительно подходил к половине. Уже отсвет Рождества чувствовался на снежных улицах. Восемнадцатому году скоро конец.

Над двухэтажным домом № 13, постройки изумительной (на улицу квартира Турбиных была во втором этаже, а в маленький, покатый, уютный дворик – в первом), в саду, что лепился под крутейшей горой, все ветви на деревьях стали лапчаты и обвисли. Гору замело, засыпало сарайчики во дворе и стала гигантская сахарная голова. Дом накрыло шапкой белого генерала, и в нижнем этаже (на улицу – первый, во двор под верандой Турбиных – подвальный) засветился слабенькими желтенькими огнями инженер и трус, буржуй и несимпатичный, Василий Иванович Лисович²⁹, а в верхнем – сильно и весело загорелись турбинские окна.

В сумерки Алексей и Николка пошли за дровами в сарай.

– Эх, эх, а дров до черта мало. Опять сегодня вытащили, смотри.

Из Николкиного электрического фонарика ударил голубой конус, а в нем видно, что обшивка со стены явно содрана и снаружи наскоро прибита.

– Вот бы подстрелить чертей! Ей-Богу. Знаешь что: сядем на эту ночь в караул? Я знаю – это сапожники из одиннадцатого номера. И ведь какие негодяи! Дров у них больше, чем у нас.

– А ну их... Идем. Бери.

Ржавый замок запел, осыпался на братьев пласт, поволокли дрова. К девяти часам вечера к изразцам Саардама нельзя было притронуться.

Замечательная печь на своей ослепительной поверхности несла следующие исторические записи и рисунки, сделанные в разное время восемнадцатого года рукою Николки тушью и полные самого глубокого смысла и значения:

*Если тебе скажут, что союзники спешат к нам на выручку, – не верь. Союзники – сволочи*³⁰.

Он сочувствует большевикам.

Рисунок: рожа Момуса³¹.

²⁸ «Третий ангел вылил чашу свою... и сделалась кровь». – Откровение Иоанна Богослова, XVI, 4.

²⁹ ...трус, буржуй и несимпатичный, Василий Иванович Лисович... – Речь идет о Василии Павловиче Листовничем (1876-1919), владельце дома № 13 по Андреевскому (в романе – Алексеевскому) спуску. Быть может, Булгаков несколько и преувеличил отрицательные качества «Василисы», но через этого персонажа (его устами) писатель выразил много собственных мыслей, чаще всего чрезвычайно острых по отношению к властям, исповедовавшим революции и потрясения как способ решения проблем.

Важно также отметить черты, которыми наделяет писатель этот персонаж: трус (то есть самое страшное качество, каким может быть наделен человек), буржуй (во времена нэпа для Булгакова это было самое мерзопакостнейшее существо), несимпатичный (вспомним: для Иешуа – все люди симпатичные).

³⁰ *Союзники – сволочи.* – Проницательный Булгаков оценивал основные политические события (как внутренние, так и мировые) исключительно правильно. В течение десятилетий прошедшего XX в. постоянно открывались новые важные факты из времен Гражданской войны в России, которые убедительнейшим образом доказывали: бывшие союзники России в мировой войне после революций в стране повели себя двусмысленно, стремясь лишь к собственной выгоде и ослаблению России как государства.

³¹ *Рисунок: рожа Момуса.* – Мом – в греческой мифологии божество злословия. В поздн. правке: вместо «рожи

Подпись:

Улан Леонид Юрьевич.

*Слухи грозные, ужасные.
Наступают банды красные!*

Рисунок красками: голова с отвисшими усами, в папахе с синим хвостом.

Подпись:

Бей Петлюру³²!

Руками Елены и нежных и старинных турбинских друзей детства – Мышлаевского, Карася, Шервинского – красками, тушью, чернилами, вишневым соком записано:

Елена Васильевна любит нас сильно.

Кому – на, а кому – не.

*Леночка, я взял билет на Аиду³³.
Бельэтаж № 8, правая сторона.*

1918 года, мая 12 дня я влюбился.

Вы толстый и некрасивый.

После таких слов я застрелюсь.

(Нарисован весьма похожий браунинг.)

*Да здравствует Россия!
Да здравствует самодержавие!*

Июнь. Баркаролла.

*Недаром помнит вся Россия
Про день Бородина.*

Печатными буквами, рукою Николки:

Я таки приказываю посторонних вещей на печке не писать под угрозой расстрела всякого товарища с лишением прав. Комиссар Подольского района. Дамский, мужской и женский портной Абрам Пружинер³⁴.

Момуса» – «Курносовая физиономия».

³² *Бей Петлюру!* – Булгаков в своих произведениях подверг критике многих «видных» политических деятелей того времени: Симона Васильевича Петлюру (1879–1926) – в частности. Для Булгакова он был не только «самостийным изменником», но и пешкой в руках сил, разрушавших Россию.

³³ *...я взял билет на Аиду.* – В поздн. правке: «...я взял ложу на Аиду». Напомним, что «Аида» Дж. Верди была одной из любимейших опер Булгакова.

³⁴ *Комиссар Подольского района... портной Абрам Пружинер.* – Булгаков во многих своих сочинениях подчеркивал, что во время революции и Гражданской войны на стороне большевиков было множество представителей народов Прибалтики, Кавказа, Средней Азии и даже китайцев. Немало среди большевиков было евреев, в том числе и из

1918 года, 30-го января

Пышут жаром разрисованные изразцы, черные часы ходят, как тридцать лет назад: тонк-танк. Старший Турбин, бритый, светловолосый, постаревший и мрачный с 25 октября 1917 года³⁵, во френче с громадными карманами, в синих рейтузах и мягких ночных туфлях, в любимой позе – в кресле с ногами. У ног его на скамеечке Николка с вихром, вытянув ноги почти до буфета, – столовая маленькая. Ноги в сапогах с пряжками. Николкина подруга, гитара, нежно и глухо: трень... Неопределенно трень... потому что пока что, видите ли, ничего еще толком не известно. Тревожно в Городе, туманно, плохо...

На плечах у Николки унтер-офицерские погоны с белыми нашивками, а на левом рукаве остроугольный трехцветный шеврон³⁶. (Дружина первая, пехотная, третий ее отдел. Формируется четвертый день, ввиду начинающихся событий³⁷.)

Но, несмотря на все эти события, в столовой, в сущности говоря, прекрасно. Жарко, уютно, кремовые шторы задернуты. И жар согревает братьев, рождает истому.

Старший бросает книгу, тянется.

– А ну-ка, сыграй «Съемки»...

Трень-та-там... Трень-та-там...

*Сапоги фасонные,
Бесқозырқи тонные,
По юнкера-инженеры идут!*

низов.

³⁵ *Старший Турбин... постаревший и мрачный с 25 октября 1917 года...* – Принципиальнейшая фраза, причем в самом начале романа. Булгаков сразу четко определяет позицию главного героя произведения – Алексея Турбина.

³⁶ *...на левом рукаве остроугольный трехцветный шеврон.* – Шеврон (нашивка галунная на рукаве военной одежды в виде угла) у Николки трехцветный, то есть царский.

³⁷ *Дружина первая, пехотная, третий ее отдел. Формируется... ввиду начинающихся событий.* – С осени 1918 г. в Киеве стали создаваться воинские подразделения, ориентированные на Добровольческую армию Деникина. Впрочем, процесс этот был довольно сложным и противоречивым, поскольку одновременно формировалась армия гетмана Скоропадского, а на периферии кучковались различные оппозиционные соединения. Каждое из перечисленных военно-политических формирований имело свои цели и ориентиры, и совершенно отсутствовала какая-либо объединяющая сила. В своих воспоминаниях, написанных сразу после событий, в мае 1919 г., П. П. Скоропадский попытался как-то объяснить все происшедшее на Украине, в том числе и ситуацию с формированием русских воинских соединений, выступавших за единую и неделимую Россию. Вот некоторые фрагменты из его воспоминаний:

«Мне придется тут невольно коснуться очень болезненной для меня стороны вопроса: это вопрос формирования офицерских отрядов... По возвращении из Берлина началось формирование особого корпуса. Предполагалось его дальнейшее разворачивание с целью в подходящий момент выступить против Совдепии. С одной стороны, планировалось войти в контакт с Красновым (то есть с Добровольческой армией. – В. Л.) и с изъявившими желание немцами с запада перейти в наступление и общими усилиями трех армий сжать большевиков. С другой стороны, мы хотели, чтобы все наши центры были застрахованы от всяких случайностей, и для этого формировали в больших городах офицерские дружины, особенно в Киеве, где начальником дружины был генерал Кирпичев (генерал А. И. Кирпичев – в романе генерал Картузов; особым корпусом командовал генерал А. Н. Эрнстов. – В. Л.). Условием вступления в эти отряды была аполитичность. Единственным назначением этих отрядов было поддержание порядка и борьба со всякой формой воинствующего большевизма... Офицерам, не сочувствующим Украине, разрешалось вступать в особый корпус, *чины которого сохранили русскую форму с погонами* (выделено нами. – В. Л.). Так же было и в городских дружинах. Остальные офицеры могли вступать в украинские корпуса. Следовательно, казалось, никакого насилия над убеждениями не было...

Тем не менее с первого же дня начались всевозможные осложнения. Во-первых, появились то ли самозванные, то ли действительно назначенные представители армии Деникина, проповедовавшие, что все эти части должны признать Деникина. Это вносило в офицерскую среду раскол... Потом пошли толки о том, что Деникин заявил, будто все офицеры, не признавшие его власти, будут преданы полковым офицерским судам... В результате одни части объявили себя приверженцами Деникина, другие остались на моей стороне... Среди частей, признавших Деникина, началась агитация против существующего правительства... Вначале я не отдавал себе отчета во всех этих осложнениях, и, зная, что в Киеве до 15 тысяч офицеров, был вполне спокоен, что со всякими враждебными силами, даже в случае ухода немцев, я справлюсь...» (*Скоропадский П. П. «Украина будет!»* Из воспоминаний // Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб. 1994. № 17. С. 97-98).

Старший начинает подпевать. Глаза мрачны, но в них зажигается огонек, в жилах – жар. Но тихонько, господа, тихонько, тихонечко.

*Здравствуйте, дачники,
Здравствуйте, дачницы...*

Гитара идет маршем, со струн сыплет рота, инженеры идут – ать, ать! Николкины глаза вспоминают:

Училище. Облупленные александровские колонны, пушки. Ползут юнкера на животиках от окна к окну, отстреливаются. Пулеметы в окнах.

Туча солдат осадила училище³⁸, ну, форменная туча. Что поделаешь. Испугался генерал Богородицкий и сдался, сдался с юнкерами. Па-а-зор...

*Здравствуйте, дачницы,
Здравствуйте, дачники,
Съемки у нас уж давно начались.*

Туманятся Николкины глаза³⁹.

Столбы зноя над червонными украинскими полями. В пыли идут пылью пудренные юнкерские роты. Было, было все это и вот не стало. Позор. Чепуха.

Елена раздвинула портьеры, и в черном просвете показалась ее рыжеватая голова. Братьям послала взгляд мягкий, а на часы очень и очень тревожный. Оно и понятно. Где же, в самом деле, Тальберг? Волнуется сестра.

Хотела, чтобы это скрыть, подпеть братьям, но вдруг остановилась и подняла палец.
– Погодите. Слышите?

Оборвала рота шаг на всех семи струнах: сто-ой! Все трое прислушались и убедились – пушки. Тяжело, далеко и глухо. Вот еще раз: бу-у... Николка положил гитару и быстро встал, за ним, кряхтя, поднялся Алексей.

В гостиной – приемной совершенно темно. Николка наткнулся на стул. В окнах настоящая опера «Ночь под Рождество»⁴⁰ – снег и огонечки. Дрожат и мерцают. Николка прильнул к окошку. Из глаз исчез зной и училище, в глазах – напряженнейший слух. Где? Пожал унтер-офицерскими плечами.

– Черт его знает. Впечатление такое, что будто под Святошиным стреляют⁴¹. Странно, не может быть так близко.

Алексей во тьме, а Елена ближе к окошку, и видно, что глаза ее черно-испуганны. Что же значит, что Тальберга до сих пор нет? Старший чувствует ее волнение и поэтому не говорит ни слова, хоть сказать ему и очень хочется. В Святошине. Сомнений в этом никаких быть не может.

³⁸ *Туча солдат осадила училище...* – Булгаков описывает вооруженное восстание в Киеве в октябре 1917 г. Как и в Москве, в Киеве почти единственными защитниками власти стали юнкера, среди которых был и курсант Военно-инженерного училища Николай Булгаков.

³⁹ *Туманятся Николкины глаза.* – В поздн. правке вместо этой фразы: «Вон они... вон они – столбы зноя над...»

⁴⁰ *В окнах настоящая опера «Ночь под Рождество»...* – Очевидно, имеется в виду опера Н. А. Римского-Корсакова «Ночь перед Рождеством», хотя некоторые комментаторы не исключают и оперу П. И. Чайковского «Черевички».

⁴¹ *...будто под Святошиным стреляют.* – Святошино, пригород Киева, часто упоминается в романе. Киевская газета «Последние новости» (13 декабря 1918 г.) сообщала: «В течение всей прошедшей ночи и с раннего утра в городе со стороны Святошина доносился усиленный гул артиллерийской пальбы. Артиллерия войск Директории, расположенная в Буче (напомним, в Буче была дача Булгаковых. – В. Л.), еще с вечера прошлого дня приступила к обстрелу Святошина. Отдельные снаряды залетали на Брест-Литовское шоссе. На рассвете в самом Святошине начался штыковой бой между добровольцами и войсками Директории, в котором перевес попеременно склонялся то на ту, то на другую сторону. К утру в городе появились первые беженцы, прибывшие из Святошина» (см.: Collegium. 1995. № 1-2. С. 126).

Стреляют, двенадцать верст от города, не дальше. Что за штука?

Николка взялся за шпингалет, другой рукой прижал стекло, будто хочет выдавить его и вылезть, и нос расплющил.

– Хочется мне туда поехать. Узнать, в чем дело...

– Ну да, тебя там не хватало...

Елена говорит в тревоге. Вот несчастье. Муж должен был вернуться самое позднее, слышите ли, – самое позднее, сегодня в три часа дня, а сейчас уже десять.

В молчании вернулись в столовую. Гитара мрачно молчит. Николка из кухни тащит самовар, и тот поет зловеще и плюется. На столе чашки с нежными цветами снаружи и золотые внутри, особенные, в виде фигурных колонок. При матери, Анне Владимировне, это был праздничный сервиз в семействе, а теперь у детей пошел на каждый день. Скатерть, несмотря на пушки и на все это томление, тревогу и чепуху, бела и крахмальна. Это от Елены, которая не может иначе, это от Анюты, выросшей в доме Турбиных. Полы лоснятся, и в декабре, теперь, на столе, в матовой, колонной, вазе голубые гортензии и две мрачных и знойных розы, утверждающие красоту и прочность жизни, несмотря на то, что на подступах к Городу – коварный враг, который, пожалуй, может разбить снежный, прекрасный Город и осколки покоя растоптать каблуками. Цветы. Цветы – приношение верного Елениного поклонника, гвардии поручика Леонида Юрьевича Шервинского⁴², друга продавщицы в кондитерской знаменитой «Маркизе», друга продавщицы в уютном цветочном магазине «Ниццкая флора». Под тенью гортензий тарелочка с синими узорами, несколько ломтиков колбасы, масло в прозрачной масленке, в сухарнице пила-фраже и белый продолговатый хлеб. Прекрасно можно было бы закусить и выпить чайку, если б не все эти мрачные обстоятельства... Эх... эх...

На чайнике верхом едет гарусный пестрый петух, и в блестящем боку самовара отражаются три изуродованных турбинских лица, и щеки Николкины в нем, как у Момуса⁴³.

В глазах Елены тоска, и пряди, подернутые рыжеватым огнем, уныло обвисли.

Застрял где-то Тальберг со своим денежным гетманским поездом и погубил вечер. Черт его знает, уж не случилось ли, чего доброго, что-нибудь с ним?.. Братья вяло жуют бутерброды. Перед Еленой остывающая чашка и «Господин из Сан-Франциско». Затуманенные глаза⁴⁴, не видя, глядят на слова: «...мрак, океан, вьюгу»⁴⁵.

Не читает Елена.

Николка наконец не выдерживает:

– Желал бы я знать, почему так близко стреляют? Ведь не может же быть...

Сам себя прервал и искажился при движении в самоваре. Пауза. Стрелка переползает десятую минуту и – тонк-танк – идет к четверти одиннадцатого.

– Потому стреляют, что немцы – мерзавцы⁴⁶, – неожиданно бурчит старший.

⁴²...верного Елениного поклонника, гвардии поручика Леонида Юрьевича Шервинского... – Прототипом Шервинского называют одного из гвардейских офицеров, который служил адъютантом при гетмане и обладал превосходным баритоном и в которого была влюблена младшая сестра Булгакова – Елена (Леля). Мнение же Т. Н. Лаппа иное: «Шервинский – это брат Николая Гладыревского, Юрий. Невысокий такой, весельчак, все время брехал чего-то, анекдоты рассказывал. Но баритона никакого у него не было...»

⁴³...и щеки Николкины в нем, как у Момуса. – В поздн. правке: «...и щеки Николкины в нем, как пузыри».

⁴⁴ Затуманенные глаза... – В поздн. правке: «Заволокло глаза, не видя они глядят...»

⁴⁵...«Господин из Сан-Франциско»... слова: «...мрак, океан, вьюгу». – Знаменитый рассказ И. А. Бунина (1915), заканчивающийся словами: «...мрак, океан, вьюгу». В одном из экземпляров журнала «Россия» Булгаков подчеркнул эти слова красным карандашом и сбоку дописал огромными буквами: «В душе Алексея». А перед этим он подчеркнул жирно тем же карандашом слова из текста: «Алексей во тьме...»

⁴⁶ – Потому стреляют, что немцы – мерзавцы... – В этой фразе главного героя романа содержится ясное понимание сложившейся военно-политической ситуации: немцы больше не союзники гетману! Булгаков не углубляется в детали, хотя они представляли несомненный интерес. Немцам в то время было уже не до Украины, ибо в Германии разгоралась настоящая революция. Германской армии важно было очень быстро и без потерь направить свои войска на родину. Исходя из резко изменившихся для них условий, немцы стали заключать соглашения с теми силами, которые могли помешать беспрепятственному выводу их с территории Украины. Вот некоторые факты. 11 ноября германское командование отдает приказ о выводе своих войск с Восточного фронта. 17 ноября немцы заключают соглашение с Петлюрой о нейтралитете. Почти каждый день в тех или иных германских частях проходят «съезды»

Елена поднимает голову на часы и спрашивает:

– Неужели, неужели они оставят нас на произвол судьбы? – Голос ее тосклив.

Братья, словно по команде, поворачивают головы и начинают лгать.

– Ничего не известно, – говорит Николка и обкусывает ломтик.

– Это я так сказал, гм... предположительно. Слухи.

– Нет, не слухи, – упрямо отвечает Елена, – это не слух, а верно; сегодня видела Щеглову, и она сказала, что из-под Бородянки вернули два немецких полка⁴⁷.

– Чепуха.

– Подумай сама, – начинает старший, – мыслимое ли дело, чтобы немцы подпустили этого прохвоста близко к городу? Подумай, а? Я лично решительно не представляю, как они с ним уживутся хотя бы одну минуту. Полнейший абсурд. Немцы и Петлюра. Сами же они его называют не иначе как бандит. Смешно.

– Ах, что ты говоришь. Знаю я теперь немцев. Сама уже видела нескольких с красными бантами. И унтер-офицер пьяный с бабой какой-то. И баба пьяная.

– Ну мало ли что! Отдельные случаи разложения могут быть даже и в германской армии.

– Так, по-вашему, Петлюра не войдет?

– Гм... По-моему, этого не может быть.

советов немецких солдат... 13 декабря «всеукраинский» съезд советов германских депутатов подписывает договор о мире с Директорией, нанося тем самым решающий, окончательный удар по гетманщине. Сам П. П. Скоропадский злоешие изменения в немецкой армии заметил еще раньше. Вот что он писал по этому поводу: «Сведения о недовольстве среди левых украинских партий все красноречивее говорили о готовящемся восстании. В это же самое время Раковский со своими делегатами, прибывшими в Киев для мирных переговоров, вел самую энергичную большевистскую агитацию. В течение всего лета я неоднократно говорил немцам, что из мирных переговоров ничего путного выйти не может, что для всей этой компании вопрос вовсе не в том, чтобы прийти к какому-нибудь окончательному решению вопросов между Украиной и советским правительством, а исключительно в том, чтобы, пользуясь в Киеве правом некоторой экстерриториальности, развивать всевозможными способами большевистскую пропаганду в стране (осуществлялась одновременно обработка „левых украинских партий". – В. Л.). Немцы считали, что переговоры должны вестись, что перерыв в переговорах поведет к прекращению перемирия, что их войска, стоящие на Украине, будут вновь втянуты в военные действия (а именно это и предполагалось при создании „особого корпуса": „усилиями трех армий сжать большевиков". – В. Л.). Мы неоднократно ловили большевиков с поличным, указывали на это немцам, но те... все же настаивали на продолжении переговоров.

В этих условиях мы дожили до начала ноября, когда у немцев уже появились ясные признаки некоторого разложения в армии... Помню, что в это время приехал со своим сыном принц Леопольд Баварский, генерал-фельдмаршал и главнокомандующий всеми войсками Восточного фронта. Он побывал у меня, а на следующий день сделал смотр немецким войскам, находящимся в Киеве. Будучи у себя дома, я услышал военную музыку и увидел через окно несколько проходящих немецких гусарских эскадронов. Я видел эти части весной и тогда тоже наблюдал за ними из окна. Теперь они уже проходили без того внутреннего порядка, сразу бросающегося в глаза всякому профессионалу в военном деле. Лошади были плохо вычищены, и приемка всей амуниции, и людской, и конской, была уже далеко не той. Оберкомандо окончательно потеряло свое значение: все перешло в руки дипломатов.

Наконец, наступило 9 ноября, день, который я всегда считал последним днем моего Гетманства (речь идет о ноябрьской революции 1918 г. в Германии; 9 ноября была свергнута монархия и Германия была объявлена республикой; через два дня было заключено перемирие между Германией и Антантой. – В. Л.). Через четыре дня после этого обстоятельства так трагически сложились, что фактически власть была вырвана у меня из рук. Я надеялся хотя бы временно спасти положение, но вышло иначе. В тот день... я получил из Берлина подробный отчет о том, что произошло в Германии (революция, императорская власть свергнута, всюду бунты и т.д.). А от украинцев... я получил прокламацию... Я понял ясно и определенно, что дело идет о свержении Гетманства.

Я понимал, что у нашей армии были лишь офицерские кадры, и потому на нее мало рассчитывал; что объединенные украинские партии представляли громадный аппарат для пропаганды своих идей среди населения; и что от немцев теперь можно было ожидать максимум нейтралитета, но не активных действий против врагов Гетманства...» (Скоропадский П. П. С. 101-102).

Мы привели столь обширную цитату из воспоминаний гетмана потому, что до настоящего времени этот эпизод в истории России был максимально затуманен, и сами воспоминания появились в свет спустя многие десятилетия (кстати, важнейшие куски текста до сих пор не опубликованы). Булгаков наверняка понимал, что затрагивает очень важную тему, которая теснейшим образом связана с важнейшими политическими проблемами, имеющими непреходящее значение... Личная трагедия его заключалась в том, что он, как и тысячи офицеров-киевлян, был принесен в жертву. Из воспоминаний П. П. Скоропадского это явствует со всей очевидностью.

⁴⁷...из-под Бородянки вернули два немецких полка. – Бородянка – железнодорожная станция примерно в пятидесяти километрах к северо-западу от Киева. Булгаков последовательно раскрывает намерения немцев свернуть свои позиции.

– Апсольман⁴⁸. Налей мне, пожалуйста, еще одну чашечку чаю. Ты не волнуйся. Соблюдай, как говорится, спокойствие.

– Но Боже, где же Сергей⁴⁹? Я уверена, что на их поезд напали и...

– И что? Ну, что выдумываешь зря? Ведь эта линия совершенно свободна.

– Почему же его нет?

– Господи Боже мой! Знаешь же сама, какая езда. На каждой станции стояли, наверное, по четыре часа.

– Революционная езда. Час едешь – два стоишь.

Елена, тяжело вздохнув, поглядела на часы, помолчала, потом заговорила опять:

– Господи, Господи! Если бы немцы не сделали этой подлости, все было бы отлично. Двух их полков достаточно, чтобы раздавить этого вашего Петлюру, как муху. Нет, я вижу, немцы играют какую-то подлую двойную игру. И почему же нет хваленых союзников⁵⁰? У-у, негодяи.

⁴⁸ *Апсольман* – безусловно (от *фр.* *absolument*).

⁴⁹ – *Но Боже, где же Сергей?* – В поздн. правке: «– Но Боже, где же Владимир?» И далее в правке Тальберг имеется Владимиром и Владимиром Робертовичем.

⁵⁰ *И почему же нет хваленых союзников?* – Герои булгаковского романа, стоящие за единую и неделимую Россию, оказались в ситуации, когда почти все варианты развития событий были против них. С проигравшими войну немцами было все ясно – они спешили вернуться домой. П. П. Скоропадский, возведенный немцами на вершину власти, неизбежно с ними должен был и упасть. Рвавшиеся к власти петлюровцы и большевики были одинаково ненавидимы Турбинными. Все надежды были связаны с «союзниками» и Добровольческой армией. И кое-какие основания для этих надежд были. Дело в том, что на Ясском совещании стран Антанты (победившая сторона в Первой мировой войне) 16–23 ноября 1918 г. было принято очень важное решение о занятии ее войсками территории Украины, освобождаемой немцами, чтобы не допустить вторжения туда большевиков. И это решение вроде бы стало приводиться в действие, поскольку тут же высадились десанты в Одессе и Севастополе, с тем чтобы создать условия для продвижения войск Антанты в глубь на территорию Украины – к Харькову, Киеву и другим центрам республики. Пресса, опережая, как всегда, события, заговорила о скором захвате «союзниками» всей территории Украины, а затем и России (впрочем, деление это на Украину и Россию было условным). В частности, муссировались слухи о том, что 100-тысячный корпус «союзников» движется в сторону Киева. Но это были слухи, не имевшие под собой никакой реальной основы. 60-тысячный корпус «союзников», высадившийся в Одессе и Севастополе, там и застрял. Для дальнейшего продвижения войск Антанты в глубь страны необходимы были мощные дополнительные силы, но их не было. К тому же «союзники» не имели с пронемецкой властью Скоропадского никаких договоренностей. Но они в то время категорически были против «самостийной Украины». Можно предположить, что и «союзниками», и Скоропадским было упущено время для «наведения мостов». Это очень хорошо видно из тех же воспоминаний гетмана, написанных им, напомним, сразу же после трагических для него событий: «...лицо, занимавшее вполне определенное положение... заявило, представив веские аргументы, что Антанта, и в особенности Франция, главное государство, оперирующее на Украине, не желает решительно говорить с украинским правительством до тех пор, пока оно стоит на самостийности. Он также сказал, что самое главное – это то, что только федеративная Украина может иметь успех у них, что на днях приезжает уполномоченный представитель держав Согласия, который только войдет в переговоры при ясно выраженном новом курсе украинского правительства. Это требование совпадало и с моими взглядами. Я находил, что проведение этого нового курса преждевременно, так как участников федерации требовалось два, а Украина была одна. Требование Антанты я принял к сведению.

10 или 11 ноября из Ясс прибыл целый ряд лиц, между прочим и украинцы (петлюровцы. – *В. Л.*), а также мои личные агенты, и все подтвердили вышеизложенное. Они же мне сообщили, что представитель Украинского Национального Союза (те же петлюровцы. – *В. Л.*) совершенно не был принят представителями Антанты; причем, если я провозглашу Украину федеративной, обещалось немедленное прибытие войск держав Согласия. *Этому я не поверил* (выделено нами. – *В. Л.*). Во всяком случае, рассмотрев карту, решил, что если войска и придут, то придут слишком поздно. *Да и они в то время мне не особенно были нужны* (выделено нами. – *В. Л.*). Если бы приехал сам господин Энно (французский консул в Одессе, пользовавшийся большим влиянием в политических кругах. – *В. Л.*) и категорически передал бы немцам требование Антанты защищать мое правительство, дело бы было выиграно...» (*Скоропадский П. П. С.* 103).

Из анализа Скоропадского можно сделать следующие выводы:

– гетман своевременно не воспользовался представившейся возможностью заключить союз с державами Согласия;

– он не верил в возрождение старой России, хотя и признавал целесообразность федеративного ее устройства;

– «самостийность» сидела в нем до последних дней его правления, и она-то и погубила его (и гетманство вместе с ним) окончательно.

Скоропадский колебался, не принимал необходимых решительных действий, и финал его был закономерен. Но и «союзники», как отмечал сподвижник гетмана Н. М. Могилянский, обнаружили «невероятную слепоту... в частности Франция, не поддержав Скоропадского в ноябре 1918 г., когда к тому была полная возможность» (Россия и Украина. Из дневников Н. М. Могилянского и писем к нему П. П. Скоропадского 1919-1926 // Минувшее. 1993. С.

Обещали, обещали...

Самовар, молчавший до сих пор, неожиданно запел, и угольки, подернутые седым пеплом, вывалились на поднос. Братья невольно посмотрели на печку. Ответ – вот он. Пожалуйста:

Союзники – сволочи.

Стрелка остановилась на четверти, часы солидно хрипнули и пробили – раз, и тотчас же часам ответил залиvistый, тонкий звон под потолком в передней.

– Слава Богу, вот и Сергей, – радостно сказал старший.

– Это Тальберг, – подтвердил Николка и побежал отворять.

Елена порозовела, встала.

Но это оказался вовсе не Тальберг. Три двери прогремели, и глухо на лестнице прозвучал Николкин удивленный голос. Голос в ответ. За голосами по лестнице стали переваливаться кованые сапоги и приклад. Дверь в переднюю впустила холод, и перед Алексеем и Еленой очутилась высокая, широкоплечая фигура в серой шинели до пят и в защитных погонах с тремя поручичьими звездами химическим карандашом. Башлык заиндевел, а тяжелая винтовка с коричневым штыком заняла всю переднюю.

– Здравствуйте, – пропела фигура хриплым тенором и заочневшими пальцами ухватила за башлык.

– Витя!

Николка помог фигуре распутать концы, капюшон слез, за капюшоном блин офицерской фуражки с потемневшей кокардой, и оказалась над громадными плечами голова поручика Виктора Викторовича Мышлаевского⁵¹. Голова эта была очень красива, странной и печальной и

260). Заложниками же этих политических ошибок стали Турбины-Булгаковы и миллионы их единомышленников на Украине и в России.

⁵¹...голова поручика Виктора Викторовича Мышлаевского. – П. С. Попов, первый биограф Булгакова, оставил запись, со слов писателя, о том, что прототипом Мышлаевского был друг Булгаковых Н. Н. Сынгаевский. В этом не сомневалась и Т. Н. Лаппа, оставившая весьма пространное мнение по этому вопросу. Вот оно: «А Мышлаевский – это Коля Сынгаевский. У них большая семья была. Варвара Михайловна дружила раньше с матерью Сынгаевского. Они жили на Мало-Подвальной улице. Маленький домик у них был, в саду... Он был очень красивый. Очень. Высокий, худой, и вот, знаете, голова у него была небольшая такая, маловата для его фигуры... Перед приходом петлюровцев он пошел в юнкеры... Да, подбородок действительно такой, женский был... Глаза, правда, не разного цвета, но глаза прекрасные... Вы знаете, взгляды у него сильно переменялись. Вот в „Белой гвардии“ правильно написано...»

В связи с последней фразой Т. Н. Лаппа мы расскажем об одном удивительном случае, который произошел с Булгаковым. Придя однажды в Художественный театр, он увидел оставленный ему довольно большой пакет. Раскрыв его, Булгаков обнаружил письмо, датированное декабром 1928 г. и с подписью: «Виктор Викторович Мышлаевский». Но самое удивительное заключалось в самом содержании письма, в нем говорилось: «Помня Ваше симпатичное отношение и зная, как Вы интересовались одно время моей судьбой, спешу сообщить Вам свои дальнейшиехождения после того, как мы расстались с Вами. Дождавшись в Киеве прихода красных, я был мобилизован и стал служить новой власти не за страх, а за совесть... Мне казалось тогда, что большевики есть та настоящая власть, сильная верой в нее народа, что несет России счастье и благоденствие, что сделает из обывателей и плутоватых богосцев сильных, честных, прямых граждан... Но вот медовые месяцы революции проходят. НЭП. Кронштадтское восстание. У меня, как и у многих, проходит угар и розовые очки начинают перекрашиваться в более темные цвета... Общие собрания под бдительным инквизиторским взглядом месткома. Резолюции и демонстрации из-под палки. Малограмотное начальство, имеющее вид Вотяжского божка и вожделеющее на каждую машинистку. Никакого понимания дела, но взгляд на все с кондачка. Комсомол, шпионящий похода с увлечением... И ложь, ложь без конца... Вожди? Это или человечки, держащиеся за власть и комфорт, которого они никогда не видали, или бешеные фанатики, думающие пробить лбом стену. А сама идея?! Да, идея ничего себе, довольно складная, но абсолютно непретворимая в жизнь, как и учение Христа, но христианство и понятнее и красивее. Так вот-с. Остался я теперь у разбитого корыта. Не материально. Нет. Я служу, и по нынешним временам – ничего себе... Но паршиво жить, ни во что не веря. Ведь ни во что не верить и ничего не любить – это привилегия следующего за нами поколения, нашей смены беспризорной».

Булгаков не оставил нам никаких пояснений к этому таинственному и в высшей степени справедливому письму. Но хранил его всю жизнь и, видимо, завещал Елене Сергеевне сохранить для будущих поколений, что она и сделала.

привлекательной красотой давней, настоящей породы и вырождения. Красота в разных по цвету, смелых глазах, в длинных ресницах. Нос с горбинкой, губы гордые, лоб бел и чист, без особых примет. Но вот, один уголок рта приспущен печально, и подбородок косовато срезан так, словно у скульптора, лепившего дворянское лицо, родилась дикая фантазия откусить пласт глины и оставить мужественному лицу маленький и неправильный женский подбородок.

– Откуда ты?

– Откуда?

– Осторожнее, – слабо ответил Мышлаевский, – не разбей. Там бутылка водки.

Николка бережно повесил тяжелую шинель, из кармана которой выглядывало горлышко в обрывке газеты. Затем повесил тяжелый маузер в деревянной кобуре, покачнув стойку с оленьими рогами. Тогда лишь Мышлаевский повернулся к Елене, руку поцеловал и сказал:

– Из-под Красного Трактира⁵². Позволь, Лена, ночевать. Не дойду домой.

– Ах, Боже мой, конечно.

Мышлаевский вдруг застонал, пытался подуть на пальцы, но губы его не слушались. Белые брови и поседевшая инеем бархатка подстриженных усов начали таять, лицо намокло. Турбин-старший расстегнул френч, прошелся по шву, вытягивая грязную рубашку.

– Ну, конечно... Полно. Кишат.

– Вот что, – испуганная Елена засуетилась, забыв Тальберга на минуту, – Николка, там в кухне дрова. Беги зажигай колонку. Эх, горе-то, что Анюту я отпустила. Алексей, снимай с него френч, живо.

В столовой у изразцов Мышлаевский, дав волю стонам, повалился на стул. Елена забежала и загремела ключами. Турбин и Николка, став на колени, стягивали с Мышлаевского узкие щегольские сапоги с пряжками на икрах.

– Легче... Ох, легче...

Размотались мерзкие пятнистые портянки. Под ними лиловые шелковые носки. Френч Николка тотчас отправил на холодную веранду – пусть дохнут вши. Мышлаевский, в грязнейшей батистовой сорочке, перекрещенной черными подтяжками, в синих бриджах со штрипками, стал тонкий и черный, больной и жалкий. Посиневшие ладони зашлепали, зашарили по изразцам.

Слух... грозн...

Наст... банд...

Влюбился... мая...

– Что ж это за подлецы! – закричал Турбин. – Неужели же они не могли дать вам валенки и полушубки?

– Ва...аленки, – плача, передразнил Мышлаевский, – вален...

Руки и ноги в тепле взрезала нестерпимая боль. Услыхав, что Еленины шаги стихли в кухне, Мышлаевский яростно и слезливо крикнул:

– Кабак!

Сипя и корчась, повалился и, тыча пальцами в носки, простонал:

– Снимите, снимите, снимите...

Пахло противным денатуратом, в тазу таяла снежная гора, от винного стаканчика водки поручик Мышлаевский опьянел мгновенно до мути в глазах.

– Неужели же отрезать придется? Господи... – Он горько закачался в кресле.

– Ну, что ты, погоди. Ничего... Так. Приморозил большой. Так... отойдет. И этот отойдет.

Николка присел на корточки и стал натягивать чистые черные носки, а деревянные, негнувшиеся руки Мышлаевского полезли в рукава купального мохнатого халата. На щеках расцвели

⁵² – Из-под Красного Трактира. – Село к югу от Киева. Сведения из «Хроники...»: «С утра войска Директории перешли в наступление на Киевском фронте и заняли Святошино, Борщаговку и Красный Трактир. Одновременно рабочими было поднято восстание на Печерске и захвачена Лавра... Гетманом была сделана попытка войти в переговоры с Директорией, но из Фастова потребовали капитуляции гетмана» (Мир. 1918. 15 декабря).

алые пятна, и, скорчившись, в чистом белье, в халате, смягчился и ожил помороженный поручик Мышлаевский. Грозные матерные слова запрыгали в комнате, как град по подоконнику. Скосив глаза к носу, ругал похабными словами штаб в вагонах первого класса, какого-то полковника Щеткина, мороз, Петлюру, и немцев, и метель и кончил тем, что самого гетмана всея Украины обложил гнуснейшими площадными словами.

Алексей и Николка смотрели, как лязгал зубами согревающийся поручик, и время от времени вскрикивали: «Ну-ну».

– Гетман, а? Твою мать! – рычал Мышлаевский. – Кавалергард? Во дворце? А⁵³? А нас погнали, в чем были. А? Сутки на морозе в снегу... Господи! Ведь думал – пропадем все... К матери! На сто саженой офицер от офицера – это цепь называется? Как кур чуть не зарезали!

– Постой, – ошалева от брани, спрашивал Турбин, – ты скажи, кто там под Трактиром?

– Ат! – Мышлаевский махнул рукой. – Ничего не поймешь! Ты знаешь, сколько нас было под Трактиром? Со-рок человек. Приезжает эта лахудра – полковник Щеткин и говорит (тут Мышлаевский перекошил лицо, стараясь изобразить ненавистного ему полковника Щеткина, и заговорил противным, тонким и сюсюкающим голосом): «Господа офицеры, вся надежда Города на вас. Оправдайте доверие гибнущей матери городов русских, в случае появления неприятеля – переходите в наступление, с нами Бог! Через шесть часов дам смену. Но патроны прошу беречь...» (Мышлаевский заговорил своим обыкновенным голосом) – и смылся на машине со своим адъютантом. И темно, как в ж...! Мороз. Иголками берет.

– Да кто же там, Господи! Ведь не может же Петлюра под Трактиром быть?

– А черт их знает! Верить ли, к утру чуть с ума не сошли. Стали это мы в полночь, ждем смены... Ни рук, ни ног. Нету смены. Костров, понятное дело, разжечь не можем, деревня в двух верстах, Трактир – верста. Ночью чудится: поле шевелится. Кажется – ползут... Ну, думаю, что будем делать?.. Что? Вскинешь винтовку, думаешь – стрелять или не стрелять? Искушение. Стояли, как волки выли. Крикнешь, – в цепи где-то отзовется. Наконец зарылся в снег, нарыл себе прикладом гроб, сел и стараюсь не заснуть: заснешь – каюк. И под утро не вытерпел, чувствую – начинаю дремать. Знаешь, что спасло? Пулеметы. На рассвете, слышу, верстах в трех по-ехало! И ведь, представь, встать не хочется. Ну, а тут пушка забухала. Поднялся, словно на ногах по пуду, и думаю: «Поздравляю, Петлюра пожаловал». Стянули маленько цепь, перекликаемся. Решили так: в случае чего, собьемся в кучу, отстреливаться будем и отходить на город. Перебьют – перебьют. Хоть вместе, по крайней мере. И, вообрази, – стихло. Утром начали по три человека в Трактир бегать греться. Знаешь, когда смена пришла? Сегодня в два часа дня. Из первой дружи-

⁵³ – Гетман, а?.. Кавалергард? Во дворце? А?.. – Булгаков в данном случае «прохаживается» по происхождению и бывшему положению гетмана. Действительно, Павел Петрович Скоропадский (1873–1945) был кавалергардом-генералом (последнее звание генерал-лейтенант) царской свиты, участником и героем японской и Первой мировой войн. Его величали «аристократом» и называли крупнейшим землевладельцем. Любопытен и тот факт, что его предком был Иван Илларионович Скоропадский (1646–1722), гетман Левобережной Украины (1708–1722), сменивший знаменитого Мазепу. П. П. Скоропадский жил в России и мало интересовался до 1918 г. проблемами самостоятельности Украины. Во время описываемых Булгаковым событий он пребывал уже в деморализованном состоянии. Та же газета «Мир» сообщала, что «в 11 час. утра гетман сложил власть и уехал из Киева. К этому же времени войска Директории вошли в предместье Киева, где некоторое сопротивление им оказывали добровольческие дружины. Однако ввиду выяснившейся безнадежности дела штаб Главнокомандующего решил капитулировать».

В. Г. Короленко, находившийся в то время в Полтаве, записал в своем дневнике 14–15 декабря: «Новая перемена. Несколько дней уже до Полтавы доносилась канонада... Жители ходили на гору смотреть, как в туманной пелене вспыхивали белые дымки... Офицеры были собраны по приказу... в некоторых пунктах города, и все чего-то ждали... Пока их не накрыли, как в ловушке. После короткой перестрелки они сдались при посредничестве немцев, и их отпустили. Это просто что-то непонятное и удивительное: люди оказались в точно и нарочито устроенной ловушке. Их отпустили „на подписку“. Были убитые и раненые, но особенных эксцессов мести не было... Полтава занята повстанческими бандами... Но уже сегодня к вечеру обнаружилось двоевластие. Отряд регулярного войска полковника Балбачана (под командой Маресевича) разоружил повстанцев... Газеты вышли. На улицах... движение любопытных. Паники нет. Есть скорее вялое, усталое любопытство». И затем писатель подклеил к своему тексту вырезку из газеты «Полтавский День» следующего содержания:

«Отречение Гетмана. Всем, всем учреждениям Украины, всем войсковым частям и учреждениям.

Я, гетман всея Украины, в течение семи с половиной месяцев все силы клал на то, чтобы вывести страну из того тяжелого положения, в котором она находится. Бог не дал мне сил справиться с этой задачей. Ныне, ввиду сложившихся условий, руководствуясь исключительно благом Украины, я от власти отказываюсь.

Павло Скоропадский. 1918 г. 14 декабря».

ны человек двести юнкеров. И, можешь себе представить, прекрасно одеты – в папахах, в валенках и с пулеметной командой. Привел их полковник Най-Турс⁵⁴.

– А! Наш, наш! – вскричал Николка.

– Погоди-ка, он не белградский гусар? – спросил Турбин.

– Да, да, гусар... Понимаешь, глянули они на нас и ужаснулись: «Мы думали, что вас тут, говорят, роты две с пулеметами, как же вы стояли?»

Оказывается, вот эти-то пулеметы, это на Серебрянку под утро навалилась банда, человек в тысячу, и повела наступление. Счастье, что они не знали, что там цепь вроде нашей, а то, можешь себе представить, утром вся эта орава в Город могла сделать визит. Счастье, что у тех была связка с Постом-Волынским, – дали знать, и оттуда их какая-то батарея обкатила шрапнелью, ну, пыл у них и угас, понимаешь, не довели наступление до конца и расточились куда-то к чертям.

– Но кто такие? Неужели же Петлюра? Не может этого быть.

– А, черт их душу знает. Я думаю, что это местные мужички-богоносцы достоевские⁵⁵!.. у-у... вашу мать!

– Господи Боже мой!

– Да-с, – хрипел Мышлаевский, насасывая папиросу, – сменились мы, слава те, Господи. Считаем: тридцать восемь человек. Поздравьте: двое замерзли. К свиньям. А двух подобрали, ноги будут резать...

– Как! Насмерть?

– А что ж ты думал? Один юнкер да один офицер. А в Попелюхе, это под Трактиром, еще красивее вышло. Поперли мы туда с подпоручиком Красиным сани взять, везти помороженных. Деревушка словно вымерла – ни одной души. Смотрим, наконец, ползет какой-то дед в тулупе, с клюкой. Вообрази – глянул на нас и обрадовался. Я уж тут сразу почувствовал недоброе. Что такое, думаю? Чего этот богоносный хрен возликовал: «Хлопчики... хлопчики...» Говорю ему таким сдобным голоском: «Здорово, дид. Давай скорее сани». А он отвечает: «Нема. Офицерня уси сани угнала на Пост». Я тут мигнул Красину и спрашиваю: «Офицерня? Тэк-с. А дэж вси ваши хлопци?» А дед и ляпни: «Уси побиглы до Петлюры» А? Как тебе нравится? Он-то сослепу не разглядел, что у нас погоны под башлыками, и за петлюровцев нас принял. Ну, тут, понимаешь, я не вытерпел... Мороз... Остервенился... Взял деда этого за манишку, так что из него чуть душа не выскочила, и кричу: «Побиглы до Петлюры? А вот я тебя сейчас пристрелю, так ты узнаешь, как до Петлюры бегают! Ты у меня сбегашь в царство небесное, стерва!» Ну, тут, понятное дело, святой украинский землепашец, сеятель и хранитель⁵⁶ (Мышлаевский, словно обвал камней, спустил страшное ругательство) прозрел в два счета⁵⁷. Конечно, в ноги и орет: «Ой, ваше висо-

⁵⁴ Привел их полковник Най-Турс. – Най-Турс – собирательный образ. Михаил Осоргин, рецензируя роман «Белая гвардия», сразу заметил и выделил Най-Турса из числа других персонажей: «Полковник Най-Турс, оставшийся один у пулемета, чтобы дать возможность уйти юнкерам и студентам сборного отряда, и спасший им жизнь ценою своей жизни, – изумительный образ героя без сусальной лепки. Но все это – дань художника высокому человеческому духу...» (Последние новости. 1929. 25 апреля).

Некоторые исследователи справедливо отмечают сходство в образах Най-Турса и Васьки Денисова из «Войны и мира», но образ Най-Турса трагичнее и значительнее.

⁵⁵ Привел их полковник Най-Турс. – Най-Турс – собирательный образ. Михаил Осоргин, рецензируя роман «Белая гвардия», сразу заметил и выделил Най-Турса из числа других персонажей: «Полковник Най-Турс, оставшийся один у пулемета, чтобы дать возможность уйти юнкерам и студентам сборного отряда, и спасший им жизнь ценою своей жизни, – изумительный образ героя без сусальной лепки. Но все это – дань художника высокому человеческому духу...» (Последние новости. 1929. 25 апреля).

Некоторые исследователи справедливо отмечают сходство в образах Най-Турса и Васьки Денисова из «Войны и мира», но образ Най-Турса трагичнее и значительнее.

⁵⁶ ...святой... землепашец, сеятель и хранитель... – Теперь Булгаков иронизирует над некрасовской строкой стихотворения «У парадного подъезда»: «Где бы сеятель твой и хранитель...»

⁵⁷ ...прозрел в два счета. – Любимый булгаковский художественный прием: в несколько секунд человек, под влиянием силы или угрозы, идет на попятную. Так происходит с дедом: «...не я сдуру, сослепу, дам коней, зараз дам, тильки не вбивайте!» То же случилось с дворником, схватившим Николку, чтобы передать петлюровцам, и увидевшим, что Николка вооружен: «Желто-рыжий дворник... в отчаянии и ужасе пал на колени и взвыл, чудесным образом превратившись из Нерона в змею: – А, ваше благородие! Ваше...» Не менее красноречива и сцена между Ива-

коблагородие, извините меня, старика, це я сдуру, сослепу, дам коней, зараз дам, тильки не вбивайте!» И лошади нашлись, и розвальни.

Нуте-с, в сумерки пришли на Пост. Что там делается – уму непостижимо. На путях четыре батареи насчитал, стоят неразвернутые, снарядов, оказывается, нет. Штабов нет числа. Никто ни черта, понятное дело, не знает. И главное – мертвых некуда деть! Нашли наконец перевязочную летучку, веришь ли, силой свалили мертвых, не хотели брать: «Вы их в Город везите». Тут уж мы озверели. Красин хотел пристрелить какого-то штабного. Тот сказал: «Это, говорит, петлюровские приемы». Смылся. К вечеру только нашел наконец вагон Щеткина. Первого класса, электричество... И что ж ты думаешь? Стоит какой-то холуй денщицкого типа и не пускает. А? «Они, говорит, сплять. Никого не велено принимать». Ну, как я двину прикладом в стену, а за мной все наши подняли грохот. Из всех купе горошком выскочили. Вылез Щеткин и заегозил: «Ах, Боже мой. Ну, конечно же. Сейчас. Эй, вестовые, шей, коньяку. Сейчас мы вас разместим. П-полный отдых. Это геройство. Ах, какая потеря, но что делать – жертвы. Я так измучился...» И коньяком от него на версту. А-а-а! – Мышлаевский внезапно зевнул и клюнул носом. Забормотал, как во сне:

– Дали отряду теплушку и печку... О-о! А мне свезло. Очевидно, решил отделаться от меня после этого грохота. «Командирую вас, поручик, в город. В штаб генерала Картузова⁵⁸. Доложите там». Э-э-э! Я на паровоз... окоченел... замок Тамары... водка...

Мышлаевский выронил папиросу изо рта, откинулся и захрапел сразу.

– Вот так здорово, – сказал растерянный Николка.

– Где Елена? – озабоченно спросил старший. – Нужно будет ему простыню дать, ты веди его мыться.

Елена же в это время плакала в комнате за кухней, где за ситцевой занавеской, в колонке, у цинковой ванны, металось пламя сухой наколотой березы. Хриплые кухонные часишки настучали одиннадцать. И представился убитый Тальберг. Конечно, на поезд с деньгами напали, конвой перебили, и на снегу кровь и мозг. Елена сидела в полумгле, смятый венец волос пронизало пламя, по щекам текли слезы. Убит. Убит...

И вот тоненький звоночек затрепетал, наполнил всю квартиру. Елена бурей через кухню, через темную книжную, в столовую. Огни ярче. Черные часы забили, затикали, пошли ходуном.

Но Николка со старшим угасли очень быстро после первого взрыва радости. Да и радость-то была больше за Елену. Скверно действовали на братьев клиновидные, гетманского военного министерства погоны на плечах Тальберга. Впрочем, и до погон еще, чуть ли не с самого дня свадьбы Елены, образовалась какая-то трещина в вазе турбинской жизни, и добрая вода уходила через нее незаметно. Сух сосуд. Пожалуй, главная причина этому в двухслойных глазах капитана генерального штаба Тальберга, Сергея Ивановича⁵⁹...

Эх-зх... Как бы там ни было, сейчас первый слой можно было читать ясно. В верхнем слое простая человеческая радость от тепла, света и безопасности. А вот поглубже – ясная тревога, и привез ее Тальберг с собою только что. Самое же глубокое было, конечно, скрыто, как всегда. Во всяком случае, на фигуре Сергея Ивановича ничего не отразилось. Пояс широк и тверд. Оба значка – академии и университета – белыми головками сияют ровно. Поджарая фигура поворачи-

ном Бездомным и Швейцаром в романе о дьяволе.

⁵⁸ В штаб генерала Картузова. – Имеется в виду генерал Л. Н. Кирпичев, командующий добровольными дружинами.

⁵⁹ ...главная причина... в двухслойных глазах капитана генерального штаба Тальберга, Сергея Ивановича... – По свидетельству Н. А. Земской и Т. Н. Лаппа, с самого появления Карума в семье не сложились у него отношения с братьями Булгаковыми – психологически. Взгляды на жизнь оказались совершенно различными, в том числе и по политическим вопросам. Если Булгаковы были убежденными монархистами, то Карум старался приспособиться к властям действующим.

Проживя долгую жизнь, Л. С. Карум написал объемные воспоминания, стремясь «более объективно» изложить события, описанные Булгаковым в романе. Частично эти мемуары опубликованы в работе Л. В. Вдовиной «Роман „без вранья“» (роман М. А. Булгакова «Белая гвардия» и воспоминания Л. С. Карума «Моя жизнь. Рассказ без вранья») (Collegium. 1995. № 1–2). При рассмотрении конкретных вопросов мы будем ссылаться на эту работу.

В поздн. правке: «...полковника генерального штаба Тальберга, Владимира Робертовича».

чивается под черными часами, как автомат. Тальберг очень озяб, но улыбается всем благосклонно. И в благосклонности тоже оказалась тревога. Николка, шмыгнув длинным носом, первый заметил это. Тальберг, вытягивая слова, медленно и веско рассказал, как на поезд, который вез деньги в провинцию и который он конвоировал, у Бородянки, в сорока верстах от Города, напали – неизвестно кто! Елена в ужасе жмурилась, жалась к значкам, братья опять вскрикивали «ну-ну», а Мышлаевский мертво храпел, показывая три золотых коронки.

– Кто ж такие? Петлюра?

– Ну, если бы Петлюра, – снисходительно и в то же время тревожно улыбнувшись, молвил Тальберг, – вряд ли я бы здесь беседовал... э... с вами. Не знаю кто. Возможно, разложившиеся сердюки⁶⁰. Ворвались в вагоны, винтовками взмахивают, кричат: «Чей конвой?» Я ответил: «Сердюки», – они потоптались, потоптались, потом слышу команду: «Слазь, хлопцы!» И все исчезли. Я полагаю, что они искали офицеров, вероятно, они думали, что конвой не украинский, а офицерский. – Тальберг выразительно покосился на Николкин шеврон, глянул на часы и неожиданно добавил: – Елена, пойдём-ка на пару слов⁶¹...

Елена торопливо ушла вслед за ним на половину Тальбергов в спальню, где на стене над кроватью сидел сокол на белой рукавице, где мягко горела зеленая лампа на письменном столе Елены и стояли на тумбе красного дерева бронзовые пастушки на фронтоне часов, играющих каждые три часа гавот.

Неимоверных усилий стоило Николке разбудить Мышлаевского. Тот по дороге шатался, два раза с грохотом зацепился за двери и в ванне заснул. Николка дежурил возле него, чтобы он не утонул. Турбин же старший, сам не зная зачем, прошел в темную гостиную, прижался к окну и слушал: опять далеко, глухо, как в вату, и безобидно бухали пушки, редко и далеко.

Елена рыжеватая сразу постарела и подурнела. Глаза красные. Свесив руки, печально она слушала Тальберга. А он сухой штабной колонной возвышался над ней и говорил неумолимо:

– Елена, никак иначе поступить нельзя.

Тогда Елена, помирившись с неизбежным, сказала

– Что ж, я понимаю. Ты, конечно, прав. Через дней пять-шесть, а? Может, положение еще изменится к лучшему?

Тут Тальбергу пришлось трудно. И даже свою вечную патентованную улыбку он убрал с лица. Оно постарело, и в каждой точке была совершенно решенная дума. Елена... Елена. Ах, нервная, зыбкая надежда... Дней пять... шесть...

И Тальберг сказал:

– Нужно ехать сию минуту. Поезд идет в час ночи...

...Через полчаса все в комнате с соколом было разорено. Чемодан на полу и внутренняя матросская крышка его дыбом. Елена, похудевшая и строгая, со складками у губ, молча вкладывала в чемодан сорочки, кальсоны, простыни. Тальберг, на коленях у нижнего ящика шкафа, ковырял в нем ключом. А потом... потом в комнате противно, как во всякой комнате, где хаос укладки, и еще хуже, когда абажур сдернут с лампы. Никогда... Никогда не сдергивайте абажур с лампы! Абажур священен. Никогда не убегайте крысёй побежкой на неизвестность от опасности. У абажура дремлите, читайте – пусть воет вьюга, – ждите, пока к вам придут.

Тальберг же бежал. Он возвышался, попирая обрывки бумаги, у застегнутого тяжелого чемодана в своей длинной шинели, в аккуратных черных наушниках, с гетманской серо-голубой кокардой и опоясан шашкой.

На дальнем пути Города-I, Пассажира, уже стоит поезд – еще без паровоза, как гусе-

⁶⁰ *Возможно, разложившиеся сердюки.* – Сердюки – казаки наемных пехотных полков, служивших опорой (гвардией) украинских гетманов в конце XVII – начале XVIII вв. Гетман П. П. Скоропадский, формируя ударную (гвардейскую) дивизию, назвал ее Сердюкской, отдавая дань украинским национальным традициям. Об этой дивизии Скоропадский в своих воспоминаниях писал так: «Прекрасно сформированная Сердюкская дивизия подавала большие надежды, и я, несмотря на недовольство со всех сторон, знал, что могу на нее положиться. Командный офицерский состав был отличный, жаль, что все казаки были сплошь новобранцы. Таково было положение в вопросе обороны до начала ноября» (*Скоропадский П. П. С.* 99). Быть может, в какой-то степени гетман был и прав в своей оценке дивизии, но под влиянием обстоятельств разложение коснулось и этого «элитного» соединения. Отмечен был также переход сердюков на сторону Директории.

⁶¹ – Елена, пойдём-ка на пару слов... – В поздн. правке: «– Елена, пойдём... Мне два слова...»

ница без головы. В составе девять вагонов с ослепительно белым электрическим светом. В составе в час ночи уходит в Германию штаб генерала фон Буссова. Тальберга берут: у Тальберга нашлись связи⁶²... Гетманское министерство – это глупая и пошлая оперетка (Тальберг любил выражаться тривиально, но сильно), как, впрочем, и сам гетман⁶³. Тем более пошлая, что...

– Пойми (шепот), немцы оставляют гетмана на произвол судьбы, и очень, очень может быть, что Петлюра войдет. В сущности, у Петлюры есть здоровые корни. В этом движении на стороне Петлюры мужицкая масса⁶⁴, а это, знаешь ли...

⁶² *Тальберг же бежал... уже стоит поезд... уходит в Германию... Тальберга берут... нашлись связи...* – Из воспоминаний Л. С. Карума: «Я решил ехать на свой риск и страх. Во-первых, я сшил себе штатский костюм, первый штатский костюм за всю свою тридцатилетнюю жизнь, превратившись в какого-то коммивояжера еврейского типа... Во-вторых, я собрал свои вещи в один чемодан... Предполагалось, что я буду в дороге не более недели. А ехать мне надо на Одессу, там сесть на пароход до Новороссийска, а затем прямо явиться в Астраханскую армию.

Варенька одобрила мои планы. В Киеве меня знали как противника украинцев еще по 1917 году, так что жизнь моя была в опасности. Я был поражен, когда узнал, что моя теща, Варвара Михайловна, шлет со мной на Дон своего младшего сына, Ваню. Она считала, что тут петлюровцы его мобилизуют, а у меня под крылышком на Дону он в большей безопасности.

За Колю она не беспокоилась, он был студент-медик, его не мобилизуют.

Мне грустно было оставлять Варюшу, но я был за нее спокоен: она была в кругу многочисленных родственников...

Я думал, что скоро, через пару месяцев, я вернусь или Варюша ко мне придет... Меня провожали Варя, Вера и даже Тася. Но поезд не трогался... Это было в конце ноября 1918 г...

В один из вечеров, когда я сидел дома, ждал, когда пойдет поезд на Одессу, подходит ко мне Костя (двоюродный брат М. Булгакова. – В. Л.) и говорит: „Возьми на всякий случай латвийский паспорт...“ Я задумался, эта мысль мне понравилась... Моя метрика говорила о том, что я родился в Митаве (Латвия) и что мой отец был лютеранином, наконец, сама моя латинская фамилия Карум – по-латыни „дорогое“, могла в спешке сойти за латышскую... Я отправился в успешнее уже образоваться Латышское представительство... Молодой человек... принял писать мой паспорт. К моему ужасу, он написал в паспорте фамилию Карумс – Karums.

– Почему, – спросил я. – Ведь я Карум.

– Все латышские фамилии должны оканчиваться на „с“. Поэтому Вы не Карум, а Карумс...

Дома, когда я показал паспорт, все смеялись...

Наконец, „политическая атмосфера“ как будто прояснилась. Одессу заняли французы и греки. Но я никого не боялся. Я был штатский человек, не еврей, не спекулянт.

Через месяц после моей первой попытки уехать из Киева, 20 декабря 1918 г. по старому стилю, мне удалось попасть на поезд, имевший серьезные намерения направиться в Одессу. Но тут уже были не классные вагоны, а теплушки. Билетов никто не брал и никто ничего не платил... Со мной ехал Ваня Булгаков, 18 лет...» (Collegium. С. 159-160).

Этот фрагмент из воспоминаний Л. С. Карума, которые, кстати, еще никто не анализировал с точки зрения их достоверности, свидетельствует о том, что Булгаков лепил образы в романе в соответствии со своими замыслами, не стремясь к фотографичности.

⁶³ *Гетманское министерство – это глупая и пошлая оперетка (Тальберг любил выражаться тривиально, но сильно), как, впрочем, и сам гетман.* – Это выражение П. П. Скоропадский использовал и в своих воспоминаниях: «Великороссы говорят: „Никакой Украины не будет“, а я говорю: „Что бы то ни было, Украина в той или другой форме будет. Не заставишь реку идти вспять...“ Великороссы никак этого понять не хотели и говорили: – „все это оперетка“ – и довели до Директории с шовинистическим украинством, со всей его нетерпимостью и ненавистью к России, с радикальным насаждением украинского языка и... с крайними социальными лозунгами. Только кучка людей из великороссов искренне признавала федерацию; остальные из вежливости говорили мне: „Федерация, да!“, но тут же решительно делали все для того, чтобы помину от Украины не было» (Скоропадский П. П. С. 13).

⁶⁴ *...у Петлюры есть здоровые корни... на стороне Петлюры мужицкая масса...* – Булгаков неоднократно возвращается к этому вопросу – о мужике и земле. Петлюра умело спекулировал на нерешенных вопросах, особенно земельном. П. П. Скоропадский в своих записках уделил много внимания этой проблеме, полагая при этом, что он был на правильном пути, но ему помешали довести дело до конца. «Наш украинец, – утверждал он, – индивидуалист, никакой социализации ему не нужно. Он решительно против этого... Единственный понятный крестьянству лозунг – Земля. Насчет воли – они сами изверились что-то, но землю подавай всю. Что бы из этого вышло, предоставляю судить каждому. Я и решил эту необходимую силу создать из хлеборобов, воспитав их в умеренном украинском духе, без ненависти к России, но с сознанием, что они не те, которые в России стали большевиками. Я решил, группируя их в сотни, полки, коши, перевести их в казачество, которое испокон веков у нас было. Так как все эти казаки-хлеборобы – собственники, то естественно, что идеи большевизма не прилипали бы к ним. Я являлся их непосредственным главою; общность интересов заставила бы их быть преданными мне. Это страшно укрепило бы мою власть, и несомненно, что тогда можно было бы спокойно проводить и аграрную и другие коренные реформы. Но никто меня не поддержал...» (Скоропадский П. П. С. 14).

Следует отметить, что это направление политики гетмана нашло если не одобрение, то понимание во многих кру-

О, Елена знала! Елена отлично знала. В марте 1917 года Тальберг был первый – поймите, первый, – кто пришел в военное училище с широченной красной повязкой на рукаве⁶⁵. Это было в самых первых числах, когда все еще офицеры в Городе при известиях из Петербурга становились кирпичными и уходили куда-то, в темные коридоры, чтобы ничего не слышать. Тальберг, как член революционного военного комитета, а не кто иной, арестовал знаменитого генерала Петрова⁶⁶. Когда же к концу знаменитого года в Городе произошло уже много чудесных и

гах интеллигенции. Хорошо разбиравшийся в земельных вопросах В. Г. Короленко (см. его книгу «Земли! Земли!») отметил в своей дневниковой записи от 20 апреля (3 мая) 1918 г.: «В Киеве переворот: 28-го апреля в Киеве собрался съезд „хлеборобов-собственников“, т. е. мелких землевладельцев (в союзе конечно с помещиками), отслужили молебен и провозгласили „гетьманом“ генерала Скоропадского... „Законы“, принятые Радой относительно земли, отменены, – сельские комитеты упразднены, земельная собственность объявлена неприкосновенной, хотя крупная якобы выкупается для наделения неимущих... Дурацкая „социализация земли“ (прежнего правительства. – В. Л.) – должна привести к реакции. Вопрос лишь в том, где реакция остановится. Декоративная „гетьманщина“ может подкупить интеллигенцию, а хлеборобы-собственники – в крестьянстве имеют значение: это казаки и зажиточные крестьяне, которых затеснили, собрания их разгоняли (как в Миргороде) и участников убивали (как... в Константинограде). Теперь они внесут свою ненависть к „революции“ и свои справедливые и несправедливые к ней претензии...»

И далее В. Г. Короленко указывает на некоторые моменты, которые, по его мнению, могут погубить «гетьманщину». Ценность короленковских замечаний состоит в том, что это дневники, в которых отражены сиюминутные мысли, а не «воспоминания» Скоропадского, хотя и написанные по свежим следам, но фиксирующие прошедшие события. Так вот, Короленко указывает на органические пороки власти, которая только что зародилась:

«Самое плохое в этом – поддержка переворота немцами, без которых он, очевидно, совершиться не мог, а значит – может ли и устоять? Немцы в глазах большинства народа остаются врагами... Нашу внутреннюю болезнь, – большевизма всякого рода, в том числе и земельного, – нам надо и пережить внутренне. Иначе – он только будет вогнан внутрь плохими средствами... Хорошие люди из кадет ждут чего-то от гетьманщины... Но силою вещей за переворотом ринулись щедринские ташкентцы, недоросли из дворян и какие-то Ноги (один из новых начальников Полтавы. – В. Л.) – и поворачивают все по-своему...»

По сути, эти короленковские прогнозы (свершившиеся!) подтвердил, но как реалии, сам гетман. Вот некоторые его признания:

«...фельдмаршал Эйхгорн издал приказ, по которому урожай со всех засеянных полей, захваченных у частных владельцев, являлся достоянием посеявшего... Когда собственность была восстановлена... произошел целый ряд инцидентов. С одной стороны, занявшие поля заявляли, что есть приказ и урожай принадлежит им; с другой, крестьяне-собственники говорили, что этот приказ их разоряет...»

«Одной из основных ошибок немцев было их... категорическое требование введения у нас хлебной монополии для выполнения договора о вывозе 60 миллионов пудов хлеба... Они страшно возбудили против себя селянство и весь помещичий класс... Ничто не раздражало селянство так, как запрет свободной продажи хлеба... За отмену монополии с ослаблением немецкого влияния ухватились, но было уже поздно: восстание уже началось...» (Скоропадский П. П. С. 44, 89).

⁶⁵ В марте 1917 года Тальберг был первый – поймите, первый, – кто пришел... с широченной красной повязкой на рукаве. – В своих воспоминаниях Л. С. Карум не отрицает этого факта и пространно описывает события первых дней в Киеве после свержения самодержавия. Вот некоторые любопытные фрагменты из них:

«4 марта киевские газеты сообщили нам всем, что в Киеве организован Исполнительный комитет... На следующий день, 5-го марта, Исполнительный комитет пожелал познакомиться с войсками гарнизона и приказал привести их к Думе.

В 12 часов дня училище пошло с Печерска к зданию Городской Думы на Крещатике. Я шел во главе 5-й роты... На балконе Думы стояли в пальто какие-то люди в штатском и кричали нам:

– Да здравствует революция!

На что мы отвечали – „Ура!“

На другой день, 6-го марта... начальник Училища... сообщил нам, что в Штабе Округа состоятся выборы двух представителей гарнизона в Исполнительный комитет... и что нашему Училищу предлагается выслать на выборы своего представителя... Путем открытого голосования... я был выбран депутатом... На следующий день, 7 марта, к 10 часам утра я отправился в Штаб Округа... В Исполнительный комитет было выбрано двое: я – 62 голоса и Лепарский – 57 голосов...

Заседания Исполнительного комитета происходили ежедневно... Председатель его Страдомский... предложил избрать меня в товарищи председателя. Я был избран единогласно...» (Collegium. С. 154-156).

Так что Л. С. Карум был активным деятелем новой власти, пришедшей на смену царской. Напомним, что Булгаков мартовские события в России называл преступным безумием.

⁶⁶ Тальберг, как член революционного военного комитета... арестовал знаменитого генерала Петрова. – Булгаков в данном случае затронул вопрос, который относится к числу самых трагических в истории России, ибо речь идет о гибели российского самодержавия и отречении императора Николая II. «Знаменитый генерал Петров» – это несомненный генерал-адъютант Иванов Николай Иудович (1851–1919), главнокомандующий Юго-Западным фронтом (с начала войны до марта 1916 г.), «состоял при Ставке (с марта 1916 г.), в дни февральской смуты назначен Импера-

тором командующим Петроградским военным округом с чрезвычайными полномочиями (27.2.1917), отправлен во главе Георгиевского батальона в Петроград для восстановления порядка, но не выполнил возложенной на него задачи. Участник Белого движения. Скончался от тифа, будучи командующим Особой Южной армией» (*Кобылий В. Анатолия* измены. СПб., 1998. С. 451). Н. И. Иванов был приписанным к императору человеком, и именно поэтому ему было поручено выполнить особую миссию – восстановить порядок в столице. Но миссию эту ему не удалось выполнить из-за измены в высшем командовании армией. История эта очень сложная, коротко пересказать ее невозможно, но считаем целесообразным привести слова самого Н. И. Иванова, которые были записаны военным историком, генералом Свиты Д. Н. Дубенским в Могилеве после возвращения Н. И. Иванова из Петербурга:

«Самое величайшее бедствие – это отказ Царя от царства. Алексеев (Алексеев Михаил Васильевич (1857–1918), с августа 1915 г. начальник штаба Верховного Главнокомандующего, после отречения Николая II – Верховный Главнокомандующий, инициатор создания Белого движения. – *В. Л.*) человек с малой волей, и величайшее его преступление перед Россией – его участие в совершенном перевороте. Откажись Алексеев осуществлять планы Государственной Думы, Родзянко, Гучкова и других, я глубоко убежден, что побороть революцию было бы можно, тем более что войска на фронтах стояли и теперь стоят спокойно, и никаких брожений не было. Да и главнокомандующие [фронтами] не могли и не решились бы согласиться с Думой без Алексеева» (*Дубенский Д. Н.* Как произошел переворот в России // Русская Летопись. 1921. Т. III. С. 75).

Л. С. Каруму было поручено препроводить генерала Н. И. Иванова, прибывшего в Киев, в Петроград. Об этом рассказ самого Карума:

«На следующий день, 10 марта, придя на заседание в исполком, я застал его президиум в явном смущении. Оказывается, в Киев прибыл в своем вагоне бывший главнокомандующий Юго-Западным фронтом генерал-адъютант Иванов.

Он неудачно выступал в дни свержения Императора. Оказывается, он был послан Императором с корпусом войск подавить петроградское восстание и отправился в Петроград по железной дороге. Но дальше станции Дно проехать не мог. К Императору... приехали депутаты Государственной Думы, которые убедили Государя отказаться от Престола. Тогда экспедиция генерала Иванова оказалась бесцельной (схематично вроде бы изложено верно, но на самом деле против экспедиции Н. И. Иванова были включены все имевшиеся у заговорщиков средства, чтобы не допустить прибытия в Петербург Георгиевского батальона во главе с генералом. – *В. Л.*)

Император возвратился в Ставку, в город Могилев, а Иванов, в течение недели проболтавшись в своем вагоне, решил поехать в Киев, где его знали, где он пользовался уважением и где, он думал, его оставят в покое (генерал Н. И. Иванов в течение нескольких лет командовал Киевским военным округом. – *В. Л.*). Но он был слишком заметной величиной после мартовских событий, его нельзя было не отметить наравне с другими главнокомандующими Рузским (Рузский Николай Владимирович (1854–1918), генерал-адъютант, командующий Северо-Западным фронтом, один из самых активных заговорщиков против Императора, член „Военной Ложи“, в сентябре 1918 г. был зверски зарублен солдатами в Пятигорске и полуживым закопан. – *В. Л.*) и Эвертом (Эверт Алексей Ермолаевич (1857–1926), главнокомандующий Западным фронтом, косвенно помогавший свержению Николая II. – *В. Л.*), которые попросту были уволены в отставку.

Председатель Исполнительного комитета Страдомский запросил телеграммой военного министра Гучкова, что делать с Ивановым.

Через три дня был получен ответ, подписанный министром юстиции, „гражданином“ Керенским, о том, чтобы Иванова доставили в Петроград, в Таврический Дворец. Все эти дни генерал Иванов был под домашним арестом... Конечно, было установлено негласное наблюдение за ним, вагон было приказано никуда не цеплять. 14-го марта на заседании Исполкома был зачитан ответ Керенского и поставлен на обсуждение вопрос, как доставить Иванова в Петроград. Было решено для этого командировать меня...

На следующий день, 15 марта, мы с прапорщиком Рогозиным и четырьмя юнкерами приехали на станцию Киев-1. Я представился генералу Иванову:

– Ваше Высокопревосходительство, я назначен сопровождать Вас в Петроград, в Таврический Дворец, в распоряжение Временного Правительства.

Иванов ничего не ответил.

Я спросил его, не имеет ли он в чем-либо нужды. Он сказал, что не имеет, но был со мной очень сух, думал, видно, что я один из тех, кто арестовал его...

Я распорядился запереть все двери в вагон, боясь вторжения... Ехали обычным в то время путем, через... Дно. На больших станциях около вагона собиралась толпа... Толпа молчала...»

И далее Карум фиксирует один вроде бы малозначительный эпизод, который на самом деле имеет важное значение, так как он подтверждает факт сбора информации об обстоятельствах отречения Императора офицером Генерального штаба Б. Н. Сергеевским, впоследствии издавшим книгу «Отречение 1917 года» (Нью-Йорк, 1969), которая вызвала колоссальные споры среди специалистов и вообще в эмигрантских кругах. Вот этот эпизод:

«В Могилеве в вагон постучали. Я вышел и увидел подполковника Генерального штаба. Я отпер двери. Подполковник вошел, отрекомендовался мне Сергеевским и сказал, что имеет распоряжение Ставки переговорить с Ивановым. Сергеевский показал мне письменное отношение за подписью Верховного Главнокомандующего Алексея. Я согласился впустить Сергеевского в купе к Иванову. *Сергеевский пробыл у Иванова все время стоянки поезда в Могилеве* (выделено нами. – *В. Л.*). Я в купе не входил, и какое там у них было дело, не знаю. Поехали дальше».

Примечательно, что Б. Н. Сергеевский отстаивает в своей книге и многочисленных публикациях идею о *невинности* М. А. Алексея и других высокопоставленных военных чинов в отречении Николая II! И еще: В. Воейков в своей книге «С Царем и без Царя» (Гельсингфорс, 1936. С. 201-202) пишет, что генерал-адъютант Н. И. Иванов, «будучи в Киеве арестован „товарищами“, обратился к Гучкову с письмом, в котором вполне выявил свое лицо, за-

странных событий и родились в нем какие-то люди, не имеющие сапог, но имеющие широкие шаровары⁶⁷, выглядывающие из-под солдатских серых шинелей, и люди эти заявили, что они не пойдут ни в коем случае из Города на фронт, потому что на фронте им делать нечего, что они останутся здесь, в Городе, ибо это их Город, украинский город, а вовсе не русский, Тальберг сделался раздражительным и сухо заявил, что это не то, что нужно, пошлая оперетка. И он оказался до известной степени прав: вышла действительно оперетка, но не простая, а с большим кровопролитием. Людей в шароварах в два счета выгнали из Города серые разрозненные полки⁶⁸, которые пришли откуда-то из лесов, с равнины, ведущей к Москве. Тальберг сказал, что те в шароварах – авантюристы, а корни в Москве, хоть эти корни и большевистские.

Но однажды, в марте, пришли в Город серыми шеренгами немцы, и на головах у них были рыжие металлические тазы, предохранявшие их от шрапнельных пуль, а гусары ехали в таких мохнатых шапках и на таких лошадях, что при взгляде на них Тальберг понял сразу, где корни. После нескольких тяжелых ударов германских пушек под Городом московские смылись куда-то за сизые леса есть дохлятину, а люди в шароварах притащились обратно, вслед за немцами. Это был большой сюрприз. Тальберг растерянно улыбался, но ничего не боялся, потому что шаровары при немцах были очень тихие, никого убивать не смели и даже сами ходили по улицам как бы с некоторой опаской, и вид у них был такой, словно у неуверенных гостей. Тальберг сказал, что у них нет корней, и месяца два нигде не служил. Николка Турбин однажды улыбнулся, войдя в комнату Тальберга. Тот сидел и писал на большом листе бумаги какие-то грамматические упражнения, а перед ним лежала тоненькая, отпечатанная на дешевой серой бумаге книжонка:

«Игнатий Перпилло – Украинская грамматика»⁶⁹.

явив, между прочим, „о своей готовности служить и впредь отечеству, ныне усугубляемой сознанием и ожиданием тех благ, которые может дать новый государственный строй“). Быть может, это любопытное письмо было написано генералом во время беседы с подполковником Сергеевским?

Из последующего повествования Л. С. Карума мы приведем лишь несколько интересных фрагментов:

«В Петроград поезд подошел ранним утром 18 марта... Через час приехал автомобиль... Я попросил Иванова одеться и выйти. Мне хотелось выразить старому генералу всю мою симпатию к нему и показать, что не все из окружающих являются его врагами. Я взял его руку, наклонился и хотел поднести ее к губам. Иванов перепугался и заговорил:

– Что Вы, что Вы!

Когда Иванов вышел, толпа закричала и загоготала. Послышались угрозы... К счастью, все обошлось благополучно...

В Таврическом Дворце нас уже ждали... Наконец, мы дошли до большой, светлой комнаты... которая, как отворились двери, напомнила мне бивуак. Было много народу, стояли раскидные кровати. Среди присутствующих я узнал генерала Сухомлинова. Остальные были мне неизвестны. Я догадался, что это были все царские министры. Иванов вошел в комнату. Я пошел искать военного коменданта, нашел его заместителя прапорщика Алеева, который и дал мне расписку о принятии генерала Иванова и дал мне предписание ехать обратно» (Collegium. С. 157-159).

За все эти «геройства» Л. С. Карум едва не поплатился жизнью. Когда он в начале 1919 г. прибыл в Новороссийск, а затем и в Астраханскую армию, его узнал генерал Бредов (бывший начальник штаба Киевского военного округа)... Каруму удалось спастись только благодаря «влиятельнейшим связям»...

⁶⁷ *...не имеющие сапог, но имеющие... шаровары...* – Так Булгаков характеризует ненавистное ему националистическое движение времен правления Центральной Рады. И не только потому, что оно было оголтело-шовинистическим, но прежде всего по причине раскольнических действий его вождей, добившихся 19 января 1918 г. в Брест-Литовске признания Украинской Народной Республики (УНР) со стороны Германии и ее союзников. Это было прологом вступления немцев в Киев (1 марта).

Короленко с горечью записывал в эти печальные дни позора России: «Россия теперь, как червь, разрезанный на куски. Каждая часть живет собственной жизнью... Носятся чудовищные слухи о сношениях Рады с австрийцами... Недаром теперь в качестве национального героя все яснее выступает фигура Мазепы, от которого еще недавно огромное большинство украинцев отрекивалось... Недавно благородный Науменко вышел из Рады... „Батько Грушевский“ тоже весьма недвусмысленно высказывался против „самостийников“. Теперь батько юлит и плывет по течению...»

⁶⁸ *Людей в шароварах в два счета выгнали из Города серые разрозненные полки...* – Речь идет о вступлении в Киев войск большевиков (26 января 1918 г.).

⁶⁹ *«Игнатий Перпилло – Украинская грамматика».* – Речь идет о книге с тем же названием, но авторами ее были П. и П. Терпило, они же и авторы «Словника російсько-українського» (Киев, 1918). А недавно авторы киевской «Хроніки...» того времени опубликовали объявление из газеты «Нова Рада» от 26 января 1919 г. следующего содержания:

В апреле восемнадцатого, на Пасхе, в цирке⁷⁰ весело гудели матовые электрические шары и было черно до купола народом. Тальберг стоял на арене веселой, боевой колонной и вел счет рук – шароварам крышка, будет Украина, но Украина «гетьманская», – выбирали «гетьмана всея Украины».

– Мы отгорожены от кровавой московской оперетки, – говорил Тальберг и блестел в странной гетманской форме дома, на фоне милых, старых обоев. Давились презрительно часы: тонк-танк, и вылилась вода из сосуда. Николке и Алексею не о чем было говорить с Тальбергом. Да и говорить было бы очень трудно, потому что Тальберг очень сердился при каждом разговоре о политике и, в особенности, в тех случаях, когда Николка совершенно бестактно начинал: «А как же ты, Сережа, говорил в марте...» У Тальберга тотчас показывались верхние, редко расставленные, но крупные и белые зубы, в глазах появлялись желтенькие искорки, и Тальберг начинал волноваться. Таким образом, разговоры вышли из моды сами собой.

Да, оперетка... Елена знала, что значит это слово на припухших прибалтийских устах. Но теперь оперетка грозила плохим, и уже не шароварам, не московским, не Ивану Ивановичу какому-нибудь, а грозила она самому Сергею Ивановичу Тальбергу. У каждого человека есть своя звезда, и недаром в Средние века придворные астрологи составляли гороскопы, предсказывали будущее. О, как мудры были они! Так вот, у Тальберга, Сергея Ивановича, была неподходящая, неудачливая звезда. Тальбергу было бы хорошо, если бы все шло прямо, по одной определенной линии, но события в это время в Городе не шли по прямой, они проделывали причудливые зигзаги, и тщетно Сергей Иванович старался угадать, что будет. Он не угадал. Далеко еще, верст сто пятьдесят, а может быть, и двести, от Города, на путях, освещенных белым светом, – салон-вагон. В вагоне, как зерно в стручке, болтается бритый человек, диктуя своим писарям и адъютантам на странном языке, в котором с большим трудом разбирался даже сам Перпилло. Горе Тальбергу, если этот человек придет в Город, а он может прийти! Горе! Номер газеты «Вести» всем известен, имя капитана Тальберга, выбиравшего гетмана, также. В газете статья, принадлежащая перу Сергея Ивановича⁷¹, а в статье слова:

Петлюра – авантюрист, грозящий своею опереткой гибелью краю...

– Тебя, Елена, ты сама понимаешь, я взять не могу на скитания и неизвестность. Не правда ли?

Ни звука не ответила Елена, потому что была горда.

– Я думаю, что мне беспрепятственно удастся пробраться через Румынию в Крым и на Дон. Фон Буссов обещал мне содействие. Меня ценят. Немецкая оккупация превратилась в оперетку. Немцы уже уходят. (Шепот.) Петлюра, по моим расчётам, тоже скоро рухнет. Настоящая сила

«Цими днями виходить з другу УКРАЇНСЬКА ГРАМАТИКА (Синтаксис) П. і П.Терпіло» (Collegium. С. 138).

⁷⁰ В апреле восемнадцатого, на Пасхе, в цирке... – Провозглашение П. П. Скоропадского гетманом всея Украины произошло 29 апреля 1918 г., и действительно в помещении цирка, и этот факт можно рассматривать как символический.

«Каким образом все это произошло?» – задавался вопросом сам гетман. И отвечал: «Многие товарищи по войне, знакомые, друзья, не находящиеся все время при мне, не понимали, каким образом Скоропадский, все время бывший на войне, никогда не занимавшийся политикой, а украинской подавно, не имевший никаких связей с немцами, вдруг оказался гетманом всея Украины, поддержанный немцами...»

Конечно, как это всегда бывает, начались всякие нелестные для меня предположения. Изменил России, продан немцам, преследует личные выгоды и т. п. Я считаю ниже своего достоинства опровергать истерические выкрики всей этой мелкой публики. Скажу лишь одно, что я сам не понимаю, как все это произошло. Меня, если можно так выразиться, выдвинули обстоятельства. Не я вел определенную политику для достижения всего этого, меня события заставили принять то или другое решение, которое приближало меня к гетманской власти...» (Скоропадский П. П. С. 19).

Сподвижник гетмана, ученый-антрополог Могиланский Николай Михайлович (1871–1933), дал, быть может, наиболее глубокую оценку всего гетманского периода на Украине.

⁷¹ Номер газеты «Вести»... статья, принадлежащая перу Сергея Ивановича... – Пока исследователями не найдена статья, принадлежащая Л. С. Каруму; преждевременно и называть «прообразом» этой газеты «Последние новости» или «Свободные мысли», как это указывается в некоторых работах.

идет с Дона⁷². И ты знаешь, мне ведь даже нельзя не быть там, когда формируется армия права и порядка. Не быть – значит погубить карьеру, ведь ты знаешь, что Деникин был начальником моей дивизии⁷³. Я уверен, что не пройдет и трех месяцев, ну самое позднее – в мае, мы придем в Город. Ты ничего не бойся. Тебя ни в коем случае не тронут, ну, а в крайности, у тебя же есть паспорт на девичью фамилию. Я попрошу Алексея, чтобы тебя не дали в обиду.

Елена очнулась.

– Пстой, – сказала она, – ведь нужно братьев сейчас предупредить о том, что немцы нас предадут?

Тальберг густо покраснел.

– Конечно, конечно, я обязательно... Впрочем, ты им сама скажи. Хотя ведь это дело меняет мало.

Странное чувство мелькнуло у Елены, но предаваться размышлению было некогда: Тальберг уже целовал жену, и было мгновение, когда его двухэтажные глаза пронизало только одно – нежность. Елена не выдержала и всплакнула, но тихо, тихо, – женщина она была сильная, недаром дочь Анны Владимировны. Потом произошло прощание с братьями в гостиной. В бронзовой лампе вспыхнул розовый свет и залил весь угол. Пианино показало уютные белые зубы и партитуру Фауста там, где черные нотные закорючки идут густым черным строем и разноцветный рыжебородый Валентин поет:

*Я за сестру тебя молю⁷⁴,
Сжался, о, сжался ты над ней!
Ты охрани ее.*

Даже Тальбергу, которому не были свойственны никакие сентиментальные чувства, запомнились в этот миг и черные аккорды, и истрепанные страницы вечного Фауста. Эх, эх... Не придется больше услышать Тальбергу каватины про Бога Всесильного, не услышать, как Елена играет Шервинскому аккомпанемент! Все же, когда Турбиных и Тальберга не будет на свете, опять зазвучат клавиши, и выйдет к рампе разноцветный Валентин, в ложах будет пахнуть духами, и дома будут играть аккомпанемент женщины, окрашенные светом, потому что Фауст, как Саардамский Плотник, – совершенно бессмертен.

Тальберг все рассказал тут же у пианино. Братья вежливо промолчали, стараясь не поднимать бровей. Младший из гордости, старший потому, что был человек-тряпка⁷⁵. Голос Тальберга дрогнул.

– Вы же Елену берегите. – Глаза Тальберга в первом слое посмотрели просительно и тре-

⁷²...беспрепятственно... пробраться... на Дон... Настоящая сила идет с Дона. – Речь идет, конечно, о Добровольческой армии. После ухода немецких войск с территории Украины и России и краха гетманства Добровольческая армия, опиравшаяся на «союзников», становилась практически единственной реальной силой, способной противостоять большевистскому наступлению.

⁷³...Деникин был начальником моей дивизии. – Деникин Антон Иванович (1872–1947), генерал-лейтенант, главнокомандующий Добровольческой армией (апрель 1918–1919) и Вооруженными силами Юга России (1919–1920).

Из воспоминаний Л. С. Карума: «Пассажиры на пароходе было много... Все ехали к Деникину. Кубань казалась раем обетованным. Там можно было отдохнуть от непрошеной варварской украинизации, от ужасов большевизма, от национализации и экспроприации!.. 12 января мы приехали в Новороссийск» (Collegium. С. 162).

Судя по тому, что Л. С. Каруму удалось избежать расстрела по прибытии в Добровольческую армию, несмотря на то что его «выявил» генерал Бредов, он действительно служил в свое время в дивизии А. И. Деникина, и, очевидно, нашлись старые сослуживцы, которые его и выручили.

⁷⁴ «Я за сестру тебя молю...» – ария Валентина из оперы Ш. Гуно «Фауст». Слова «Ты сохрани ее...» в поздн. авторской правке сняты.

⁷⁵ Младший из гордости, старший потому, что был человек-тряпка. – После выхода романа в свет Булгаков, перечитывая это место в тексте (по разным экземплярам журнала), либо вычеркивал эти слова, либо делал заметки на полях. Однажды он, подчеркнув красным жирным карандашом эти слова, написал на полях: «Совершенно не характерно для Алексея». В поздн. правке эта фраза была изъята из текста! А ведь это принципиальное изменение в тексте, но оно не нашло отражения даже в комментариях. Это еще раз указывает на необходимость внесения изменений в традиционный текст.

можно. Он помялся, растерянно глянул на карманные часы и беспокойно сказал: – Пора.

Елена притянула к себе за шею мужа, перекрестила его торопливо и криво и поцеловала. Тальберг уколол обоих братьев щетками черных подстриженных усов. Тальберг, заглянув в бумажник, беспокойно проверил пачку документов, пересчитал в тощем отделении украинские бумажки и немецкие марки и, улыбаясь, напряженно улыбаясь и оборачиваясь, пошел. Дзинь... дзинь... в передней свет сверху, потом по лестнице громоыханье чемодана. Елена свесилась с перил и в последний раз увидела острый хохол башлыка.

В час ночи с пятого пути из тьмы, забитой кладбищами порожних товарных вагонов, с места взяв большую грохочущую скорость, пыша красным жаром поддувала, ушел серый, как жаба, бронепоезд и дико завыл. Он пробежал восемь верст в семь минут, попал на Пост-Волынский, в гвалт, стук, грохот и фонари, не задерживаясь, по прыгающим стрелкам свернул с главной линии вбок и, возбуждая в душах обмерзших юнкеров и офицеров, скорчившихся в теплушках и в цепях у самого Поста, смутную надежду и гордость, смело, никого решительно не боясь, ушел к германской границе. Следом за ним через десять минут прошел через Пост сияющий десятками окон пассажирский, с громадным паровозом. Тумбовидные, массивные, запакотанные до глаз часовые-немцы мелькнули на площадках, мелькнули их широкие черные штыки. Стрелочники, давась морозом, видели, как мотало на стыках длинные пульманы, и окна бросали в стрелочников снопы. Затем все исчезло, и души юнкеров наполнились завистью, злобой и тревогой.

– У... с-с-волочь!.. – провыло где-то у стрелки, и на теплушки налетела жгучая вьюга. Заносило в эту ночь Пост.

А в третьем от паровоза вагоне, в купе, крытом полосатыми чехлами, вежливо и заискивающе улыбаясь, сидел Тальберг против германского лейтенанта и говорил по-немецки.

– О, ја, – тянул время от времени толстый лейтенант и пожевывал сигару.

Когда лейтенант заснул, двери во всех купе закрылись и в теплом и ослепительном вагоне⁷⁶ настало монотонное дорожное бормотание, Тальберг вышел в коридор, откинул бледную штору с прозрачными буквами «Ю.-З. ж. д.» и долго глядел в мрак. Там беспорядочно прыгали искры, прыгал снег, а впереди паровоз нес и завывал так грозно, так неприятно, что даже Тальберг расстроился.

3

В этот ночной час в нижней квартире домохозяина, инженера Василия Ивановича Лисовича, была полная тишина, и только мышь в маленькой столовой нарушала ее по временам. Мышь грызла и грызла, назойливо и деловито, в буфете старую корку сыра, проклиная скупость супруги инженера, Ванды Михайловны. Проклинаемая костлявая и ревнивая Ванда глубоко спала во тьме спальни прохладной и сырой квартиры. Сам же инженер бодрствовал и находился в своем тесно заставленном, занавешенном, набитом книгами⁷⁷ и, вследствие этого, чрезвычайно уютном кабинетике. Стоячая лампа, изображающая египетскую царевну, прикрытую зеленым зонтиком с цветами, красила всю комнату нежно и таинственно, и сам инженер был таинственен в глубоком кожаном кресле. Тайна и двойственность зыбкого времени выразалась прежде всего в том, что был человек в кресле вовсе не Василий Иванович Лисович, а Василиса... То есть сам-то он называл себя – Лисович, многие люди, с которыми он сталкивался, называли его Василием Ивановичем, но исключительно в упор. За глаза же, в третьем лице, никто не называл инженера иначе как Василиса. Случилось это потому, что домовладелец с января 1918 года, когда в городе начались уже совершенно явственно чудеса, сменил свой четкий почерк и вместо определенного «В. Лисович», из страха перед какой-то будущей ответственностью, начал в анкетах, справках, удостоверениях, ордерах и карточках писать «Вас. Лис».

Николка, получив из рук Василия Ивановича сахарную карточку 18-го января восемнадцатого года, вместо сахара получил страшный удар⁷⁸ камнем в спину на Крещатике и два дня пле-

⁷⁶...и в теплом и ослепительном вагоне... – В поздн. правке: «...в теплом и блестящем вагоне...»

⁷⁷...набитом книгами... – В поздн. правке: «...полным книгами...»

⁷⁸...получил страшный удар... – В поздн. правке: «...получил грузный удар...»

вал кровью. (Снаряд лопнул как раз над сахарной очередью, состоящей из бесстрашных людей.) Придя домой, держась за стенки и зеленея, Николка все-таки улыбнулся, чтобы не испугать Елену, наплевал полный таз кровавых пятен и на вопль Елены:

– Господи! Что же это такое?!

Ответил:

– Это Василисин сахар, черт бы его взял! – и после этого стал белым и рухнул на бок. Николка встал через два дня, а Василия Ивановича Лисовича больше не было. Вначале двор номера тринадцатого, а за двором весь город начал называть инженера Василисой, и лишь владелец женского имени рекомендовался: председатель домового комитета Лисович.

Убедившись, что улица окончательно затихла, не слышалось уже редкого скрипа полозьев, прислушавшись внимательно к свисту из спальни жены, Василиса отправился в переднюю, внимательно потрогал запоры, болт, цепочку и крюк и вернулся в кабинетик. Из ящика своего массивного стола он выложил четыре блестящих английских булавок. Затем на цыпочках сходил куда-то во тьму и вернулся с простыней и пледом. Еще раз прислушался и даже приложил палец к губам. Снял пиджак, засучил рукава, достал с полки клей в банке, аккуратно скатанный в трубку кусок обоев и ножницы. Потом прильнул к окну и под щитком ладони всмотрелся в улицу. Левое окно завесил простыней до половины, а правое пледом при помощи английских булавок. Заботливо оправил, чтобы не было щелей. Взял стул, влез на него и руками нашарил что-то, над верхним рядом книг на полке, провел ножичком вертикально вниз по обоям, а затем под прямым углом вбок, подсунул ножичек под разрез и вскрыл аккуратный, маленький, в два кирпича, тайничок, самим же им изготовленный в течение предыдущей ночи. Дверцу – тонкую цинковую пластинку – отвел в сторону, слез, пугливо поглядел на окна, потрогал простыню. Из глубины нижнего ящика, открытого двойным звенящим поворотом ключа, выглянул на свет Божий аккуратно перевязанный крестом и запечатанный пакет в газетной бумаге. Его Василиса похоронил в тайнике и закрыл дверцу. Долго на красном сукне стола кроил и вырезал полоски, пока не подобрал их как нужно. Смазанные клейстером, они легли на разрез так аккуратно, что прелесть: полбукетик к полбукетику, квадратик к квадратику. Когда инженер слез со стула, он убедился, что на стене нет никаких признаков тайника. Василиса вдохновенно потер ладони, тут же скомкал и сжег в печурке остатки обоев, пепел размешал и спрятал клей.

На черной безлюдной улице волчья оборванная серая фигура беззвучно слезла с ветви акации, на которой полчаса сидела, страдая на морозе, но жадно наблюдая через предательскую щель над верхним краем простыни работу инженера, навлекшего беду именно простыней на зелено окрашенном окне. Пружинно прыгнув в сугроб, фигура ушла вверх по улице, а далее провалилась волчьей походкой в переулках, и метель, темнота, сугробы съели ее и замели все ее следы.

Ночь. Василиса в кресле. В зеленой тени он чистый Тарас Бульба. Усы вниз, пушистые – какая, к черту, Василиса! – это мужчина. В ящиках прозвучало нежно, и перед Василисой на красном сукне пачки продолговатых бумажек – зеленый игровой крап:

*Знак державної скарбниці⁷⁹
50 карбованців
ходить нарівні з кредитовими білетами.*

На крапе – селянин с обвисшими усами, вооруженный лопатой, и селянка с серпом. На обороте, в овальной рамке, увеличенные, красноватые лица этого же селянина и селянки. И тут червяками усы вниз, по-украински. И надо всем предостерегающая надпись:

За фальшування карається тюрмою,

уверенная подпись:

⁷⁹ Знак державної скарбниці... – Державная скарбница – государственное казначейство.

Директор державної скарбниці Лебідь-Юрчик

Кошю-медный Александр II в трепаном чугунном мыле бакенбард, в конном строю, раздраженно косился на художественное произведение Лебидь-Юрчика и ласково – на лампу-царевну. Со стены на бумажки глядел в ужасе чиновник со Станиславом на шее⁸⁰ – предок Василисы, писанный маслом. В зеленом свете мягко блестели корешки Гончарова и Достоевского и мощным строем стоял золото-черный конногвардеец Брокгауз-Ефрон. Уют.

Пятипроцентный прочно спрятан в тайнике под обоями. Там же пятнадцать «катеринок», девять «петров», десять «Николаев первых», три бриллиантовых кольца, брошь, Анна⁸¹ и два Станислава.

В тайнике № 2 – двадцать «катеринок», десять «петров», двадцать пять серебряных ложек, золотые часы с цепью, три портсигара («Дорогому сослуживцу», хоть Василиса и не курил), пятьдесят золотых десятков, солонки, футляр с серебром на шесть персон и серебряное ситечко (большой тайник в дровяном сарае, два шага от двери прямо, шаг влево, шаг от меловой метки на бревне стены. Все в ящиках эйнемовского печенья⁸², в клеенке, просмоленные швы, два аршина глубины).

Третий тайник – чердак: две четверти от трубы на северо-восток под балкой в глине⁸³: щипцы сахарные, сто восемьдесят три золотых десятки, на двадцать пять тысяч процентных бумаг.

Лебидь-Юрчик – на текущие расходы.

Василиса оглянулся, как всегда делал, когда считал деньги, и стал слюнить крап. Лицо его стало боговдохновенным. Потом он неожиданно побледнел.

– Фальшування, фальшування, – злобно заворчал он, качая головой, – вот горе-то. А?

Голубые глаза Василисы убойно опечалились. В третьем десятке – раз. В четвертом десятке – две, в шестом – две, в девятом – подряд три бумажки несомненно таких, за которые Лебидь-Юрчик угрожает тюрьмой. Всего сто тринадцать бумажек, и, извольте видеть, на восьми явные признаки фальшування. И селянин какой-то мрачный, а должен быть веселый, и нет у снопа таинственных, верных – перевернутой запятой и двух точек, и бумага лучше, чем лебидевская. Василиса глядел на свет, и Лебидь явно фальшиво просвечивал с обратной стороны.

– Извозчику завтра вечером одну, – разговаривал сам с собой Василиса, – все равно ехать, и, конечно, на базар.

Он бережно отложил в сторону фальшивые, предназначенные извозчику и на базар, а пачку спрятал за звенящий замок. Вздрогнул. Над головой пробежали шаги по потолку, и мертвую тишину вскрыли смех и смутные голоса. Василиса сказал Александру II:

– Извольте видеть: никогда покою нет...

Вверху стихло. Василиса зевнул, погладил мочальные усы, снял с окон плед и простыню, зажег в гостиной, где тускло блестел граммофонный рупор, маленькую лампу. Через десять минут полная тьма была в квартире. Василиса спал рядом с женой в сырой спальне. Пахло мышами, плесенью, ворчливой сонной скукой. И вот, во сне, приехал Лебидь-Юрчик верхом на коне и какие-то Тушинские Воры с отмычками вскрыли тайник. Червонный валет влез на стул, плюнул Василисе в усы и выстрелил в упор. В холодном поту, с воплем вскочил Василиса и первое, что услышал, – мыш с семейством, трудящуюся в столовой над кульком с сухарями, а затем уже необычайной нежности гитарный звон через потолок и ковры, смех...

⁸⁰...чиновник со Станиславом на шее... – Орден, учрежденный в Польше в 1765 г. в честь святого Станислава (1030–1079), покровителя Польши. С 1815 г. (после вхождения части Польши в состав России) стал и русским орденом.

⁸¹...пятнадцать «катеринок», девять «петров», десять «Николаев первых»... Анна... – Дореволюционные бумажные деньги достоинством в 100, 500 и 50 рублей соответственно. Орден святой Анны учрежден в герцогстве Шлезвиг-Гольштейн в 1735 г. В России установлен в 1742 г., с 1797 г. законодательно причислен к российским орденам.

⁸²...в ящиках эйнемовского печенья... – Ф. К. Т. Эйнем – основатель кондитерской фабрики в Москве (1867). С 1922 г. – «Красный Октябрь».

⁸³...на северо-восток под балкой в глине... – В поздн. правке: «...на северо-восток по компасу под балкой в глине...»

За потолком пропел необыкновенной мощности и страсти голос, и гитара пошла маршем.
– Единственное средство – отказать от квартиры, – забарахтался в простынях Василиса, – это же немислимо. Ни днем, ни ночью нет покоя.

*Идут и поют юнкера
Гвардейской школы!*

– Хотя, впрочем, на случай чего... Оно верно, время-то теперь ужасное. Кого еще пустишь, неизвестно, а тут офицеры, в случае чего – защита-то и есть... Брысь! – крикнул Василиса на яростную мышь.

Гитара... гитара... гитара...

Четыре огня в столовой люстре. Знамена синего дыма. Кремовые шторы наглухо закрыли застекленную веранду. Часов не слышно. На белизне скатерти свежие букеты тепличных роз, три бутылки водки и германские узкие бутылки белых вин. Лафитные стаканы, яблоки в сверкающих изломах ваз, ломтики лимона, крошки, крошки, чай...

На кресле скомканный лист юмористической газеты «Чертова кукла»⁸⁴. Качается туман в головах, то в сторону несет на золотой остров беспричинной радости, то бросает в мутный вал тревоги. Глядят в тумане развязные слова:

*Голым профилем на ежа не сядешь*⁸⁵!

– Вот веселая сволочь... А пушки-то стихли. А-стра-умие, черт меня возьми! Водка, водка и туман. Ар-ра-та-там! Гитара.

*Арбуз не стоит печь на мыле,
Американцы победили.*

Мышлаевский, где-то за завесой дыма, рассмеялся. Он пьян.

*Игривы Брейтмана остроты*⁸⁶,

⁸⁴...скомканный лист юмористической газеты «Чертова кукла». – М. Петровский в своей статье «Смех под знаком Апокалипсиса» (Вопросы литературы. 1991. №5. С. 3–33) убедительнейшим образом доказывает, что Булгаков под «Чертовой куклой» разумел сатирическую газету «Чертова Перечница», восемь номеров которой вышло в Киеве в 1918 г. В издании этой газеты принимали участие: А. Аверченко, Арк. Бухов, Евг. Венский, И. М. Василевский (Не-Буква), А. С. Грин, А. И. Куприн, Вилли (В. Е. Турок), Конст. Финк, Дон-Аминадо (А. П. Шполянский), Вл. Воинов, Lolo (Л. Г. Мунштейн), В. Г. Тан (Богораз), Л. Никулин, Вас. Регинин и др.

М. Петровский установил, что Булгаков цитирует в романе стишки из шестого номера «Чертовой Перечницы», в том числе и из «Азбуки», которая составляет основную часть этого номера. Более того, М. Петровский предположительно указал и на авторов «Азбуки». Ими он назвал Ал. Дейча и Мих. Кольцова.

Но и «Чертова кукла» не выдумка Булгакова. 15 января 1919 г. редакция «Чертовой Перечницы» опубликовала в газете «Киевское эхо» сообщение, в котором, в частности, говорилось: «Позвольте... выразить наш протест против малограмотной подделки, жертвой которой является ныне в Киеве переведенная сюда из Петрограда юмористическая газета „Чертова Перечница“. Воспользовавшись временным... перерывом в выходе „Чертовой Перечницы“, целый ряд скрывших свои имена гешефтмахеров выпускает свои подражания. Тут и „Чертова Мельница“, и „Чертова кукла“ (выделено нами. – В. Л.), „Черт полосатый“... Все подражания и подделки стараются по возможности ближе воспроизвести внешность „Чертовой Перечницы“ и тем ввести в заблуждение читателя. Позвольте, ввиду этого, заявить, что подлинная „Чертова Перечница“ ничего общего с нынешними рыночными подражаниями не имеет...» Через несколько дней «Киевское эхо» уже от себя предупредило читателей: «Одно время в Киеве была мода на еженедельники. Теперь началась эпидемия театральных и юмористических газет. С легкой руки „Чертовой Перечницы“ – появились „Чертова Мельница“, „Черт полосатый“, „Чертова кукла“ и др. макулатура, ничего не стоящая» (Collegium. С. 136–137).

⁸⁵ *Голым профилем на ежа не сядешь!* – эпиграф к газете «Чертова Перечница». 1918. №6. 29 ноября.

⁸⁶ *Игривы Брейтмана остроты...* – Г. Н. Брейтман (1873–?) – один из многочисленных киевских юмористов.

И где же сенегальцев роты⁸⁷?

– Где же? В самом деле? Где же? – добивался мутный Мышлаевский.

*Рожают овцы под брезентом,
Родзянко будет президентом⁸⁸.*

– Но талантливы, мерзавцы, ничего не поделаешь!

Елена, которой не дали опомниться после отъезда Тальберга... от белого вина не пропадает боль совсем, а только тупеет. Елена на председательском месте, на узком конце стола, в кресле. На противоположном – Мышлаевский, мохнат, бел, в халате, и лицо в пятнах от водки и бешеной усталости. Глаза его в красных кольцах – стужа, пережитый страх, водка, злоба. По длинным граням стола с одной стороны Алексей и Николка, а с другой – Леонид Юрьевич Шервинский, бывшего лейб-гвардии уланского полка поручик, а ныне адъютант в штабе князя Белорукова⁸⁹, и рядом с ним подпоручик Степанов, Федор Николаевич, артиллерист, он же по александровской гимназической кличке – Карась⁹⁰.

Маленький, укладистый и действительно чрезвычайно похожий на карася, Карась столкнулся с Шервинским у самого подъезда Турбиных, минут через двадцать после отъезда Тальберга. Оба оказались с бутылками. У Шервинского сверток – четыре бутылки белого вина, у Карася – две бутылки водки. Шервинский, кроме того, был нагружен громадным букетом, наглухо запакованным в три слоя бумаги, – само собой понятно, розы Елене Васильевне. Карась тут же у подъезда сообщил новость: на погонах у него золотые пушки, – терпенья больше нет, всем нужно идти драться, потому что из занятий в университете все равно ни пса не выходит, а если Петлюра приползет в город – тем более не выйдет. Всем нужно идти, а артиллеристам непременно в мортирный дивизион. Командир – полковник Малышев, дивизион – замечательный, так и назы-

⁸⁷...*И где же сенегальцев роты?* – Сенегал был в то время колонией Франции. Среди высадившихся в Одессе французских войск было много африканских солдат. Об этом свидетельствует и Л. С. Карум в своих воспоминаниях: «Наконец, когда, по моим расчетам, мы уже были под Одессой, на какой-то станции я услышал за стенами вагона французскую речь. Я вскочил, и, действительно, на платформе стояли два вооруженных зуава. Было темно, но мне показалось, что это были негры. После пережитого меня охватил бурный восторг.

– Vive la France! – закричал я.

Мы спасены, никто больше грабить и расстреливать нас не будет...

Было уже утро, четвертое утро пути. И был сочельник, 24 декабря 1918 г. по старому стилю... В Одессе было все спокойно... Распоряжались французские и греческие войска, отсюда французский консул вел переговоры с украинской Директорией. В городе не слышно было украинской речи, было все русское, старорежимное...» (Collegium. С. 161).

⁸⁸...*Родзянко будет президентом.* – Родзянко Михаил Владимирович (1859–1924), масон, один из лидеров октябристов, председатель III и IV Государственной Думы, председатель думского (фактически самозванного) Временного комитета, сыгравшего важную роль в свержении самодержавия в России, автор воспоминаний «Крушение империи». Монархисты считали его одним из главных виновников разразившейся смуты в России.

⁸⁹...*адъютант в штабе князя Белорукова...* – Имеется в виду князь Долгоруков, назначенный П. П. Скоропадским в конце ноября 1918 г. главнокомандующим всеми войсковыми соединениями на Украине. О нем было следующее сообщение в киевской газете «Мир» от 15 декабря 1918 г.: «К трем часам дня Киев был в руках войск Директории. До позднего вечера шло разоружение отдельных офицерских частей. К вечеру стрельба в городе затихла. Генерал Долгоруков покинул Киев» (Collegium. С. 128).

В поздн. правке: «...в штабе князя Белотурова...» И далее Булгаков внес соответствующие изменения по тексту, где упоминался «Белоруков».

⁹⁰...*рядом с ним подпоручик Степанов... он же по александровской гимназической кличке – Карась.* – Т. Н. Лаппа вспоминала: «Это друзья Михаила были. Карася и на самом деле все звали Карасем. Я даже имени его не помню. Мы к Сынгаевским в гости ходили и там его часто встречали. И к нам он приходил. Невысокого такого роста, толстенький, лицо круглое. Симпатичный был...» (Паришин Л. К. С. 61).

Киевская Первая гимназия основана была в 1811 г. В столетний ее юбилей (1911) ей было присвоено почетное наименование «Александровская» – в честь императора Александра Первого Благословенного. Все братья Булгаковы учились в ней.

вается – студенческий. Карась в отчаянии, что Мышлаевский ушел в эту дурацкую дружину. Глупо. Сгеройствовал, поспешил. И где он теперь, черт его знает. Может быть, даже и убили под Городом...

Ан, Мышлаевский оказался здесь, наверху! Золотая Елена в полумраке спальни, перед овальной рамой в серебряных листьях, наскоро припудрила лицо и вышла принимать розы. Ура-ра! Все здесь. Карасевы золотые пушки на смятых погонах были форменным ничтожеством рядом с бледными кавалерийскими погонами и синими выгуженными бриджами Шервинского. В наглых глазах маленького Шервинского мячиками запрыгала радость при известии об исчезновении Тальберга. Маленький улан сразу почувствовал, что он, как никогда, в голосе, и розоватая гостиния наполнилась действительно чудовищным ураганом звуков, пел Шервинский эпиталаму богу Гименею⁹¹, и как пел! Да, пожалуй, все вздор на свете, кроме такого голоса, как у Шервинского. Конечно, сейчас штабы, эта дурацкая война, большевики, и Петлюра, и долг, но потом, когда все придет в норму, он бросает военную службу, несмотря на свои петербургские связи, вы знаете, какие у него связи – о-го-го... и на сцену. Петь он будет в La Scala и в Большом театре в Москве, когда большевиков повесят в Москве на фонарях на Театральной площади⁹². В него влюбилась в Жмеринке графиня Лендрикова⁹³, потому что когда он пел эпиталаму, то вместо *fa* взял *la* и держал его пять тактов⁹⁴. Сказав – пять, Шервинский сам повесил немного голову и посмотрел кругом растерянно, как будто кто-то другой сообщил ему это, а не он сам.

– Тэк-с, пять. Ну ладно, идемте ужинать.

И вот знамена, дым...

– И где же сенегальцев роты? Отвечай, штабной, отвечай. Леночка, пей вино, золотая, пей. Все будет благополучно. Он даже лучше сделал, что уехал. Прoberется на Дон и приедет сюда с деникинской армией.

– Будут! – звякнул Шервинский. – Будут. Позвольте сообщить важную новость: сегодня я сам видел на Крещатике сербских квартирьеров, и послезавтра, самое позднее, через два дня, в Город придут два сербских полка⁹⁵.

⁹¹ *...пел Шервинский эпиталаму богу Гименею...* – Речь идет об эпиталаме (свадебной песне) Виндекса из оперы А. Г. Рубинштейна «Нерон» (1877).

⁹² *...когда большевиков повесят в Москве на фонарях на Театральной площади.* – Сквозная тема писателя – мечтательная! См., например, «Ханский огонь».

⁹³ *В него влюбилась в Жмеринке графиня Лендрикова...* – В поздн. правке: «В него влюбилась в Жмеринке, подобно тому, как в Ноздрева...»

⁹⁴ *...и держал его пять тактов.* – В поздн. правке: «...и держал его шесть тактов...»

⁹⁵ *...придут два сербских полка.* – Действительно, в составе высадившегося в Одессе корпуса «союзников» были и сербские войсковые части, как и греческие, румынские, польские... Но движения в сторону Киева никакого не было. Имеются превосходные свидетельства очевидцев всего того, что реально происходило на юге России. Вот отрывок из воспоминаний самого А. И. Деникина: «Большинство союзных *военных* представителей всецело разделяло ту психологию, во власти которой находились мы все – Добровольческая армия, белый Юг... Застольные речи дышали широким оптимизмом. Дипломатический представитель Франции Эрмиш, будущий депутат французского парламента, владеющий свободно русским языком, пожинал восторги [Кубанского] собрания, затрагивая больные... струны – словами, тогда еще не захватанными, не ополченными.

–...Вы можете рассчитывать безусловно на помощь великой Англии и свободной Франции. Мы с вами. Мы за вас... Я твердо верю, что скоро на высоких башнях святого Кремля красный флаг, забрызганный невинной кровью многочисленных жертв насильников, будет заменен славным трехцветным знаменем Великой, Единой, Неделимой России...

На встрече генерала Щербачева (Щербачев Дмитрий Григорьевич (1857–1932), генерал от инфантерии, в Первую мировую войну был командующим армией (11-й, 7-й), с начала апреля 1917 г. был фактически главнокомандующим Румынским фронтом, проявил высокие полководческие качества. – *В. Л.*) с главнокомандующим „союзными силами в Румынии, Трансильвании и на Юге России" генералом Вертело было решено: для оккупации Юга России будет двинуто 12 дивизий, из коих одна будет в Одессе... Союзники займут быстро Киев и Харьков с Криворожским и Донецким бассейнами, Дон и Кубань, чтобы дать возможность Добровольческой и Донской армиям прочнее организовать... Скорейшее наступление всех русских южных армий под единым командованием на Москву...

Время шло, все хорошие слова были высказаны, а реальная помощь все еще не прибывала (далее Деникин подробно описал фактический разгром „союзниками" севастопольского русского флота. – *В. Л.*). Образ действия союзников походил скорее на ликвидацию, чем на начало противобольшевистской кампании...» (Деникин А. И. Фран-

– Слушай, это верно?

Шервинский стал бурным.

– Гм, даже странно. Раз я говорю, что сам видел, вопрос этот мне кажется неуместным.

– Два полка-а... что два полка...

– Хорошо-с, тогда не угодно ли выслушать. Сам князь мне говорил сегодня, что в одесском порту уже разгружаются транспорты: пришли греки и две дивизии сенегалов. Стоит нам продержаться неделю – и нам на немцев наплевать.

– Предатели!

– Ну, если это верно, вот Петлюру тогда поймать да повесить! Вот повесить!

– Своими руками застрелю.

– Еще по глотку. Ваше здоровье, господа офицеры!

Раз – и окончательный туман! Туман, господа. Николка, выпивший три бокала, бегал к себе за платком и в передней (когда никто не видит, можно быть самим собой) припал к вешалке. Кривая шашка Шервинского со сверкающей золотой рукоятью. Подарил персидский принц. Клинок дамасский. И принц не дарил, и клинок не дамасский, но верно – красивая и дорогая. Мрачный маузер на ремнях в кобуре, Карасев «стейер» – вороненое дуло. Николка припал к холодному дереву кобуры, трогал пальцами хищный маузеров нос и чуть не заплакал от волнения. Захотелось драться сейчас же, сию минуту, там за Постом, на снежных полях. Ведь стыдно! Неловко... Здесь водка и тепло, а там мрак, буран, вьюга, замерзают юнкера. Что же они думают там в штабах? Э, дружина еще не готова, студенты не обучены, а сингалезов все нет и нет, вероятно, они, как сапоги, черные... Но ведь они же здесь померзнут, к свиньям? Они ведь привыкли к жаркому климату?

– Я б вашего гетмана, – кричал старший Турбин, – за устройство этой миленькой Украины повесил бы первым⁹⁶! Хай живе вильна Украина вид Киева до Берлина⁹⁷! Полгода он издевался

цузы в Одессе. Из белых мемуаров. Л., 1928. С. 3-11).

А вот свидетельства А. А. Гвоздинского, сына русского дипломата, оказавшегося в это время в Одессе: «...Через несколько дней на улицах Одессы трещали пулеметы, гремели пушки; это добровольцы выгоняли Петлюру; за ними шли французы, обеспечивая им тыл. Так была оккупирована Одесса союзниками. На рейде стояли колоссальные серые утюги... на улицах толпились голубые „poilus“ (солдаты-фронтовики. – В. Л.). Я часто вступал с ними в беседу и каждый раз выносил скверное впечатление; во всех речах их сквозило недовольство тем, что их прислали в Россию, желание скорее разъехаться по домам. А некоторые заявляли откровенно, что большевики совсем порядочные люди и драться с ними решительно незачем. У меня еще в январе сложилось весьма определенное впечатление, что от французов добра не будет. Так оно и вышло. Одесса в очень скором времени была наводнена большевистскими агитаторами, которые в несколько недель распропагандировали французские полки... После взятия большевиками Херсона и Николаева Одесса переживала сильную тревогу. Тогда французское командование опубликовало приказ, в котором говорилось, что Одесса ни в коем случае не будет оставлена союзниками и что они обеспечат Одессу продовольствием для одного млн. людей... Через две недели после известного приказа... вышел... новый приказ, возвещавший изумленной Одессе, что союзники ошиблись, что они не могут обеспечить ее продовольствием и потому будет приступлено к эвакуации города. Это было третьего апреля. На другой день в газетах появилось сообщение из Парижа о падении Клемансо, которому палата выразила недоверие за его политику интервенции в русские дела. Впоследствии мы узнали, что это была ложь, но ее пустили для того, чтобы хоть как-нибудь оправдать бегство французов из Одессы, говорю – бегство, ибо о планомерной, спокойной эвакуации смешно даже и говорить... В Одессе началась безумная паника... Два дня спустя я видел, как французы и греки топили в порту грузовик за грузовиком, ящики со снарядами и разными припасами. Вообще же они оставили большевикам богатую добычу... Разумеется, они не могли вывезти за три дня все то, что привозили три месяца...

Небольшая горсть добровольцев была брошена на произвол судьбы; им сказали просто – спасайся кто может! И каждый спасал себя как умел: одни уходили в Аккерман (это уже ведь за границей! в Румынии!), другие спасались в Крым, Константинополь.

Все это казалось загадкой: ведь союзников в Одессе было около 60 тысяч с танками и артиллерией. Каким образом эта армия не смогла отстоять Одессу? Ведь в конце концов выяснилось, что Одессу взял отряд Григорьева (Н. А. Григорьев (1878–1919), атаман, многократно переходивший на сторону победителей, пока не был убит по приказу такого же шального атамана Н. И. Махно 27 июля 1910 г. – В. Л.), в котором насчитывалось максимум три тысячи человек!» (Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб. 1995. № 18. С. 428-430).

⁹⁶ – Я б вашего гетмана... за устройство этой миленькой Украины повесил бы первым! – Булгаков, несомненно, устами Алексея Турбина излагает свою позицию по государственному устройству России. Позиция эта монархическая или близкая к ней. Конечно, находясь в 1918–1919 гг. в Киеве, Булгаков чувствовал и переживал все окружающее острее и эмоциональнее, но и спустя пять лет, находясь в большевистской Москве, писатель демонстрирует фантастическую смелость, афишируя свою позицию по этому вопросу. Если же рассматривать его взгляды не только с монархических позиций, а исторически, учитывая реальную ситуацию в России и на Украине, то, конечно, в

над русскими офицерами⁹⁸, издевался над всеми нами. Кто запретил формирование русской армии? Гетман. Кто терроризировал русское население этим гнусным языком⁹⁹, которого и на све-

них есть много изъянов. Во всяком случае, П. П. Скоропадский постоянно твердил о том, что желал России и Украине только добра, желал, чтобы Украина входила в состав России, будучи автономной республикой, и так далее. Скоропадского можно назвать благостным идеалистом, ибо его мечты многих подкупали и увлекали, но они оставались мечтами в той реальной, жестокой обстановке... Вот его «кредо», изложенное 17 октября 1919 г. в письме к Н. М. Могилянскому: «Меня все непременно выставляют каким-то ярым германофилом. Я такой же германофил, как и франкофил, я *просто русофил*, желающий восстановления России. Вся разница между моими противниками и мною состоит в том, что... я совершенно не верю в возможность восстановления России прежней (вот это „неверие“ остро ощущал Булгаков. – В. Л.), а считаю, что она должна быть по национальностям автономна, т. к. снова создавать эту Россию, единство которой опиралось бы только на штыки и жандармерию, немыслимо и нежелательно. Что я такой же германофил, как и франкофил, видно из того, что, пока не было немцев у нас на Украине, я хотел свергнуть Центральную Раду при помощи французов во главе с генералом Tabouis (комиссар Франции при правительстве УНР. – В. Л.); не моя вина, если они нерешительно на это пошли (важный политический нюанс. – В. Л.), а немцы пошли... Но, будучи русским, я и украинец, конечно не петлюровской „марки“, и утверждаю, что никогда великорусскому правительству не удастся справиться с украинским движением... *Главное, в чем я убежден, что моя Украина для величия России вернее и прочнее, нежели та Малороссия, которую создает Деникин.*...» (Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб. 1993. № 14. С. 257).

⁹⁷ *Хай живе вільна Україна від Києва до Берліна!* – Насчет «Берлина» сказать трудно, но вообще-то о территории Украины Скоропадский любил поговорить. Вот некоторые его «геополитические» соображения:

«Германия признала Украину в этнографических границах. Согласно Брест-Литовскому договору, это был основной принцип для будущего проведения украинских границ. Получался абсурд... С одной стороны, оказывалось, что Украина вклинивалась в самое сердце областей Войска Донского, захватывая при этом Ростов. Таким образом, Дон окончательно отрезался от моря. С другой стороны, Крымский полуостров, сравнительно мало населенный украинцами, не входил в состав Украины. Посмотрев на карту, можно сразу понять, что такое государство нежизнеспособно. Нужно заметить, что, если бы в силу каких-либо условий такие границы в конце концов установились, несомненно, Крым сделался бы злейшим врагом Украины. Весь этот богатейший украинский край, граница с враждебным Крымом, – что для Украины и ее торговли представляет вечную угрозу, – был бы обречен на медленное увядание, так как его порты Одесса и Мариуполь находились бы под непосредственными ударами со стороны Крыма... Я рассуждал так: во всяком случае, при некоторых обстоятельствах немцы не прочь были утвердиться в Крыму. Турция с татарами тоже протягивала к Крыму руки. Украина же не могла жить, не владея Крымом: это было бы какое-то туловище без ног. Крым должен был принадлежать Украине... Я решительно настаивал перед немцами о передаче нам Крыма на каких угодно условиях... Поездка в Берлин дала хорошие результаты, и вопросы о Крыме и флоте, казалось, разрешились в нашу пользу...

С Кубанью и Черноморской областью у нас установились очень дружеские отношения. Предполагалось заключить союз и даже ввести Кубань в состав Украины на автономных началах. Я этого очень хотел...» (Скоропадский П. П. С. 66–67, 82–83).

Так что Булгаков вовсе не преувеличивал намерений гетмана по территориальным вопросам. Сам же гетман, чувствуя ненависть к нему именно монархически настроенных людей, говорил об этом так: «Их лейтмотивом было: „Антанта победила, она немедленно придет и восстановит Россию, единую, нераздельную, великую. Она будет буржуазной монархией“. Когда им задавали вопрос, почему будет так, они отвечали: „Антанта хочет возвращения миллиардов, взятых в долг Россией“. Никакие доводы противника, его мнение не принимались в расчет. *Милая Украина*, которую они еще так недавно любили и куда они стремились, как в обетованную землю, стала им ненавистна. „Она будет сметена без остатка“, – это мне лично сказал один безобидный человек, далеко не правый, приходившийся мне даже дальним родственником...» (Там же. С. 96).

⁹⁸ *Полгода он издевался над русскими офицерами...* – Это булгаковское утверждение, как показывают факты, было верным. Даже гетману трудно было найти какое-то оправдание по поводу своей политики угодничества перед немцами, которые были против формирования русских офицерских корпусов. «Большинство настоящих офицеров пало в боях с немцами или стало инвалидами», – пишет он. А затем признается: «Я понимал, что у нашей армии были лишь офицерские кадры, и потому на нее мало рассчитывал...» (Там же. С. 98, 102). Возникает естественный вопрос: на кого же тогда рассчитывал гетман?

⁹⁹ *Кто терроризировал русское население этим гнусным языком...* – Сложнейший и очень тяжелый вопрос Булгаков поставил в острейшей форме. Конечно, писатель не был ненавистником украинского языка, более того, сестра писателя Н. А. Земская не раз отмечала, что они в семье знали украинский язык. Сам Булгаков часто использовал в нужных моментах украинские слова и выражения... Дело было в другом: введение украинского языка носило явный политический характер. Ведь сам гетман признавался: «Главное, что они ненавидели, это был язык...» (Там же. С. 96).

Тут сказывался чисто русский подход: делать, не зная меры... В сущности, в гетманский период было многое осуществлено в области культуры: был создан Державный оперный театр, сформирован Державный оркестр, все было подготовлено для создания Национального музея и многое другое... Но что касалось собственно языка, то тут были дикие перегибы. Например, силою навязывался украинский язык в Киеве, где русское население составляло

те не существует? Гетман. Кто развел всю эту мразь с хвостами на головах? Гетман. А теперь, когда ухватило кота поперек живота, так начали формировать русскую армию¹⁰⁰? В двух шагах враг, а они дружины, штабы? Смотрите, ой, смотрите!

– Панику сеешь, – сказал хладнокровно Карась.

Турбин обозлился.

– Я? Панику? Вы меня просто понять не хотите. Вовсе не панику, а я хочу вылить все, что у меня накипело на душе. Панику? Не беспокойся. Завтра, я уже решил, я иду в этот самый дивизион, и если ваш Малышев не возьмет меня врачом, я пойду простым рядовым. Мне это осточертело! Не панику, – кусок огурца застрял у него в горле, он бурно закашлялся и задохся, и Николка стал колотить его по спине.

– Правильно! – скрепил Карась, стукнув по столу. – К черту рядовым – устроим врачом.

– Завтра полезем все вместе, – бормотал пьяный Мышлаевский, – все вместе. Вся Александровская императорская гимназия. Ура!

– Сволочь он, – с ненавистью продолжают Турбин, – ведь он же сам не говорит на этом проклятом языке! А? Я позавчера спрашиваю эту каналью, доктора Курицкого, он, извольте ли видеть, разучился говорить по-русски с ноября прошлого года. Был Курицкий, а стал Курицкий... Так вот спрашиваю: как по-украински «кот»? Он отвечает: «Кит». Спрашиваю: «А как кит?» А он остановился, вытаращил глаза и молчит. И теперь не кланяется.

Николка с треском захохотал и сказал:

– Слова «кит» у них не может быть, потому что на Украине не водятся киты, а в России всего много. В Белом море киты есть...

– Мобилизация, – ядовито продолжал Турбин, – жалко, что вы не видели, что делалось вчера в участках. Все валютчики знали о мобилизации за три дня до приказа. Здорово? И у каждого грыжа, у всех верхушка правого легкого, а у кого нет верхушки – просто пропал, словно сквозь землю провалился. Ну, а это, братцы, признак грозный. Если уж в кофейнях шепчутся перед мобилизацией и ни один не идет – дело швах! О, каналья, каналья! – Да ведь если бы с апреля месяца он вместо того, чтобы ломать эту гнуснейшую комедию с украинцами, начал бы формирование офицерских корпусов, мы бы взяли теперь Москву. Поймите, что только здесь, в Городе, он набрал бы пятидесятитысячную армию, и какую армию! Отборную, лучшую, потому что все юнкера, все студенты, гимназисты, офицеры, а их тысячи в Городе, все пошли бы с дорожкой душой. Не только Петлюры бы духу не пахло в Малороссии, но мы бы Троцкого прихлопнули бы в Москве, как муху¹⁰¹. Самый момент: ведь там, говорят, кошек жрут. Он бы, сукин сын,

большинство и на русском языке разговаривало подавляющее большинство населения. Такой подход вызывал возмущение не только у «русофилов», но и у представителей украинской интеллигенции, в их числе были В. И. Вернадский, В. Г. Короленко, В. П. Науменко и другие. Писатель Короленко в своих дневниках приводил много кошмарных и ядовитых примеров насильственной «украинизации», а ведь он был в высшей степени демократичным и «национально ориентированным» человеком... Поэтому Булгакова нужно не обвинять по поводу его резких высказываний о «несуществующем языке», а увидеть в них желание противодействовать шовинистическому безумию.

¹⁰⁰ *А теперь, когда ухватило кота поперек живота, так начали формировать русскую армию?* – Можно только удивляться политической прозорливости Булгакова – он выявил самые существенные и самые острые вопросы гетманской (и не только гетманской) власти. Действительно, препятствуя в течение нескольких месяцев формированию русских военных соединений, германские и гетманские власти в октябре-ноябре 1918 г. инициировали образование таких частей в связи с тем, что в Германии началась грозная революция, а на Украине фактически поднялось восстание петлюровцев. Создалась опаснейшая ситуация («ухватило кота поперек живота»), и тогда П. П. Скоропадский издал 13 ноября грамоту, в которой объявил, что отныне он будет делать все возможное для будущей федерации с Россией. «Я решил опереться на русский офицерский состав и на свою Сердюкскую дивизию, на которую я рассчитывал при всех обстоятельствах. Русскому офицерскому составу я должен был немедленно объявить о федерации, так как мне все уши прожужжали, что если это будет сделано, то весь офицерский состав станет горой ради России за гетманскую Украину» (Там же. С. 104).

Но было уже поздно: за несколько недель и даже дней невозможно было организовать боеспособные части, в то время как Директория уже располагала большой армией, вооруженной не только стрелковым оружием, но и тяжелой артиллерией. Мобилизация, объявленная гетманом, началась только 9 декабря – за пять дней до капитуляции! Именно в этот пятидневный водоворот событий и попали русские офицеры и вообще все сторонники единой России и Украины.

¹⁰¹ *...мы бы взяли теперь Москву... Троцкого прихлопнули... в Москве, как муху.* – Кстати, гетман прекрасно понимал значение Украины в сложившейся ситуации, а особенно ее роль в борьбе с большевизмом. Вот его мнение по

Россию спас.

Турбин покрылся пятнами, и слова у него вылетали изо рта с тонкими брызгами слюны. Глаза горели.

– Ты... ты... тебе бы, знаешь, не врачом, а министром быть обороны, право, – заговорил Карась. Он иронически улыбался, но речь Турбина ему нравилась и зажигала его.

– Алексей на митинге незаменимый человек, оратор, – сказал Николка.

– Николка, я тебе два раза уже говорил, что ты никакой остряк, – ответил ему Турбин, – пей-ка лучше вино.

– Ты пойми, – заговорил Карась, – что немцы не позволили бы формировать армию, они боятся ее¹⁰².

– Неправда! – тоненько выкликнул Турбин. – Нужно только иметь голову на плечах, и всегда можно было бы столкнуться с германом. Нужно было бы немцам объяснить, что мы им не опасны. Кончено. Война нами проиграна! У нас теперь другое, более страшное, чем война, чем немцы, чем все на свете. У нас – Троцкий¹⁰³. Вот что нужно было сказать немцам: вам нужен сахар, хлеб? – Берите, лопайте, кормите солдат. Подавитесь, но только помогите. Дайте формироваться, ведь это вам же лучше, мы вам поможем удержать порядок на Украине, чтобы наши бо-

этому вопросу: «Гетманская Украина представляла громаднейший и богатейший плацдарм, поддерживавший здоровое украинство, но тем не менее не враждебный России. Все ее помыслы были обращены на борьбу с большевизмом. Только с Украины можно было нанести решительный удар по большевикам, только Украина могла поддержать и Дон, и Деникина без обращения к иностранным державам. С падением Гетманщины неминуемы были Петлюра и Винниченко с галицийской ориентацией, совершенно нам, русским украинцам, несвойственной, с униатством, с крайней социалистической программой наших доморожденных демагогов, которая, несомненно, вела к большевизму...» (Там же. С. 27–28). Такое ясное понимание ситуации, и в то же время практически ничего не было сделано гетманом для создания прорусской армии, ибо он сам ее опасался, чтобы не повредить «здоровому украинству». В результате же «нездоровое украинство», возглавляемое Петлюрой и Винниченко и фактически поддерживаемое большевиками, снесло гетманство и создало все предпосылки к вторжению большевиков настоящих.

¹⁰² ...немцы не позволили бы формировать армию, они боятся ее. – Эта мысль отражала фактическое состояние дела, ибо немцы были категорически против не только формирования прорусской армии, но и возражали и препятствовали созданию национальных украинских частей. Однако Булгаков говорит не о том, что было, а о том, как разумно нужно было действовать.

¹⁰³ У нас теперь другое, более страшное, чем война, чем немцы, чем все на свете. У нас – Троцкий. – Быть может, это самая смелая мысль, высказанная Булгаковым в романе и проведенная им последовательно и до конца. Троцкий в произведениях Булгакова занимает особое место. Ни одна из зловещих фигур того времени не отмечена так значительно и так высоко, как Троцкий. Для Булгакова это был не только наместник дьявола на земле, но и существо, от которого зависела судьба России. Страшное, чудовищное, всесильное, магическое, неукротимое существо, несомненно попущенное сверху за грехи великие. Булгаков внимательнейшим образом наблюдал за каждым шагом Троцкого и уловил момент, когда этот зверь стал терять силу. 8 января 1924 г. писатель открыл новый год следующей записью в своем дневнике:

«Сегодня в газетах: бюллетень о состоянии здоровья Л. Д. Троцкого.

Начинается словами: „Л. Д. Троцкий 5-го ноября прошлого года болел инфлуэнцией...“, кончается: „отпуск с полным освобождением от всяких обязанностей, на срок не менее 2-х месяцев“. Комментарии к этому историческому бюллетеню излишни.

Итак, 8-го января 1924 г. Троцкого выставили. Что будет с Россией, знает один Бог. Пусть Он ей поможет!»

В этот период писатель вел не дневник в общепринятом смысле этого слова (подневные записи), а записывал изредка в тетрадь только важнейшие события или мысли. Так что следующая запись оказалась не менее значимой и не менее исторической. Вот эта запись:

«22-го января 1924 года.

9-го января 1924 г. по старому стилю.

Сейчас только что (пять с половиною часов вечера) Семка сообщил, что Ленин скончался. Об этом, по его словам, есть официальное сообщение».

Несмотря на не совсем историческое – «Семка сообщил», весь остальной текст звучит как эпохальный.

Булгаков, конечно, остро ощущал неординарность происходивших событий, если в романе (третья запись в дневнике 25 февраля: «...я читал куски из „Белой гвардии“...») придал Троцкому значение более страшное, «чем все на свете».

Булгаков оценивал Троцкого не только с точки зрения его личных качеств, но прежде всего по возможным последствиям его политической линии, интуитивно, видимо, предполагая, что Россия будет использована этим ультраревольюционером в качестве «аргумента» (идеологического, материального и военного) для свершения вождьенной «мировой революции».

гоносцы не заболели московскою болезнью. И будь сейчас русская армия в Городе, мы бы железной стеной были отгорожены от Москвы. А Петлюру... к-х... – Турбин яростно закашлялся.

– Стой! – Шервинский встал. – Погоди. Я должен сказать в защиту гетмана. Правда, ошибки были допущены, но план у гетмана был правильный. О, он дипломат. Край украинский, здесь есть элементы, которые хотят балакать на этой мове своей, – пусть!

– Пять процентов, а девяносто пять – русских!..

– Верно. Но они сыграли бы роль э... э... вечного бродила, как говорит князь. Вот и нужно было их утихомирить. Впоследствии же гетман сделал бы именно так, как ты говоришь: русская армия, и никаких гвоздей. Не угодно ли? – Шервинский торжественно указал куда-то рукой. – На Владимирской улице уже развеваются трехцветные флаги.

– Опоздали с флагами!

– Гм, да. Это верно. Несколько опоздали, но князь уверен, что ошибка поправима.

– Дай Бог, искренне желаю. – И Турбин перекрестился на икону Божией Матери в углу.

– План же был таков, – звучно и торжественно выговорил Шервинский, – когда война кончилась бы, немцы оправились бы и оказали бы помощь в борьбе с большевиками. Когда же Москва была бы занята, гетман торжественно положил бы Украину к стопам¹⁰⁴ его императорского величества государя императора Николая Александровича.

После этого сообщения в столовой наступило гробовое молчание. Николка горестно побелел.

– Император убит, – прошептал он.

– Какого Николая Александровича? – спросил ошеломленный Турбин, а Мышлаевский, качнувшись, искоса глянул в стакан к соседу. Ясно: крепился, крепился и вот напился, как зонтик.

Елена, положив голову на ладони, в ужасе посмотрела на улана.

Но Шервинский не был особенно пьян, он поднял руку и сказал мощно:

– Не спешите, а слушайте. Н-но, прошу господ офицеров (Николка покраснел и побледнел) молчать пока о том, что я сообщу. Ну-с, вам известно, что произошло во дворце императора Вильгельма, когда ему представлялась свита гетмана¹⁰⁵?

– Никакого понятия не имеем, – с интересом сообщил Карась.

– Ну-с, а мне известно.

– Тю! Ему все известно, – удивился Мышлаевский. – Ты ж не ездил...

– Господа! Дайте же ему сказать.

– После того как император Вильгельм милостиво поговорил со свитой, он сказал: «Теперь я с вами прощаюсь, господа, а о дальнейшем с вами будет говорить...» Портьера раздвинулась, и в зал вошел наш государь. Он сказал: «Поезжайте, господа офицеры, на Украину и формируйте ваши части. Когда же настанет момент, я лично стану во главе армии и поведу ее в сердце России – в Москву» – и прослезился.

Шервинский светло обвел глазами все общество, залпом глотнул стакан вина и зажмурился. Десять глаз уставились на него, и молчание царствовало до тех пор, пока он не сел и не закурил ветчиной.

– Слушай... это легенда, – болезненно сморщившись, сказал Турбин. – Я уже слышал эту историю.

¹⁰⁴ ...план у гетмана был правильный... Край украинский... хотят балакать на этой мове... Впоследствии же гетман... положил бы Украину к стопам... – В коротком выступлении Шервинского Булгаков сформулировал, по сути, всю программу Скоропадского, о которой впоследствии гетман распространялся довольно часто. Например: «Я глубоко убежден, что моя политика была правильна и в отношении Великороссии, и в отношении Украины. Только идя тем путем, которым я шел, можно было создать Украину, и тем же путем можно было во сто крат легче восстановить Россию... Я не скрываю, что хочу лишь широко децентрализованной России; чтобы жила Украина и украинский народ; чтобы в теснейшем союзе отдельных областей и государств Украина занимала достойное место и чтобы все эти области и государства сливались бы, как равные с равным, в одном могучем организме по имени Великая Россия...» (Скоропадский П. П. С. 88). Расхождения здесь только в одном: Шервинский говорит об империи самодержавной, а Скоропадский, скорее всего, о государстве федеративном.

¹⁰⁵ ...во дворце императора Вильгельма, когда ему представлялась свита гетмана? – Визит гетманской делегации в Берлин состоялся в начале сентября 1918 г.

– Убиты все, – сказал Мышлаевский, – и государь, и государыня, и наследник.

Шервинский покосился на печку, глубоко набрал воздуха и молвил:

– Напрасно вы не верите. Известие о смерти его императорского величества...

– Несколько преувеличено, – спяна сострил Мышлаевский.

Елена возмущенно дрогнула и показалась из тумана.

– Витя, тебе стыдно. Ты офицер.

Мышлаевский нырнул в туман.

–...вымыслено самими же большевиками. Государю удалось спастись при помощи его верного гувернера... то есть, виноват, гувернера наследника, мосье Жильяра и нескольких офицеров, которые вывезли его... э... в Азию. Оттуда они проехали в Сингапур и морем в Европу. И вот государь ныне находится в гостях у императора Вильгельма.

– Да ведь Вильгельма же тоже выкинули? – начал Карась.

– Они оба в гостях в Дании, с ними же и августейшая мать государя, Мария Федоровна¹⁰⁶. Если ж вы мне не верите, то вот-с: сообщил мне это лично сам князь.

Николкина душа стонала, полная смятения. Ему хотелось верить.

– Если это так, – вдруг восторженно заговорил он и вскочил, вытирая пот со лба, – я предлагаю тост: здоровье его императорского величества! – Он блеснул стаканом, и золотые граненые стрелы пронзили германское белое вино. Шпоры загремели о стулья. Мышлаевский поднялся, качаясь и держась за стол. Елена встала. Золотой серп ее развился, и пряди обвисли на висках.

– Пусть! Пусть! Пусть даже убит, – надломленно и хрипло крикнула она. – Все равно. Я пью. Я пью.

– Ему никогда, никогда не простится его отречение на станции Дно. Никогда¹⁰⁷. Но все равно, мы теперь научены горьким опытом и знаем, что спасти Россию может только монархия¹⁰⁸. Поэтому, если император мертв, да здравствует император! – Турбин крикнул и поднял стакан.

– Ур-ра! Ур-ра! Ур-ра-а!! – трижды в грохоте пронеслось по столовой.

Василиса вскочил внизу в холодном поту. Со сна он завопил истошным голосом и разбудил Ванду Михайловну.

– Боже мой... бо... бо... – бормотала Ванда, цепляясь за его сорочку.

– Что же это такое? Три часа ночи! – завопил, плача, Василиса, адресуясь к черному потолку. – Я жаловаться, наконец, буду!

Ванда захныкала. И вдруг оба окаменели. Сверху явственно, просачиваясь сквозь потолок, выплывала густая масляная волна и над ней главенствовал мощный, как колокол, звенящий баритон:

*...си-ильный, де-ержавный,
царrr-ствуй на славу...*

Сердце у Василисы остановилось, и вспотели цыганским потом даже ноги. Суконно шевеля языком, он забормотал:

– Нет... они, того, душевнобольные... Ведь они нас под такую беду могут подвести, что не расхлебаешь. Ведь гимн же запрещен! Боже ты мой, что же они делают? На улице-то, на улице

¹⁰⁶ ...Вильгельма же тоже выкинули?.. оба в гостях в Дании, с ними же и августейшая... Мария Федоровна. – Из всей этой преднамеренно распространяемой большевиками лжи соответствовало истине только одно: в Дании находилась императрица Мария Федоровна (1847–1928). Царская семья во главе с императором Николаем II была зверски убита, а император Вильгельм (1859–1941) отрекся от престола и выехал в Голландию.

¹⁰⁷ – Ему никогда, никогда не простится его отречение на станции Дно. Никогда. – Это была твердая позиция Булгакова: он полагал, что русский государь ни при каких условиях не мог отречься от престола. Такую же мысль высказал в свое время Н. М. Карамзин в беседе с императором Александром I. Характерно, что Булгаков придерживался этого мнения до конца своей жизни.

¹⁰⁸ ...спасти Россию может только монархия. – И это убеждение Булгаков пронес через свою жизнь. В 20-е гг. верил еще в возможность возврата к прошлому, затем эта вера стала постепенно угасать.

слышно!!

Но Ванда уже свалилась как камень и опять заснула. Василиса же лег лишь тогда, когда последний аккорд расплылся наверху в смутном грохоте и вскрикиваниях.

– На Руси возможно только одно: вера православная, власть самодержавная! – покачиваясь, кричал Мышлаевский.

– Верно!

– Я... был на «Павле Первом»¹⁰⁹... неделю тому назад... – заплетаясь, бормотал Мышлаевский, – и когда артист произнес эти слова, я не выдержал и крикнул: «Верр-но!» – и что ж вы думаете, кругом заплодировали. И только какая-то сволочь в ярусе крикнула: «Идиот!»

– Жи-ды, – мрачно крикнул опьяневший Карась.

Туман. Туман. Туман. Тонк-танк... тонк-танк... Уже водку пить немислимо, уже вино пить немислимо, идет в душу и обратно возвращается. В узком ущелье маленькой уборной, где лампа прыгала и плясала на потолке, как заколдованная, все мутилось и ходило ходуном. Бледного, замученного Мышлаевского тяжко рвало. Турбин, сам пьяный, страшный, с дергающейся щекой, со слипшимися на лбу волосами, поддерживал Мышлаевского.

– А-а...

Тот наконец со стоном откинулся от раковины, мучительно завел угасающие глаза и обвис на руках у Турбина, как вытряхнутый мешок.

– Ни-колка, – прозвучал в дыму и черных полосах чей-то голос, и только через несколько секунд Турбин понял, что это голос его собственный. – Ни-колка! – повторил он. Белая стенка уборной качнулась и превратилась в зеленую. «Боже-е, Боже-е, как тошно и противно. Не буду, клянусь, никогда мешать водку с вином». – Никол...

– А-а, – хрипел Мышлаевский, оседая к полу.

Черная щель расширилась, и в ней появилась Николкина голова и шеврон.

– Никол... помоги, бери его. Бери так, под руку.

– Ц... ц... ц... Эх, эх, – жалостливо качая головой, бормотал Николка и напрягался. Полумертвое тело моталось, ноги, шаркая, разъезжались в разные стороны, как на нитке, висела убитая голова. Тонк-танк. Часы ползли со стены и опять на нее садились. Букетами плясали цветики на чашках. Лицо Елены горело пятнами, и прядь волос танцевала над правой бровью.

– Так. Клади его.

– Хоть халат-то запахни ему. Ведь неудобно, я тут. Проклятые черти. Пить не умеете. Витька! Витька! Что с тобой? Вить...

– Брось. Не поможет. Николушка, слушай. В кабинете у меня... на полке склянка, написано *Liquor ammonii*, а угол оборван к чертям, видишь ли... нашатырным спиртом пахнет.

– Сейчас... сейчас... Эх-эх.

– И ты, доктор, хорош...

– Ну, ладно, ладно.

– Что? Пульса нету?

– Нет, вздор, отойдет.

– Таз! Таз!

– Таз извольте.

– А-а-а...

– Эх, вы!

Резко бьет нашатырный отчаянный спирт. Карась и Елена раскрывали рот Мышлаевскому, Николка поддерживал его, и два раза Турбин лил ему в рот помутившуюся белую воду.

– А... хрр... у-ух... Тьф... фэ...

– Снегу, снегу...

– Господи Боже мой. Ведь это нужно ж так...

¹⁰⁹ – *На Руси возможно только одно: вера православная, власть самодержавная!*... на «Павле Первом»... – «Павел Первый» – пьеса Д. С. Мережковского, поставленная в 1918 г. в Киеве в театре Соловцова. Между прочим, генерал Талызин в этой пьесе произносит такие слова: «Российская империя столь велика и обширна, что кроме государя самодержавного, всякое иное правление неудобовозможно и пагубно... Одна Россия, как некий колосс непоколебимый, стоит, и основание этого колосса – вера православная, власть самодержавная». Булгаков, большой любитель театра, наверняка посещал эти спектакли.

Мокрая тряпка лежала на лбу, с нее стекали на простыни капли, под тряпкой виднелись закотившиеся под набрякшие веки воспаленные белки глаз, и синеватые тени лежали у обострившегося носа. С четверть часа, толкая друг друга локтями, суетясь, возились с побежденным офицером, пока он не открыл глаза и не прохрипел:

– Ах... пусти...

– Тэк-с, ну ладно, пусть здесь и спит.

Во всех комнатах загорелись огни, ходили, приготавливая постели.

– Леонид Юрьевич, вы тут ляжете, у Николки.

– Слушаюсь.

Шервинский, медно-красный, но бодрящийся, щелкнул шпорами и, поклонившись, показал прибор. Белые руки Елены замелькали над подушками на диване.

– Не затрудняйтесь... я сам.

– Отойдите вы. Чего подушку за ухо тянете? Ваша помощь не нужна.

– Позвольте ручку поцеловать...

– По какому поводу?

– В благодарность за хлопоты.

– Обойдетесь пока... Николка, ты у себя на кровати. Ну, как он?

– Ничего, отошел, проспится.

Белым застелили два ложа и в комнате, предшествующей Николкиной. За двумя тесно сдвинутыми шкафами, полными книг. Так и называлась комната в семье профессора – книжная.

И погасли огни, погасли в книжной, в Николкиной, в столовой. Сквозь узенькую щель между полотнищами портьеры в столовую вылезла темно-красная полоска из спальни Елены. Свет ее томил, поэтому на лампочку, стоящую на тумбе у кровати, надела она темно-красный театральный капор. Когда-то в этом капоре Елена ездила в театр вечером, когда от рук и меха и губ пахло духами, а лицо было тонко и нежно напудрено и из коробки капора глядела Елена, как Лиза глядит из «Пиковой дамы». Но капор обветшал, быстро и странно в один последний год, и сборки ссеклись и потускнели, и потерлись ленты. Как Лиза «Пиковой дамы», рыжеватая Елена, свесив руки на колени, сидела на приготовленной кровати в капоте. Ноги ее были босы, погружены в старенькую, вытертую медвежью шкуру. Недолговечный хмель ушел совсем, и черная громадная печаль одевала Еленину голову, как капор. Из соседней комнаты, глухо, сквозь дверь, задвинутую шкафом, доносился тонкий свист Николки и жизненный, бодрый храп Шервинского. Из книжной молчание мертвенного Мышлаевского и Карася. Елена была одна и поэтому не сдерживала себя и беседовала то вполголоса, то молча, едва шевеля губами, с капором, налитым светом, и с черными двумя пятнами окон.

– Уехал...

Она пробормотала, сощурила сухие глаза и задумалась. Мысли ее были непонятны ей самой. Уехал, и в такую минуту. Но позвольте, он очень резонный человек и очень хорошо сделал, что уехал... Ведь это же к лучшему...

– Но в такую минуту... – бормотала Елена и глубоко вздохнула.

– Что за такой человек? – Как будто бы она его полюбила и даже привязалась к нему. И вот сейчас чрезвычайная тоска в одиночестве комнаты, у этих окон, которые сегодня кажутся гробовыми. Но ни сейчас, ни все время – полтора года, – что прожила с этим человеком, и не было в душе самого главного, без чего не может существовать ни в коем случае даже такой блестящий брак между красивой, рыжей, золотой Еленой и генерального штаба карьеристом, брак с капорами, с духами, со шпорами и облегченный, без детей. Брак с генерально-штабным, осторожным прибалтийским человеком. И что это за человек? Чего же это такого нет главного, без чего пуста моя душа?

– Знаю я, знаю, – сама сказала себе Елена, – уважения нет. Знаешь, Сережа, нет у меня к тебе уважения, – значительно сказала она красному капору и подняла палец. И, сама ужаснувшись тому, что сказала, ужаснулась своему одиночеству и захотела, чтобы он тут был сию минуту. Без уважения, без этого главного, но чтобы был в эту трудную минуту здесь. Уехал. И братья поцеловались. Неужели же так нужно? Хотя позвол-ка, что ж я говорю? А что бы они сделали?

Удерживать его? Да ни за что. Да пусть лучше в такую трудную минуту его и нет, и не надо, но только не удерживать. Да ни за что. Пусть едет. Поцеловаться-то они поцеловались, но ведь в глубине души они его ненавидят. Ей-Богу. Так вот все лжешь себе, лжешь, а как задумаешься, – все ясно – ненавидят. Николка, тот еще добрее, а вот старший... Хотя нет. Алеша тоже добрый, но как-то он больше ненавидит. Господи, что же это я думаю? Сережа, что это я о тебе думаю? А вдруг отрежут... Он там останется, я здесь...

– Мой муж, – сказала она, вздохнувши, и начала расстегивать капотик. – Мой муж...

Капор с интересом слушал, и щеки его осветились жирным красным светом. Спрашивал:

– А что за человек твой муж?

– Мерзавец он. Больше ничего! – сам себе сказал Турбин, в одиночестве через комнату и переднюю от Елены. Мысли Елены передались ему и жгли его уже много минут. – Мерзавец, а я действительно тряпка. Если уж не выгнал его, то, по крайней мере, нужно было молча уйти. По-езжай к чертям. Не потому даже мерзавец, что бросил Елену в такую минуту, это, в конце концов, мелочь, вздор, а совсем по-другому. Но вот почему? А черт, да понятен он мне совершенно. О, чертова кукла, лишённая малейшего понятия о чести! Все, что ни говорит, говорит, как бесструнная балалайка, и это офицер русской военной академии. Это лучшее, что должно было быть в России...

Квартира молчала. Полоска, выпадавшая из спальни Елены, потухла. Она заснула, и мысли ее потухли, но Турбин еще долго мучился у себя в маленькой комнате, у маленького письменного стола. Водка и германское вино удружили ему плохо. Он сидел и воспаленными глазами глядел в страницу первой попавшейся ему книги и вычитывал, бессмысленно возвращаясь к одному и тому же: «Русскому человеку честь – одно только лишнее бремя...»¹¹⁰

Только под утро он разделся и уснул, и вот во сне явился к нему маленького роста кошмар в брюках в крупную клетку и глумливо сказал:

– Голым профилем на ежа не сядешь!.. Святая Русь – страна деревянная, нищая и... опасная, а русскому человеку честь – только лишнее бремя.

– Ах ты! – вскричал во сне Турбин. – Г-гадина, да я тебя. – Турбин во сне полез в ящик стола доставать браунинг, сонный, достал, хотел выстрелить в кошмар, погнался за ним, и кошмар пропал.

Часа два тек мутный, черный, без сновидений сон, а когда уже начало светать бледно и нежно¹¹¹ за окнами комнаты, выходящей на застекленную веранду, Турбину стал сниться Город.

4

¹¹⁰ ...глядел в страницу первой попавшейся ему книги и вычитывал, бессмысленно возвращаясь к одному и тому же: «Русскому человеку честь – одно только лишнее бремя...» – Здесь и далее Булгаков цитирует роман Достоевского «Бесы», который именно в годы революции и Гражданской войны привлек внимание интеллигенции, понявшей наконец, какое судьбоносное значение имели предупреждения великого писателя... Куприн, например, сопоставляя текст «Бесов» с реальной действительностью конца 1919 г., был потрясен совпадениями и записал: «Страшная книга. Изумительная, беспощадная, пророческая книга. Апокалипсис ближайших дней, глумливый и гневный, начертавший образами, жившими пятьдесят лет тому назад, всю суть нынешнего большевизма... Что же это? Достоевский ли был таким зловещим пророком, или большевики целиком воспользовались его гениальной буффонадой, чтобы превратить ее в свой катехизис? А может быть, современные потрясатели всемирного покоя – всего-навсего лишь преемники старого русского нигилизма... выскочившего, подобно сероводородному пузырю, на болоте усталости и скорби русской земли?» (Новая русская жизнь. 1920. 10 января).

Булгакова также волновал этот роман и особенно те места в нем, где Достоевский предупреждал: многочисленные «бесы», расплодившиеся в среде русской интеллигенции, и среди них некие кармазиновы, много лет приучавшие русских людей к мысли о своей неполноценности, второсортности, представляют великую угрозу для России. Булгаков в данном случае обрушивается на следующие сентенции Кармазинова: «Святая Русь – страна деревянная, нищая и... опасная... Тут все обречено и приговорено. Россия, как она есть, не имеет будущности. Я сделался немцем и вменяю это себе в честь... Русскому человеку честь одно только лишнее бремя. Да и всегда было бременем, во всю его историю».

¹¹¹ ...светать бледно и нежно... – В поздн. правке: «...бледно и волшебю...»

Как многоярусные соты, дымился, и шумел, и жил Город. Прекрасный в морозе и тумане на горах, над Днепром. Целыми днями винтами шел из бесчисленных труб дым к небу. Улицы курились дымкой, и скрипел сбитый гигантский снег. И в пять, и в шесть, и в семь этажей громоздились дома. Днем их окна были черны, а ночью горели рядами в темно-синей выси. Цепочками, сколько хватало глаз, как драгоценные камни, сияли электрические шары, высоко подвешенные на закорючках серых длинных столбов. Днем с приятным ровным гудением бегали трамваи с желтыми соломенными пухлыми сидениями, по образцу заграничных. Со ската на скат, покрякивая, ехали извозчики, и темные воротники – мех серебристый и черный – делали женские лица загадочными и красивыми.

Сады стояли безмолвные и спокойные, отягченные белым, нетронутым снегом. И было садов в Городе так много, как ни в одном городе мира. Они раскинулись повсюду огромными пятнами, с аллеями, каштанами, оврагами, кленами и липами.

Сады красовались на прекрасных горах, нависших над Днепром, и, уступами поднимаясь, расширяясь, порою пестря миллионами солнечных пятен, порою в нежных сумерках, царствовал вечный Царский сад. Старые сгнившие черные балки парапета не преграждали пути прямо к обрывам на страшной высоте. Отвесные стены, заметенные вьюгою, падали на нижние далекие террасы, а те расходились все дальше и шире, переходили в береговые рощи над шоссе, вьющиеся по берегу великой реки, и темная скованная лента уходила туда, в дымку, куда далее с городских высот не хватает человеческих глаз, где седые пороги, Запорожская Сечь, и Херсонес, и дальнейшее море.

Зимой, как ни в одном городе мира, упал покой на улицах и переулках и верхнего Города, на горах, и Города нижнего, раскинувшегося в излучине¹¹² замерзшего Днепра, и весь машинный гул уходил внутрь каменных зданий, смягчался и ворчал довольно глухо. Вся энергия Города, накопленная за солнечное и грозное лето, выливалась в свете. Свет с четырех часов дня начинал загораться в окнах домов, в круглых электрических шарах, в газовых фонарях, в фонарях домовых, с огненными номерами, и в стеклянных сплошных окнах электрических станций, наводящих на мысль о страшном и суетном электрическом будущем человечества, в их сплошных окнах, где были видны неустанно мотающие свои отчаянные колеса машины, до корня расшатывающие самое основание земли. Играл светом и переливался, светился и танцевал и мерцал¹¹³ Город по ночам до самого утра, а утром угасал, одевался дымом и туманом.

Но лучше всего сверкал электрический белый крест в руках громаднейшего Владимира¹¹⁴ на Владимирской горке, и был он виден далеко, и часто летом, в черной мгле, в путаных заводах и изгибах старика-реки, из ивняка, лодки видели его и находили по его свету водяной путь на Город, к его пристаням. Зимой крест сиял в черной гуще небес и холодно и спокойно царил над темными пологими далями московского берега, от которого были перекинута два громадных моста. Один цепной, тяжкий, Николаевский, ведущий в слободку на том берегу, другой – вышеченный, стреловидный, по которому прибегали поезда оттуда, где очень, очень далеко сидела, раскинув свою пеструю шапку, таинственная Москва¹¹⁵.

И вот, в зиму 1918 года, Город жил странною, неестественной жизнью, которая, очень возможно, уже не повторится в двадцатом столетии. За каменными стенами все квартиры были пе-

¹¹² ...раскинувшегося в излучине... – В поздн. правке: «...разлегшегося в излучине...»

¹¹³ ...светился и танцевал и мерцал... – В поздн. правке: «...танцевал и сиял...»

¹¹⁴ ...белый крест в руках громаднейшего Владимира... – Владимир Святославович, в крещении Василий, великий князь киевский, святой и равноапостольный, прозванный в народе Красным Солнышком (?–1015), славен многими делами, но прежде всего тем, что крестил Русь.

Памятник великому князю Владимиру сооружен в 1853 г. по проекту В. И. Демут-Малиновского (фигуру исполнил П. К. Клодт) на Михайловской горке, ставшей с того времени Владимирской горкой.

¹¹⁵ ...таинственная Москва. – В поздн. правке: «...самый странный город в мире – Москва».

реполнены. Свои давнишние исконные жители жались и продолжали сжиматься дальше¹¹⁶, волею-неволею впуская новых пришельцев, устремлявшихся на Город. И те как раз и приезжали по этому стреловидному мосту оттуда, где загадочные сизые дымки.

Бежали седоватые банкиры со своими женами, бежали талантливые дельцы, оставившие доверенных помощников в Москве, которым было поручено не терять связи с тем новым миром, который нарождался в Московском царстве, домовладельцы, покинувшие дома верным тайным приказчикам, промышленники, купцы¹¹⁷, адвокаты, общественные деятели. Бежали журналисты, московские и петербургские, продажные, алчные, трусливые. Кокотки. Честные дамы из аристократических фамилий. Их нежные дочери, петербургские бледные развратницы с накрашенными карминовыми губами. Бежали секретари директоров департаментов, юные пассивные педерасты. Бежали князья и алтынники, поэты и ростовщики, жандармы и актрисы императорских театров. Вся эта масса, просачиваясь в щель, держала свой путь на Город.

Всю весну, начиная с избрания гетмана, он наполнялся и наполнялся пришельцами. В квартирах спали на диванах и стульях. Обедали огромными обществами за столами в богатых квартирах. Открылись бесчисленные съестные лавки-паштетные, торговавшие до глубокой ночи, кафе, где подавали кофе и где можно было купить женщину, новые театры миниатюр, на подмостках которых кривлялись и смешили народ все наиболее известные актеры, слетевшиеся из двух столиц, открылся знаменитый театр «Лиловый негр» и величественный, до белого утра гремящий тарелками клуб «Прах»¹¹⁸ (поэты – режиссеры – артисты – художники) на Николаевской улице. Тотчас же вышли новые газеты, и лучшие перья в России начали писать в них фельетоны и в этих фельетонах поносить большевиков. Извозчики целыми днями таскали седоков из ресторана в ресторан, и по ночам в кабаре играла струнная музыка, и в табачном дыму светились неземной красоты лица белых, истощенных, закокаиленных проституток.

Город разбухал, ширился, лез, как опара из горшка. До самого рассвета шелестели игорные клубы, и в них играли личности петербургские и личности городские, играли важные и гордые немецкие лейтенанты и майоры, которых русские боялись и уважали. Играли арапы из клубов Москвы и украинско-русские, уже висающие на волоске помещики. В кафе «Максим» соловьем свистал на скрипке обаятельный сдобный румын, и глаза у него были чудесные, печальные, томные, с синеватым белком, а волосы – бархатные. Лампы, увитые цыганскими шальями, бросали два света – вниз белый электрический, а вбок и вверх оранжевый. Звездою голубого пыльного

¹¹⁶ ...продолжали сжиматься дальше... – В поздн. правке: «...продолжали сжиматься, а дальше...»

¹¹⁷ Бежали седоватые банкиры со своими женами, бежали талантливые дельцы... домовладельцы... промышленники, купцы... – М. Петровский сравнил этот важный кусочек «бега» в романе Булгакова с рассказом Ефима Зозули «Рассказ об Аке и человечестве» и предположил, что Булгаков творчески использовал фрагменты этого рассказа в своем сочинении, прежде всего для большей выразительности, ритмики «бега» (*Петровский М.* Смех под знаком Апокалипсиса // Вопросы литературы. 1991. №5. С. 3–5). Мы приведем небольшой фрагмент из рассказа Е. Зозули:

«Бежали по улице толпы. Бежали краснощекие молодые мужчины с беспредельным ужасом на лицах. Скромные служащие контор и учреждений. Женихи в чистых манжетах. Хоровые певцы из любительских союзов. Франты, рассказчики анекдотов. Биллиардисты. Вечерние посетители кинематографов. Карьеристы, пакостники, жулики...» Впервые этот рассказ был опубликован в журнале «Зори» (Киев, 1919. № 1).

¹¹⁸ ...знаменитый театр «Лиловый негр» и величественный... клуб «Прах»... – В то время в Киеве гастролировали многие «знаменитые» театры типа «Летучей мыши», «Кривого Джимми» и тому подобных. Относительно «Праха» (поэты – режиссеры – артисты – художники) можно с уверенностью сказать, что Булгаков имел в виду киевский литературно-артистический клуб («Клак»), преобразованный позже в «Хлам» (художники, литераторы, актеры, музыканты). М. Петровский приводит воспоминания Тэффи, касающиеся киевского периода (лето 1918 г.), когда ее, только что сошедшую на перрон, ошеломил один из корреспондентов: «Что здесь делается!.. Город сошел с ума!.. Здесь „Летучая мышь“... Открывается кабаре с Курихиным... На днях ждут Лоло... Затевадается новая газета... Василевский (Не-Буква) тоже задумал газету... Здесь жизнь бьет ключом... Рестораны ошалели от наплыва публики. Открываются все новые „уголки“ и „кружки“...» (*Петровский М.* С. 19–20). Даже П. П. Скоропадский не преминул упомянуть недобрым словом любителей увеселений: «...нужно указать еще на другую категорию приезжих, которые... находили утешение или в бешеной спекуляции, или же делались постоянными завсегдатаями всяких „Би-ба-бо“, „Шато-де-флер“ и других подобных заведений, которые в Киеве, несмотря на периодические гонения... всегда процветали...» (*Скоропадский П. П.* С. 58–59). И даже в тревожное время смены властей в газетах появлялись такие объявления: «Открытие „Подвала Кривого Джимми“ на Фундуклеевской, 1; кафе „Франсуа“; „Кабаре „Черная Кошка““ (б. „Эльдорадо“), Николаевская, 8. Ежедневно в 6 часов вечера. Лучшие артисты. Отличная кухня» (*Collegium.* С. 133,135).

шелку разливался потолок, в голубых ложах сверкали крупные бриллианты¹¹⁹ и лоснились рыжеватые сибирские меха. И пахло жженым кофе, потом, спиртом и французскими духами. Все лето восемнадцатого года по Николаевской шаркали дутые лихачи, в наваченных кафтанах, и в ряд до света конусами горели машины. В окнах магазинов мохнатились цветочные леса¹²⁰, бревнами золотистого жиру висели балыки, орлами и печатями томно сверкали бутылки прекрасного шампанского вина «Абрау».

И все лето, и все лето напирала и напирала новые. Появились хрящевато-белые с серенькой бритой щетинкой на лицах, с сияющими лаком штиблетами и наглыми глазами тенорасолисты, члены Государственной думы в пенсне, б... со звонкими фамилиями, биллиардные игроки... водили девок в магазины покупать краску для губ и дамские штаны из батиста с чудовищным разрезом. Покупали девкам лак.

Гнали письма в единственную отдушину, через смутную Польшу (ни один черт не знал, кстати говоря, что в ней творится и что это за такая новая страна – Польша¹²¹), в Германию, великую страну честных тевтонов, запрашивая визы, переводя деньги, чуя, что, может быть, придется ехать дальше и дальше, туда, куда ни в коем случае не достигнет страшный бой и грохот большевистских боевых полков¹²². Мечтали о Франции, о Париже, тосковали при мысли, что попасть туда очень трудно, почти невозможно. Еще больше тосковали во время тех страшных и не совсем ясных мыслей, что вдруг приходили в бессонные ночи на чужих диванах.

– А вдруг? а вдруг? а вдруг? лопнет этот железный кордон... И хлынут серые. Ох, страшно...

Приходили такие мысли в тех случаях, когда далеко, далеко слышались мягкие удары пушек, – под Городом стреляли почему-то все лето, блистательное и жаркое, когда всюду и везде охраняли покой металлические немцы, а в самом Городе постоянно слышались глухонькие выстрелы на окраинах: па-па-пах.

Кто в кого стрелял – никому не известно. Это по ночам. А днем успокаивались, видели, как временами по Крещатику, главной улице, или по Владимирской проходил полк германских гусар. Ах, и полк же был! Мохнатые шапки сидели над гордыми лицами, и чешуйчатые ремни сковывали каменные подбородки, рыжие усы торчали стрелами вверх. Лошади в эскадронах шли одна к одной, рослые, рыжие четырехвершковые лошади, и серо-голубые френчи сидели на шестистах всадниках, как чугунные мундиры их грузных германских вождей на памятниках городка Берлина.

Увидав их, радовались и успокаивались и говорили далеким большевикам, злорадно скаля зубы из-за колючей пограничной проволоки:

– А ну, суньтесь!

Большевиков ненавидели. Но не ненавистью в упор, когда ненавидящий хочет идти драться и убивать, а ненавистью трусливой, шипящей, из-за угла, из темноты. Ненавидели по ночам, засыпая в смутной тревоге, днем в ресторанах, читая газеты, в которых описывалось, как большевики стреляют из маузеров в затылки офицерам и банкирам и как в Москве торгуют лавочники лошадиным мясом, зараженным сапом. Ненавидели все – купцы, банкиры, промышленники, адвокаты, актеры, домовладельцы, кокотки, члены государственного совета, инженеры, врачи и писатели...

Были офицеры. И они бежали и с севера и с запада – бывшего фронта – и все направлялись в Город, их было очень много и становилось все больше. Рискуя жизнью, потому что им, боль-

¹¹⁹ ...сверкали крупные бриллианты... – В поздн. правке: «...играли крупные бриллианты...»

¹²⁰ ...мохнатились цветочные леса... – В поздн. правке: «...косматились цветочные леса...»

¹²¹ ...что это за такая новая страна – Польша... – Булгаков тем самым выражает свое отрицательное отношение к самостоятельной Польше, независимость которой была объявлена 7 ноября 1918 г. в Люблине.

¹²² ...большевистских боевых полков. – В поздн. правке: «...большевистских боевых архангелов».

шею частью безденежным и носившим на себе неизгладимую печать своей профессии, было труднее всего получить фальшивые документы и пробраться через границу. Они все-таки сумели пробраться и появиться в Городе с травленными взорами, вшивые и небритые, беспогонные, и начинали в нем приспособляться, чтобы есть и жить. Были среди них исконные старые жители этого Города, вернувшиеся с войны в насиженные гнезда с той мыслью, как и Алексей Турбин, – отдыхать и отдыхать и устраивать заново не военную, а обыкновенную человеческую жизнь, и были сотни и сотни чужих, которым нельзя было уже оставаться ни в Петербурге, ни в Москве. Одни из них – кирасиры, кавалергарды, конногвардейцы и гвардейские гусары, выплывали легко в мутной пене потревоженного Города. Гетманский конвой ходил в фантастических погонах, и за гетманскими столами усаживалось до двухсот масляных проборов людей, сверкающих гнилыми желтыми зубами с золотыми пломбами. Кого не вместил конвой, вместили дорогие шубы с бобровыми воротниками и полутемные, резного дуба квартиры в лучшей части Города – Липках, рестораны и номера отелей...

Другие, армейские штабс-капитаны конченных и развалившихся полков, боевые армейские гусары, как полковник Най-Турс, сотни прапорщиков и подпоручиков, бывших студентов, как Степанов – Карась, сбитых с винтов жизни войной и революцией, и поручики¹²³, тоже бывшие студенты, но конченные для университета навсегда, как Виктор Викторович Мышлаевский. Они, в серых потертых шинелях, с еще не зажившими ранами, с ободранными тенями погон на плечах, приезжали в Город и в своих семьях или в семьях чужих спали на стульях, укрывались шинелями, пили водку, бегали, хлопотали и злобно кипели. Вот эти последние ненавидели большевиков ненавистью горячей и прямой, той, которая может двинуть в драку.

Были юнкера. В Городе к началу революции оставалось четыре юнкерских училища – инженерное, артиллерийское и два пехотных. Они кончились и развалились в грохоте солдатской стрельбы и выбросили на улицы искалеченных, только что кончивших гимназистов, только что начавших студентов, не детей и не взрослых, не военных и не штатских, а таких, как семнадцатилетний Николка Турбин...

Все это, конечно, очень мило, и над всем царствует гетман. Но, ей-Богу, я до сих пор не знаю, да и знать не буду, по всей вероятности, до конца жизни, что собой представляет этот невиданный властитель с наименованием, свойственным более веку семнадцатому, нежели двадцатому.

– Да кто он такой, Алексей Васильевич?

– Кавалергард, генерал, сам крупный богатый помещик¹²⁴, и зовут его Павлом Петровичем...

По какой-то странной насмешке судьбы и истории избрание его, состоявшееся в апреле знаменитого года, произошло в цирке. Будущим историкам это, вероятно, даст обильный материал для юмора. Гражданам же, в особенности оседлым в Городе и уже испытавшим первые взрывы междоусобной брани, было не только не до юмора, но и вообще не до каких-либо размышлений. Избрание состоялось с ошеломляющей быстротой – и слава Богу. Гетман воцарился – и прекрасно. Лишь бы только на рынках было мясо и хлеб, а на улицах не было стрельбы, и чтобы, ради самого Господа, не было большевиков, и чтобы простой народ не грабил. Ну что ж, все это более или менее осуществилось при гетмане, пожалуй, даже в значительной степени. По крайней мере, прибегающие москвичи и петербуржцы и большинство горожан, хоть и смеялись над странной гетманской страной, которую они, подобно капитану Тальбергу, называли опереткой, невсамделишным царством, гетмана славословили искренне... и... «Дай Бог, чтобы это продолжалось вечно!».

Но вот могло ли это продолжаться вечно, никто бы не мог сказать, и даже сам гетман. Да-с. Дело в том, что Город – Городом, в нем и полиция – варта, и министерство, и даже войско,

¹²³ ...и поручики... – В поздн. правке: «...и штабс-капитаны...»

¹²⁴ ...сам крупный богатый помещик... – В поздн. правке: «...сам богатейший помещик...»

и газеты различных наименований, а вот что делается кругом, в той настоящей Украине, которая по величине больше Франции, в которой десятки миллионов людей, – этого не знал никто. Не знали, ничего не знали, не только о местах отдаленных, но даже – смешно сказать – о деревнях, расположенных в пятидесяти верстах от самого Города. Не знали, но ненавидели всю душой. И когда доходили смутные вести из таинственных областей, которые носят название – деревня, о том, что немцы грабят мужиков¹²⁵ и безжалостно карают их, расстреливая из пулеметов, не только ни одного голоса возмущения не раздалось в защиту украинских мужиков, но не раз, под шелковыми абажурами в гостиных, скалились по-волчьи зубы и слышно было бормотание:

– Так им и надо! Так и надо; мало еще! Я бы их еще не так. Вот будут они помнить революцию. Выгучат их немцы – своих не хотели, попробуют чужих!

– Ох, как неразумны ваши речи, ох, как неразумны.

– Да что вы, Алексей Васильевич!.. Ведь это такие мерзавцы. Это же совершенно дикие звери. Ладно. Немцы им покажут.

Немцы!!

Немцы!!

И повсюду:

Немцы!!!

Немцы!!

Ладно: тут немцы, а там, за далеким кордоном, где сизые леса, большевики. Только две силы.

5

Так вот-с, нежданно-негаданно появилась третья сила на громадной шахматной доске. Так плохой и неумный игрок, отгородившись пешечным строем от страшного партнера (к слову говоря, пешки очень похожи на немцев в тазах), группирует своих офицеров около игрушечного короля. Но коварная ферзь противника внезапно находит путь откуда-то сбоку, проходит в тыл и начинает бить по тылам пешки и коней и объявляет страшные шахи, а за ферзем приходит стремительный легкий слон – офицер, подлетают коварными зигзагами кони, и вот-с, погибает слабый и скверный игрок – получает его Деревянный король мат.

Пришло все это быстро, но не внезапно, и предшествовали тому, что пришло, некие знаменья.

Однажды, в мае месяце, когда Город проснулся сияющий, как жемчужина в бирюзе, и солнце выкатилось освещать царство гетмана, когда граждане уже двинулись, как муравьи, по своим делишкам, и заспанные приказчики начали в магазинах открывать рожучие шторы, прокатился по Городу страшный и зловещий звук¹²⁶. Он был неслыханного тембра – и не пушка и не гром, – но настолько силен, что многие форточки открылись сами собой и все стекла дрогнули. Затем звук повторился, прошел вновь по всему верхнему Городу, скатился волнами в Город нижний – Подол и через голубой красивый Днепр ушел в московские дали. Горожане проснулись, и на улицах началось смятение. Разрослось оно мгновенно, ибо побежали с верхнего Города – Печерска растерзанные, окровавленные люди с воем и визгом. А звук прошел и в тре-

¹²⁵ *...немцы грабят мужиков...* – В дневнике В. Г. Короленко, который постоянно общался с крестьянами, уже в апреле появилась такая запись: «Вообще бесчинства немцы производят большие. В городе держатся прилично... Но... из деревень стали приходиться плохие слухи. Я разговаривал с крестьянами... из Нижних Млинов под Полтавой. У них стоит немецкий отряд. Грабят бесцеремонно, угрожая револьверами. Хватают кур, гусей, забирают яйца и хлеб, режут свиней... И это из многих мест. *Озлобление в деревнях растет.* Один знакомый и земляк, недавно пришедший с фронта, рассказывал... что он никак не может примириться с тем, что немцы, с которыми он только что воевал, – распоряжаются в деревне и у него дома. Сердце не терпит. Ночью уже стоял над спящими немцами с топором... Да Бог помиловал, удержался. Готов был, говорит, бежать за большевиками и вернуть их... Глухое озлобление и против „панів“, которые отдали Украину под немцев. В одной подгородней деревне мужики уже кинулись с топорами и зарубили немцев, а сами бежали».

¹²⁶ *Однажды, в мае месяце... прокатился по Городу страшный и зловещий звук.* – Речь идет о взрыве военных складов, где хранились артиллерийские снаряды, порох, другие взрывчатые вещества. Были большие людские жертвы и огромные разрушения. Взрыв произошел 22 апреля 1918 г. по старому стилю.

тий раз, и так, что начали с громом обваливаться в печерских домах стекла и почва шатнулась под ногами.

Многие видели тут женщин, бегущих в одних сорочках и кричащих страшными голосами. Вскоре узнали, откуда пришел звук. Он явился с Лысой Горы за Городом, над самым Днпром, где помещались гигантские склады снарядов и пороху. На Лысой Горе произошел взрыв.

Пять дней жил после этого Город, в ужасе ожидая, что потекут с Лысой Горы ядовитые газы. Но удары прекратились, газы не потекли, окровавленные исчезли, и Город приобрел мирный вид во всех своих частях, за исключением небольшого угла Печерска, где рухнуло несколько домов. Нечего и говорить, что германское командование нарядило строгое следствие, и нечего и говорить, что горожане ничего не узнали относительно причин взрыва. Говорили разное.

– Взрыв произвели французские шпионы.

– Нет, взрыв произвели большевистские шпионы.

Кончилось все это тем, что о взрыве просто забыли.

Второе знамение пришло летом, когда Город был полон мощной пыльной зеленью, гремел и грохотал и германские лейтенанты выпивали море содовой воды. Второе знамение было поистине чудовищно!

Среди бела дня, на Николаевской улице, как раз там, где стояли лихачи, убили не кого иного, как главнокомандующего германской армией на Украине, фельдмаршала Эйхгорна¹²⁷, неприкосновенного и гордого генерала, страшного в своем могуществе, заместителя самого императора Вильгельма¹²⁸! Убил его, само собой разумеется, рабочий и, само собой разумеется, социалист. Немцы повесили через двадцать четыре часа после смерти германца не только самого убийцу¹²⁹, но даже и извозчика, который подвез его к месту происшествия. Правда, это не воскресило нисколько знаменитого генерала, но зато породило у умных людей замечательные мысли по поводу происходящего.

Так, вечером, задыхаясь у открытого окна, расстегивая пуговицы чесучовой рубашки, Василиса сидела за стаканом чая с лимоном и говорил Алексею Васильевичу Турбину таинственным шепотом:

– Сопоставляя все эти события, я не могу не прийти к заключению, что живем мы весьма непрочно. Мне кажется, что под немцами что-то такое (Василиса пошевелил короткими пальцами в воздухе) шатается. Подумайте сами... Эйхгорна... и где? А? (Василиса сделал испуганные глаза.)

Турбин выслушал мрачно, мрачно дернул щекой и ушел.

Еще предзнаменование явилось на следующее же утро и обрушилось непосредственно на

¹²⁷ Второе знамение... убили... главнокомандующего германской армией на Украине, фельдмаршала Эйхгорна... – Убийство Г. Эйхгорна совершилось 30 июля 1918 г. Убийцей оказался левый эсер Борис Донской. Совершенно очевидно, что это убийство было важной составной частью левоэсеровского заговора-мятежа. Вот как описывает убийство Эйхгорна гетман Скоропадский: «30-го июля нового стиля, окончив завтрак, мы с генералом Раухом хотели пройтись по саду... Не сделал и нескольких шагов, мы услышали сильный взрыв недалеко от дома. По звуку я понял, что взрыв произошел от сильной ручной гранаты. Были посланы ординарцы, вернувшиеся с сообщением, что вблизи нашего дома брошена бомба в фельдмаршала Эйхгорна, возвращавшегося к себе после завтрака, и что он теперь лежит на мостовой, видимо тяжело раненный. Я и мой адъютант побежали туда. Там мы застали действительно тяжелую картину: фельдмаршала перевязывали и укладывали на носилки, рядом с ним на других носилках лежал его адъютант Дресслер с оторванными ногами, и не было сомнения, что он умирал. Я подошел к фельдмаршалу, он узнал меня. Я пожал его руку, мне было чрезвычайно жаль этого почтенного старика. Он был умный, дальновидный и сердечный человек. В том трудном положении, в котором я находился, он... умел умиротворять все страсти. Это был безусловно честный, неподкупный человек... Я чувствовал, что его уход может лишь осложнить и без того тяжелое положение на Украине...» (Скоропадский П. П. С. 74–75). Вообще гетман в высшей степени похвально отзывался о фельдмаршале Эйхгорне, указывая на то, что «высшее немецкое командование на Украине в мае 1918 года состояло из блестящих людей. И Эйхгорн, и [генерал] Греннер – два выдающихся немецких военачальника и разумных политика... Эйхгорн был... очень образованный, с широким кругозором, благожелательный – недаром он был внуком философа Шеллинга» (Там же. С. 23, 36).

¹²⁸ ...заместителя самого императора Вильгельма! – В поздн. правке далее после этих слов; «Ведь это черт знает что такое!»

¹²⁹ Немцы повесили через двадцать четыре часа... самого убийцу... – Суд над убийцей был скорым, но не таким моментальным, как пишет Булгаков. Б. Донской был повешен 10 августа.

того же Василису. Раненько, раненько, когда солнышко заслало веселый луч в мрачное подземелье, ведущее с дворика в квартиру Василисы, тот, выглянув, увидел в луче знамение. Оно было бесподобно в сиянии своих тридцати лет, в блеске монист на царственной екатерининской шее, в босых стройных ногах, в колышущейся упругой груди. Зубы видения сверкали, а от ресниц ложилась на щеки лиловая тень.

– Пядесят сегодня, – сказало знамение голосом сирены, указывая на бидон с молоком.

– Что ты, Явдоха? – воскликнул жалобно Василиса. – Побойся Бога. Позавчера сорок, вчера сорок пять, сегодня пятьдесят. Ведь этак невозможно.

– Що ж я зробию? Усэ дорого, – ответила сирена, – кажут на базаре, будэ и сто.

Ее зубы вновь сверкнули. На мгновение Василиса забыл и про пятьдесят, и про сто, про все забыл, и сладкий и дерзкий холод прошел у него в животе. Сладкий холод, который проходил каждый раз по животу Василисы, как только появлялось перед ним прекрасное видение в солнечном луче. (Василиса встал раньше своей супруги.) Про все забыл, почему-то представил себе поляну в лесу, хвойный дух. Эх, эх...

– Смотри, Явдоха, – сказал Василиса, облизывая губы и кося глазами (не вышла бы жена), – уж очень вы распустились с этой революцией. Смотри, выучат вас немцы.

«Хлопнуть или не хлопнуть ее по плечу?» – подумал мучительно Василиса и не решился.

Широкая лента алебастрового молока упала и запенилась в кувшине.

– Чи вони нас выучуть, чи мы их разучимо, – вдруг ответило знамение, сверкнуло, сверкнуло, прогремело бидоном, качнуло коромыслом и, как луч в луче, стало подниматься из подземелья в солнечный дворик. «Н-ноги-то – а-ах!!» – застонало в голове у Василисы.

В это мгновение донесся голос супруга, и, повернувшись, Василиса столкнулся с ней.

– С кем это ты? – быстро шнырнув глазом вверх, спросила супруга.

– С Явдохой, – равнодушно ответил Василиса, – представь себе, молоко сегодня пятьдесят.

– К-как? – воскликнула Ванда Михайловна. – Это безобразие! Какая наглость! Мужики совершенно взбесились... Явдоха! Явдоха! – закричала она, высовываясь в окошко. – Явдоха!

Но видение исчезло и не возвращалось.

Василиса всмотрелся в кривой стан жены, в желтые волосы, костлявые локти и сухие ноги, и ему до того вдруг сделалось тошно жить на свете, что он чуть-чуть не плюнул Ванде на подол. Удержавшись и вздохнув, он ушел в прохладную полутьму комнат, сам не понимая, что именно гнетет его. Не то Ванда – ему вдруг представилась она, и желтые ключицы вылезли вперед, как связанные оглобли, – не то какая-то неловкость в словах сладостного видения.

– Разучимо? А? Как вам это нравится? – сам себе бормотал Василиса. – Ох, уж эти мне базары! Нет, что вы на это скажете? Уж если они немцев перестанут бояться... последнее дело. Разучимо. А? А зубы-то у нее – роскошь...

Явдоха вдруг во тьме почему-то представилась ему голой, как ведьма на горе.

– Какая дерзость... Разучимо? А грудь...

И это было так умопомрачительно, что Василисе сделалось нехорошо, и он отправился умываться холодной водой.

Так-то вот, незаметно, как всегда, подкралась осень. За наливным золотистым августом пришел светлый и пыльный сентябрь, и в сентябре произошло уже не знамение, а само событие, и было оно на первый взгляд совершенно незначительно.

Именно, в городскую тюрьму однажды светлым сентябрьским вечером пришла подписанная соответствующими гетманскими властями бумага, коей предписывалось выпустить из камеры № 666¹³⁰ содержащегося в означенной камере преступника. Вот и все.

Вот и все! И из-за этой бумажки – несомненно из-за нее! – произошли такие беды и несчастья, такие походы, кровопролития, пожары и погромы, отчаяние и ужас... Аи, аи, аи!

Узник, выпущенный на волю, носил самое простое и незначительное наименование – Семен Васильевич Петлюра. Сам он себя, а также и городские газеты периода декабря 1918 – февраля 1919 годов называли на французский несколько манер – Симон. Прошлое Симона было по-

¹³⁰ ...выпустить из камеры № 666... – В Откровении Иоанна Богослова сказано: «Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это число человеческое; число его шестьсот шестьдесят шесть» (XIII, 18).

гружено в глубочайший мрак¹³¹. Говорили, что он будто бы бухгалтер.

– Нет, счетовод.

– Нет, студент.

Был на углу Крещатика и Николаевской улицы большой и изящный магазин табачных изделий. На продолговатой вывеске был очень хорошо изображен кофейный турок в феске, курящий кальян. Ноги у турка были в мягких желтых туфлях с задранными носами.

Так вот нашлись и такие, что клятвенно уверяли, будто видели совсем недавно, как Симон продавал в этом самом магазине, изящно стоя за прилавком, табачные изделия фабрики Соломона Когена¹³². Но тут же находились и такие, которые говорили:

– Ничего подобного. Он был уполномоченным союза городов.

– Не союза городов, а земского союза, – отвечали третьи, – типичный земгусар.

Четвертые (приезжие), закрывая глаза, чтобы лучше припомнить, бормотали:

– Позвольте... позвольте-ка...

И рассказывали, что будто бы десять лет назад... виноват... одиннадцать, они видели, как вечером он шел по Малой Бронной улице в Москве, причем под мышкой у него была гитара, завернутая в черный коленкор. И даже добавляли, что шел он на вечеринку к землякам, вот поэтому и гитара в коленкоре. Что будто бы шел он на хорошую, интересную вечеринку с веселыми румяными землячками-курсистками, со сливянкой, привезенной прямо с благодатной Украины, с песнями, с чудным Грицем...

...Ой, не хо-д-и...

Потом начинали путаться в описаниях наружности, путать даты, указания места...

– Вы говорите, бритый?

– Нет, кажется... позвольте... с бородкой.

– Позвольте... разве он московский?

– Да нет, студентом... он был...

– Ничего подобного. Иван Иванович его знает. Он был в Тараще народным учителем...

Фу ты, черт... А может, и не шел по Бронной¹³³. Москва город большой, на Бронной туманы, изморозь, тени... Какая-то гитара... турок под солнцем... кальян... гитара – дзинь-трень... неясно, туманно... ах, как туманно и страшно кругом.

...Идут и пою-ют...

Идут, идут мимо окровавленные тени, бегут видения, растрепанные девичьи косы, тюрьма, стрельба, и мороз, и полночный крест Владимира.

Идут и поют

¹³¹ ...Семен Васильевич Петлюра... Прошлое Симона было погружено в глубочайший мрак. – С. В. Петлюра – весьма загадочная фигура, не проясненная до конца и современными исследователями. Булгаков интуитивно чувствовал «затемненность» подобных личностей и проявлял к ним интерес. Многие отмеченные писателем биографические данные «вождя» украинских националистов соответствуют реалиям... Заметим лишь, что этот человек, прошлое которого «погружено в глубочайший мрак», сумел перебраться за рубеж огромные богатства, которыми там впоследствии и пользовался. Но не очень долго, так как был убит в Париже в 1926 г.

Между прочим, П. П. Скоропадский как-то неопределенно и туманно пишет об освобождении Петлюры из тюрьмы: «Вечером 14 ноября я узнал, что Петлюра, освобожденный за несколько дней до этого из-под ареста, уехал в Белую Церковь к сичевикам, которые в тот же день начали наступление на Фастов...» (*Скоропадский П. П.* С. 104). Гетман не дает оценки своим действиям, но освобождение Петлюры «из-под ареста» было величайшей глупостью... Отвечая на намеки Н. М. Могиланского о неудачной его, гетмана, политике в отношении Петлюры, П. П. Скоропадский в сердцах писал: «Я неоднократно говорил Вам и писал, что с Петлюрою никогда ничего не имел общего, что я его презираю и считаю его величайшим врагом Украины...» (Минувшее. 1993. № 14. С. 269).

¹³² ...стоя за прилавком, табачные изделия фабрики Соломона Когена. – Братья Коген – киевские богачи, владельцы табачной фабрики и фирменных табачных магазинов.

¹³³ А может, и не шел по Бронной. – В поздн. правке: «А может, и учителем не был, и по Бронной не шел?!»

*Юнкера гвардейской школы...
Трубы, литавры,
Шарелки гремят.*

Гремят торбаны, свищет соловей стальным винтом, засекают шомполами насмерть людей, едет, едет черношлычная конница¹³⁴ на горячих лошадях.

Вещий сон гремит, катится к постели Алексея Турбина. Спит Турбин, бледный, с намокшей в тепле прядью волос, и розовая лампа¹³⁵ горит. Спит весь дом. Из книжной храп Карся, из Николкиной свист Шервинского... Муть... ночь... Валяется на полу у постели Алексея недочитанный Достоевский, и глумятся «Бесы» отчаянными словами... Тихо спит Елена.

– Ну, так вот что я вам скажу: не было. Не было! Не было этого Симона вовсе на свете. Ни турка, ни гитары под кованым фонарем на Бронной, ни земского союза... ни черта. Просто это миф, порожденный на Украине в тумане страшного восемнадцатого года.

...И было другое – лютая ненависть. Было четыреста тысяч немцев, а вокруг них четырежды сорок раз четыреста тысяч мужиков с сердцами, горящими неутоленной злобой. О, много, много скопилось в этих сердцах. И удары лейтенантских стэков¹³⁶ по лицам, и шрапнельный беглый огонь по непокорным деревьям, спины, исполосованные шомполами гетманских сердюков, и расписки на клочках бумаги почерком майоров и лейтенантов германской армии:

«Выдать русской свинье за купленную у нее свинью 25 марок».

Добродушный, презрительный хохоток над теми, кто приезжал с такою распискою в штаб германцев в Город.

И реквизированные лошади, и отобранный хлеб, и помещики с толстыми лицами, вернувшиеся в свои поместья при гетмане, – дрожь ненависти при слове «офицерня».

– Вот что было-с.

Да еще слухи о земельной реформе, которую намеревался произвести пан гетман,

– увы, увы! Только в ноябре восемнадцатого года, когда под Городом загудели пушки, догадались умные люди, а в том числе и Василиса, что ненавидели мужики этого самого пана гетмана, как бешеную собаку, –

и мужицкие мыслишки о том, что никакой этой панской сволочной реформы не нужно, а нужна та вечная, чаемая мужицкая реформа:

– Вся земля мужикам.

– Каждому по сто десятин.

– Чтобы никаких помещиков и духу не было.

– И чтобы на каждые эти сто десятин верная гербовая бумага с печатью – во владение вечное, наследственное, от деда к отцу, от отца к сыну, к внуку и так далее.

– Чтобы никакая шпана из Города не приезжала требовать хлеб. Хлеб мужицкий, никому его не дадим, что сами не съедим, закопаем в землю.

– Чтобы из Города привозили керосин.

– Ну-с, такой реформы обожаемый гетман произвести не мог. Да и никакой черт ее не произведет.

Были тоскливые слухи, что справиться с гетманской и немецкой напастью могут только большевики, но у большевиков своя напасть:

– Жиды и комиссары.

– Вот головушка горькая у украинских мужиков! Ниоткуда нет спасения!!

Были десятки тысяч людей, вернувшихся с войны и умеющих стрелять...

– А выучили сами же офицеры по приказанию начальства!

¹³⁴ ...едет черношлычная конница... – Шлык – суконовый цветной верх шапки (папах) в форме свешивающегося набок мешка.

¹³⁵ ...и розовая лампа... – В поздн. правке: «...и шелковая лампа...»

¹³⁶ И удары лейтенантских стэков... – Стэк – твердый хлыст с ременной петлей.

Сотни тысяч винтовок, закопанных в землю, упрятанных в клунях и коморах¹³⁷ и не сданных, несмотря на скорые на руку военно-полевые немецкие суды, порки шомполами и стрельбу шрапнелями, миллионы патронов в той же земле, и трехдюймовые орудия в каждой пятой деревне, и пулеметы в каждой второй, во всяком городишке склады снарядов, цейхгаузы с шинелями и папахами.

И в этих же городишках народные учителя, фельдшера, однодворцы, украинские семинаристы, волею судеб ставшие прапорщиками, здоровенные сыны пчеловодов, штабс-капитаны с украинскими фамилиями... все говорят на украинском языке, все любят Украину волшебную, воображаемую¹³⁸, без панов, без офицеров-москалей, – и тысячи бывших пленных украинцев, вернувшихся из Галиции.

Это в довесочек к десяткам тысяч мужичков?.. О-го-го!

Вот это было. А узник... гитара...

Слухи грозные, ужасные...

Наступают на нас...

Дзиль... трень... эх, эх, Николка.

Турок, земгусар, Симон. Да не было его. Не было. Так, чепуха, легенда, мираж. Просто слово, в котором слились и неутолимая ярость, и жажда мужицкой мести, и чаяния тех верных сынов своей подсолнечной, жаркой Украины... ненавидящих Москву, какая бы она ни была – большевистская ли, царская или еще какая.

И напрасно, напрасно мудрый Василиса, хватаясь за голову, восклицал в знаменитом ноябре: «Quos vult perdere, dementat!»¹³⁹ – и проклинал гетмана за то, что тот выпустил Петлюру из загаженной городской тюрьмы.

– Вздор-с все это. Не он – другой. Не другой – третий.

Итак, кончились всякие знамения и наступили события... Второе было не пустяшное, как какой-то выпуск мифического человека из тюрьмы, – о нет! – оно было так величественно, что о нем человечество, наверное, будет говорить еще сто лет... Галльские петухи в красных штанах, на далеком европейском Западе, заклевали толстых кованых немцев до полусмерти¹⁴⁰. Это было ужасное зрелище: петухи во фригийских колпаках с картавым клетотом налетали на бронированных тевтонов и рвали из них клочья мяса вместе с броней. Немцы дрались отчаянно, вгоняли широкие штыки в оперенные груди, грызли зубами, но не выдержали, – и немцы! немцы! попросили пощады.

Следующее событие было тесно связано с этим и вытекло из него, как следствие из причины. Весь мир, ошеломленный и потрясенный, узнал, что тот человек, имя которого и штопорные усы, как шестидюймовые гвозди, были известны всему миру и который был-то уж наверняка сплошь металлический, без малейших признаков дерева, он был повержен. Повержен в прах – он

¹³⁷ ...упрятанных в клунях и коморах... – Клуня – рига (место для сушки соломы и льна); комора – кладовая, клеть.

¹³⁸ ...все говорят на украинском языке, все любят Украину волшебную, воображаемую... – Булгаков показывает глубочайшее знание обстановки во всех ее деталях. И в данном случае, рассматривая вопрос, который был настоящим «коньком» Скоропадского, писатель демонстрирует знание «противной стороны», проникновеннейшее и плодотворнейшее. Именно такие люди, как Булгаков, имея они власть, смогли бы найти объединяющую идею для большей части народа, а самое главное – смогли бы не разъединить, а сплотить русских и украинцев. Скоропадский, даже если верить в его добрые намерения, не смог этого сделать, и в результате – события после краха гетманщины приняли откровенно воинствующий характер братоубийственной войны.

¹³⁹ Кого [бог] захочет погубить, того он лишает разума (*лат.*).

¹⁴⁰ Галльские петухи в красных штанах... заклевали... немцев до полусмерти. – Речь идет о поражении немецких войск летом и особенно осенью 1918 г. в сражениях с французами. Положение германской армии стало критически опасным, и ее командование обратилось к императору Вильгельму с предложением немедленно заключить перемирие с Францией и другими воюющими странами. При посредничестве Швейцарии и США такое перемирие (11 ноября 1918 г., во Франции, в Компьенском лесу) было подписано.

«Галльский петух» – один из символов республиканской Франции, а «красные штаны» – отличительная особенность формы французских военнослужащих.

перестал быть императором. Затем темный ужас прошел ветром по всем головам в Городе: видели, сами видели, как линяли немецкие лейтенанты и как ворс их серо-небесных мундиров превращался в подозрительную вытертую рогожку. И это происходило тут же, на глазах, в течение часов, в течение немногих часов линяли глаза, и в лейтенантских моноклевых окнах потухал живой свет, и из широких стеклянных дисков начинала глядеть дырявая реденькая нищета.

Вот тогда ток пронизал мозги наиболее умных из тех, что с желтыми твердыми чемоданами и с сдобными женщинами проскочили через колючий большевистский лагерь в Город. Они поняли, что судьба их связала с побежденными, и сердца их исполнились ужасом.

– Немцы побеждены, – сказали гады.

– Мы побеждены, – сказали умные гады¹⁴¹.

То же самое поняли и горожане.

О, только тот, кто сам был побежден, знает, как выглядит это слово! Оно похоже на вечер в доме, в котором испортилось электрическое освещение. Оно похоже на комнату, в которой по обоям ползет зеленая плесень, полная болезненной жизни. Оно похоже на рахитиков, демонов ребят, на протухшее постное масло, на матерную ругань женскими голосами в темноте. Словом, оно похоже на смерть.

Кончено. Немцы оставляют Украину. Значит, значит – одним бежать, а другим встречать новых, удивительных, незваных гостей в Городе. И, стало быть, кому-то придется умирать. Те, кто бегут, те умирать не будут, кто же будет умирать?

– Умигать – не в помигушки иг'ать, – вдруг, картавя, сказал неизвестно откуда появившийся перед спящим Алексеем Турбиным полковник Най-Турс.

Он был в странной форме: на голове светозарный шлем, а тело в кольчуге, и опирался он на меч, длинный, каких уж нет ни в одной армии со времен крестовых походов. Райское сияние ходило за Наем облаком.

– Вы в раю, полковник? – спросил Турбин, чувствуя сладостный трепет, которого никогда не испытывает человек наяву.

– В гаю, – ответил Най-Турс голосом чистым и совершенно прозрачным, как ручей в городских лесах.

– Как странно, как странно, – заговорил Турбин, – я думал, что рай это так... мечтание человеческое. И какая странная форма. Вы, позвольте узнать, полковник, остаетесь и в раю офицером?

– Они в бригаде крестоносцев теперича¹⁴², господин доктор, – ответил вахмистр Жилин, заведомо срезанный огнем вместе с эскадром белградских гусар в 1916 году¹⁴³ на Виленском направлении.

Как огромный витязь возвышался вахмистр, и кольчуга его распространяла свет. Грубые его черты, прекрасно памятные доктору Турбину, собственноручно перевязавшему смертельную рану Жилина, ныне были неузнаваемы, а глаза вахмистра совершенно сходны с глазами Най-Турса – чисты, бездонны, освещены изнутри.

Больше всего на свете любил сумрачной душой Алексей Турбин женские глаза. Ах, слепил Господь Бог игрушку – женские глаза!.. Но куда ж им до глаз вахмистра!

¹⁴¹ – Немцы побеждены, – сказали гады.

– Мы побеждены, – сказали умные гады.

Ужасны некоторые страницы русской истории. К этим страницам, несомненно, относятся годы революции и Гражданской войны. Потерять в боине миллионы лучших своих сыновей, чтобы тут же, еще не опомнившись от внутренних переворотов, связывать надежды на будущее с врагом, а видя его поражение в схватке с союзниками, ощущать при этом и свое ужасное поражение...

¹⁴² – Они в бригаде крестоносцев теперича... – Тем самым Булгаков оценивает подвиг полковника Най-Турса по наивысшей мерке.

¹⁴³ ...ответил вахмистр Жилин... срезанный огнем вместе с эскадром белградских гусар в 1916 году... – Вроде бы и сам образ вахмистра, и эскадрон белградских гусар носят символический характер, но поясняющая фраза о том, что доктор Турбин собственноручно перевязывал смертельную рану Жилина, свидетельствует еще об одном эпизоде в жизни Булгакова, о котором он мог рассказать лишь в такой поэтической форме.

– Как же вы? – спрашивал с любопытством и безотчетной радостью доктор Турбин. – Как же это так, в рай с сапогами, со шпорами? Ведь у вас лошади, в конце концов, обоз, пики?

– Верите слову, господин доктор, – загудел виолончельным басом Жилин-вахмистр, глядя прямо в глаза взором голубым, от которого тепло в сердце, – прямо-таки всем эскадрон, в конном строю и подошли. Гармоника опять же. Оно верно, неудобно... Там, сами изволите знать, чистота, полы церковные.

– Ну? – поражался Турбин.

– Тут, стало быть, апостол Петр¹⁴⁴. Штатский старичок, а важный, обходительный. Я, конечно, докладаю: так и так, второй эскадрон белградских гусар в рай подошел благополучно, где прикажете стать? Докладывать-то докладываю, а сам, – вахмистр скромно кашлянул в кулак, – думаю, а ну, думаю, как скажут-то они, апостол Петр, а подите вы к чертовой матери... Потому, сами изволите знать, ведь это куда ж, с конями, и... (вахмистр смущенно почесал затылок) бабы, говоря по секрету, кой-какие пристали по дороге. Говорю это я апостолу, а сам мигаю взводу – мол, баб-то турните временно, а там видно будет. Пушай пока, до выяснения обстоятельства, за облаком посидят. А апостол Петр хоть человек вольный, но, знаете ли, положительный. Глазами – зырк, и вижу я, что баб-то он и увидел на повозках. Известно, платки на них ясные, за версту видно. Клюква, думаю. Полная засыпь всему эскадрону...

«Эге, говорит, вы что ж, с бабами?» – и головой покачал.

«Так точно, говорю, но, говорю, не извольте беспокоиться, мы их сейчас по шеям попросим, господин апостол».

«Ну нет, говорит, вы уж тут это ваше рукоприкладство оставьте!»

А? Что прикажете делать? Добродушный старикан. Да ведь сами понимаете, господин доктор, эскадрону в походе без баб невозможно.

И вахмистр хитро подмигнул.

– Это верно, – вынужден был согласиться Алексей Васильевич, потупляя глаза. Чьи-то глаза, черные, черные, и родинки на правой щеке, матовой, смутно сверкнули в сонной тьме. Он смущенно крикнул, а вахмистр продолжал:

– Ну те-с, сейчас это он и говорит – доложим. Отправился, вернулся и сообщает: ладно, устроим. И такая у нас радость сделалась, невозможно выразить. Только вышла тут маленькая заминочка. Обождать, говорит апостол Петр, потребуется. Одначе ждали мы не более минуты. Гляжу, подъезжает, – вахмистр указал на молчащего и горделивого Най-Турса, уходящего бесследно из сна в неизвестную тьму, – господин эскадронный командир рысью на Тушинском Воле. А за ним немного погода неизвестный юнкерок в пешем строю, – тут вахмистр покосился на Турбина и потупился на мгновение, как будто хотел что-то скрыть от доктора, но не печальное, а, наоборот, радостный, славный секрет, потом оправился и продолжал: – Поглядел Петр на них из-под ручки и говорит: «Ну, теперича, – грит, – все!» – и сейчас дверь настезь, и пожалте, говорит, справа по три.

...Дунька, Дунька, Дунька я!

Дуня, ягода моя, –

зашумел вдруг, как во сне, хор железных голосов и заиграла итальянская гармоника.

– Под ноги! – закричали на разные голоса взводные.

Й-эх, Дуня, Дуня, Дунь, Дуня!

Полуби, Дуня, меня, –

¹⁴⁴ – Тут, стало быть, апостол Петр. – Святой апостол Петр, один из самых приближенных учеников Иисуса Христа. В Евангелии от Матфея сказано: «Он говорит им: а вы за кого почитаете Меня? Симон же Петр, отвечая, сказал: Ты – Христос, Сын Бога Живаго. Тогда Иисус сказал ему в ответ: блажен ты, Симон, сын Ионин, потому что не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец Мой, Сущий на небесах; и Я говорю тебе: ты – Петр [Камень], и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее; и дам тебе ключи Царства Небесного: и что свяжешь на земле, то будет связано на небесах, и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах» (XVI, 15–19). По многочисленным апокрифам, апостол Петр, будучи держателем Царства Небесного, держит и ключи рая.

и замер хор вдали.

– С бабами? Так и вперлись? – ахнул Турбин.

Вахмистр рассмеялся возбужденно и радостно взмахнул руками.

– Господи Боже мой, господин доктор. Места-то, места-то там ведь видимо-невидимо. Чистота... По первому обозрению говоря, пять корпусов еще можно поставить, и с запасными эскадронами, да что пять – десять! Рядом с нами хоромы, батюшки, потолков не видно! Я и говорю: «А разрешите, говорю, спросить, это для кого же такое?» Потому оригинально: звезды красные, облака красные, в цвет наших чакчир отливают¹⁴⁵ ... «А это, – говорит апостол Петр, – для большевиков, с Перекопу которые».

– Какого Перекопу? – тщетно напрягая свой бедный земной ум, спросил Турбин.

– А это, ваше высокоблагородие, у них-то ведь заранее все известно. В двадцатом году большевиков-то, когда брали Перекоп, видимо-невидимо положили. Так, стало быть, помещение к приему им приготовили.

– Большевиков? – смутилась душа Турбина. – Путаєте вы что-то, Жилин, не может этого быть. Не пустят их туда.

– Господин доктор, сам так думал. Сам. Смутился и спрашиваю Господа Бога...

– Бога? Ой, Жилин!

– Не сомневайтесь, господин доктор, верно говорю, врать мне нечего, сам разговаривал неоднократно.

– Какой же Он такой?

Глаза Жилина испустили лучи, и гордо утончились черты лица.

– Убейте – объяснить не могу. Лик осиянный, а какой – не поймешь... Бывает, взглянешь – и похолодеешь. Чудится, что Он на тебя самого похож. Страх такой проймет, думаешь, что же это такое? А потом ничего, отойдешь. Разнообразное лицо. Ну, уж а как говорит, такая радость, такая радость... И сейчас пройдет, пройдет свет голубой... Гм... да нет, не голубой (вахмистр подумал), не могу знать. Верст на тысячу и сквозь тебя. Ну вот-с я и докладываю, как же так, говорю, Господи, попы-то Твои говорят, что большевики в ад попадут? Ведь это, говорю, что ж такое? Они в Тебя не верят, а Ты им вишь какие казармы взбодрил.

«Ну, не верят?» – спрашивает.

«Истинный Бог», – говорю, а сам, знаете ли, боюсь, помилуйте, Богу этикие слова! Только гляжу, а Он улыбается. Чего ж это я, думаю, дурак, Ему докладываю, когда Он лучше меня знает. Однако любопытно, что Он такое скажет. А Он и говорит:

«Ну не верят, говорит, что ж поделаешь. Пушай. Ведь Мне-то от этого ни жарко, ни холодно. Да и тебе, говорит, тоже. Да и им, говорит, то же самое. Потому Мне от вашей веры ни прибыли, ни убытку. Один верит, другой не верит, а поступки у вас у всех одинаковые: сейчас друг друга за глотку, а что касается казарм, Жилин, то тут так надо понимать, все вы у Меня, Жилин, одинаковые¹⁴⁶ – в поле брани убиенные. Это, Жилин, понимать надо, и не всякий это поймет. Да ты, в общем, Жилин, говорит, этими вопросами себя не расстраивай. Живи себе, гуляй».

Кругло объяснил, господин доктор? а? «Попы-то», – я говорю... Тут Он и рукой махнул:

¹⁴⁵ ...облака красные, в цвет наших чакчир отливают... – Чакчиры – рейтузы красно-коричневого цвета, которые носили армейские гусары.

¹⁴⁶ ...все вы у Меня... одинаковые... – Следует отметить, что этот сон Алексея еще недостаточно осмыслен исследователями. Убиенные на поле брани «белые» и «красные» оказываются вместе в раю не только по причине христианского милосердия и справедливости. Писатель осмысливал в то время и другую проблему – проблему возможного единства «красных» и «белых», живущих на земле. Эта идея буквально носилась в воздухе. В момент написания романа в русской эмиграции, сменяя полную непримиримость, стали высказываться мысли о возможности объединения враждующих сторон – «белых» и «красных» – на русской почве. Так, знаменитый генерал П. Н. Краснов в своем романе «Понять – простить» предполагал, что может наступить время, когда за одним столом будут сидеть по одну сторону – великий князь Николай Николаевич, генералы Врангель, Деникин, Кутепов и прочие их сподвижники, а по другую сторону генералы от революции – Фрунзе, Буденный, Ворошилов, Каменев, Тухачевский... Эту мысль поддержали некоторые эмигрантские газеты, допуская, что на определенном этапе у «красных генералов» может проснуться чувство национального достоинства и они смогут стать «верноподданными исторической русской традиции» (Новое время. Белград, 1924. 12 января). Эти полуутопические веяния, конечно, проникали и в Россию. Во всяком случае, по сочинениям и дневникам писателя видно, что он проявлял огромный интерес к «другой» России, которую стали называть эмиграцией.

«Ты Мне, говорит, Жилин, про попов лучше и не напоминай. Ума не приложу, что Мне с ними делать. То есть таких дураков, как ваши попы, нету других на свете. По секрету скажу тебе, Жилин, срам, а не попы».

«Да, говорю, уволь ты их, Господи, вчистую! Чем дармоедов-то Тебе кормить?»

«Жалко, Жилин, вот в чем штука-то», – говорит.

Сияние вокруг Жилина стало голубым, и необъяснимая радость наполнила сердце спящего. Протягивая руки к сверкающему вахмистру, он застонал во сне:

– Жилин, Жилин, нельзя ль мне как-нибудь устроиться врачом у вас в бригаде вашей?

Жилин приветно махнул рукой и ласково и утвердительно закачал головой. Потом стал отодвигаться и покинул Алексея Васильевича. Тот проснулся, и перед ним, вместо Жилина, был уже понемногу бледнеющий квадрат рассветного окна. Доктор отер рукой лицо и почувствовал, что оно в слезах. Он долго вздыхал в утренних сумерках, но вскоре опять заснул, и сон потек теперь ровный, без сновидений...

Да-с, смерть не замедлила. Она пошла по осенним, а потом зимним украинским дорогам вместе с сухим веющим снегом. Стала постукивать в перелесках пулеметами. Самое ее не было видно, но явственно видный предшествовал ей некий корявый мужичонков гнев. Он бежал по метели и холоду, в дырявых лаптишках, с сеном в непокрытой свалывшейся голове, и выл. В руках он нес великую дубину, без которой не обходится никакое начинание на Руси. Запорхали легонькие красные петушки. Затем показался в багровом заходящем солнце повешенный за половые органы шинкарь-еврей. И в польской красивой столице Варшаве было видно видение: Генрик Сенкевич стал в облаке и ядовито ухмыльнулся¹⁴⁷. Затем началась просто форменная чертовщина, вспучилась и запрыгала пузырями. Попы звонили в колокола под зелеными куполами потревоженных церквушек, а рядом, в помещении школ, с выбитыми ружейными пулями стеклами, пели революционные песни. По дорогам пошло привидение – некий старец Дегтяренко¹⁴⁸, полный душистым самогоном и словами страшными, каркающими, но складывающимися в его темных устах во что-то до чрезвычайности напоминающее декларацию прав человека и гражданина. Затем этот же Дегтяренко-пророк лежал и выл, и пороли его шомполами люди с красными бантами на груди. И самый хитрый мозг сошел бы с ума над этой заковыкой: ежели красные банты, то ни в коем случае не допустимы шомпола, а ежели шомпола – то невозможны красные банты...

Нет, задохнешься в такой стране¹⁴⁹ и в такое время. Ну ее к дьяволу! Миф. Миф Петлюра. Его не было вовсе. Это миф, столь же замечательный, как миф о никогда не существовавшем Наполеоне, но гораздо менее красивый. Случилось другое. Нужно было вот этот самый мужицкий гнев подманить по одной какой-нибудь дороге, ибо так уж колдовски устроено на белом свете, что, сколько бы он ни бежал, он всегда фатально оказывается на одном и том же перекрестке.

Это очень просто. Была бы кутерьма, а люди найдутся.

И вот появился откуда-то полковник Торопец¹⁵⁰. Оказалось, что он ни более ни менее как

¹⁴⁷ ...повешенный за половые органы шинкарь-еврей. И... видение: Генрик Сенкевич стал в облаке и ядовито ухмыльнулся. – Великий польский писатель, лауреат Нобелевской премии Генрик Сенкевич (1846–1916), автор многих романов, среди которых такие знаменитые, как «Камо грядеши» и «Огнем и мечом», был известным антисемитом. Поэтому повешенный еврей вызывает довольную ядовитую улыбку Сенкевича: и на том свете он злорадствует. Но он злорадствует не только по поводу проявлений антисемитизма на Украине, но и в связи с кровавыми событиями на этой территории, ибо значительную часть Украины писатель представлял как часть Великой Польши. В общем, события, происходившие в сопредельной к Польше территории, вполне устраивали «тень» Сенкевича.

Булгаков прекрасно знал творчество польского писателя, многое использовал из его сочинений в своих произведениях, особенно в романе «Мастер и Маргарита».

¹⁴⁸ ...некий старец Дегтяренко... – Видимо, Булгаков имел в виду какую-то конкретную личность, пока не установленную исследователями.

¹⁴⁹ Нет, задохнешься в такой стране... – Роман «Белая гвардия» был сдан Булгаковым в печать без достаточной корректировки текста (писатель сам об этом часто говорил), и поэтому сохранились эмоциональные оценки «от автора». И как хорошо, что они не были «откорректированы» или сняты вовсе! Что же касается авторского возгласа о стране, то он стал лейтмотивом всей его последующей жизни.

¹⁵⁰ И вот появился откуда-то полковник Торопец. – Прототипом Торопца послужил полковник армии УНР, ко-

из австрийской армии.

– Да что вы?

– Уверяю вас.

Затем появился писатель Винниченко¹⁵¹, прославивший себя двумя вещами – своими романами и тем, что лишь только колдовская волна еще в начале восемнадцатого года выдернула его на поверхность отчаянного украинского моря, его в сатирических журналах города Санкт-Петербурга, не медля ни секунды, назвали изменником.

– И поделом...

– Ну, уж это я не знаю. А затем-с и этот самый таинственный узник из городской тюрьмы.

Еще в сентябре никто в Городе не представлял себе, что могут соорудить три человека, обладающие талантом появиться вовремя, даже и в таком ничтожном месте, как Белая Церковь. В октябре об этом уже сильно догадывались, и начали уходить, освещенные сотнями огней, поезда с Города-I, Пассажирского, в новый, пока еще широкий лаз через новоявленную Польшу и в Германию. Полетели телеграммы. Уехали бриллианты, бегущие глаза, проборы и деньги. Рвались и на юг, на юг, в приморский город Одессу. В ноябре месяце, увы! – все уже знали довольно определенно. Слово

– Петлюра!

– Петлюра!!

– Петлюра! –

запрыгало со стен, с серых телеграфных сводок. Утром с газетных листков оно капало в кофе, и божественный тропический напиток немедленно превращался во рту в неприятнейшие помои. Оно загуляло по языкам и застучало в аппаратах Морзе у телеграфистов под пальцами. В Городе начались чудеса в связи с этим же загадочным словом, которое немцы произносили по-своему:

– Пэтурра¹⁵².

Отдельные немецкие солдаты, приобретшие скверную привычку шататься по окраинам, начали по ночам исчезать. Ночью они исчезали, а днем выяснялось, что их убивали. Поэтому заходили по ночам немецкие патрули в цирюльных тазах. Они ходили, и фонарики сияли – не безобразничать! Но никакие фонарики не могли рассеять той мутной каши, которая заварилась в головах.

Вильгельм. Вильгельм. Вчера убили трех немцев. Боже, немцы уходят, вы знаете?! Троцкого арестовали рабочие в Москве!!! Сукины сыны какие-то остановили поезд под Боромянкой и начисто его ограбили. Петлюра послал посольство в Париж. Опять Вильгельм. Черные сингалы-

мандир корпуса сечевых стрелцов в противогетманском восстании Коновалец Евген (1891–1938). Во время Первой мировой войны он служил хорунжим в австро-венгерской армии и был захвачен русскими в плен. О Коновальце имеется любопытное упоминание П. П. Скоропадского: «Как образец австрийского вероломства я могу указать на действия знаменитого в то время у нас майора Флейшмана. Он, будучи у меня в первые дни Гетманства, сам предложил переговорить с Коновальцем, начальником сичевиков, с целью привести последних к сознанию необходимости подчиниться мне. Как донесла мне моя разведка, это оказалось совершенно наоборот: тот самый майор восстал против меня, почему и пришлось сичевиков обезоружить и совершенно расформировать» (*Скоропадский П. П. С. 24*). Впоследствии Коновалец сформировал уже не полк, а корпус сичевиков.

¹⁵¹ *Затем появился писатель Винниченко...* – Винниченко Владимир Кириллович (1880–1951) – украинский политический деятель и писатель. Автор многих рассказов, повестей и романов: «Краса и сила», «Гольфьба», «Голод», «На весах жизни», «Заветы отцов», «Честность с собой», «Записки курносого Мефистофеля» и др. Профессиональный революционер, с юношеских лет член Революционной украинской партии (РУП), преобразованной затем в Украинскую социал-демократическую рабочую партию (УСДРП). С марта 1917 г., когда была создана Центральная Рада, – один из активнейших ее деятелей, возглавлял правительство Украины, занимал другие государственные посты. В ноябре 1918 – феврале 1919 г. – глава Директории. Затем эмигрировал. В 1920 г. возвратился из эмиграции и в течение короткого времени был заместителем председателя Совнаркома Украины и наркомом иностранных дел. Однако в том же году вновь эмигрировал. На долгие годы был забыт, но в последние годы вновь стали выходить его книги (см.: *Винниченко В. Забытая книга. М., 1991*).

¹⁵² *...немцы произносили по-своему: – Пэтурра.* – Проведя лингвистически-этимологический анализ этого слова, Ф. Балонев доказал, что в переводе с французского оно означает «пердун». См.: *Балонев Ф. Как Петлюра стал Пэтурра // Санкт-Петербургский университет. 1994. № 5. 10 марта.*

зы в Одессе. Неизвестное, таинственное имя – консул Энно¹⁵³. Одесса. Одесса. Генерал Деникин. Опять Вильгельм. Немцы уйдут, французы придут.

– Большевики придут, батенька!

– Типун вам на язык, батюшка!

У немцев есть такой аппарат со стрелкой – поставят его на землю, и стрелка показывает, где оружие зарыто. Это штука. Петлюра послал посольство к большевикам. Это еще лучше штука. Петлюра. Петлюра. Петлюра. Петлюра. Пэтурра.

Никто, ни один человек не знал, что, собственно, хочет устроить этот Пэтурра на Украине, но решительно все уже знали, что он, таинственный и безликий

(хотя, впрочем, газеты время от времени помещали на своих страницах первый попавшийся в редакции снимок католического прелата, каждый раз разного, с подписью – Симон Петлюра),

желает ее, Украину, завоевать, а для того чтобы ее завоевать, он идет брать Город.

6

Магазин «Парижский шик» мадам Анжу помещался в самом центре Города, на Театральной улице, проходящей позади оперного театра, в огромном многоэтажном доме, и именно в первом этаже. Три ступеньки вели с улицы через стеклянную дверь в магазин, а по бокам стеклянной двери были два окна, завешенные тюлевыми пыльными занавесками. Никому не известно, куда делась сама мадам Анжу и почему помещение ее магазина было использовано для целей вовсе не торговых. На левом окне была нарисована цветная дамская шляпа, с золотистым пером, над дверью была черная вывеска с золотыми словами «Шик паризьен», а за стеклом первого окна большущий плакат желтого картона с нарисованными двумя скрещенными севастьяпольскими пушками, как на погонах у артиллеристов, и надписью сверху:

«Героем можешь ты не быть, но добровольцем быть обязан».

Под пушками слова:

«Запись добровольцев в Мортирный Дивизион, имени командующего, принимается».

У подъезда магазина стояла закопченная и развинченная мотоциклетка с лодочкой, и дверь на пружине поминутно хлопала, и каждый раз, как она открывалась, над ней звенел великолепный звоночек – бррынь-бррынь, напоминающий счастливые и недавние времена мадам Анжу.

Турбин, Мышлаевский и Карась встали почти одновременно после пьяной ночи и, к своему удивлению, с совершенно ясными головами, но довольно поздно, около полудня. Выяснилось, что Николки и Шервинского уже нет. Николка спозаранку свернул какой-то таинственный красненький узелок, покряхтел – эх, эх... и отправился к себе в дружину, а Шервинский недавно уехал на службу в штаб командующего.

Мышлаевский, оголив себя до пояса в заветной комнатке Анюты за кухней, где за занавеской стояла колонка и ванна, выпустил себе на шею и спину и голову струю ледяной воды и, с воплем ужаса и восторга вскрикивая:

– Эх! Так его! Здорово! – залил все кругом на два аршина. Затем растерся мохнатой простыней, оделся, голову смазал бриолином, причесался и сказал Турбину:

– Алеша, эгм... будь другом, дай свои шпоры надеть. Домой уж я не заеду, а не хочется яв-

¹⁵³...таинственное имя – консул Энно. – Французский консул в Одессе, пользовавшийся большим влиянием в политических кругах (см.: Деникин А. И. Французы в Одессе. Л., 1928).

ляться без шпор,

– В кабинете возьми, в правом ящике стола.

Мышлаевский ушел в кабинетик, повозился там, позвякал и вышел. Черноглазая Анюта, утром вернувшаяся из отпуска от тетки, шаркала петушиной метелочкой по креслам. Мышлаевский откашлялся, искоса глянул на дверь, изменил прямой путь на извилистый, дал крюку и тихо сказал:

– Здравствуйте, Анюточка...

– Елене Васильевне скажу, – тотчас механически и без раздумья шепнула Анюта и закрыла глаза, как обреченный, над которым палач уже занес нож.

– Глупень...

Турбин неожиданно заглянул в дверь. Лицо его стало ядовитым.

– Метелочку, Витя, рассматриваешь? Так. Красивая. А ты бы лучше шел своей дорогой, а? А ты, Анюта, имей в виду, в случае, ежели он будет говорить, что женится, так не верь, не женись.

– Ну что, ей-Богу, поздороваться нельзя с человеком.

Мышлаевский побурел от незаслуженной обиды, выпятил грудь и зашлепал шпорами из гостиной. В столовой он подошел к важной рыжеватой Елене, и при этом глаза его беспокойно бегали.

– Здравствуй, Лена, ясная, с добрым утром тебя. Эгм... (Из горла Мышлаевского выходил вместо металлического тенора хриплый низкий баритон.) Лена, ясная, – воскликнул он прочувственно, – не сердись. Люблю тебя, и ты меня люби. А что я нахамил вчера, не обращай внимания. Лена, неужели ты думаешь, что я какой-нибудь негодяй?

С этими словами он заключил Елену в объятия и расцеловал ее в обе щеки. В гостиной с мягким стуком упала петушья корона. С Анютой всегда происходили странные вещи, лишь только поручик Мышлаевский¹⁵⁴ появлялся в турбинской квартире. Хозяйственные предметы начинали сыпаться из рук Анюты: каскадом падали ножи, если это было в кухне, сыпались блюда с буфетной стойки; Аннушка становилась рассеянной, бегала без нужды в переднюю и там возилась с калошами, вытирая их тряпкой до тех пор, пока не чвакали короткие, спущенные до каблуков шпоры и не появлялся скошенный подбородок, квадратные плечи и синие бриджи. Тогда Аннушка закрывала глаза и боком выбиралась из тесного, коварного ущелья. И сейчас в гостиной, уронив метелку, она стояла в задумчивости и смотрела куда-то вдаль, через узорные занавеси, в серое, облачное небо.

– Витька, Витька, – говорила Елена, качая головой, похожей на вычищенную театральную корону, – посмотреть на тебя, здоровый ты парень, с чего ж ты так ослабел вчера? Садись, пей чаек, может, тебе полегчает.

– А ты, Леночка, ей-Богу, замечательно выглядишь сегодня. И капот тебе идет, клянусь честью, – заискивающе говорил Мышлаевский, бросая легкие, быстрые взоры в зеркальные недра буфета, – Карась, глянь каков капот. Совершенно зеленый. Нет, до чего хороша.

– Очень красива Елена Васильевна, – серьезно и искренне ответил Карась.

– Это электрик, – пояснила Елена, – да ты, Витенька, говори сразу – в чем дело?

– Видишь ли, Лена, ясная, после вчерашней истории мигрень у меня может сделаться, а с мигренью воевать невозможно...

– Ладно, в буфете.

– Вот, вот... Одну рюмку... Лучше всяких пирамидонов.

Страдальчески сморщившись, Мышлаевский один за другим проглотил два стаканчика водки и закусил их обмякшим вчерашним огурцом. После этого он объявил, что будто бы только что родился, и изъявил желание пить чай с лимоном.

– Ты, Леночка, – хрипловато говорил Турбин, – не волнуйся и поджидай меня, я съезжу, запишусь и вернусь домой. Касательно военных действий не беспокойся, будем мы сидеть в Городе и отражать этого миленького украинского президента – сволочь такую.

– Не послали б вас куда-нибудь?

Карась успокоительно махнул рукой.

¹⁵⁴ ...поручик Мышлаевский... – В поздн. правке: «...штабс-капитан Мышлаевский...»

– Не беспокойтесь, Елена Васильевна. Во-первых, должен вам сказать, что раньше двух недель дивизион ни в коем случае и готов не будет, лошадей еще нет и снарядов. А когда и будет готов, то, без всяких сомнений, останемся мы в Городе. Вся армия, которая сейчас формируется, несомненно, будет гарнизоном Города. Разве в дальнейшем, в случае похода на Москву...

– Ну, это когда еще там... Эгм...

– Это с Деникиным нужно будет соединиться раньше...

– Да вы напрасно, господа, меня утешаете, я ничего ровно не боюсь, напротив, одобряю.

Елена говорила действительно бодро, и в глазах ее уже была деловая будничная забота. «Довлеет дневи злоба его».

– Анюта, – кричала она, – миленькая, там на веранде белье Виктора Викторовича. Возьми его, детка, щеткой хорошенько, а потом сейчас же стирай.

Успокоительнее всего на Елену действовал укладистый маленький голубоглазый Карась. Уверенный Карась в рыженьком френче был хладнокровен, курил и шурился.

В передней прощались.

– Ну, да хранит вас Господь, – сказала Елена строго и перекрестила Турбина. Также перекрестила она и Карася и Мышлаевского. Мышлаевский обнял ее, а Карась, туго перепоясанный по широкой талии шинели, покраснев, нежно целовал ее обе руки.

– Господин полковник, – мягко щелкнув шпорами и приложив руку к козырьку, сказал Карась, – разрешите доложить?

Господин полковник сидел в низеньком зеленоватом будуарном креслице на возвышении вроде эстрады в правой части магазина за маленьким письменным столиком. Груды голубоватых картонок с надписью «Мадам Анжу. Дамские шляпы» возвышались за его спиной, несколько темня свет из пыльного окна, завешенного узористым тюлем. Господин полковник держал в руке перо и был на самом деле не полковником, а подполковником в широких золотых погонах, с двумя просветами и тремя звездами, и со скрещенными золотыми пушечками. Господин полковник был немногим старше самого Турбина – было ему лет тридцать, самое большое тридцать два. Его лицо, выкормленное и гладко выбритое, украшалось черными, подстриженными по-американски усиками. В высшей степени живые и смысленные глаза смотрели явно устало, но внимательно.

Вокруг полковника царил хаос мироздания. В двух шагах от него в маленькой черной печечке трещал огонь, с узловатых черных труб, тянувшихся за перегородку и пропадавших там в глубине магазина, изредка капала черная жижа. Пол, как на эстраде, так и в остальной части магазина переходивший в какие-то углубления, был усеян обрывками бумаги и красными и зелеными лоскутками материи. На высоте, над самой головой полковника трещала, как беспокойная птица, пишущая машинка, и когда Турбин поднял голову, увидел, что пела она за перилами, висящими под самым потолком магазина. За этими перилами торчали чьи-то ноги изад в синих рейтузах, а головы не было, потому что ее срезал потолок. Вторая машинка стрекотала в левой части магазина, в неизвестной яме, из которой виднелись яркие погоны вольноопределяющегося и белая голова¹⁵⁵, но не было ни рук, ни ног.

Много лиц мелькало вокруг полковника, сверкали золотые пушечные погоны, громоздился желтый ящик с телефонными трубками и проволоками, а рядом с картонками груды лежали, похожие на банки с консервами, ручные бомбы с деревянными рукоятками и несколько кругов пулеметных лент. Ножная швейная машинка стояла под левым локтем г-на полковника, а управой ноги высывал свое рыльце пулемет. В глубине и полутьме, за занавесом на блестящем пруте, чей-то голос надрывался, очевидно, в телефон: «Да... да... говорю. Говорю: да, да. Да, я говорю». Бррынь-ынь... – проделал звоночек... Пи-у, – спела мягкая птичка где-то в яме, и оттуда молодой басок забормотал:

– Дивизион... слушаю... да... да.

– Я слушаю вас, – сказал полковник Карасю.

¹⁵⁵ ...и белая голова... – В поздн. правке: «...и гладкая голова...»

– Разрешите представить вам, господин полковник, поручика Виктора Мышлаевского и доктора Турбина. Поручик Мышлаевский находится сейчас во второй пехотной дружине, в качестве рядового, и желал бы перевестись во вверенный вам дивизион по специальности. Доктор Турбин просит о назначении его в качестве врача дивизиона.

Проговорив все это, Карась отнял руку от козырька, а Мышлаевский козырнул. «Черт... надо будет форму скорее одеть», – досадливо подумал Турбин, чувствуя себя неприятно без шапки, в качестве какого-то оболтуса в черном пальто с барашковым воротником. Глаза полковника бегло скользнули по доктору и переехали на шинель и лицо Мышлаевского.

– Так, – сказал он, – это далее хорошо. Вы где, поручик, служили?

– В тяжелом дивизионе, господин полковник, – ответил Мышлаевский, указывая таким образом свое положение во время германской войны.

– В тяжелом? Это совсем хорошо. Черт их знает: артиллерийских офицеров запихнули чего-то в пехоту. Путаница.

– Никак нет, господин полковник, – ответил Мышлаевский, прочищая легоньким кашлем непокорный голос, – это я сам добровольно попросился ввиду того, что спешно требовалось выступать под Пост-Волынский. Но теперь, когда дружина укомплектована в достаточной мере...

– В высшей степени одобряю... хорошо, – сказал полковник и действительно в высшей степени одобрительно посмотрел в глаза Мышлаевскому. – Рад познакомиться... Итак... ах, да, доктор? И вы желаете к нам? Гм...

Турбин молча склонил голову, чтобы не отвечать «так точно» в своем барашковом воротнике.

– Гм... – полковник глянул в окно, – знаете, это мысль, конечно, хорошая. Тем более что на днях возможно... Тэк-с... – Он вдруг приостановился, чуть прищурил глазки и заговорил, понизив голос: – Только... как бы это выразиться... Тут, видите ли, доктор, один вопрос... Социальные теории и... гм... вы социалист? Не правда ли? Как все интеллигентные люди? – Глазки полковника скользнули в сторону, а вся его фигура, губы и сладкий голос выразили живейшее желание, чтобы доктор Турбин оказался именно социалистом, а не кем-нибудь иным. – Дивизион у нас так и называется – студенческий, – полковник задушевно улыбнулся, не показывая глаз. – Конечно, несколько сентиментально, но я сам, знаете ли, университетский.

Турбин крайне разочаровался и удивился. «Черт... Как же Карась говорил?..» Карася он почувствовал в этот момент где-то у правого своего плеча и, не глядя, понял, что тот напряженно желает что-то дать ему понять, но что именно – узнать нельзя.

– Я, – вдруг бухнул Турбин, дернув щекой, – к сожалению, не социалист, а... монархист¹⁵⁶. И даже, должен сказать, не могу выносить самого слова «социалист». А из всех социалистов больше всех ненавижу Александра Федоровича Керенского¹⁵⁷.

Какой-то звук вылетел изо рта у Карася сзади, за правым плечом Турбина. «Обидно расставаться с Карасем и Витей, – подумал Турбин, – но шут его возьми, этот социальный дивизион».

Глазки полковника мгновенно вынырнули на лице, и в них мелькнула какая-то искра и блеск. Рукой он взмахнул, как будто желая вежливо закрыть рот Турбину, и заговорил:

– Это печально. Гм... очень печально... Завоевания революции и прочее... У меня приказ сверху: избегать укомплектования монархическими элементами, ввиду того что население... необходима, видите ли, сдержанность. Кроме того, гетман, с которым мы в непосредственной и теснейшей связи, как вам известно... печально... печально...

Голос полковника при этом не только не выражал никакой печали, но, наоборот, звучал очень радостно, и глазки находились в совершеннейшем противоречии с тем, что он говорил.

«Ага-а? – многозначительно подумал Турбин. – Дурак я... а полковник этот не глуп. Вероятно, карьерист, судя по физиономии, но это ничего».

– Не знаю уж, как и быть... ведь в настоящий момент, – полковник жирно подчеркнул сло-

¹⁵⁶ – Я... не социалист, а... монархист. – Свои монархические взгляды Булгаков не скрывал. Даже соученики по гимназии запомнили, что Булгаков был ярким монархистом (см.: *Лесский Г. А.* С. 88).

¹⁵⁷ ...из всех социалистов больше всех ненавижу Александра Федоровича Керенского. – Свое презрение к А. Ф. Керенскому (1881–1970), председателю так называемого Временного правительства, писатель выразил во многих своих сочинениях, наиболее ярким из которых является рассказ-буффонада «Багровый остров».

во «настоящий», – так, в настоящий момент, я говорю, непосредственной нашей задачей является защита Города и гетмана от банд Петлюры и, возможно, большевиков. А там, там видно будет... Позвольте узнать, где вы служили, доктор, до сего времени?

– В тысяча девятьсот пятнадцатом году, по окончании университета экстерном, в венерологической клинике, затем младшим врачом в Белградском гусарском полку, а затем ординатором тяжелого трехсводного госпиталя. В настоящее время демобилизован и занимаюсь частной практикой.

– Юнкер! – воскликнул полковник. – Попросите ко мне старшего офицера.

Чья-то голова провалилась в яме, а затем перед полковником оказался молодой офицер, черный, живой и настойчивый. Он был в круглой барашковой шапке, с малиновым верхом, перекрещенным галуном, в серой, длинной а la Мышлаевский шинели, с туго перетянутым поясом, с револьвером. Его помятые золотые погоны показывали, что он штабс-капитан¹⁵⁸.

– Капитан Студзинский, – обратился к нему полковник, – будьте добры отправить в штаб командующего отношение о срочном переводе ко мне поручика¹⁵⁹... э...

– Мышлаевский, – сказал, козырнув, Мышлаевский.

–...Мышлаевского, по специальности, из второй дружины. И туда же отношение, что лекарь... э?

– Турбин...

– Турбин мне крайне необходим в качестве врача дивизиона. Просим о срочном его назначении.

– Слушаю, господин полковник, – с неправильными ударениями ответил офицер и козырнул. «Поляк», – подумал Турбин.

– Вы, поручик, можете не возвращаться в дружину (это Мышлаевскому). Поручик примет четвертый взвод¹⁶⁰ (офицеру).

– Слушаю, господин полковник.

– Слушаю, господин полковник.

– А вы, доктор, с этого момента на службе. Предлагаю вам явиться сегодня через час на плац Александровской гимназии.

– Слушаю, господин полковник.

– Доктору немедленно выдать обмундирование.

– Слушаю.

– Слушаю, слушаю! – кричал басок в яме.

– Слушаете? Нет. Говорю: нет... Нет, говорю, – кричало за перегородкой.

Брры-ынь... Пи... Пи-у, – пела птичка в яме.

– Слушаете?..

– «Свободные вести»! «Свободные вести»! Ежедневная новая газета «Свободные вести»! – кричал газетчик-мальчишка, повязанный сверх шапки бабьим платком. – Разложение Петлюры. Прибытие черных войск в Одессу. «Свободные вести»!

Турбин успел за час побывать дома. Серебряные погоны¹⁶¹ вышли из тьмы ящика в письменном столе, помещавшемся в маленьком кабинете Турбина, примыкавшем к гостиной. Там белые занавеси на окне застекленной двери, выходящей на балкон, письменный стол с книгами и чернильным прибором, полки с пузырьками лекарств и приборами, кушетка, застланная чистой

¹⁵⁸ ...он штабс-капитан. – В поздн. правке: «...он капитан...»

¹⁵⁹ ...ко мне поручика... – В поздн. правке: «...ко мне штабс-капитана...» Далее везде Мышлаевский – штабс-капитан, Студзинский – капитан.

¹⁶⁰ ...примет четвертый взвод... – В поздн. правке: «...примет вторую батарею». И далее по тексту вместо «взвода» – «батарея».

¹⁶¹ Серебряные погоны... – В поздн. правке: «Серебряные с черным просветом погоны...»

простыней. Бедно и тесновато, но уютно.

– Леночка, если сегодня я почему-либо запоздаю и если кто-нибудь придет, скажи – приема нет. Постоянных больных нет... Поскорее, детка.

Елена торопливо, оттянув ворот гимнастерки, пришивала погоны... Вторую пару, защитных зеленых с черным просветом, она пришила на шинель.

Через несколько минут Турбин выбежал через парадный ход, глянул на белую дощечку:

ДОКТОР А. В. ТУРБИН.
Венерические болезни и сифилис.
606-914.
Прием с 4-х до 6-ти.

Приклеил поправку «С 5-ти до 7-ми» и побежал вверх, по Алексеевскому спуску.

– «Свободные вести»!

Турбин задержался, купил у газетчика и на ходу развернул газету:

Беспартийная демократическая газета.

Выходит ежедневно.

13 декабря 1918 года.

Вопросы внешней торговли и, в частности, торговли с Германией заставляют нас...

– Позвольте, а где же?... Руки зябнут.

По сообщению нашего корреспондента, в Одессе ведутся переговоры о высадке двух дивизий черных колониальных войск. Консул Энно не допускает мысли, чтобы Петлюра...

– Ах, сукин сын, мальчишка!

Перебежчики, явившиеся вчера в штаб нашего командования на Посту-Волынском, сообщили о все растущем разложении в рядах банд Петлюры. Третьего дня конный полк в районе Коростеля открыл огонь по пехотному полку сечевых стрелцов. В бандах Петлюры наблюдается сильное тяготение к миру. Видимо, авантюра Петлюры идет к краху. По сообщению того же перебежчика, полковник Болботун¹⁶², взбунтовавшийся против Петлюры, ушел в неизвестном направлении со своим полком и четырьмя орудиями. Болботун склоняется к гетманской ориентации.

Крестьяне ненавидят Петлюру за реквизиции. Мобилизация, объявленная им в деревнях, не имеет никакого успеха. Крестьяне массами уклоняются от нее, прячась в лесах.

– Предположим... ах, мороз проклятый... Извините.

– Батюшка, что ж вы людей давите? Газетки дома надо читать...

– Извините...

Мы всегда утверждали, что авантюра Петлюры...

– Вот мерзавец! Ах ты ж, мерзавцы...

¹⁶²...полковник Болботун... – Полковник П. Балбачан (Балбочан) пользовался высоким авторитетом в украинских воинских частях, часто занимал позицию, несогласную с властью. Командуя Вторым Запорожским полком, господствовал в Харькове и его окрестностях. Восставал и против гетмана, и против Петлюры. В июне 1919 г. после очередного демарша был убит петлюровцами. О нем П. П. Скоропадский вспоминал: «В это время на севере активизировались большевики... Немцев было недостаточно, и я послал туда один полк... По свидетельству самих же немцев, этот полк проявил отвагу. Им командовал Балбачан, который впоследствии вместе с украинскими партиями поднял уже давно готовившееся в Харькове восстание, о чем мы были осведомлены. Они не столько имели что-либо против меня, сколько считали, что кабинет был не слишком украинский...» И далее: «...что неприятно поразило, так этот тот самый Балбачан, который только что был произведен в полковники за действительно хорошие действия против большевиков...» (Скоропадский П. П. С. 95, 107, 115).

*Кто честен и не волк,
идет в добровольческий полк...*

– Иван Иванович, что это вы сегодня не в духе?

– Да жена напетлюрила. С самого утра сегодня болботунит¹⁶³...

Турбин даже в лице изменился от этой остроты, злобно скомкал газету и швырнул ее на тротуар. Прислушался.

Бу-у, – пели пушки. У-уух, – откуда-то, из утробы земли, звучало за городом.

– Что за черт?

Турбин круто повернулся, поднял газетный ком, расправил его и прочитал еще раз на первой странице внимательно:

В районе Ирпеня столкновения наших разведчиков с отдельными группами бандитов Петлюры.

На Серебрянском направлении спокойно.

В Красном Трактире без перемен.

В направлении Боярки полк гетманских сердюков лихой атакой рассеял банду в полторы тысячи человек. В плен взято два человека.

Гу... гу... гу... Бу... бу... бу... – ворчала серенькая зимняя даль где-то на юго-западе. Турбин вдруг открыл рот и побледнел. Машинально зачихнул газету в карман. От бульвара, по Владимирской улице, чернела и ползла толпа. Прямо по мостовой шло много людей в черных пальто... Замелькали бабы на тротуарах. Конный, из Державной варты, ехал, словно предводитель. Рослая лошадь прядала ушами, косилась, шла боком. Рожа у всадника была растерянная. Он изредка что-то выкрикивал, помахивая нагайкой для порядка, и выкриков его никто не слушал. В толпе, в передних рядах, мелькнули золотые ризы и бороды священников, колыхнулась хоругвь. Мальчишки сбегались со всех сторон.

– «Вести»! – крикнул газетчик и устремился к толпе.

Поварята в белых колпаках с плоскими доньшками выскочили из преисподней ресторана «Метрополь». Толпа расплывалась по снегу, как чернила по бумаге.

Желтые длинные ящики колыхались над толпой. Когда первый поравнялся с Турбиным, тот разглядел угольную корявую надпись на его боку:

«Прапорщик Юцевич».

На следующем:

«Прапорщик Иванов».

¹⁶³ ...жену напетлюрила. С самого утра сегодня болботунит... – Эта шутка становится понятной после прочтения следующей заметки из газеты «Відродження» от 2 декабря 1918 г.: «У суботньому числі гетьманського „Мира“ була надрукована стаття російського літератора Василевського... Стаття починалась так: „Кабинетная Мазепа. В конце концов, это даже утомительно. Сходство нынешнего Киева с прошлогодним Петроградом доходит до курьезов. В дни процесса Шнеура (Шпеца) в Петрограде сделалась крылатой фраза из „Сатирикона“:

– Станет этакий шпец на дыбенки, расправит крыленки да как заколантаит!

В наши дни, когда гг. Швец и Винниченко в мирной Виннице создали резиденцию своей Директории – так и просится на язык грустная параллель:

– Распетлюрится этакий швец на обе винниченки да как забалбачанит!"

А сьогодні той же самий Василевський (Не-Буква):

– Хай живе згода міс націями в УНР („Свободные мысли").

Після низки доносів на українську інтелігенцію, після ганебної лайки на адресу українського народу:

– Хай живе згода!

Бывали хуже времена, но не было подлей!» (Collegium. С. 130).

Вот как переплетались дорожки двух мужей Л. Е. Белозерской – И. М. Василевского (Не-Буквы) и М. А. Булгакова. По идее, после знакомства их в Москве в 1924 г. у них должны были состояться заинтересованные беседы, особенно после выхода в свет «Белой гвардии».

На третьем:

«Прапорщик Орлов».

В толпе вдруг возник визг. Седая женщина, в сбившейся на затылок шляпе, спотыкаясь и роняя какие-то свертки на землю, врезалась с тротуара в толпу.

– Что это такое? Ваня?! – залился ее голос. Кто-то, бледнея, побежал в сторону. Взвыла одна баба, за нею другая.

– Господи Иисусе Христе! – забормотали сзади Турбина. Кто-то давил его в спину и дышал в шею.

– Господи... последние времена. Что ж это, режут людей?.. Да что ж это...

– Лучше я уж не знаю что, чем такое видеть.

– Что? Что? Что? Что? Что такое случилось? Кого это хоронят?

– Ваня! – завывало в толпе.

– Офицеров, что порезали в Попелюхе, – торопливо, задыхаясь от желания первым рассказать, бубнил голос, – выступили в Попелюху, заночевали всем отрядом, а ночью их окружили мужики с петлюровцами и начисто всех порезали. Ну, начисто... Глаза повыкальвали, на плечах погоны повырезали. Форменно изуродовали.

– Вот оно что? Ах, ах, ах...

«Прапорщик Коровин»,

«Прапорщик Гердт», –

проплывали желтые гробы.

– До чего дожили... Подумайте.

– Междоусобные брани.

– Да как же?..

– Заснули, говорят...

– Так им и треба... – вдруг свистнул в толпе за спиной Турбина черный голосок, и перед глазами у него позеленело. В мгновение мелькнули лица, шапки. Словно клещами, ухватил Турбин, просунув руку между двумя шеями, голос за рукав черного пальто. Тот обернулся и впал в состояние ужаса.

– Что вы сказали? – шипящим голосом спросил Турбин и сразу обмяк.

– Помилуйте, господин офицер, – трясаясь в ужасе, ответил голос, – я ничего не говорю. Я молчу. Что вы-с? – Голос прыгал.

Утиный нос побледнел, и Турбин сразу понял, что он ошибся, схватил не того, кого нужно. Под утиным барашковым носом торчала исключительной благонамеренности физиономия. Ничего ровно она не могла говорить, и круглые глазки ее закатывались от страха.

Турбин выпустил рукав и в холодном бешенстве начал рыскать глазами по шапкам, затылкам и воротникам, кипевшим вокруг него. Левой рукой он готовился что-то ухватить, а правой придерживал в кармане ручку браунинга. Печальное пение священников проплывало мимо, и рядом, надрываясь, голосила баба в платке. Хватать было решительно некого, голос словно сквозь землю провалился. Проплыл последний гроб,

«Прапорщик Морской», –

пролетели какие-то сани.

– «Вести»! – вдруг под самым ухом Турбина резнул сиплый альт.

Турбин вытащил из кармана скомканный лист и, не помня себя, два раза ткнул им мальчишке в физиономию, приговаривая со скрипом зубовым:

– Вот тебе вести. Вот тебе. Вот тебе вести. Сволочь!

На этом припадок его бешенства и прошел. Мальчишка разронял газеты, поскользнулся и сел в сугроб. Лицо его мгновенно перекошилось фальшивым плачем, а глаза наполнились отнюдь не фальшивой, лютейшей ненавистью.

– Ште это... что вы... за что мне? – загнул он, стараясь зареветь и шаря по снегу. Чье-то лицо в удивлении выпятилось на Турбина, но боялось что-нибудь сказать. Чувствуя стыд и нелепую чепуху, Турбин вобрал голову в плечи и, круто свернув, мимо газового фонаря, мимо белого бока круглого гигантского здания музея, мимо каких-то развороченных ям с занесенными пленкой снега кирпичами, выбежал на знакомый громадный плац – сад Александровской гимназии.

– «Вести»! «Ежедневная демократическая газета»! – донеслось с улицы.

Стовосьмидесятиоконным, четырехэтажным громадным покоем окаймляла плац родная Турбину гимназия. Восемь лет провел Турбин в ней, в течение восьми лет в весенние перемены он бегал по этому плацу, а зимами, когда классы были полны душной пыли и лежал на плацу холодный важный снег зимнего учебного года, видел плац из окна. Восемь лет растил и учил желтый кирпичный покой Турбина и младших – Карася и Мышлаевского.

И ровно восемь же лет назад в последний раз видел Турбин сад гимназии. Его сердце защемило почему-то от страха. Ему показалось вдруг, что черная туча заслонила небо, что налетел какой-то вихрь и смыл всю жизнь, как страшный вал смывает пристань. О, восемь лет учения! Сколько в них было нелепого и грустного и отчаянного для мальчишеской души, но сколько было радостного. Серый день, серый день, серый день, ут консекутивум, Кай Юлий Цезарь, кол по космографии и вечная ненависть к астрономии со дня этого кола. Но зато и весна, весна и грохот в залах, гимназистки в зеленых передниках на бульваре, каштаны и май, и, главное, вечный маяк впереди – университет, значит, жизнь свободная, – понимаете ли вы, что значит университет? Закаты на Днепре, воля, деньги, сила, слава.

И вот он все это прошел. Вечно загадочные глаза учителей, и страшные, до сих пор еще снящиеся, бассейны, из которых вечно выливается и никак не может вылиться вода, и сложные рассуждения о том, чем Ленский отличается от Онегина, и как безобразен Сократ, и когда основан орден иезуитов, и высадился Помпей, и еще кто-то высадился, и высадился и высаживается в течение двух тысяч лет...

Мало этого. За восемью годами гимназии, уже вне всяких бассейнов, трупы анатомического театра, белые палаты, стеклянное молчание операционных, а затем три года метания в седле, чужие раны, унижения и страдания, – о, проклятый бассейн войны... И вот высадился все там же, на этом самом плацу, в том же саду. И бежал по плацу достаточно больной и издерганный, сжимал браунинг в кармане, бежал черт знает куда и зачем. Вероятно, защищать ту самую жизнь – будущее, из-за которого мучился над бассейнами и теми проклятыми пешеходами, из которых один идет со станции «А», а другой навстречу ему¹⁶⁴ со станции «Б».

Черные окна являли полнейший и угрюмейший покой. С первого взгляда становилось понятно, что это покой мертвый. Странно, в центре города, среди развала, кипения и суеты, остался мертвый четырехъярусный корабль, некогда вынесший в открытое море десятки тысяч жизней. Похоже было, что никто уже его теперь не охранял, ни звука, ни движения не было в окнах и под стенами, крытыми желтой николаевской краской. Снег девственным пластом лежал на крышах, шапкой сидел на кронах каштанов, снег устилал плац ровно, и только несколько разбегающихся дорожек следов показывали, что истоптали его только что.

И главное: не только никто не знал, но и никто не интересовался – куда же все делось? Кто теперь учится в этом корабле? А если не учится, то почему? Где сторожа? Почему страшные, тупорылые мортиры торчат под шеренгою каштанов у решетки, отделяющей внутренний палисадник у внутреннего парадного хода? Почему в гимназии цейхгауз? Чей? Кто? Зачем?

Никто этого не знал, как никто не знал, куда девалась мадам Анжу и почему бомбы в ее магазине легли рядом с пустыми картонками?..

– Накати-и! – прокричал голос. Мортиры шевелились и ползали. Человек двести людей

¹⁶⁴ ...а другой навстречу ему... – В поздн. правке: «...а другой, назло ему, навстречу...»

шевелились, перебегали, приседали и вскакивали около громадных кованых колес. Смутно мелькали желтые полушубки, серые шинели и папахи, фуражки военные и защитные, и синие, студенческие.

Когда Турбин пересек грандиозный плац, четыре мортиры стали в шеренгу, глядя на него пастью. Спешное учение возле мортир закончилось, и в две шеренги стал пестрый новобранный строй дивизиона.

– Господин кап-пи-тан, – пропел голос Мышлаевского, – взвод готов.

Студзинский появился перед шеренгами, попятился и крикнул:

– Левое плечо вперед, шагом марш!

Строй хрустнул, колыхнулся и, нестройно топчя снег, поплыл.

Замелькали мимо Турбина многие знакомые и типичные студенческие лица. В голове третьего взвода мелькнул Карась. Не зная еще, куда и зачем, Турбин захрустел рядом со взводом...

Карась вывернулся из строя и, озабоченный, идя задом, начал считать:

–левой. левой. Ать. Ать.

В черную пасть подвального хода гимназии змеей втянулся строй, и пасть начала заглатывать ряд за рядом.

Внутри гимназии было еще мертвеннее и мрачнее, чем снаружи. Каменную тишину и зыбкий сумрак брошенного здания быстро разбудило эхо военного шага. Под сводами стали летать какие-то звуки, точно проснулись демоны. Шорох и писк слышался в тяжком шаге – это потревоженные крысы разбежались по темным закоулкам. Строй прошел по бесконечным и черным подвальным коридорам, вымощенным кирпичными плитами, и пришел в громадный зал, где в узкие прорезы решетчатых окошек, сквозь мертвую паутину, скуповато притекал свет.

Адовый грохот молотков взломал молчание. Вскрывали деревянные окованные ящики с патронами, вынимали бесконечные змеиные ленты и похожие на торты круги для льюисовских пулеметов¹⁶⁵. Вылезли черные и серые, похожие на злых комаров, пулеметы. Стучали гайки, рвали клещи, в углу со свистом что-то резала пила. Юнкера вынимали кипы слежавшихся холодных папах, шинели в железных складках, негнущиеся ремни, подсумки и фляги в сукне.

– Па-а-живей, – послышался голос Студзинского.

Человек шесть офицеров, в тусклых золотых погонах, завертелись, как плауны на воде. Что-то выпевал выздоровевший тенор Мышлаевского.

– Господин доктор! – прокричал Студзинский из тьмы. – Будьте любезны принять команду фельдшеров и дать ей инструкции.

Перед Турбиным тотчас оказались двое студентов. Один из них, низенький и взволнованный, был с красным крестом на рукаве студенческой шинели. Другой – в сером, и папах налезала ему на глаза, так что он все время поправлял ее пальцами.

– Там ящики с медикаментами, – проговорил Турбин, – выньте из них сумки, которые через плечо, и мне докторскую с набором. Потрудитесь выдать каждому из артиллеристов по два индивидуальных пакета, бегло объяснив, как их вскрыть в случае надобности.

Голова Мышлаевского выросла над серым копошащимся вечем. Он влез на ящик, взмахнул винтовкой, лязгнул затвором, с треском вложил обойму и затем, целясь в окно и лязгая, лязгая и целясь, забросал юнкеров выброшенными патронами. После этого как фабрика застучала в подвале. Перекатывая стук и лязг, юнкера зарядили винтовки.

– Кто не умеет, осто-рожнее, юнкера-а, – пел Мышлаевский, – объясните студентам.

Через головы полезли ремни с подсумками и фляги.

Произошло чудо. Разношерстные пестрые люди превращались в однородный, компактный слой, над которым колючей щеткой, нестройно взмахивая и шевелясь, поднялась щетина штыков.

– Господ офицеров попрошу ко мне, – где-то прозвучал Студзинский.

В темноте коридора, под малиновый тихонький звук шпор, Студзинский заговорил негромко:

– Впечатления?

¹⁶⁵ ...для льюисовских пулеметов. – Так назывались пулеметы по имени их изобретателя, американского конструктора Исаака Льюиса (1858-1931).

Шпоры потоптались. Мышлаевский, небрежно и ловко ткнув концами пальцев в околыш, пододвинулся к штабс-капитану и сказал:

– У меня во взводе пятнадцать человек не имеют понятия о винтовке. Трудновато.

Студзинский, вдохновенно глядя куда-то вверх, где скромно и серенько сквозь стекло лился последний жиденький светик, молвил:

– Настроение?

Опять заговорил Мышлаевский:

– Кхм... кхм... Гробы напортили. Студентики смутились. На них дурно влияет. Через решетку видели.

Студзинский метнул на него черные упорные глаза.

– Потрудитесь поднять настроение.

И шпоры зазвякали, расходясь.

– Юнкер Павловский! – загремел в цейхгаузе Мышлаевский, как Радамес в «Аиде».

– Павловского... го!., го!., го!! – ответил цейхгауз каменным эхом и ревом юнкерских голо-
сов.

– И'я!

– Алексеевского училища?

– Точно так, господин поручик.

– А ну-ка, двиньте нам песню поэнергичнее. Так, чтобы Петлюра умер, мать его душу...

Один голос, высокий и чистый, завел под каменными сводами:

Артиллеристом я рожден...

Тенора откуда-то ответили в гуще штыков:

В семье бригадной я учился.

Вся студенческая гуща как-то дрогнула, быстро со слуха поймала мотив, и вдруг, стихийным басовым хоралом, стреляя пушечным эхом, взорвало весь цейхгауз:

*Ог-неем-ем қартечи я қрещен
И буйным бархатом об-ви-и-и-ился.
Огне-е-е-е-е-ем...*

Зазвенело в ушах, в патронных ящиках, в мрачных стеклах, в головах, и какие-то забытые пыльные стаканы на покатых подоконниках тряслись и звякали...

*И за қанаты тормозные
Меня қачали номера.*

Студзинский, выхватив из толпы шинелей, штыков и пулеметов двух розовых прапорщиков, торопливым шепотом отдавал им приказание:

– Вестибюль... сорвать кисею... поживее...

И прапорщики унесли куда-то.

*Идут и поют
Юнкера гвардейской школы!
Трубы, литавры,
Шарелқи звенят!*

Пустая каменная коробка гимназии теперь ревела и выла в страшном марше, и крысы сидели в глубоких норах, ошалев от ужаса.

– Ать... ать... – резал пронзительным голосом рев Карась.

– Веселей!.. – прочищенным голосом кричал Мышлаевский. – Алексеевцы, кого хороните?..

Не серая, разрозненная гусеница, а –

*Модистки! кухарки! горничные! прачки!
Вслед юнкерам уходящим глядят!!! –*

одетая колючими штыками валила по коридору шеренга, и пол прогибался и гнулся под хрустом ног. По бесконечному коридору и во второй этаж в упор на гигантский, залитый светом через стеклянный купол вестибюль шла гусеница, и передние ряды вдруг начали ошалевать.

На кровном аргамаче, крытом царским вальтрапом с вензелями, поднимая аргамача на дыбы, сияя улыбкой, в треуголке, заломленной с поля, с белым султаном, лысоватый и сверкающий Александр вылетел перед артиллеристами. Посылая им улыбку за улыбкой, исполненные коварного шарма, Александр взмахивал палашом и острием его указывал юнкерам на Бородинские полки. Клубочками ядер одевались Бородинские поля, и черной тучей штыков покрывалась даль на двухсаженном полотне¹⁶⁶.

*...ведь были ж..
схватки боевые?!*

– Да, говорят... – звенел Павловский.

Да говорят, еще какие!! –

гремели басы.

*Неда-а-а-ром помнит вся Россия
Про день Бородина!*

Ослепительный Александр несся на небо, и оборванная кисея, скрывавшая его целый год, лежала валом у копыт его коня.

– Императора Александра Благословенного не видели, что ли? Ровней, ровней! Ать. Ать. Леу. Леу! – выл Мышлаевский, и гусеница поднималась, осаживая лестницу грузным шагом александровской пехоты. Мимо победителя Наполеона левым плечом прошел дивизион в необъятный двусветный актовый зал и, оборвав песню, стал густыми шеренгами, колыхнув штыками. Сумрачный белесый свет царил в зале, и мертвенными, бледными пятнами глядели в простенках громадные, наглухо завешанные портреты последних царей.

Студзинский попятился и глянул на браслет-часы. В это мгновение вбежал юнкер и что-то шепнул ему.

– Командир дивизиона, – расслышали ближайшие.

Студзинский махнул рукой офицерам. Те побежали между шеренгами и выровняли их. Студзинский вышел в коридор навстречу командиру.

Звеня шпорами, полковник Малышев по лестнице, оборачиваясь и косясь на Александра, поднимался ко входу в зал. Кривая кавказская шашка с вишневым темляком болталась у него на левом бедре. Он был в фуражке черного буйного бархата и длинной шинели с огромным разрезом назад. Лицо его было озабочено. Студзинский торопливо подошел к нему и остановился, откозыряв.

Малышев спросил его:

– Одеты?

– Так точно. Все приказания исполнены.

– Ну, как?

– Драться будут. Но полная неопытность. На сто двадцать юнкеров восемьдесят студентов, не умеющих держать в руках винтовку.

Тень легла на лицо Малышева. Он помолчал.

¹⁶⁶ ...покрывалась даль на двухсаженном полотне. – В поздн. правке: «...покрывалась даль на трехсаженном полотне».

– Великое счастье, что хорошие офицеры попались, – продолжал Студзинский, – в особенности этот новый, Мышлаевский. Как-нибудь справимся.

– Так-с. Ну-с, вот что: потрудитесь, после моего смотра, дивизион, за исключением офицеров и караула в шестьдесят человек из лучших и опытнейших юнкеров, которых вы оставите у орудий, в цейхгаузе и на охране здания, распустить по домам с тем, чтобы завтра в семь часов утра весь дивизион был в сборе здесь.

Дикое изумление разбило Студзинского, глаза его неприличнейшим образом выкатились на господина полковника. Рот раскрылся.

– Господин полковник... – все ударения у Студзинского от волнения полезли на предпоследний слог, – разрешите доложить. Это невозможно. Единственный способ сохранить сколько-нибудь боеспособным дивизион – это задержать его на ночь здесь.

Господин полковник тут же, и очень быстро, обнаружил новое свойство – великолепнейшим образом сердиться. Шея его и щеки побурели¹⁶⁷ и глаза загорелись.

– Капитан, – заговорил он неприятным голосом, – я вам в ведомости прикажу выписать жалование не как старшему офицеру, а как лектору, читающему командирам дивизионов, и это мне будет неприятно, потому что я полагал, что в вашем лице я буду иметь именно опытного старшего офицера, а не штатского профессора. Ну-с, так вот: лекции мне не нужны. Па-а-прошу вас советов мне не давать! Слушать, запоминать. А запомнив – исполнять!

И тут оба выпятились друг на друга.

Самоварная краска полезла по шее и щекам Студзинского, и губы его дрогнули. Как-то скрипнув горлом, он произнес:

– Слушаю, господин полковник.

– Да-с, слушать. Распустить по домам. Приказать выспаться, и распустить без оружия, а завтра чтобы явились в семь часов. Распустить, и мало этого: мелкими партиями, а не взводными ящиками, и без погон, чтобы не привлекать внимания зевак своим великолепием.

Луч понимания мелькнул в глазах Студзинского, и обида в них погасла.

– Слушаю, господин полковник.

Господин полковник тут резко изменился.

– Александр Брониславович, я вас знаю не первый день как опытного и боевого офицера. Но ведь и вы меня знаете? Стало быть, обиды нет? Обиды в такой час неуместны. Я неприятно сказал – забудьте, ведь вы тоже...

Студзинский залился густейшей краской.

– Точно так, господин полковник, я виноват.

– Ну-с, и отлично. Не будем же терять времени, чтобы их не расхолаживать. Словом, все на завтра. Завтра яснее будет видно. Во всяком случае, скажу заранее: на орудия – внимания ноль, имейте в виду – лошадей не будет и снарядов тоже. Стало быть, завтра с утра стрельба из винтовок, стрельба и стрельба. Сделайте мне так, чтобы дивизион завтра к полудню стрелял, как призывной полк. И всем опытным юнкерам – гранаты. Понятно?

Мрачнейшие тени легли на¹⁶⁸ Студзинского. Он напряженно слушал.

– Господин полковник, разрешите спросить?

– Знаю-с, что вы хотите спросить. Можете не спрашивать. Я сам вам отвечу – погано-с. Бывает хуже, но редко. Теперь понятно?

– Точно так!

– Ну, так вот-с, – Малышев очень понизил голос, – понятно, что мне не хочется остаться в этом каменном мешке на подозрительную ночь и, чего доброго, угробить двести ребят, из которых сто двадцать даже не умеют стрелять!

Студзинский молчал.

– Ну так вот-с. А об остальном вечером. Все успеем. Валите к дивизиону.

И они вошли в зал.

– Смир-р-р-р-но. Га-сааа офицеры! – прокричал Студзинский.

¹⁶⁷ ...и щеки побурели... – В поздн. правке: «...и щеки пожелтели...»

¹⁶⁸ *Мрачнейшие тени легли на...* – В поздн. правке: «Мрачнейшие тени упали на...»

– Здравствуйте, артиллеристы!

Студзинский из-за спины Малышева, как беспокойный режиссер, взмахнул рукой, и серая колючая стена рывкнула так, что дрогнули стекла.

– Здра...рра...жла...гсин... полковник...

Малышев весело оглядел ряды, отнял руку от козырька и заговорил:

– Бесподобно... Артиллеристы! Слов тратить не буду, говорить не умею, потому что на митингах не выступал, и поэтому скажу коротко. Будем мы бить Петлюру, сукина сына, и, будьте покойны, побьем. Среди вас владимировцы, константиновцы, алексеевцы, орлы их ни разу еще не видали от них сраму. А многие из вас воспитанники этой знаменитой гимназии. Старые ее стены смотрят на вас. И я надеюсь, что вы не заставите их краснеть за вас. Артиллеристы мортирного дивизиона! Отстоим Город великий в час осады бандитом. Если мы обкатим этого милого президента шестью дюймами, небо ему покажется не более¹⁶⁹, чем его собственные подштанники, мать его душу через семь гробов!!!

– Га...а-а... Га-а... – ответила колючая гуща, подавленная бойкостью выражений господина полковника.

– Постарайтесь, артиллеристы!

Студзинский опять, как режиссер из-за кулис, испуганно взмахнул рукой, и опять громада обрушила пласты пыли своим воплем, повторенным громовым эхо:

– Ррр... Ррррр... Стра... Рррррр!!!

Через десять минут в актовом зале, как на Бородинском поле, стали сотни ружей в козлах. Двое часовых зачернели на концах поросшей кустами штыков паркетной пыльной равнины. Где-то в отдалении, внизу, стучали и перекатывались шаги торопливо расходившихся, согласно приказу, новоявленных артиллеристов. В коридорах что-то ковано гремело и стучало, и слышались офицерские выкрики – Студзинский сам разводил караулы. Затем неожиданно в коридоре запела труба. В ее рваных, застоявшихся звуках, летящих по всей гимназии, грозность была надломлена, а слышна явственная тревога и фальшь. В коридоре над пролетом, окаймленным двумя рамками лестницы в вестибюль, стоял юнкер и раздувал щеки. Георгиевские потертые ленты свешивались с тусклой медной трубы. Мышлаевский, растопырив ноги циркулем, стоял перед трубачом, и учил, и пробовал его.

– Не доносите... Теперь так, так. Раздуйте ее, раздуйте. Залежалась, матушка. А ну-ка, тревогу.

«Та-та-там-та-там», – пел трубач, наводя ужас и тоску на крыс.

Сумерки резко ползли в двусветный зал. Перед полем в козлах остались Малышев и Турбин. Малышев как-то хмуро глянул на врача, но сейчас же устроил на лице приветливую улыбку.

– Ну-с, доктор, у вас как? Санитарная часть в порядке?

– Точно так, господин полковник.

– Вы, доктор, можете отправляться домой. И фельдшеров отпустите. И таким образом: фельдшера пусть явятся завтра в семь часов утра, вместе с остальными... А вы... (Малышев подумал, прищурился.) Вас попрошу прибыть сюда завтра в два часа дня. До тех пор вы свободны. (Малышев опять подумал.) И вот что-с: погоны можете пока не надевать. (Малышев помялся.) В наши планы не входит особенно привлекать к себе внимание. Одним словом, завтра прошу в два часа сюда.

– Слушаю-с, господин полковник.

Турбин потоптался на месте. Малышев вынул портсигар и предложил ему папиросу. Турбин в ответ зажег спичку. Загорелись две красные звездочки, и тут же сразу стало ясно, что значительно потемнело. Малышев беспокойно глянул вверх, где смутно белели дуговые шары, потом вышел в коридор.

– Поручик Мышлаевский. Пожалуйте сюда. Вот что-с: поручаю вам электрическое освеще-

¹⁶⁹ ...небо ему покажется не более... – В поздн. правке: «...небо ему покажется величиною не более...»

щение здания полностью. Потрудитесь в кратчайший срок осветить. Будьте любезны овладеть им настолько, чтобы в любое мгновение вы могли его всюду не только зажечь, но и потушить. И ответственность за освещение целиком ваша.

Мышлаевский козырнул, круто повернулся. Трубач пискнул и прекратил. Мышлаевский, брэнча шпорами – топы-топы-топы, – покатился по парадной лестнице с такой быстротой, словно поехал на коньках¹⁷⁰. Через минуту откуда-то снизу раздались его громовые удары кулаками куда-то и командные вопли. И в ответ им в парадном подъезде, куда вел широченный двускатный вестибюль, дав слабый отблеск на портрет Александра, вспыхнул свет. Малышев от удовольствия даже приоткрыл рот и обратился к Турбину:

– Нет, черт возьми... Это действительно офицер. Видали?

А снизу на лестнице показалась фигурка и медленно полезла по ступеням вверх. Когда она повернула на первой площадке, и Малышев и Турбин, свесившись с перил, разглядели ее. Фигурка шла на разъезжающихся больных ногах и трясла белой головой. На фигурке была широкая двубортная куртка с серебряными пуговицами и цветными зелеными петлицами. В прыгающих руках у фигурки торчал огромный ключ. Мышлаевский поднимался сзади и изредка покрикивал:

– Живее, живее, старикан! Что ползешь, как вошь по струне¹⁷¹?

– Ваше... ваше... – шамкал и шаркал тихонько старик. Из мглы на площадке вынырнул Карась, за ним другой, высокий офицер, потом два юнкера и, наконец, вострорылый пулемет. Фигурка метнулась в ужасе, согнулась, согнулась и в пояс поклонилась пулемету.

– Ваше высокоблагородие, – бормотала она.

Наверху фигурка трясущимися руками, тычась в полутьме, открыла продолговатый ящик на стене, и белое пятно глянуло из него. Старик сунул руку куда-то, щелкнул, и мгновенно залило верхнюю площадь вестибюля, вход в актовый зал и коридор.

Тьма свернулась и убежала в его концы. Мышлаевский овладел ключом моментально и, просунув руку в ящик, начал играть, щелкая черными ручками. Свет, ослепительный до того, что даже отливал в розовое, то загорался, то исчезал. Вспыхнули шары в зале и погасли. Неожиданно загорелись два шара по концам коридора, и тьма, кувыркнувшись, улизнула совсем.

– Как? Эй! – кричал Мышлаевский.

– Погасло, – отвечали голоса снизу из провала вестибюля.

– Есть! Горит! – кричали снизу.

Вдоволь наигравшись, Мышлаевский окончательно зажег зал, коридор и рефлектор над Александром, запер ящик на ключ и опустил его в карман.

– Катись, старикан, спать, – молвил он успокоительно, – все в полном порядке.

Старик виновато заморгал подслеповатыми глазами:

– А ключик-то? Ключик... ваше высокоблагородие... Как же? У вас, что ли, будет?

– Ключик у меня будет. Вот именно.

Старик потрясся еще немножко и медленно стал уходить.

– Юнкер!

Румяный толстый юнкер грохнул ложем у ящика и стал неподвижно.

– К ящику пропускать беспрепятственно командира дивизиона, старшего офицера и меня. Но никого более. В случае надобности, по приказанию одного из трех, ящик взламываете, но осторожно, чтобы ни в коем случае не повредить щита.

– Слушаю, господин поручик.

Мышлаевский поравнялся с Турбиным и шепнул:

– Максим-то... видал?

– Господи... видал, видал, – шепнул Турбин.

Командир дивизиона стоял у входа в актовый зал, и тысяча огней играла на серебряной резьбе его шашки. Он поманил Мышлаевского и сказал:

– Ну, вот-с, поручик, я доволен, что вы попали к нам в дивизион. Молодцом.

– Рад стараться, господин полковник.

¹⁷⁰ ...словно поехал на коньках. – В поздн. правке: «...словно на колесах поехал».

¹⁷¹ Что ползешь, как вошь по струне? – В поздн. правке: «Ну, что ползешь?..»

– Вы еще наладите нам отопление здесь в зале, чтобы отогревать смены юнкеров, а уж об остальном я позабочусь сам. Накормлю вас и водки достану, в количестве небольшом, но достаточном, чтобы согреться.

Мышлаевский приятнейшим образом улыбнулся господину полковнику и внушительно откашлялся.

– Эк... км...

Турбин более не слушал. Наклонившись над балюстрадой, он не отрывал глаз от белоголовой фигурки, пока она не исчезла внизу. Пустая тоска овладела Турбиным. Тут же, у холодной балюстрады, с исключительной ясностью перед ним прошло воспоминание.

...Толпа гимназистов всех возрастов в полном восхищении валила по этому самому коридору. Коренастый Максим, старший педель¹⁷², стремительно увлекал две черные фигурки¹⁷³, открывая чудное шествие.

– Пушай, пушай, пушай, пушай, – бормотал он, – пушай, по случаю радостного приезда господина попечителя, господин инспектор полюбуются на господина Турбина с господином Мышлаевским. Это им будет удовольствие. Прямо-таки замечательное удовольствие!

Надо думать, что последние слова Максима заключали в себе злейшую иронию. Лишь человеку с извращенным вкусом созерцание господ Турбина и Мышлаевского могло доставить удовольствие, да еще в радостный час приезда попечителя.

У господина Мышлаевского, ущемленного в левой руке Максима, была наискось рассечена верхняя губа и левый рукав висел на нитке. На господине Турбине, увлекаемом правую, не было пояса и все пуговицы отлетели не только на блузе, но даже на разрезе брюк спереди, так что собственное тело и белье господина Турбина безобразнейшим образом были открыты для взоров.

– Пустите нас, миленький Максим, дорогой, – молили господа Турбин и Мышлаевский, обращая по очереди к Максиму угасающие взоры на окровавленных лицах.

– Ура! Волоки его, Макс Преподобный! – кричали сзади взволнованные гимназисты. – Нет такого закону, чтобы второклассников безнаказанно уродовать!

Ах, Боже мой, Боже мой! Тогда было солнце, шум и грохот. И Максим тогда был не такой, как теперь, – белый, скорбный и голодный. У Максима на голове была черная сапожная щетка, лишь кое-где тронутая нитями проседи, у Максима железные клещи вместо рук и на шее медаль величиною с колесо на экипаже... Ах, колесо, колесо. Все-то ты ехало из деревни «Б», деляя N оборотов, и вот приехало в каменную пустоту. Боже, какой холод. Нужно защищать теперь... Но что? Пустоту? Гул шагов?... Разве ты, ты, Александр, спасешь Бородинскими полками гибнущий дом? Оживи, сведи их с полотна! Они побили бы Петлюру.

Ноги Турбина понесли его вниз сами собой. «Максим!» – хотелось ему крикнуть, потом он стал останавливаться и совсем остановился. Представил себе Максима внизу, в подвальной квартире, где жили сторожа. Наверное, трясется у печки, все забыл и еще будет плакать. А тут и так тоски по самое горло. Плюнуть надо на все это. Довольно сентиментальничать. Просентиментальничали свою жизнь. Довольно.

¹⁷² *Коренастый Максим, старший педель...* – Педель – школьный сторож, надзиратель. Реальное лицо. Во время революционных событий в Киеве педель Максим спас Николку от расстрела. Вот рассказ об этом супруги Н. А. Булгакова – Ксении Александровны:

«Когда украинцы пришли, они потребовали, чтобы все офицеры и юнкера собрались в Педагогическом музее Первой гимназии... Все собрались. Двери заперли. Коля сказал: „Господа, нужно бежать, это ловушка“. Никто не решался.

Коля поднялся на второй этаж... и через какое-то окно выбросился во двор – во дворе был снег, и он упал в снег. Это был двор гимназии, и Коля пробрался в гимназию, где ему встретился Максим (педель). Нужно было сменить юнкерскую одежду. Максим забрал его вещи, дал надеть ему свой костюм. И Коля другим ходом выбрался – в штатском – из гимназии и пошел домой.

Другие были расстреляны».

¹⁷³ *...увлекал две черные фигурки...* – В поздн. правке: «...увлекал два черных тельца...»

И все-таки, когда Турбин отпустил фельдшеров, он оказался в пустом сумеречном классе. Угольными пятнами глядели со стен доски. И парты стояли рядами. Он не удержался, поднял крышку и присел. Трудно, тяжело, неудобно. Как близка черная доска. Да, клянусь, клянусь, тот самый класс или соседний, потому что вон из окна тот самый вид на Город. Вон черная умершая громада университета. Стрела бульвара в белых огнях, коробки домов, провалы тьмы, стены, высь небес...

А в окнах настоящая опера «Ночь под Рождество», снег и огонечки, дрожат и мерцают... «Желал бы я. знать, почему стреляют в Святошине?» И безобидно, и далеко, пушки, как в вату, бу-у, бу-у...

– Довольно.

Турбин опустил крышку парты, вышел в коридор и мимо караулов ушел через вестибюль на улицу. В парадном подъезде стоял пулемет. Прохожих на улице было мало, и шел крупный снег.

Господин полковник провел хлопотливую ночь. Много рейсов совершил он между гимназией и находящейся в двух шагах от нее мадам Анжу. К полуночи машина хорошо работала и полным ходом. В гимназии, тихонько шипя, изливали розовый свет калильные фонари в шарах. Зал значительно потеплел, потому что весь вечер и всю ночь бушевало пламя в старинных печах в библиотечных приделах зала.

Юнкера, под командою Мышлаевского, «Отечественными записками» и «Библиотекой для чтения» за 1863 год разожгли белые печи¹⁷⁴ и потом всю ночь непрерывно, гремя топорами, старыми партами топили их. Студзинский и Мышлаевский, приняв по два стакана спирта (господин полковник сдержал свое обещание и доставил его в количестве достаточном, чтобы согреться, именно – полведра), сменяясь, спали по два часа вповалку с юнкерами, на шинелях у печек, и багровые огни и тени играли на их лицах. Потом вставали, всю ночь ходили от караула к караулу, проверяя посты. И Карась с юнкерами-пулеметчиками дежурил у выходов в сад. И в бараньих тулупах, сменяясь каждый час, стояли четверо юнкеров у толстомордых мортир.

У мадам Анжу печка раскалилась, как черт, в трубах звенело и несло, один из юнкеров стоял на часах у двери, не спуская глаз с мотоциклетки у подъезда, и пять юнкеров мертво спали в магазине, расстелив шинели. К часу ночи господин полковник окончательно обосновался у мадам Анжу, зевал, но еще не ложился, все время беседуя с кем-то по телефону. А в два часа ночи, свистя, подъехала мотоциклетка, и из нее вылез военный человек в серой шинели.

– Пропустить. Это ко мне.

Человек доставил полковнику объемистый узел в простыне, перевязанный крест-накрест веревкою. Господин полковник собственноручно запрятал его в маленькую каморочку, находящуюся в приделе магазина, и запер ее на всякий замок. Серый человек покатил на мотоциклетке обратно, а господин полковник перешел на галерею и там, разложив шинель и положив под голову грудку лоскутов, лег и, приказав дежурному юнкеру разбудить себя ровно в шесть с половиной, заснул.

7

Глубокою ночью угольная тьма¹⁷⁵ залегла на террасах лучшего места в мире – Владимирской горки. Кирпичные дорожки и аллеи были скрыты под нескончаемым пухлым пластом нетронутого снега.

¹⁷⁴ ...«Отечественными записками» и «Библиотекой для чтения» за 1863 год разожгли белые печи... – Возможно, Булгаков приводит этот варварский акт не только как свидетельство отношения к культурным ценностям в смутное время, но и намекая на то, что эти популярнейшие в XIX в. либеральные журналы внесли свою лепту в будущее дело революции.

¹⁷⁵ ...угольная тьма... – В поздн. правке: «...отвратительнейшая тьма...»

Ни одна душа в Городе, ни одна нога не беспокоила зимою многоэтажного массива. Кто пойдет на Горку ночью, да еще в такое время? Да страшно там просто! И храбрый человек не пойдет. Да и делать там нечего. Одно всего освещенное место: стоит на страшном тяжелом постаменте уже сто лет чугунный черный Владимир и держит в руке, стоямя, трехсаженный крест¹⁷⁶. Каждый вечер, лишь окутают сумерки обвалы, скаты и террасы, зажигается крест и горит всю ночь. И далеко виден, верст за сорок виден в черных далях, ведущих к Москве. Но тут освещает немного, падает, задев зелено-черный бок постамента, бледный электрический свет, вырывает из тьмы балюстраду и кусок решетки, окаймляющей среднюю террасу. Больше ничего. А уж дальше, дальше!.. Полная тьма. Деревья во тьме, странные, как люстры в кисее, стоят в шапках снега, и сугробы кругом по самое горло. Жуть.

Ну, понятное дело, ни один человек и не потащится сюда. Даже самый отважный. Незачем, самое главное. Совсем другое дело в Городе. Ночь тревожная, важная, военная ночь. Фонари горят бусинами. Немцы спят, но вполглаза спят. В самом темном переулке вдруг рождается голубой конус.

– Halt!

Хруст... Хруст... посредине улицы ползут пешки в тазах. Черные наушники... Хруст... Винтовочки не за плечами, а на руку. С немцами шутки шутить нельзя, пока что... Что бы там ни было, а немцы – штука серьезная. Похожи на навозных жуков.

– Докумиэнт!

– Halt!

Конус из фонарика. Эгей!..

И вот тяжелая черная лакированная машина, впереди четыре огня. Не простая машина, потому что вслед за зеркальной кареткой скачет облегченной рысью конвой – восемь конных. Но немцам это все равно. И машине кричат:

– Halt!

– Куда? Кто? Зачем?

– Командующий, генерал от кавалерии Белоруков.

Ну, это, конечно, другое дело. Это пожалуйста. В стеклах кареты, в глубине, бледное усатое лицо. Неясный блеск на плечах генеральской шинели. И тазы немецкие козырнули. Правда, в глубине души им все равно, что командующий Белоруков, что Петлюра, что предводитель зулусов в этой паршивой стране. Но тем не менее... У зулусов жить – по-зулусьи выть. Козырнули тазы. Международная вежливость, как говорится.

Ночь важная, военная. Из окон мадам Анжу падают лучи света. В лучах дамские шляпы, и корсеты, и панталоны, и севастопольские пушки. И ходит, ходит маятник-юнкер, зябнет, штыком чертит императорский вензель. И там, в Александровской гимназии, льют шары, как на балу. Мышлаевский, подкрепившись водкой в количестве достаточном¹⁷⁷, ходит, ходит, на Александра Благословенного поглядывает, на ящик с выключателями посматривает. В гимназии довольно весело и важно. В караулах как-никак восемь пулеметов и юнкера – это вам не студенты!.. Они, знаете ли, драться будут. Глаза у Мышлаевского, как у кролика, – красные. Которая уж ночь и сна мало, а водки много и тревоги порядочно. Ну, в Городе с тревогою пока что легко справиться. Ежели ты человек чистый, пожалуйста, гуляй. Правда, раз пять остановят. Но если документы налицо, иди себе, пожалуйста. Удивительно, что ночью шляешься, но иди...

А на Горку кто полезет? Абсолютная глупость. Да еще и ветер там на высотах... пройдет по сугробным аллеям, так тебе чертовы голоса померещатся. Если бы кто и полез на Горку, то уж разве какой-нибудь совсем отверженный человек, который при всех властях мира чувствует себя среди людей, как волк в собачьей стае. Полный мизерабль, как у Гюго¹⁷⁸. Такой, которому в Го-

¹⁷⁶ ...трехсаженный крест. – В поздн. правке: «...многосаженный крест...»

¹⁷⁷ ...подкрепившись водкой в количестве достаточном... – В журн. публ. далее: «...и даже более чем достаточном...»

¹⁷⁸ ...отверженный человек... Полный мизерабль, как у Гюго. – Miserable – нищий, ничтожный, презренный (фр.).

род и показываться-то не следует, а уж если и показываться, то на свой риск и страх. Проскочишь между патрулями – твоя удача, не проскочишь – не прогневайся. Ежели бы такой человек на Горку и попал, пожалеть его искренне следовало бы по человечеству.

Ведь это и собаке не пожелаешь. Ветер-то ледяной. Пять минут на нем побудешь и домой запробишься, а...

– Як часов с пьять? Эх... Эх... померзнем!..

Главное, ходу нет в верхний Город мимо панорамы и водонапорной башни, там, изволите ли видеть, в Михайловском переулке, в монастырском доме, штаб князя Белорукова. И поминутно – то машины с конвоем, то машины с пулеметами, то...

– Офицерня, ах твою душу, щоб вам повылазило!

Патрули, патрули, патрули.

А по террасам вниз в нижний Город – Подол – и думать нечего, потому что на Александровской улице, что вьется у подножья Горки, во-первых, фонари цепью, а во-вторых, немцы, хай им бис! патруль за патрулем! Разве уж под утро? Да ведь замерзнем до утра. Ледяной ветер – гу-у... – пройдет по аллеям, и мерещится, что бормочут в сугробах у решетки человеческие голоса.

– Замерзнем, Кирпатый!

– Терпи, Немоляка, терпи. Походят патрули до утра, заснут. Проскочим на Взвоз, отогреемся у Сычихи.

Пошевелится тьма вдоль решетки, и кажется, что три чернейших тени жмутся к парапету, тянутся, глядят вниз, где, как на ладони, Александровская улица. Вот она молчит, вот пуста, но вдруг побегут два голубоватых конуса – пролетят немецкие машины, или же покажутся черные лепешечки тазов и от них короткие острые тени... И как на ладони видно...

Отделяется одна тень на Горке, и сипит ее волчий острый голос:

– Э... Немоляка... Рисуем! Ходим. Может, проскочим...

Нехорошо на Горке.

И во дворце¹⁷⁹, представьте себе, тоже нехорошо. Какая-то странная, неприличная ночью во дворце суета. Через зал, где стоят аляповатые золоченые стулья, по лоснящемуся паркету мышинной побужкой пробежал старый лакей с бакенбардами. Где-то в отдалении прозвучал дробный электрический звоночек, прозвывали чьи-то шпоры. В спальне зеркала в тусклых рамках с коронами отразили странную неестественную картину. Худой, седоватый, с подстриженными усиками на лисьем бритом пергаментном лице человек, в богатой черкеске с серебряными газырями, заметался у зеркал. Возле него шевелились три немецких офицера и двое русских. Один в черкеске, как и сам центральный человек, другой во френче и рейтузах, обличавших их кавалергардское происхождение, но в клиновидных гетманских погонах. Они помогли лисьему человеку переодеться. Была совлечена черкеска, широкие шаровары, лакированные сапоги. Человека облекли в форму германского майора¹⁸⁰, и он стал не хуже и не лучше сотен других майоров. Затем дверь отворилась, раздвинулись пыльные дворцовые портьеры и пропустили еще одного человека в форме военного врача германской армии. Он принес с собой целую грудку пакетов, вскрыл их и наглухо умелыми руками забинтовал голову новорожденного германского майора так, что остался видным лишь правый лисий глаз да тонкий рот, чуть приоткрывавший золотые и плати-

«Les Misérables» – «Отверженные», роман В. Гюго.

¹⁷⁹ *И во дворце...* – В поздн. правке: «Но во дворце...»

Великолепный Мариинский дворец, построенный по проекту знаменитого В. В. Растрелли, стал резиденцией гетмана Скоропадского, и события трагикомические, описанные писателем, происходили в этом историческом замке.

¹⁸⁰ *Человека облекли в форму германского майора...* – В поздн. правке: «Человека облекли в форму германского генерала...»

Возможно, у Булгакова появились новые сведения о бегстве Скоропадского после написания романа. О том, что Скоропадский перед побегом был переодет в германскую военную (офицерскую) форму, писали многие современники гетмана, в том числе В. К. Винниченко и Н. М. Могиланский.

новые коронки.

Неприличная ночная суэта во дворце продолжалась еще некоторое время. Каким-то офицерам, слоняющимся в зале с аляповатыми стульями и в зале соседнем, вышедший германец рассказал по-немецки, что майор фон Шратт, разряжая револьвер, нечаянно ранил себя в шею и что его сейчас срочно нужно отправить в германский госпиталь. Где-то звенел телефон, еще где-то пела птичка – пиу! Затем к боковому подъезду дворца, пройдя через стрельчатые резные ворота, подошла германская бесшумная машина с красным крестом, и закутанного в марлю, наглухо запакованного в шинель таинственного майора фон Шратта вынесли на носилках и, откинув стенку специальной машины, заложили в нее. Ушла машина, раз глухо-рявкнув на повороте при выезде из ворот.

Во дворце же продолжалась до самого утра суетня и тревога, горели огни в залах портретных и в залах золоченых, часто звенел телефон, и лица у лакеев стали как будто наглыми, и в глазах заиграли веселые огни¹⁸¹ ...

В маленькой узкой комнатке, в первом этаже дворца, у телефонного аппарата оказался человек в форме артиллерийского полковника¹⁸². Он осторожно прикрыл дверь в маленькую обеленную, совсем не похожую на дворцовую, аппаратную комнату и лишь тогда взялся за трубку. Он попросил бессонную барышню на станции дать ему номер 212. И, получив его, сказал «мерси», глуховато:

– Это штаб мортирного дивизиона¹⁸³?

Увы, увы! Полковнику Малышеву не пришлось спать до половины седьмого, как он рассчитывал. В четыре часа ночи птичка в магазине мадам Анжу запела чрезвычайно настойчиво, и дежурный юнкер вынужден был господина полковника разбудить. Господин полковник проснулся с замечательной быстротой и сразу и остро стал соображать, словно вовсе никогда и не спал¹⁸⁴. И в претензии на юнкера за прерванный сон господин полковник не был. Мотоциклетка увлекла его в начале пятого утра куда-то, а когда к пяти полковник вернулся к мадам Анжу, он так же тревожно и строго в боевой нахмуренной думе сдвинул свои брови, как и тот полковник во дворце, который из аппаратной вызывал мортирный дивизион.

В семь часов на Бородинском поле, освещенном розоватыми шарами, стояла, пожимаясь от предрасветного холода, гудя и ворча говором, та же растянутая гусеница, что поднималась по

¹⁸¹ ...в глазах заиграли веселые огни... – В поздн. правке: «...в глазах появились веселые огни...»

¹⁸² ...в форме... полковника. – В поздн. правке: «...в погонах... полковника».

¹⁸³ – Это штаб мортирного дивизиона? – В поздн. правке далее значительное добавление:

«Трубка отозвалась шепеляво...

– Попросить командира, – сухо приказал трубке полковник. – Разбудить...

Трубка помолчала, и во время паузы полковник каким-то большим взглядом косился в черное окно, в котором...»

Далее текст вставки, к сожалению, обрывается. Вдвойне досадно, что обрыв текста произошел уже в 1950-е гг. по причине небрежной работы переплетчика (отдельные экземпляры журнала «Россия» сплелись в одну книгу), который, подравнивая края книги, обрезал значительные куски с авторским рукописным текстом на полях. Сохранился лишь конец добавлений:

«... – Полковник Малышев? Здравствуй. Узнаешь голос? Слушай, Павел, внимательно...»

¹⁸⁴ ...словно вовсе никогда и не спал. – В поздн. правке далее обширная вставка: «Господин полковник овладел трубкой телефона и выслушал все, что она ему сообщила. Что она ему сообщила, юнкера не узнали, но видели, что лицо у господина полковника стало таким, точно он восстал из гроба. Рас...»

И далее вновь обрыв текста по той же причине.

После этой вставки текст сокращен и изменен, приобретая следующий вид:

«Мотоциклетка увлекла полковника в начале пятого утра куда-то, а когда к пяти он вернулся к мадам Анжу, ничего на малышевском лице прочитать было нельзя».

лестнице к портрету Александра. Штабс-капитан Студзинский стоял поодаль ее в группе офицеров и молчал. Странное дело, в глазах его был тот же косоватый отблеск тревоги, как и у полковника Малышева, начиная с четырех часов утра. Но всякий, кто увидал бы и полковника и штабс-капитана в эту знаменитую ночь, мог бы сразу и уверенно сказать, в чем разница: у Студзинского в глазах – тревога предчувствия, а у Малышева в глазах тревога определенная, когда все уже совершенно ясно, понятно и погано. У Студзинского из-за обшлага его шинели торчал длинный список артиллеристов дивизиона. Студзинский только что произвел переключку и убедился, что двадцати человек не хватает. Поэтому список носил на себе след резкого движения штабс-капитанских пальцев: он был скомкан.

В похолодевшем зале вились дымки – в офицерской группе курили.

Минута в минуту, в семь часов перед строем появился полковник Малышев, и, как предыдущим днем, его встретил приветственный грохот в зале. Господин полковник, как и в предыдущий день, был опоясан серебряной шашкой, но в силу каких-то причин тысяча огней уже не играла на серебряной резьбе. На правом бедре у полковника покоился револьвер в кобуре, и означенная кобура, вероятно вследствие несвойственной полковнику Малышеву рассеянности, была расстегнута.

Полковник выступил перед дивизионом, левую руку в перчатке положил на эфес шашки, а правую без перчатки нежно наложил на кобуру и произнес следующие слова:

– Приказываю господам офицерам и артиллеристам мортирного дивизиона слушать внимательно то, что я им скажу! За ночь в нашем положении, в положении армии, и, я бы сказал, в государственном положении на Украине произошли резкие и внезапные изменения. Поэтому я объявляю вам, что дивизион распущен! Предлагаю каждому из вас, сняв с себя всякие знаки отличия и захватив здесь в цейхгаузе все, что каждый из вас пожелает и что он может унести на себе, разойтись по домам, скрыться в них, ничем себя не проявлять и ожидать нового вызова от меня!

Он помолчал и этим как будто бы еще больше подчеркнул ту абсолютно полную тишину, что была в зале. Даже фонари перестали шипеть. Все взоры артиллеристов и офицерской группы сосредоточились на одной точке в зале, именно на подстриженных усах господина полковника.

Он заговорил вновь:

– Этот вызов последует с моей стороны немедленно, лишь произойдет какое-либо изменение в положении. Но должен вам сказать, что надежд на него мало... Сейчас мне самому еще неизвестно, как сложится обстановка, но я думаю, что лучшее, на что может рассчитывать каждый... э... (полковник вдруг выкрикнул следующее слово) лучший! из вас – это быть отправленным на Дон. Итак: приказываю всему дивизиону, за исключением господ офицеров и тех юнкеров, которые сегодня ночью несли караулы¹⁸⁵, немедленно разойтись по домам!

– А?! А?! Га, га, га! – прошелестело по всей громаде, и штыки в ней как-то осели. Замелькали растерянные лица, и как будто где-то в шеренгах мелькнуло несколько обрадованных глаз...

Из офицерской группы выделился штабс-капитан Студзинский, как-то иссинябледноватый, косящий глазами, сделал несколько шагов по направлению к полковнику Малышеву, затем остановился и злобно и в то же время беспомощно оглянулся на офицеров. Мышлавский смотрел не на него, а все туда же, на усы полковника Малышева, причем вид у него был такой, словно он хочет, по своему обыкновению, выругаться скверными матерными словами. Карась нелепо подбоченился и заморгал глазами. А в отдельной группочке молодых прапорщиков вдруг прошелестело неуместное разрушительное слово «арест»!..

– Что такое? Как? – где-то баском послышалось в шеренге среди юнкеров.

– Арест!..

– Измена!!

Студзинский неожиданно и вдохновенно глянул на светящийся шар над головой, вдруг скопил глаза на ручку кобуры и крикнул:

– Эй, первый взвод!

Передняя шеренга с краю сломалась, серые фигуры выделились из нее, и произошла стран-

¹⁸⁵ ...всему дивизиону, за исключением господ офицеров и тех юнкеров, которые сегодня ночью несли караулы... – В поздн. правке: «...всему дивизиону, в том числе и офицерам...»

ная суета¹⁸⁶.

– Господин полковник! – совершенно сиплым голосом сказал Студзинский. – Вы арестованы.

– Арестовать его!! – вдруг истерически звонко выкрикнул один из прапорщиков и двинулся к полковнику.

– Постойте, господа! – крикнул медленно, но прочно соображающий Карась.

Мышлаевский проворно выскочил из группы, ухватил экспансивного прапорщика за рукав шинели и отдернул его назад.

– Пустите меня, господин поручик! – злобно дернув ртом, выкрикнул прапорщик.

– Тише! – прокричал чрезвычайно уверенный голос господина полковника. Правда, и ртом он дергал не хуже самого прапорщика, правда, и лицо его пошло красными пятнами, но в глазах у него было уверенности больше, чем у всей офицерской группы. И все остановились.

– Тише! – повторил полковник. – Приказываю вам стать на места и слушать!

Воцарилось молчание, и у Мышлаевского резко насторожился взор. Было похоже, что какая-то мысль уже проскочила в его голове, и он ждал уже от господина полковника вещей важных и еще более интересных, чем те, которые тот уже сообщил.

– Да, да, – заговорил полковник, дергая щекой, – да... да... Хорош бы я был, если бы пошел в бой с таким составом, который мне послал Господь Бог. Очень был бы хорош! Но то что простительно добровольцу-студенту, юноше-юнкеру, в крайнем случае прапорщику, ни в коем случае не простительно вам, господин штабс-капитан!

При этом полковник вонзил в Студзинского исключительной резкости взор. В глазах у господина полковника по адресу Студзинского прыгали искры настоящего раздражения. Опять стала тишина.

– Ну, так вот-с, – продолжал полковник. – В жизнь свою не митинговал, а, видно, сейчас придется. Что ж, помитингуем! Ну, так вот-с: правда, ваша попытка арестовать своего командира обличает в вас¹⁸⁷ хороших патриотов, но она же показывает, что вы э... офицеры, как бы выразиться? – неопытные! Коротко: времени у меня нет, и, уверяю вас, – зловеще и значительно подчеркнул полковник, – и у вас тоже. Вопрос: кого желаете защищать?

Молчание.

– Кого желаете защищать, я спрашиваю? – грозно повторил полковник.

Мышлаевский с искрами огромного и теплого интереса выдвинулся из группы, козырнул и молвил:

– Гетмана обязаны защищать, господин полковник.

Глаза его светло и смело глядели на полковника.

– Гетмана? – переспросил полковник. – Отлично-с. Дивизион, смирно! – вдруг рявкнул он так, что дивизион инстинктивно дрогнул. – Слушать!! Гетман сегодня около четырех часов утра, позорно бросив нас всех на произвол судьбы, бежал! Бежал, как последняя каналья и трус!¹⁸⁸ Сегодня же, через час после гетмана, бежал туда же, куда и гетман, то есть в германский поезд, командующий нашей армией генерал от кавалерии Белоруков. Не позже чем через несколько часов мы будем свидетелями катастрофы, когда обманутые и втянутые в авантюру люди вроде вас будут перебиты, как собаки. Слушайте: у Петлюры на подступах к городу свыше чем стотысячная армия, и завтрашний день... да что я говорю, не завтрашний, а сегодняшней, – полковник указал рукой на окно, где уже начинал синеть покров над городом, – разрозненные, разбитые части несчастных офицеров и юнкеров, брошенные штабными мерзавцами и этими двумя прохвостами, которых следовало бы повесить, встретятся с прекрасно вооруженными и превышающими их в двадцать раз численностью войсками Петлюры... Слушайте, дети мои! – вдруг сорвавшимся голосом крикнул полковник Малышев, по возрасту годившийся никак не в отцы, а лишь в старшие братья всем стоящим под штыками. – Слушайте! Я, кадровый офицер, вынесший войну с

¹⁸⁶ ...странная суета. – В поздн. правке: «...странная толкотня».

¹⁸⁷ ...обличает в вас... – В журн. публ.: «...отличает в вас...»

¹⁸⁸ ...как последняя каналья и трус! – В поздн. правке Булгаков сделал добавление: «...и трус, переодевшись в форму германского генерала!»

германцами, чему свидетель штабс-капитан Студзинский, на свою совесть беру и ответственность, все!., все! Вас предупреждаю! Вас посылаю домой!! Понятно? – прокричал он.

– Да... а... га, – ответила масса, и штыки ее закачались. И затем громко и судорожно заплакал во второй шеренге какой-то юнкер.

Штабс-капитан Студзинский совершенно неожиданно для всего дивизиона, а вероятно и для самого себя, странным, не офицерским, жестом ткнул руками в перчатках в глаза, причем дивизионный список упал на пол, и заплакал.

Тогда, заразившись от него, зарыдали еще многие юнкера, шеренги сразу развалились, и голос Радамеса-Мышлаевского, покрывая нестройный гвалт, рывкнул трубачу:

– Юнкер Павловский! Бейте отбой!!

– Господин полковник, разрешите поджечь здание гимназии? – светло глядя на полковника, сказал Мышлаевский.

– Не разрешаю, – вежливо и спокойно ответил ему Малышев.

– Господин полковник, – задумчиво сказал Мышлаевский. – Петлюре достанется цейхгауз, орудия и главное. – Мышлаевский указал рукою в дверь, где в вестибюле над пролетом виднелась голова Александра.

– Достанется, – вежливо подтвердил полковник.

– Но как же, господин полковник?..

Малышев повернулся к Мышлаевскому, глядя на него внимательно, сказал следующее:

– Господин поручик, Петлюре через три дня достанутся сотни живых жизней, и единственно, о чем я жалею, что я ценой своей жизни и даже вашей, еще более дорогой, конечно, их гибели приостановить не могу. О портретах, пушках и винтовках попрошу вас более со мною не говорить.

– Господин полковник, – сказал Студзинский, остановившись перед Малышевым, – от моего лица и от лица офицеров, которых я толкнул на безобразную выходку, прошу вас принять наши извинения.

– Принимаю, – вежливо ответил полковник.

Когда над Городом начал расходиться утренний туман, тупорылые мортиры стояли у Александровского плаца без замков, винтовки и пулеметы, развинченные и разломанные, были разбросаны в тайниках¹⁸⁹ чердака. В снегу, в ямах и в тайниках подвалов были разбросаны груды патронов, и шары больше не источали света в зале и коридорах. Белый щит с выключателями разломали штыками юнкера под командой Мышлаевского.

В окнах было совершенно синее. И в синеве на площадке оставались двое, уходящие последними, – Мышлаевский и Карась¹⁹⁰.

– Предупредил ли Алексея командир? – озабоченно спросил Мышлаевский Карася.

– Конечно, командир предупредил, ты ж видишь, что он не явился? – ответил Карась.

– К Турбиным не попадем сегодня днем?

– Нет уж, днем нельзя, придется закапывать¹⁹¹... то да се. Едем к себе на квартиру.

¹⁸⁹ ...разбросаны в тайниках... – В поздн. правке: «...скрыты в тайниках...»

¹⁹⁰ ...уходящие последними, – Мышлаевский и Карась. – В поздн. правке далее: «Оба с туго набитыми мешками, оба без погон».

¹⁹¹ ...придется закапывать... – В поздн. правке далее: «...винтовки, то да се. Едем к себе на квартиру. А завтра к ним. У них и сядем в...»

В окнах было сине, а на дворе уже беловато, и вставал и расходился туман.

Часть вторая¹⁹²

8

Да, был виден туман¹⁹³. Игольчатый мороз, косматые лапы, безлунный, темный, а потом предрассветный снег, за Городом в далях маковки синих, усеянных сусальными звездами церквей и не потухающий до рассвета, приходящего с московского берега Днепра, в бездонной высоте над городом Владимирский крест.

К утру он потух. И потухли огни над землей¹⁹⁴. Но день особенно не разгорался, обещал быть серым, с непроницаемой завесой не очень высоко над Украиной.

Полковник Козырь-Лешко¹⁹⁵ проснулся в пятнадцати верстах от Города именно на рассвете, когда кисленький парной светик пролез в подслеповатое оконце хаты в деревне Попелюхе. Пробуждение Козыря совпало со словом:

– Диспозиция.

Первоначально ему показалось, что он увидел его¹⁹⁶ в очень теплом сне и даже хотел отстранить рукой, как холодное слово. Но слово распухло¹⁹⁷, влезло в хату вместе с отвратительными красными прыщами на лице ординарца и смятым конвертом. Из сумки со слюдой и сеткой Козырь вытащил под оконцем карту, нашел на ней деревню Борхуны, за Борхунами нашел Белый Гай, проверил ногтем рогулю дорог, усеянную, словно мухами, точками кустарников по бокам, а затем и огромное черное пятно – Город. Воняло махоркой от владельца красных прыщей, полагавшего, что курить можно и при Козыре, и от этого война ничуть не пострадает, и крепким второсортным табаком, который курил сам Козырь.

Козырю сию минуту предстояло воевать. Он отнесся к этому бодро, широко зевнул и забренчал сложной сбруей, перекидывая ремни через плечи. Спал он в шинели эту ночь, даже не снимая шпор. Баба завертелась с кринкой молока. Никогда Козырь молока не пил и сейчас не стал. Откуда-то приползли ребята. И один из них, самый маленький, полз по лавке совершенно голым задом, подбираясь к Козыреву маузеру. И не добрался, потому что Козырь маузер пристроил на себя.

Всю свою жизнь до 1914 года Козырь был сельским учителем. В четырнадцатом году попал на войну в драгунский полк и к 1917 году был произведен в офицеры. А рассвет четырнадцатого декабря восемнадцатого года под оконцем застал Козыря полковником петлюровской армии, и никто в мире (и менее всего сам Козырь¹⁹⁸) не мог бы сказать, как это случилось. А произошло это потому, что война для него, Козыря, была призванием, а учительство лишь долгой и крупной ошибкой. Так, впрочем, чаще всего и бывает в нашей жизни. Целых лет двадцать человек занимается каким-нибудь делом, например читает римское право, а на двадцать первом – вдруг оказывается, что римское право ни при чем, что он даже не понимает его и не любит, а на самом деле он тонкий садовод и горит любовью к цветам. Происходит это, надо полагать, от

¹⁹² *Часть вторая.* – В поздн. правке Булгаков отказался от деления романа на части.

¹⁹³ *Да, был виден туман.* – В поздн. правке: «Да, на рассвете 14-го декабря 18-го года был виден туман. Игольчатый мороз, косматые лапы дубов, безлунный и темный, а затем...» Видимо, Булгаков предполагал еще вернуться к этому тексту.

¹⁹⁴ *И потухли огни над землей.* – В поздн. правке: «И погасли огни над землей».

¹⁹⁵ *Полковник Козырь-Лешко...* – В поздн. правке: «Командир конного полка полковник Козырь-Лешко...»

¹⁹⁶ *...он увидел его...* – В поздн. правке: «...он увидел – это трудное слово...»

¹⁹⁷ *Но слово распухло...* – В поздн. правке: «Но настойчивое слово...»

¹⁹⁸ *...и менее всего сам Козырь...* – В поздн. правке: «...и натурально, и сам Козырь...»

несовершенства нашего социального строя, при котором люди сплошь и рядом попадают на свое место только к концу жизни. Козырь попал к сорока пяти годам. А до тех пор был плохим учителем, жестоким и скучным.

– А ну-те, скажите хлопцам, щоб выбирались с хат, тай по коням, – произнес Козырь и перетянул хрустнувший ремень на животе.

Курились белые хатки в деревне Попелюхе, и выезжал строй полковника Козыря сабелюк на четыреста. В рядах над строем курилась махорка, и нервно ходил под Козырем гнедой¹⁹⁹ пятивершковый жеребец. Скрипели дровни обоза, на полверсты тянулись за полком. Полк качался в седлах, и тотчас же за Попелюхой развернулся в голове конной колонны двухцветный прапор – плат голубой, плат желтый, на древке.

Козырь чаю не терпел и всему на свете предпочитал утром глоток водки. Царскую водку любил. Не было ее четыре года, а при гетманщине появилась на всей Украине. Прошла водка из серой баклажки по жилам Козыря веселым пламенем. Прошла водка и по рядам из манерок, взятых еще со склада в Белой Церкви, и лишь прошла, ударила в голове колонны трехрядная итальянка и запел фальцет:

*Гай, за гаєм, гаєм,
Гаєм зелененьким...*

А в пятом ряду рванули басы:

*Пам орала дивчиненька
Воликом чорненьким...
Орала... орала,
Не в мила гукають.
Пай наняла козаченька
На скрипачке граты.*

– Фью... ах! Ах, тах, тах!.. – засвистал и защелкал веселым соловьем всадник у прапора. Закачались пики, и тряслись черные шлыки²⁰⁰ гробового цвета с позументом и гробовыми кистями. Хрустел снег под тысячью кованых копыт. Ударил радостный торбан.

– Так его! Не журишь, хлопцы, – одобрительно сказал Козырь. И завился винтом соловей по снежным украинским полям.

Прошли Белый Гай, раздёрнулась завеса тумана, и по всем дорогам зачернело, зашевелилось, захрустело. У Гая на скрещении дорог пропустили вперед себя тысячи с полторы людей в рядах пехоты. Были эти люди одеты в передних шеренгах в синие одинакие жупаны добротного германского сукна, были тоньше лицами, подвижнее, умело несли винтовки – галичане. А в задних рядах шли одетые в длинные до пят больничные халаты, подпоясанные желтыми сырмятными ремнями. И на головах у всех колыхались германские разлапанные шлемы поверх папах. Кованые боты уминали снег.

От силы начали чернеть белые пути к Городу.

– Слава! – кричала проходящая пехота желто-блакитному прапору²⁰¹.

– Слава! – гукал Гай перелесками.

Славе ответили пушки позади и на левой руке. Командир корпуса облоги²⁰², полковник Торопец, еще в ночь послал две батареи к Городскому лесу. Пушки стали полукругом в снежном море и с рассветом начали обстрел. Шестидюймовые волнами грохота разбудили снежные корабельные сосны. По громадному селению Пуще-Водице два раза прошло по удару, от которых

¹⁹⁹ ...курилась махорка, и нервно ходил под Козырем гнедой... – В поздн. правке: «...курилась махорка, и, чуя бой, нервно ходил под Козырем глупый гнедой...»

²⁰⁰ ...и тряслись черные шлыки... – В поздн. правке: «...и тряслись на шапках бараньих черные шлыки...»

²⁰¹ ...желто-блакитному прапору. – В поздн. правке далее: «кавалерии Козыря».

²⁰² Командир корпуса облоги... – В поздн. правке Булгаков сделал сноску на слово «облога» – «осада».

четырёх просеках в домах, сидящих в снегу, враз вылетели все стекла. Несколько сосен развернуло в щепы и дало многосажённые фонтаны снегу. Но затем в Пуще смолкли звуки. Лес стал, как в полусне, и только потревоженные белки шлялись, шурша лапками, по столетним стволам. Две батареи после этого снялись из-под Пущи и пошли на правый фланг. Они пересекли необъятные пахотные земли, лесистое Урочище, повернули по узкой дороге, дошли до разветвления и там развернулись уже в виду Города. С раннего утра на Подгородней, на Савской, в предместье Города, Куреневке, стали рваться высокие шрапнели. В низком снежном небе било погремушками, словно кто-то играл. Там жители домишек уже с утра сидели в погребах, и в утренних сумерках было видно, как иззябшие цепи юнкеров переходили куда-то ближе к сердцевине Города. Впрочем, пушки вскоре стихли и сменились веселой тарахтящей стрельбой где-то на окраине, на севере. Затем и она утихла.

Поезд командира корпуса облоги Торопца стоял на разъезде верстах в пяти от занесенного снегом и оглушенного буханьем и перекатами мертвенного поселка Святошино, в громадных лесах. Всю ночь в шести вагонах не гасло электричество, всю ночь звенел телефон на разъезде и пищали полевые телефоны в измызганном салоне полковника Торопца. Когда же снежный день совсем осветил местность, пушки прогремели впереди по линии железной дороги, ведущей из Святошина на Пост-Волынский, и птички запели в желтых ящиках, и худой, нервный Торопец сказал своему адъютанту Худяковскому:

– Взялы Святошино. Запропонуйте, будьте ласковы, пан адъютант, нехай потяг передадут на Святошино.

Поезд Торопца медленно пошел между стенами строевого зимнего леса и стал близ скрещения железнодорожной линии с огромным шоссе, стрелой вонзающимся в Город. И тут, в салоне, полковник Торопец стал выполнять свой план, разработанный им в две бессонных ночи в этом самом клоповом салоне №4173.

Город вставал в тумане, обложенный со всех сторон. На севере от городского леса и пахотных земель, на западе от взятого Святошина, на юго-западе от злосчастливого Поста-Волынского, на юге за рощами, кладбищами, выгонами и стрельбищем, опоясанными железной дорогой, повсюду по тропам и путям и безудержно просто по снежным равнинам чернела и ползла и позвякивала конница, скрипели тягостные пушки и шла и увязала в снегу истомившаяся за месяц облоги пехота Петлюриной армии.

В вагон-салоне с зашарканным суконным полом поминутно пели тихие нежные петушки, и телефонисты Франко и Гарась, не спавшие целую ночь, начинали дуреть.

– Ти-у... пи-у... слушаю! пи-у... ту-у...

План Торопца был хитер, хитер был чернобровый, бритый, нервный полковник Торопец. Недаром послал он две батареи под городской лес, недаром грохотал в морозном воздухе и разбил трамвайную линию на лохматую Пущу-Водицу. Недаром надвинул потом пулеметы со стороны пахотных земель, приближая их к левому флангу. Хотел Торопец ввести в заблуждение защитников Города, что он, Торопец, будет брать Город с его, Торопца, левого фланга (с севера), с предместья Куреневки, с тем, чтобы оттянуть туда городскую армию, а самому ударить в Город в лоб, прямо от Святошина по Брест-Литовскому шоссе, и, кроме того, с крайнего правого фланга, с юга, со стороны села Демиевки.

Вот в исполнение плана Торопца двигались части²⁰³ Петлюрина войска по дорогам с левого фланга на правый, и шел под свист и гармонику со старшинами в голове славный черношлычный полк Козыря-Лешко.

– Слава! – перелесками гукал Гай. – Слава!

Подошли, оставили Гай в стороне и, уже пересекши железнодорожное полотно по бревенчатому мосту, увидели Город. Он был еще теплый со сна, и над ним курился²⁰⁴ не то туман, не то

²⁰³ ...в исполнение плана Торопца двигались части... – В поздн. правке: «...в исполнение плана Торопца – происходила рокировка и двигались...»

²⁰⁴ ...и над ним курился... – В поздн. правке: «...и над ним плыл...»

дым. Приподнявшись на стремянах, смотрел в цейсовские стекла Козырь туда, где громоздились кровли многоэтажных домов и купола собора старой Софии.

На правой руке у Козыря уже шел бой. Верстах в двух медно бухали пушки и стрекотали пулеметы. Там Петлюрина пехота цепочками перебежала к Посту-Волынскому и цепочками же отваливалась от Поста, в достаточной мере ошеломленная густым огнем, жиденькая и разношерстная белогвардейская пехота...

Город. Низкое густое небо. Угол²⁰⁵. Домишки на окраине, редкие шинели.

– Сейчас передавали, что будто с Петлюрой заключено соглашение, – выпустить все русские части с оружием на Дон к Деникину...

– Ну?

Пушки... Пушки... бух... бу-бу-бу...

А вот завыл пулемет.

Отчаяние и недоумение в юнкерском голосе:

– Но позволь, ведь тогда же нужно прекратить сопротивление?..

Тоска в юнкерском голосе:

– А черт их знает!

Полковника Щеткина уже с утра не было в штабе, и не было по той простой причине, что штаба этого более не существовало. Еще в ночь под четырнадцатое число штаб Щеткина отъехал назад, на вокзал Города-I, и эту ночь провел в гостинице «Роза Стамбула», у самого телеграфа. Там ночью у Щеткина изредка пела телефонная птица, но к утру она затихла. А утром двое адъютантов полковника Щеткина бесследно исчезли. Через час после этого и сам Щеткин, порывшись зачем-то в ящиках с бумагами и что-то порвав в клочья, вышел из заплеванной «Розы», но уже не в серой шинели с погонями, а в штатском мохнатом пальто и в шляпе пирожком. Откуда они взялись – никому не известно.

Взяв в квартале расстояния от «Розы» извозчика, статский Щеткин уехал в Липки, прибыл в тесную, хорошо обставленную квартиру с мебелью, позвонил, поцеловался с полной золотистой блондинкой и ушел с нею в затаенную спальню. Прошептав прямо в округлившиеся от ужаса глаза блондинки слова:

– Все кончено! О, как я измучен... – полковник Щеткин удалился в альков и там уснул после чашки черного кофе, изготовленного руками золотистой блондинки.

Ничего этого не знали юнкера первой дружины. А жаль! Если бы знали, то, может быть, осенило бы их вдохновение и, вместо того чтобы вертеться под шрапнельным небом у Поста-Волынского, отправились бы они в уютную квартиру в Липках, извлекли бы оттуда сонного полковника Щеткина и, выведя, повесили бы его на фонаре, как раз напротив квартирки с золотистой особью.

Хорошо бы было это сделать, но они не сделали, потому что ничего не знали и не понимали.

Да и никто ничего не понимал в Городе, и в будущем, вероятно, не скоро поймут. В самом деле: в Городе железные, хотя, правда, уже немножко подточенные немцы, в Городе усости-

²⁰⁵ *Город. Низкое густое небо. Угол.* – В поздн. правке весь этот кусок текста (до слов: «– А черт их знает!») был автором снят.

Да-с, вот тебе и взбунтовался против Петлюры! Полковник Болботун, наскучив исполнением трудной генерально-штабной думы полковника Торопца, решил несколько ускорить события. Померзли Болботуновы всадники за кладбищем на самом юге, где рукой уже было подать до мудрого снежного Днепра. Померз и сам Болботун. И вот поднял Болботун вверх стэк, и тронулся его конный полк справа по три, растянулся по дороге и подошел к полотну, тесно опоясывающему предместье Города. Никто тут полковника Болботуна не встречал. Взвыли шесть Болботуновых пулеметов так, что пошел раскат по всему урочищу Нижняя Теличка. В один миг Болботун перерезал линию железной дороги и остановил пассажирский поезд, который только прошел стрелу железнодорожного моста и привез в Город свежую порцию москвичей и петербуржцев со сдобными бабами и с лохматыми собачками. Поезд совершенно ошалел, но Болботуну некогда было возиться с собачками в этот момент. Тревожные составы товарных порожняков с Города-II – Товарного, пошли на Город-I – Пассажирский, засвистали маневровые паровозы, а Болботуновы пули устроили неожиданный град на крышах домишек на Святотроицкой улице. И вошел в Город и пошел, пошел по улице Болботун и шел беспрепятственно до самого военного училища, во все переулки высылая конные разведки. И напоролся Болботун именно только у Николаевского облупленного колонного училища. Здесь Болботуна встретил пулемет и жидкий огонь пачками какой-то цепи. В головном взводе Болботуна в первой сотне убило казака Буценко, пятерых ранило и двум лошадям перебило ноги. Болботун несколько задержался. Показалось ему почему-то, что невесть какие силы стоят против него. А на самом деле салютовали полковнику в синем шлыке тридцать человек юнкеров и четыре офицера с одним пулеметом.

Шеренги Болботуна по команде спешили, залегли, прикрылись и начали перестрелку с юнкерами. Печерск наполнился громом, эхо заколотило по стенам, и в районе Миллионной улицы закипело, как в чайнике.

И тотчас Болботуновы поступки получили отражение в Городе: начали бухать железные шторы на Елисаветинской, Виноградной и Левашовской улицах. Веселые магазины ослепли. Сразу опустели тротуары и сделались неприятно-гулкими. Дворники проворно закрыли ворота.

И в центре Города получилось отражение: стали потухать петухи в штабных телефонах.

Пицат с батареи в штаб дивизиона. Что за чертовщина, не отвечают! Пицат в уши из дружины в штаб командующего, чего-то добиваются. А голос в ответ бормочет какую-то чепуху:

– Ваши офицеры в погонах?

– А, что такое?

– Ти-у...

– Ти-у...

– Выслать немедленно отряд на Печерск!

– А, что такое?

– Ти-у...

По улицам поползло: Болботун, Болботун, Болботун, Болботун...

Откуда узнали, что это именно Болботун, а не кто-нибудь другой? Неизвестно, но узнали. Может быть, вот почему: с полудня среди пешеходов и зевак обычного городского типа появились уже какие-то в пальто с барашковыми воротниками. Ходили, шныряли. Усы у них вниз, червячками, как на картинке Лебідя-Юрчика. Юнкеров, кадет, золотопогонных офицеров провожали взглядами долгими и липкими. Шептали:

– Це Бовботун в мисце прийшов.

И шептали это без всякой горечи. Напротив, в глазах их читалось явственное – «Слава!».

– Сла-ва-ва-вав-ва-ва-ва-ва-ва-ва-ва-ва-ва... – холмы Печерска.

Поехала околесина на дрожках:

– Болботун – великий князь Михаил Александрович.

– Наоборот: Болботун – великий князь Николай Николаевич²⁰⁸.

²⁰⁸ – Болботун – великий князь Михаил Александрович.

– Наоборот: Болботун – великий князь Николай Николаевич. – Великий князь Михаил Александрович (1878–1918), родной брат императора Николая II, генерал-адъютант. После отречения Николая II в его пользу отказался

- Болботун – просто Болботун.
- Будет еврейский погром²⁰⁹.
- Наоборот: они с красными бантами.
- Бегите-ка лучше домой.
- Болботун против Петлюры.
- Наоборот: он за большевиков.
- Совсем наоборот: он за царя, только без офицеров.
- Гетман бежал?
- Неужели? Неужели? Неужели? Неужели? Неужели? Неужели?
- Ти-у. Ти-у. Ти-у.

Разведка Болботуна с сотником Галаньбой во главе пошла по Миллионной улице, и не было ни одной души на Миллионной улице. И тут, представьте себе, открылся подъезд и выбежал навстречу пятерым конным хвостатым гайдамакам не кто иной, как знаменитый подрядчик Яков Григорьевич Фельдман. Сдурели вы, что ли, Яков Григорьевич, что вам понадобилось бегать, когда тут происходят такие дела? Да, вид у Якова Григорьевича был такой, как будто он сдурел. Котиковый пирожок сидел у него на самом затылке и пальто нараспашку. И глаза блуждающие.

Было от чего сдуреть Якову Григорьевичу Фельдману. Как только заклокотало у военного училища, из светлой спальни жены Якова Григорьевича раздался стон. Он повторился и замер.

– Ой, – ответил стону Яков Григорьевич, глянул в окно и убедился, что в окне очень нехорошо. Кругом грохот и пустота.

А стон разросся и, как ножом, резнул сердце Якова Григорьевича. Сутулая старушка, мамаша Якова Григорьевича, вынырнула из спальни и крикнула:

– Яша! Ты знаешь? Уже!

И рвался мыслями Яков Григорьевич к одной цели – на самом углу Миллионной улицы у пустыря, где на угловом домике уютно висела ржавая с золотом вывеска:

Повивальная бабка

вступить на престол до созыва Учредительного собрания. Убит большевиками в конце мая 1918 г. (см.: Мясников Г. Философия убийства, или Почему и как я убил Михаила Романова // Минувшее. М.; СПб. 1995. N 18. С. 7-124).

Великий князь Николай Николаевич Младший (1856–1929): внук императора Николая I и сын великого князя Николая Николаевича Старшего, генерал-адъютант, Верховный главнокомандующий (1914-1915). В марте 1919 г. вместе с императрицей Марией Федоровной эвакуирован союзниками из Крыма. С его именем были связаны надежды на возрождение самодержавия" в России.

²⁰⁹ – Будет еврейский погром. – Вездесущий И. М. Василевский (Не-Буква) очень часто публиковал статьи и рассказы на эту острую тему. Мы приведем отрывок из его интересного рассказа, написанного от имени старого еврея, «Новое и старое», который был опубликован в газете «Киевское эхо» 26 августа 1919 г.:

«...В одном я уже разобрался все-таки... Это – в погромах. Я, надо вам знать, имею себе в этом деле практику. Специалист, как говорится. Где вы видели старого еврея, чтоб он в этом деле не был специалистом? Погром 1882 г. я еще помню, не то что 1905-го. И Кишиневский погром я помню, и Белостокский... Старый Шеншелевич все помнит... Бог ему дал, что называется, хорошую погромную память...

Когда я смотрю на русский флаг, и у меня от этого что-то дрожит в сердце, и глаза у меня делаются полны слезами – так верьте мне... Про душу свою думаю... что я имею право по совести считать себя своим в России или нет, объясните мне... Прежде, при царе, я об этом не думал. Я знал, что я „жид“, и ничего больше. И при большевиках я тоже об этом не думал. Я тоже знал, что я буржуй, и ничего больше. Но теперь...

Может быть, это таки очень стыдно, что меня здесь совсем не хотят и говорят, что я чужой, и что я „жид“, – и я все-таки со всей моей душой и с моим старым сердцем все ж таки, как дурак, люблю Россию. Так что же мне делать, что?.. Когда председатель одной чрезвычайки латыш Лацис – так никто ведь не говорит, что „все латыши“ виноваты. И когда председатель другой чрезвычайки – украинец Дегтяренко, – так тоже никто не говорит, что „все украинцы“ виноваты. Но когда видят там еврея, выродка, которого все мы, евреи, ненавидим хуже всех лацисов вместе, – так ведь тогда же говорят „все жида виноваты“...

Пусть поможет Бог России. И пусть не будет пасынков и пусть не будет ссор между сыновьями России.

И вы знаете, я таки верю... я верю, что будет хорошо... еще будет хорошо в России. Еще и как хорошо, ой, как хорошо будет жить в России!»

Через несколько дней после этой публикации в Киев вступили большевики.

Е. Т. ШАДУРСКАЯ.

На Миллионной довольно-таки опасно, хоть она и поперечная, а бьют вдоль с Печерской площади к Киевскому спуску.

Лишь бы проскочить. Лишь бы... Пирожок на затылке, в глазах ужас, и лепится под стенками Яков Григорьевич Фельдман.

– Стый! Ты куда?

Галаньба перегнулся с седла. Фельдман стал темный лицом, глаза его запрыгали. В глазах запрыгали зеленые галунные хвосты гайдамаков.

– Я, Панове, мирный житель. Жинка родит. Мне до бабки треба.

– До бабки? А чему ж це ты под стеной ховаешься? а? ж-жидюга?..

– Я, Панове...

Нагайка змеей прошла по котиковому воротнику и по шее. Адова боль. Взвизгнул Фельдман. Стал не темным, а белым, и померещилось между хвостами лицо жены.

– Посвидченя!

Фельдман вытащил бумажник с документами, развернул, взял первый листик и вдруг затрясся, тут только вспомнил... ах, Боже мой, Боже мой! Что ж он наделал? Что вы, Яков Григорьевич, вытащили? Да разве вспомнишь такую мелочь, выбегая из дому, когда из спальни жены раздастся первый стон? О, горе Фельдману! Галаньба мгновенно овладел документом. Всего-то тоненький листик с печатью, – а в этом листике Фельдмана смерть.

Предъявителю сего господину Фельдману Якову Григорьевичу разрешается свободный выезд и въезд из Города по делам снабжения броневых частей гарнизона Города, а равно и хождение по городу после 12 час. ночи.

Начснабжения генерал-майор Илларионов

Адъютант – поручик Лецинский

Поставлял Фельдман генералу Картузову сало и вазелин-полусмазку для орудий. Боже, сотвори чудо!

– Пан сотник, це не тот документ!.. Позвольте...

– Нет, тот, – дьявольски усмехнувшись, молвил Галаньба, – не журись, сами грамотны, прочитаем.

Боже! Сотвори чудо. Одиннадцать тысяч карбованцев... Все берите. Но только дайте жизнь! Дай! Шма-исроэль²¹⁰!!

Не дал.

Хорошо и то, что Фельдман умер легкой смертью. Некогда было сотнику Галаньбе. Поэтому он просто отмахнул шашкой Фельдману по голове²¹¹.

9

Полковник Болботун, потеряв семерых казаков убитыми и девять ранеными и семерых лошадей, прошел полверсты от Печерской площади до Резниковской улицы и там вновь остановился. Тут к отступающей юнкерской цепи подошло подкрепление. В нем был один броневик. Серая неуклюжая черепаха с башнями приползла по Московской улице и три раза прокатила по Печерску удар с хвостом кометы, напоминающим шум сухих листьев (три дюйма). Болботун мигом спешился, коноводы увели в переулочек лошадей, полк Болботуна разлегался цепями, немножко осев назад к Печерской площади, и началась вялая дуэль. Черепаха запирала Московскую улицу и изредка грохотала. Звукам отвечала жидкая трескотня пачками из устья Суворовской улицы.

²¹⁰ *Шма-исроэль!!* – «Слушай, Израиль!» – слова из ежедневной иудейской молитвы.

²¹¹ ...отмахнул шашкой Фельдману по голове. – Исследователи полагают, что Булгаков при описании этого эпизода использовал сообщение киевской газеты «Последние новости» (5/18 декабря 1918 г.) о гибели Овсея Мордуховича Фельдмана в день захвата Киева петлюровцами.

Там в снегу лежала цепь, отвалившаяся с Печерской под огнем Болботуна, и ее подкрепление, которая получилась таким образом:

- Др-р-р-р-р-р-р-р-р-р-р...
- Первая дружина?
- Да, слушаю.
- Немедленно две офицерских роты дайте на Печерск.
- Слушаюсь. Дррррр... Ти... Ти... ти... ти...

И пришло на Печерск: четырнадцать офицеров, три юнкера, один студент, один кадет и один актер из театра миниатюр.

Увы. Одной жидкой цепи, конечно, недостаточно. Даже и при подкреплении одной черепахой. Черепах-то должно было подойти целых четыре. И уверенно можно сказать, что, подойди они, полковник Болботун вынужден был бы удалиться с Печерска. Но они не подошли.

Случилось это потому, что в броневой дивизион гетмана, состоящий из четырех превосходных машин, попал в качестве командира второй машины не кто иной, как знаменитый прапорщик, лично получивший в мае 1917 года из рук Александра Федоровича Керенского Георгиевский крест, Михаил Семенович Шполянский²¹².

Михаил Семенович был черный и бритый, с бархатными баками, чрезвычайно похожий на Евгения Онегина. Всею Городе Михаил Семенович стал известен немедленно по приезде своем из города Санкт-Петербурга. Михаил Семенович прославился как превосходный чтец в клубе «Прахе» своих собственных стихов «Капли Сатурна» и как отличнейший организатор поэтов и председатель городского поэтического ордена «Магнитный Триолет». Кроме того, Михаил Семенович не имел себе равных как оратор, кроме того, управлял машинами, как военными, так и типа гражданского, кроме того, содержал балерину городского оперного театра Мусю Форд и еще одну даму, имени которой Михаил Семенович, как джентльмен, никому не открывал, имел очень много денег и щедро раздавал их взаймы членам «Магнитного Триолета»;

пил белое вино,
играл в железку,
купил картину «Купающаяся венецианка»,
ночью жил на Крещатике,
утром в кафе «Бильбокэ»,
днем – в своем уютном номере лучшей гостиницы «Континенталь»,
вечером – в «Прахе»,
на рассвете писал научный труд «Интуитивное у Гоголя».

Гетманский Город погиб часа на три раньше, чем ему следовало бы, именно из-за того, что Михаил Семенович второго декабря 1918 года вечером в «Прахе» заявил Степанову, Шейеру, Слоных и Черемшину (головка «Магнитного Триолета») следующее:

– Все мерзавцы. И гетман, и Петлюра. Но Петлюра, кроме того, еще и погромщик. Самое главное, впрочем, не в этом. Мне стало скучно, потому что я давно не бросал бомб.

По окончании в «Прахе» ужина, за который уплатил Михаил Семенович, его, Михаил Семеновича, одетого в дорогую шубу с бобровым воротником и цилиндр, провожал весь «Магнитный Триолет» и пятый – некий пьяненький в пальто с козьем мехом. О нем Шполянскому было известно немного: во-первых, что он болен сифилисом, во-вторых, что он написал богоборческие стихи, которые Михаил Семенович, имеющий большие литературные связи, пристроил в один из московских сборников, и, в-третьих – что он – Русаков, сын библиотекаря.

Человек с сифилисом плакал на свой козий мех под электрическим фонарем Крещатика и, впиваясь в бобровые манжеты Шполянского, говорил:

– Шполянский, ты самый сильный из всех в этом городе, который гниет так же, как и я. Ты

²¹² *Михаил Семенович Шполянский.* – Некоторые булгаковеды полагают, что прототипом Шполянского был известный литературовед, писатель, сценарист В. Б. Шкловский (1893–1984). Любопытно, что В. Б. Шкловский был включен в список «врагов» Булгакова. Узнав об этом, он написал Е. С. Булгаковой «покаянное» письмо... И был прощен.

так хорош, что тебе можно простить даже твое жуткое сходство с Онегиным! Слушай, Шполянский... Это неприлично походить на Онегина. Ты как-то слишком здоров... В тебе нет той благородной червоточки, которая могла бы сделать тебя действительно выдающимся человеком наших дней... Вот я гнию и горжусь этим... Ты слишком здоров, но ты силен, как винт, поэтому винтись туда!.. Винтись ввысь!.. Вот так...

И сифилитик показал, как нужно это делать. Обхватив фонарь, он действительно винтился возле него, став каким-то образом длинным и тонким, как уж. Проходили проститутки мимо, в зеленых, красных, черных и белых шапочках, красивые, как куклы, и весело бормотали винту:

– Занюхался, т-твою мать?

Очень далеко стреляли пушки, и Михал Семеныч действительно походил на Онегина под снегом, летящим в электрическом свете.

– Иди спать, – говорил он винту-сифилитику, немного отворачивая лицо, чтоб тот не кашлянул на него, – иди. – Он толкал концами пальцев козье пальто в грудь. Черные лайковые перчатки касались вытертого шевиота, и глаза у толкаемого были совершенно стеклянными. Разошлись. Михаил Семенович подозвал извозчика, крикнул ему: «Мало-Провальная» – и уехал, а козий мех, пошатываясь, пешком отправился к себе на Подол.

В квартире библиотекаря, ночью, на Подоле, перед зеркалом, держа зажженную свечу в руке, стоял обнаженный до пояса владелец козьего меха. Страх скакал в глазах у него, как черт, руки дрожали, и сифилитик говорил, и губы у него прыгали, как у ребенка:

– Боже мой, Боже мой, Боже мой... Ужас, ужас, ужас... Ах, этот вечер! Я несчастлив. Ведь был же со мной и Шейер, и вот, он здоров, он не заразился, потому что он счастливый человек. Может быть, пойти и убить эту самую Лельку? Но какой смысл? Кто мне объяснит, какой смысл? О, Господи, Господи... Мне двадцать четвертый год, и я мог бы, мог бы... Пройдет пятнадцать лет, может быть, меньше, и вот разные зрачки, гнущиеся ноги, потом безумные идиотские речи, а потом – я гнилой, мокрый труп.

Обнаженное до пояса худое тело отражалось в пыльном трюмо, свеча нагорала в высоко поднятой руке, и на груди была видна нежная и тонкая звездная сыпь. Слезы неудержимо текли по щекам больного, и тело его тряслось и колыхалось.

– Мне нужно застрелиться. Но у меня на это нет сил, к чему тебе, мой Бог, я буду лгать? К чему тебе я буду лгать, мое отражение?

Он вынул из ящика маленького дамского письменного стола тонкую книгу, отпечатанную на сквернейшей серой бумаге. На обложке ее было напечатано красными буквами:

**ФАНТОМИСТЫ -
ФУТУРИСТЫ
СТИХИ:
М. ШПОЛЯНСКОГО.
Б. ФРИДМАНА.
В. ШАРКЕВИЧА.
И. РУСАКОВА
Москва. 1918**

На странице тринадцатой раскрыл бедный больной книгу и увидел знакомые строки:

Ив. Русаков
БОГОВО ЛОГОВО

*Раскинут в небе
Дымный лог.
Как зверь, сосущий лапу,
Великий сущий папа
Медведь мохнатый*

*Бог.
В берлоге
Логе
Бейте бога.
Звук алый
Боговой битвы
Встречаю матерной молитвой.*

– Ах-а-ах, – стиснув зубы, болезненно застонал больной. – Ах, – повторил он в неизбывной муке.

Он с искаженным лицом вдруг плюнул на страницу со стихотворением и бросил книгу на пол, потом опустился на колени и, крестясь мелкими дрожащими крестами, кланяясь и касаясь холодным лбом пыльного паркета, стал молиться, возводя глаза к черному безотрадному окну:

– Господи, прости меня и помилуй за то, что я написал эти гнусные слова. Но зачем же Ты так жесток? Зачем? Я знаю, что Ты меня наказал. О, как страшно Ты меня наказал! Посмотри, пожалуйста, на мою кожу. Клянусь Тебе всем святым, всем дорогим на свете, памятью мамы-покойницы – я достаточно наказан. Я верю в Тебя! Верю душой, телом, каждой нитью мозга. Верю и прибегаю только к Тебе, потому что нигде на свете нет никого, кто бы мог мне помочь. У меня нет никакой надежды ни на кого, кроме как на Тебя! Прости меня и сделай так, чтобы лекарства мне помогли! Прости меня, что я решил, будто бы Тебя нет: если бы Тебя не было, я был бы сейчас жалкой паршивой собакой без надежды. Но я человек и силен только потому, что Ты существуешь, и во всякую минуту я могу обратиться к Тебе с мольбой о помощи. И я верю, что Ты услышишь мои мольбы, простишь меня и вылечишь. Излечи меня, о Господи, забудь о той гнусности, которую я написал в припадке безумия, пьяный, под кокаином. Не дай мне сгнить, и я клянусь, что я вновь стану человеком. Укрепи мои силы, избавь меня от кокаина, избавь от слабости духа и избавь меня от Михаила Семеновича Шполянского!..

Свеча наплывала, в комнате холодело, под утро кожа больного покрылась мелкими пузырьками, и на душе у больного значительно полегчало.

Михаил же Семенович Шполянский провел остаток ночи на Малой Провальной улице в большой комнате с низким потолком и старым портретом, на котором тускло глядели, тронутые временем, эпoletы сороковых годов. Михаил Семенович – без пиджака, в одной белой зефирной сорочке, поверх которой красовался черный с большим вырезом жилет, сидел на узенькой козетке и говорил женщине с бледным и матовым лицом такие слова:

– Ну, Юлия, я окончательно решил и поступаю к этой сволочи – гетману в броневой дивизион.

После этого женщина, кутающаяся в серый пуховый платок, истерзанная полчаса тому назад и смятая поцелуями страстного Онегина, ответила так:

– Я очень жалею, что никогда не понимала и не могу понимать твоих планов.

Михаил Семенович взял со столика перед козеткой стянутую в талии рюмочку душистого коньяку, хлебнул и молвил:

– И не нужно.

Через два дня после этого разговора Михаил Семеныч преобразился. Вместо цилиндра на нем оказалась фуражка блином, с офицерской кокардой, вместо статского платья – короткий полушубок до колен и на нем смятые защитные погоны. Руки в перчатках с раструбами, как у Марселя в «Гугенотах», ноги в гетрах. Весь Михаил Семенович с ног до головы был вымазан в машинном масле (даже лицо) и почему-то в саже. Один раз, и именно девятого декабря, две машины ходили в бой под Городом и, нужно сказать, успех имели чрезвычайный. Они проползли верст двадцать по шоссе, и после первых же их трехдюймовых ударов и пулеметного воя петлюровские цепи бежали от них. Прапорщик Страшкевич, румяный энтузиаст и командир четвер-

той машины, клялся Михаилу Семеновичу, что все четыре машины, ежели бы их выпустить разом, одни могли бы отстоять Город. Разговор этот происходил девятого вечером, а одиннадцатого в группе Щура, Копылова и других (наводчики, два шофера и механик) Шполянский, дежурный по дивизиону, говорил в сумерки так:

– Вы знаете, друзья, в сущности говоря, большой вопрос, правильно ли мы делаем, отстаивая этого гетмана. Мы представляем собою в его руках не что иное, как дорогую и опасную игрушку, при помощи которой он насаждает самую черную реакцию. Кто знает, быть может, столкновение Петлюры с гетманом исторически показано, и из этого столкновения должна родиться третья историческая сила и, возможно, единственно правильная.

Слушатели обожали Михаила Семеныча за то же, за что его обожали в клубе «Прах», – за исключительное красноречие.

– Какая же это сила? – спросил Копылов, пыхтя козьей ножкой.

Умный коренастый блондин Щур хитро прищурился и подмигнул собеседникам куда-то на северо-восток. Группа еще немножечко побеседовала и разошлась. Двенадцатого декабря вечером произошла в той же тесной компании вторая беседа с Михаилом Семеновичем за автомобильными сараями. Предмет этой беседы остался неизвестным, но зато хорошо известно, что накануне четырнадцатого декабря, когда в сараях дивизиона дежурили Щур, Копылов и курносый Петрухин, Михаил Семенович явился в сарай, имея при себе большой пакет в оберточной синей бумаге. Часовой Щур пропустил его в сарай, где тускло и красно горела мерзкая лампочка, а Копылов довольно фамильярно подмигнул на мешок и спросил:

– Сахар?

– Угу, – ответил Михаил Семенович.

В сарае заходил фонарь возле машин, мелькая, как глаз, и озабоченный Михаил Семенович возился вместе с механиком, приготавливая их к завтрашнему выступлению.

Причина: бумага у командира дивизиона капитана Плешко – «четырнадцатого декабря, в восемь часов утра, выступить на Печерск с четырьмя машинами».

Совместные усилия Михаила Семеновича и механика к тому, чтобы приготовить машины к бою, дали какие-то странные результаты. Совершенно здоровые еще накануне три машины (четвертая была в бою под командой Страшкевича) в утро четырнадцатого декабря не могли двинуться с места, словно их разбил паралич. Что с ними случилось, никто понять не мог. Какая-то дрянь осела в жиклерах, и, сколько их ни продували шинными насосами, ничего не помогало. Утром возле трех машин в мутном рассвете была горестная суета с фонарями. Капитан Плешко был бледен, оглядывался, как волк, и требовал механика. Тут-то и начались катастрофы. Механик исчез. Выяснилось, что адрес его в дивизионе, вопреки всяким правилам, совершенно неизвестен. Прошел слух, что механик внезапно заболел сыпным тифом! Это было в восемь часов, а в восемь часов тридцать минут капитана Плешко постиг второй удар. Прапорщик Шполянский, уехавший в четыре часа ночи после возни с машинами на Печерск на мотоциклетке, управляемой Щуром, не вернулся. Возвратился один Щур и рассказал горестную историю. Мотоциклетка заехала в Верхнюю Теличку, и тщетно Щур отговаривал прапорщика Шполянского от безрассудных поступков. Означенный Шполянский, известный всему дивизиону своей исключительной храбростью, оставив Щура и взяв карабин и ручную гранату, отправился один во тьму на разведку к железнодорожному полотну. Щур слышал выстрелы. Щур совершенно уверен, что передовой разъезд противника, заскочивший в Теличку, встретил Шполянского и, конечно, убил его в неравном бою. Щур ждал прапорщика два часа, хотя тот приказал ждать его всего лишь один час, а после этого вернуться в дивизион, дабы не подвергать опасности себя и казенную мотоциклетку №8175.

Капитан Плешко стал еще бледнее после рассказа Щура. Птички в телефоне из штаба гетмана и генерала Картузова вперевой пели и требовали выхода машин. В девять часов вернулся на четвертой машине с позиций румяный энтузиаст Страшкевич, и часть его румянца передалась на щеки командиру дивизиона. Энтузиаст повел машину на Печерск, и она, как уже было сказано, заперла Суворовскую улицу.

В десять часов утра бледность Плешко стала неизменной. Бесследно исчезли два наводчика, два шофера и один пулеметчик. Все попытки двинуть машины остались без результата. Не вернулся с позиции Щур, ушедший по приказанию капитана Плешко на мотоциклетке. Не вернулась, само собою понятно, и мотоциклетка, потому что не может же она сама вернуться!

Птички в телефонах начали угрожать. Чем больше рассветал день, тем больше чудес происходило в дивизионе. Исчезли артиллеристы Дуван и Мальцев и еще парочка пулеметчиков. Машины приобрели какой-то загадочный и заброшенный вид, возле них валялись гайки, ключи и какие-то ведра.

А в полдень, в полдень исчез сам командир дивизиона капитан Плешко.

10

Странные перетасовки, переброски, то стихийно боевые, то связанные с приездом ординарцев и писком штабных ящиков, трое суток водили часть полковника Най-Турса по снежным сугробам и завалам под Городом, на протяжении от Красного Трактира до Серебрянки на юге и до Поста-Волынского на юго-западе. Вечер же на четырнадцатое декабря привел эту часть обратно в Город, в переулок, в здание заброшенных, с наполовину выбитыми стеклами, казарм.

Часть полковника Най-Турса была странная часть. И всех, кто видел ее, она поражала своими валенками. При начале последних трех суток в ней было около ста пятидесяти юнкеров и три прапорщика.

К начальнику первой дружины генерал-майору Блохину в первых числах декабря явился среднего роста черный, гладко выбритый, с траурными глазами кавалерист в полковничьих гусарских погонах и отрекомендовался полковником Най-Турсом, бывшим эскадронным командиром второго эскадрона бывшего Белградского гусарского полка. Траурные глаза Най-Турса были устроены таким образом, что каждый, кто ни встречался с прихрамывающим полковником с вытертой георгиевской ленточкой на плохой солдатской шинели, внимательнейшим образом выслушивал Най-Турса. Генерал-майор Блохин после недолгого разговора с Наем поручил ему формирование второго отдела дружины с таким расчетом, чтобы оно было закончено к тринадцатому декабря. Формирование удивительным образом закончилось, и десятого же декабря полковник Най-Турс, необычайно скупой на слова вообще, коротко заявил генерал-майору Блохину, терзаемому со всех сторон штабными птичками, о том, что он, Най-Турс, может выступить уже со своими юнкерами, но при непременном условии, что ему дадут на весь отряд в сто пятьдесят человек папахи и валенки, без чего он, Най-Турс, считает войну совершенно невозможной. Генерал Блохин, выслушав картавого и лаконического полковника, охотно выписал ему бумагу в отдел снабжения, но предупредил полковника, что по этой бумаге он наверняка ничего не получит ранее чем через неделю, потому что в этих отделах снабжения и в штабах невероятнейшая чепуха, кутерьма и безобразье. Картавый Най-Турс забрал бумагу, по своему обыкновению, дернул левым подстриженным усом и, не поворачивая головы ни вправо, ни влево (он не мог ее поворачивать, потому что после ранения у него была сведена шея, и в случае необходимости посмотреть вбок он поворачивался всем корпусом), отбыл из кабинета генерал-майора Блохина. В помещении дружины на Львовской улице Най-Турс взял с собою десять юнкеров (почему-то с винтовками) и две двуколки и направился с ними в отдел снабжения.

В отделе снабжения, помещавшемся в прекраснейшем особнячке на Бульварно-Кудрявской улице, в уютном кабинетике, где висела карта России и со времен Красного Креста оставшийся портрет Александры Федоровны, полковника Най-Турса встретил маленький, румяный странным румянцем, одетый в серую тужурку, из-под ворота которой выглядывало чистенькое белье, делавшее его чрезвычайно похожим на министра Александра II, Милютин, генерал-лейтенант Макушин.

Оторвавшись от телефона, генерал детским голосом, похожим на голос глиняной свистульки, спросил у Ная:

– Что вам угодно, полковник?

– Выступаем сейчас, – лаконически ответил Най, – пошлю сгочно вазнки и папахи на двести человек.

– Гм, – сказал генерал, пожевав губами и помяв в руках требование Ная, – видите ли, полковник, сегодня дать не можем. Сегодня составим расписание снабжения частей. Дня через три прошу прислать. И такого количества все равно дать не могу.

Он положил бумагу Най-Турса на видное место под пресс в виде голой женщины.

– Валенки, – монотонно ответил Най и, скосив глаза к носу, посмотрел туда, где находились носки его сапог.

– Как? – не понял генерал и удивленно уставился на полковника.

– Валенки сию минуту давайте.

– Что такое? Как? – Генерал выпучил глаза до предела.

Най повернулся к двери, приоткрыл ее и крикнул в теплый коридор особняка:

– Эй, взвод!

Генерал побледнел серенькой бледностью, переметнул взгляд с лица Ная на трубку телефона, оттуда на икону Божьей Матери в углу, а затем опять на лицо Ная.

В коридоре загремело, застучало, и красные околыши алексеевских юнкерских бескозырок и черные штыки замелькали в дверях. Генерал стал приподниматься с пухлого кожаного кресла.

– Я впервые слышу такую вещь... Это бунт...

– Пишите требование, ваше пгевосходительство, – сказал Най, – нам некогда, нам чегез час выходить. Непгиятель, говосят, под самым гогодом.

– Как?.. Что это?..

– Живей, – сказал Най каким-то похоронным голосом.

Генерал, вдавив голову в плечи, выпучил глаза, вытянул из-под женщины бумагу и прыгающею ручкой нацарапал в углу, брызнув чернилами: «Выдать».

Най взял бумагу, сунул ее за обшлаг рукава и сказал юнкерам, наследившим на ковре:

– Ггузите валенки. Живо.

Юнкера, стуча и гремя, стали выходить, а Най задержался. Генерал, багровея, сказал ему:

– Я сейчас звоню в штаб командующего и поднимаю дело о предании вас военному суду.

Эт-то что-то...

– Попгобуйте, – ответил Най и проглотил слюну, – только попгобуйте. Ну, вот попгобуйте гади любопытства. – Он взялся за ручку, выглядывающую из расстегнутой кобуры. Генерал пошел пятнами и онемел.

– Звякни, гвупый стагик, – вдруг задушевно сказал Най, – я тебя из кольта звякну в голову, ты ноги протянешь.

Генерал сел в кресло. Шея его полезла багровыми складками, а лицо осталось сереньким. Най повернулся и вышел.

Генерал несколько минут сидел в кожаном кресле, потом перекрестился на икону, взялся за трубку телефона, поднес ее к уху, услышал глухое и интимное «станция»... неожиданно ощутил перед собою траурные глаза картавого гусара, положил трубку и выглянул в окно. Увидел, как на дворе суетились юнкера, вынося из черной двери сарая серые связки валенок. Солдатская рожка каптенармуса, совершенно ошеломленного, виднелась на черном фоне. В руках у него была бумага. Най стоял у двуколки, растопырив ноги, и смотрел на нее. Генерал слабой рукой взял со стола свежую газету, развернул ее и на первой странице прочитал:

У реки Ирпеня столкновения с разъездами противника, пытавшимися проникнуть к Святошину... –

бросил газету и сказал вслух:

– Будь проклят день и час, когда я ввязался в это...

Дверь открылась, и вошел похожий на бесхвостого хорька капитан – помощник начальника снабжения. Он выразительно посмотрел на багровые генеральские складки над воротничком и молвил:

– Разрешите доложить, господин генерал...

– Вот что, Владимир Федорович, – перебил генерал, задыхаясь и тоскливо блуждая глазами, – я почувствовал себя плохо... прилив... хм... я сейчас поеду домой, а вы будьте добры без меня здесь распорядитесь.

– Слушаю, – любопытно глядя, ответил хорек, – как же прикажете быть? Запрашивают из четвертой дружины и из конно-горной валенки. Вы изволили распорядиться двести пар?

– Да. Да! – пронзительно ответил генерал. – Да, я распорядился! Я! Сам! Изволил! У них исключение! Они сейчас выходят. Да. На позиции. Да!!

Любопытные огоньки заиграли в глазах хорька.

– Четыреста пар всего...

– Что ж я сделаю? Что? – сипло вскричал генерал. – Рожу я, что ли?! Рожу валенки? Рожу?

Если будут спрашивать – дайте – дайте – дайте!!

Через пять минут на извозчике генерала Макушина отвезли домой.

В ночь с тринадцатого на четырнадцатое мертвые казармы в Брест-Литовском переулке ожили. В громадном заслякощенном зале загорелась электрическая лампа на стене между окнами (юнкера днем висели на фонарях и столбах, протягивали какие-то проволоки). Полтораста винтовок стояли в козлах, и на грязных нарах вповалку спали юнкера. Най-Турс сидел у деревянного колченогого стола, заваленного краяхами хлеба, котелками с остатками простывшей жижи, подсумками и обоймами, разложив пестрый план Города. Маленькая кухонная лампочка отбрасывала пучок света на разрисованную бумагу, и Днепр был виден на ней разветвленным, сухим и синим деревом.

Около двух часов ночи сон стал морить Найя. Он шмыгал носом, клонился несколько раз к плану, как будто что-то хотел разглядеть в нем. Наконец негромко крикнул:

– Юнкер?!

– Я, господин полковник, – отозвалось у двери, и юнкер, шурша валенками, подошел к лампе.

– Я сейчас лягу, – сказал Най, – а вы меня газбудите чегез тги часа. Если будет телефон'амма, газбудите пгапогщика Жагова, и в зависимости от ее содегжания он будет меня будить или нет.

Никакой телефонограммы не было... Вообще в эту ночь штаб не беспокоил отряд Найя. Вышел отряд на рассвете с тремя пулеметами и тремя двуколками, растянулся по дороге. Крайние домишки словно вымерли. Но когда отряд вышел на Политехническую широчайшую улицу, на ней застал движение. В раненьких сумерках мелькали, погромыхивая, фуры, брели серые отдельные папахи. Все это направлялось назад в Город и часть Найя обходило с некоторой пугливостью. Медленно и верно рассветало, и над садами казенных дач, над утоптаным и выбитым шоссе вставал и расходился туман.

С этого рассвета до трех часов дня Найя находился на Политехнической стреле, потому что днем все-таки приехал юнкер из его связи на четвертой двуколке и привез ему записку карандашом из штаба.

«Охранять Политехническое шоссе и, в случае появления неприятеля, принять бой».

Этого неприятеля Най-Турс увидел впервые в три часа дня, когда на левой руке, вдали, на заснеженном плацу военного ведомства показались многочисленные всадники. Это и был полковник Козырь-Лешко, согласно диспозиции полковника Торопца, пытающийся войти на стрелу и по ней проникнуть в сердце Города. Собственно говоря, Козырь-Лешко, не встретивший до самого подхода к Политехнической стреле никакого сопротивления, не напал на Город, а вступал в него, вступал победно и широко, прекрасно зная, что следом за его полком идет еще курень конных гайдамаков полковника Сосненко, два полка синей дивизии, полк сечевых стрельцов и шесть батарей. Когда на плацу показались конные точки, шрапнели стали рваться высоко, по-журавлиному, в густом, обещающем снег небе. Конные точки собрались в ленту и, захватив во всю ширину шоссе, стали пухнуть, чернеть, увеличиваться и покатались на Най-Турса. По цепям юнкеров прокатился грохот затворов, Най вынул свисток, пронзительно свистнул и закричал:

– Пгямо по кавагегии!.. залпами... о-гонь!

Искра прошла по серому строю цепей, и юнкера отправили Козырю первый залп. Три раза после этого рвало штуку полотна от самого неба до стен Политехнического института, и три раза, отражаясь хлещущим громом, стрелял Най-Турс батальон. Конные черные ленты вдали сломались, рассыпались и исчезли с шоссе.

Вот в это-то время с Наем что-то произошло. Собственно говоря, ни один человек в отряде еще ни разу не видел Найя испуганным, а тут показалось юнкерам, будто Най увидел что-то опасное где-то в небе, не то услышал вдали... одним словом, Най приказал отходить на Город. Один взвод остался и, перекатывая рокот, бил по стреле, прикрывая отходящие взводы. Затем перебе-

жал и сам. Так две версты бежали, припадая и будя эхом великую дорогу, пока не оказались на скрещении стрелы с тем самым Брест-Литовским переулком, где провели прошлую ночь. Перекресток умер совершенно, и нигде не было ни одной души.

Здесь Най отделил трех юнкеров и приказал им:

– Бегом на Полевую и на Богшаговскую, узнать, где наши части и что с ними. Если встретите фугы, двуколки или какие-нибудь следствия пегедвижения, отступающие неорганизованно, взять их. В случае согготивления уг'жать огужием, а затем его и пгименить...

Юнкера убежали назад и налево и скрылись, а спереди вдруг откуда-то начали бить в отряд пули. Они застучали по крышам, стали чаще, и в цепи упал юнкер лицом в снег и окрасил его кровью. За ним другой, охнув, отвалился от пулемета. Цепи Ная растянулись и стали гулко рокотать по стреле беглым непрерывным огнем, встречая колдовским образом вырастающие из земли темненькие цепочки неприятеля. Раненых юнкеров подняли, размоталась белая марля. Скулы Ная пошли желваками. Он все чаще и чаще поворачивал туловище, стараясь далеко заглянуть во фланги, и даже по его лицу было видно, что он нетерпеливо ждет посланных юнкеров. И они наконец прибежали, пыхтя, как загнанные гончие, со свистом и хрипом. Най насторожился и потемнел лицом. Первый юнкер добежал до Ная, стал перед ним и сказал, задыхаясь:

– Господин полковник, никаких наших частей нет не только на Шулявке, но и нигде нет, – он перевел дух. – У нас в тылу пулеметная стрельба, и неприятельская конница сейчас прошла вдали по Шулявке, как будто бы входя в Город...

Слова юнкера в ту же секунду покрыл оглушительный свист Ная.

Три двуколки с громом выскочили в Брест-Литовский переулок, простучали по нему, а оттуда по Фонарному и покатили по ухабам. В двуколках увезли двух раненых юнкеров, пятнадцать вооруженных и здоровых и все три пулемета. Больше двуколки взять не могли. А Най-Турс повернулся лицом к цепям и зычно и картаво отдал юнкерам никогда ими не слыханную, странную команду...

В облупленном и жарко натопленном помещении бывших казарм на Львовской улице томился третий отдел первой пехотной дружины, в составе двадцати восьми человек юнкеров. Самое интересное в этом томлении было то, что командиром этих томящихся оказался своей персоной Николка Турбин. Командир отдела, штабс-капитан Безруков, и двое его помощников – прапорщики, утром уехавши в штаб, не возвращались. Николка – ефрейтор, самый старший, шлялся по казарме, то и дело подходя к телефону и посматривая на него.

Так дело тянулось до трех часов дня. Лица у юнкеров, в конце концов, стали тоскливыми. Эх... эх...

В три часа запищал полевой телефон.

– Это третий отдел дружины?

– Да.

– Командира к телефону.

– Кто говорит?

– Из штаба...

– Командир не вернулся.

– Кто говорит?

– Унтер-офицер Турбин.

– Вы старший?

– Так точно.

– Немедленно выведите команду по маршруту.

И Николка вывел двадцать восемь человек и повел по улице.

До двух часов дня Алексей Васильевич спал мертвым сном. Проснулся он словно облитый водой, глянул на часики на стуле, увидал, что на них без десяти минут два, и заметался по комнате. Алексей Васильевич натянул валенки, насовал в карманы, торопясь и забывая то одно, то другое, спички, портсигар, платок, браунинг и две обоймы, затянул потуже шинель, потом припомнил что-то, но поколебался, – это показалось ему позорным и трусливым, но все-таки сделал, – вынул из стола свой гражданский врачебный паспорт. Он повертел его в руках, решил

взять с собой, но Елена окликнула его в это время, и он забыл его на столе.

– Слушай, Елена, – говорил Турбин, затягивая пояс и нервничая; сердце его сжималось нехорошим предчувствием, и он страдал при мысли, что Елена останется одна с Анютой в пустой большой квартире, – ничего не поделаешь. Не идти нельзя. Ну, со мной, надо полагать, ничего не случится. Дивизион не уйдет дальше окраин Города, а я стану где-нибудь в безопасном месте. Авось Бог сохранит и Николку. Сегодня утром я слышал, что положение стало немножко посерьезнее, ну, авось отобьем Петлюру. Ну, прощай, прощай...

Елена одна ходила по опустевшей гостиной от пианино, где, по-прежнему не убранный, виднелся разноцветный Валентин, к двери в кабинет Алексея. Паркет поскрипывал у нее под ногами. Лицо у нее было несчастное.

На углу своей кривой улицы и улицы Владимирской Турбин стал нанимать извозчика. Тот согласился везти, но, мрачно сопя, назвал чудовищную сумму, и видно было, что он не уступит. Скрипнув зубами, Турбин сел в сани и поехал по направлению к музею. Морозило.

На душе у Алексея Васильевича было очень тревожно. Он ехал и прислушивался к отдаленной пулеметной стрельбе, которая взрывами доносилась откуда-то со стороны Политехнического института и как будто бы по направлению к вокзалу. Турбин думал о том, что бы это означало (полуденный визит Болботуна Турбин проспал), и, вертя головой, всматривался в тротуары. На них было хоть и тревожное и сумбурное, но все же большое движение.

– Стой... ст... – сказал пьяный голос.

– Что это значит? – сердито спросил Турбин.

Извозчик так натянул вожжи, что чуть не свалился Турбину на колени. Совершенно красное лицо качалось у оглобли, держась за вожжу и по ней пробираясь к сиденью. На дубленом полушубке поблескивали смятые прапорщичьи погоны. Турбина на расстоянии аршина обдал тяжелый запах перегоревшего спирта и луку. В руках у прапорщика покачивалась винтовка.

– Пав... пав... паварачивай, – сказал красный пьяный, – выса... высаживай пассажира... – Слово «пассажир» вдруг показалось красному смешным, и он хихикнул.

– Что это значит? – сердито повторил Турбин. – Вы не видите, кто едет? Я на сборный пункт. Прошу оставить извозчика. Трогай!

– Нет, не трогай... – угрожающе сказал красный и только тут, поморгав глазами, заметил погоны Турбина. – А, доктор, ну, вместе... и я сяду...

– Нам не по дороге... Трогай!

– Па... а-звольте...

– Трогай!

Извозчик, втянув голову в плечи, хотел дернуть, но потом раздумал; обернувшись, он злобно и боязливо покосился на красного. Но тот вдруг отстал сам, потому что заметил пустого извозчика. Пустой хотел уехать, но не успел. Красный обеими руками поднял винтовку и погрозил ему. Извозчик застыл на месте, и красный, спотыкаясь и икая, поплелся к нему.

– Знал бы, за пятьсот не поехал, – злобно бурчал извозчик, нахлестывая круп клячи, – стрельнет в спину, что ж с него возьмешь?

Турбин мрачно молчал.

«Вот сволочь... такие вот позорят все дело», – злобно думал он.

На перекрестке у оперного театра кипела суета и движение. Прямо посредине на трамвайном пути стоял пулемет, охраняемый маленьким изыбшим кадетом, в черной шинели и наушниках, и юнкером в сером. Прохожие, как мухи, кучками лепились по тротуару, любопытно глядя на пулемет. У аптеки, на углу, Турбин уже в виду музея отпустил извозчика.

– Прибавить надо, ваше высокоблагородие, – злобно и настойчиво говорил извозчик, – знал бы, не поехал бы. Вишь, что делается!

– Будет.

– Детей зачем-то ввязали в это... – послышался женский голос.

Тут только Турбин увидел толпу вооруженных у музея. Она колыхалась и густела. Смутно мелькнули между полами шинелей пулеметы на тротуаре. И тут кипуче забарабанил пулемет на Печерске.

Вра... вра... вра... вра... вра... вра...

«Чепуха какая-то уже, кажется, делается», – растерянно думал Турбин и, ускорив шаг, направился к музею через перекресток.

«Неужели опоздал?.. Какой скандал... Могут подумать, что я сбежал...»

Прапорщики, юнкера, кадеты, очень редкие солдаты волновались, кипели и бегали у гигантского подъезда музея и у боковых разломанных ворот, ведущих на плац Александровской гимназии. Громадные стекла двери дрожали поминутно, двери стонали, и в круглое белое здание музея, на фронтоне которого красовалась золотая надпись:

«На благое просвещение русского народа»;

вбегали вооруженные, смятенные и встревоженные юнкера.

– Боже! – невольно вскрикнул Турбин. – Они уже ушли.

Мортиры безмолвно шурились на Турбина и одинокие и брошенные стояли там же, где вчера.

«Ничего не понимаю... что это значит?»

Сам не зная зачем, Турбин побежал по плацу к пушкам. Они выросли по мере движения и грозно смотрели на Турбина. И вот крайняя. Турбин остановился и застыл: на ней не было замка. Быстрым бегом он перерезал плац обратно и выскочил вновь на улицу. Здесь еще больше кипела толпа, кричали многие голоса сразу, и торчали и прыгали штыки.

– Картузова надо ждать! Вот что! – выкрикивал звонкий встревоженный голос. Какой-то прапорщик пересек Турбину путь, и тот увидел на спине у него желтое седло с болтающимися стременами.

– Польскому легиону отдать.

– А где он?

– А черт его знает!

– Все в музей! Все в музей!

– На Дон!

Прапорщик вдруг остановился, сбросил седло на тротуар.

– К чертовой матери! Пусть пропадет все, – яростно завопил он, – ах, штабные!..

Он метнулся в сторону, грозя кому-то кулаками.

«Катастрофа... Теперь понимаю... Но вот в чем ужас – они, наверно, ушли в пешем строю. Да, да, да... Несомненно так... Вероятно, Петлюра подошел неожиданно. Лошадей нет, и они ушли с винтовками, без пушек... Ах ты, Боже мой... к Анжу надо бежать... Может быть, там узнаю... Даже наверно, ведь кто-нибудь же да остался?»

Турбин выскочил из вертящейся суеты и, больше ни на что не обращая внимания, побежал назад к оперному театру. Сухой порыв ветра пролетел по асфальтовой дорожке, окаймляющей театр, и пошевелил край полуоборванной афиши на стене театра, у чернооконного бокового подъезда. Кармен. Кармен.

И вот Анжу. В окнах нет пушек, в окнах нет золотых погон. В окнах дрожит и переливается огненный, зыбкий отсвет. Пожар? Дверь под руками Турбина звякнула, но не поддавалась. Турбин постучал тревожно. Еще раз постучал. Серая фигура, мелькнув за стеклом двери, открыла ее, и Турбин попал в магазин. Турбин, оторопев, всмотрелся в неизвестную фигуру. На ней была студенческая черная шинель, а на голове штатская, молью траченная, шапка с ушами, притянутыми на темя. Лицо странно знакомое, но как будто чем-то обезображенное и искаженное. Печь яростно гудела, пожирая какие-то листки бумаги. Бумагой был усеян весь пол. Фигура, впусив Турбина, ничего не объясняя, тотчас же метнулась от него к печке и села на корточки, причем багровые отблески заиграли на ее лице.

«Мальшев? Да, полковник Мальшев», – узнал Турбин.

Усов на полковнике не было. Гладкое синевыбритое место было вместо них.

Мальшев, широко отмахнув руку, сгреб с полу листы бумаги и сунул их в печку.

«Ага...а».

– Что это? Кончено? – глухо спросил Турбин.

– Кончено, – лаконически ответил полковник, вскочил, рванулся к столу, внимательно обшарил его глазами, несколько раз хлопнул ящиками, выдвигая и задвигая их, быстро согнулся,

подобрал последнюю пачку листов на полу и их засунул в печку. Лишь после этого он повернулся к Турбину и прибавил иронически спокойно: – Повоевали – и будет! – Он полез за пазуху, вытащил торопливо бумажник, проверил в нем документы, два каких-то листка надорвал крест-накрест и бросил в печь. Турбин в это время всматривался в него. Ни на какого полковника Малышев больше не походил. Перед Турбиным стоял довольно плотный студент, актер-любитель с припухшими малиновыми губами.

– Доктор? Что же вы? – Малышев беспокойно указал на плечи Турбина. – Снимайте скорей. Что вы делаете? Откуда вы? Не знаете, что ли, ничего?

– Я опоздал, полковник, – начал Турбин.

Малышев весело улыбнулся. Потом вдруг улыбка слетела с лица, он виновато и тревожно качнул головой и молвил:

– Ах ты, Боже мой, ведь это я вас подвел! Назначил вам этот час... Вы, очевидно, днем не выходили из дому? Ну, ладно. Об этом нечего сейчас говорить. Одним словом: снимайте скорее погоны и бегите, прячьтесь.

– В чем дело? В чем дело, скажите, ради Бога?..

– Дело? – иронически весело переспросил Малышев. – Дело в том, что Петлюра в городе. На Печерске, если не на Крещатике уже. Город взят. – Малышев вдруг оскалил зубы, скосил глаза и заговорил опять неожиданно, не как актер-любитель, а как прежний Малышев: – Штабы предали нас. Еще утром надо было разбежаться. Но я, по счастью, благодаря хорошим людям, узнал все еще ночью и дивизион успел разогнать. Доктор, некогда думать, снимайте погоны!

–...а там, в музее, в музее...

Малышев потемнел.

– Не касается, – злобно ответил он, – не касается! Теперь меня ничто больше не касается. Я только что был там, кричал, предупреждал, просил разбежаться. Больше сделать ничего не могу. Своих я всех спас. На убой не послал! На позор не послал! – Малышев вдруг начал выкрикивать истерически, очевидно, что-то нагорело в нем и лопнуло, и больше себя он сдерживать не мог. – Ну, генералы! – Он сжал кулаки и стал грозить кому-то. Лицо его побагровело.

В это время с улицы откуда-то в высоте взвыл пулемет, и показалось, что он трясет большой соседний дом.

Малышев встрепенулся, сразу стих.

– Ну-с, доктор, ходу! Прощайте. Бегите! Только не на улицу, а вот отсюда, через черный ход, а там дворами. Там еще открыто. Скорей!

Малышев пожал руку ошеломленному Турбину, круто повернулся и убежал в темное ущелье за перегородкой. И сразу стихло в магазине. А на улице стих пулемет.

Наступило одиночество. В печке горела бумага. Турбин, несмотря на окрики Малышева, как-то вяло и медленно пошел к двери. Нашарил крючок, спустил его в петлю и вернулся к печке. Несмотря на окрики, Турбин действовал не спешно, на каких-то вялых ногах, с вялыми, скомканными мыслями. Непрочный огонь пожрал бумагу, устье печки из веселого пламенного превратилось в тихое красноватое, и в магазине сразу потемнело. В сереньких тенях лепились полки по стенам. Турбин обвел их глазами и вяло же подумал, что у мадам Анжу еще до сих пор пахнет духами. Нежно и слабо, но пахнет.

Мысли в голове у Турбина сбились в бесформенную кучу, и некоторое время он совершенно бессмысленно смотрел туда, где исчез побритый полковник. Потом, в тишине, ком постепенно размотался. Вылез самый главный и яркий лоскут – Петлюра тут. «Пэтурра, Пэтурра», – слабенько повторил Турбин и усмехнулся, сам не зная чему. Он подошел к зеркалу в простенке, затянутому слоем пыли, как тафтой.

Бумага догорела, и последний красный язычок, подразнив немного, угас на полу. Стало сумеречно.

– Петлюра, это так дико... В сущности, совершенно пропащая страна, – пробормотал Турбин в сумерках магазина, но потом опомнился: – Что же это я мечтаю? Ведь, чего доброго, сюда нагрянут?

Тут он заметался, как и Малышев перед уходом, и стал срывать погоны. Нитки затрещали, и в руках остались две серебряных потемневших полоски с гимнастерки и еще две зеленых с шинели. Турбин поглядел на них, повертел в руках, хотел спрятать в карман на память, но подумал и сообразил, что это опасно, решил сжечь. В горячем материале недостатка не было, хоть

Малышев и спалил все документы. Турбин нагреб с полу целый ворох шелковых лоскутов, всунул его в печь и поджег. Опять заходили уроды по стенам и по полу, и опять временно ожило помещение мадам Анжу. В пламени серебряные полоски покоробились, вздулись пузырями, стали смуглыми, потом скорчились...

Возник существенно важный вопрос в турбинской голове – как быть с дверью? Оставить на крючке или открыть? Вдруг кто-нибудь из добровольцев, вот так же, как Турбин, отставший, прибежит, – ан укрыться-то и негде будет! Турбин открыл крючок. Потом его обожгла мысль: паспорт? Он ухватился за один карман, другой – нет. Так и есть! Забыл, ах, это уже скандал. Вдруг нарвешься на них? Шинель серая. Спросят – кто? Доктор... а вот докажи-ка! Ах, чертова рассеянность!

«Скорее», – шепнул голос внутри.

Турбин, больше не раздумывая, бросился в глубь магазина и по пути, по которому ушел Малышев, через маленькую дверь выбежал в темноватый коридор, а оттуда по черному ходу во двор.

11

Повинуясь телефонному голосу, унтер-офицер Турбин Николай вывел двадцать восемь человек юнкеров и через весь Город провел их согласно маршруту. Маршрут привел Турбина с юнкерами на перекресток, совершенно мертвенный. Никакой жизни на нем не было, но грохоту было много. Кругом – в небе, по крышам, по стенам – гремели пулеметы.

Неприятель, очевидно, должен был быть здесь, потому что это был последний, конечный пункт, указанный телефонным голосом. Но никакого неприятеля пока что не показывалось, и Николка немного запутался – что делать дальше? Юнкера его, немножко бледные, но все же храбрые, как и их командир, разлеглись цепью на снежной улице, а пулеметчик Ивашин сел на корточки возле пулемета, у обочины тротуара. Юнкера настороженно глядели вдаль, подымая головы от земли, ждали, что, собственно, произойдет?

Предводитель же их был полон настолько важных и значительных мыслей, что даже осунулся и побледнел. Поражало предводителя, во-первых, отсутствие на перекрестке всего того, что было обещано голосом. Здесь, на перекрестке, Николка должен был застать отряд третьей дружины и «подкрепить его». Никакого отряда не было. Даже и следов его не было.

Во-вторых, поражало Николку то обстоятельство, что боевой пулеметный дробот временами слышался не только впереди, но и слева, и даже, пожалуй, немножко сзади. В-третьих, он боялся испугаться и все время проверял себя: «Не страшно?» – «Нет, не страшно», – отвечал бодрый голос в голове, и Николка от гордости, что он, оказывается, храбрый, еще больше бледнел. Гордость переходила в мысль о том, что если его, Николку, убьют, то хоронить будут с музыкой. Очень просто: плывет по улице белый газетовый гроб, и в гробу погибший в бою унтер-офицер Турбин с благородным восковым лицом, и жаль, что крестов теперь не дают, а то непременно с крестом на груди и георгиевской лентой. Бабы стоят у ворот. «Кого хоронят, миленькие?» – «Унтер-офицера Турбина...» – «Ах, какой красавец...» И музыка. В бою, знаете ли, приятно помереть. Лишь бы только не мучиться. Размышления о музыке и лентах несколько скрасили неуверенное ожидание неприятеля, который, очевидно, не повинуясь телефонному голосу, и не думал показываться.

– Ждать будем здесь, – сказал Николка юнкерам, стараясь, чтобы голос его звучал поувереннее, но тот не очень уверенно звучал, потому что кругом все-таки было немножко не так, как бы следовало, чепуховато как-то. Где отряд? Где неприятель? Странно, что как будто бы в тылу стреляют?

И предводитель со своим воинством дождался. В поперечном переулке, ведущем с перекрестка на Брест-Литовскую стрелку, неожиданно загремели выстрелы, и посыпались по переулку серые фигуры в бешеном беге. Они неслись прямо на Николкиных юнкеров, и винтовки торчали у них в разные стороны.

«Обошли?» – грянуло в Николкиной голове, он метнулся, не зная, какую команду подать.

Но через мгновение он разглядел золотые пятна у некоторых бегущих на плечах и понял, что это свои.

Тяжелые, рослые, запаренные в беге, константиновские юнкера в папахх вдруг остановились, упали на одно колено и, бледно сверкнув, дали два залпа по переулку туда, откуда прибежали. Затем вскочили и, бросая винтовки, кинулись через перекресток, мимо Николкиного отряда. По дороге они рвали с себя погоны, подсумки и пояса, бросали их на разъезженный снег. Рослый, серый, грузный юнкер, равняясь с Николкой, поворачивая к Николкиному отряду голову, зычно, задыхаясь, кричал:

– Бегите, бегите с нами! Спасайся кто может!

Николкины юнкера в цепи стали ошеломленно подниматься. Николка совершенно одурел, но в ту же секунду справился с собой и, молниеносно подумав: «Вот момент, когда можно быть героем», – закричал своим пронзительным голосом:

– Не смей вставать! Слушать команду!!

«Что они делают?» – остервенело подумал Николка.

Константиновцы – их было человек двадцать, – выскочив с перекрестка без оружия, рассыпались в поперечном же Фонарном переулке, и часть из них бросилась в первые громадные ворота. Страшно загрохотали железные двери, и затопали сапоги в звонком пролете. Вторая кучка в следующие ворота. Остались только пятеро, и они, ускоряя бег, понеслись прямо по Фонарному и исчезли вдали.

Наконец на перекресток выскочил последний бежавший, в бледных золотистых погонах на плечах. Николка вмиг обострившимся взглядом узнал в нем командира второго отделения первой дружины, полковника Най-Турса.

– Господин полковник! – смятенно и в то же время обрадованно закричал ему навстречу Николка. – Ваши юнкера бегут в панике.

И тут произошло чудовищное. Най-Турс вбежал на растоптанный перекресток в шинели, подвернутой с двух боков, как у французских пехотинцев. Смятая фуражка сидела у него на самом затылке и держалась ремнем под подбородком. В правой руке у Най-Турса был кольт, и вскрытая кобура била и хлопала его по бедру. Давно не бритое, щетинистое лицо его было грозно, глаза скошены к носу, и теперь вблизи на плечах были явственно видны гусарские зигзаги. Най-Турс подскочил к Николке вплотную, взмахнул левой свободной рукой и оборвал с Николки сначала левый, а затем правый погон. Вощенные лучшие нитки лопнули с треском, причем правый погон отлетел с шинельным мясом. Николку так мотнуло, что он тут же убедился, какие у Най-Турса замечательно крепкие руки. Николка с размаху сел на что-то нетвердое, и это нетвердое выскочило из-под него с воплем и оказалось пулеметчиком Ивашиным. Затем заплясали кругом перекошенные лица юнкеров, и все полетело к чертовой матери. Не сошел Николка с ума в этот момент лишь потому, что у него на это не было времени, так стремительны были поступки полковника Най-Турса. Обернувшись к разбитому взводу лицом, он взвыл команду необычным, неслышанным картавым голосом. Николка суеверно подумал, что этакий голос слышен на десять верст и, уж наверное, по всему городу:

– Юнкегга! Слушай мою команду: сгивайте погоны, кокагды, подсумки, бгосай огужие! По Фонагному пегеулку сквозными двогами на Газъезжую, на Подол!! На Подол! Гвите документы по догоге, пгячтесь, гассыпьтеь, всех по догоге гоните с собой-о-ой!

Затем, взмахнув кольцом, Най-Турс провыл, как кавалерийская труба:

– По Фонагному! Только по Фонагному! Спасайтесь по домам! Бой кончен! Бегом магш!

Несколько секунд взвод не мог прийти в себя. Потом юнкера совершенно побелели. Ивашин перед лицом Николки рвал погоны, подсумки полетели на снег, винтовка со стуком покати-лась по ледяному горбу тротуара. Через полминуты на перекрестке валялись патронные сумки, пояса и чья-то растрепанная фуражка. По Фонарному переулку, влетая во дворы, ведущие на Разъезжую улицу, убегали юнкера.

Най-Турс с размаху всадил кольт в кобуру, подскочил к пулемету у тротуара, скорчился, присел, повернул его носом туда, откуда прибежал, и левой рукой вил ленту. Обернувшись к Николке с корточек, он бешено загремел:

– Оглох? Беги!

Станный пьяный экстаз поднялся у Николки откуда-то из живота, и во рту моментально пересохло.

– Не желаю, господин полковник, – ответил он суконным голосом, сел на корточки, обеими руками ухватился за ленту и пустил ее в пулемет.

Вдали, там, откуда прибежал остаток Най-Турсова отряда, внезапно выскочило несколько конных фигур. Видно было смутно, что лошади под ними танцуют, как будто играют, и что лезвия серых шашек у них в руках. Най-Турс сдвинул ручки, пулемет грохнул – ар-рапаа, стал, снова грохнул и потом длинно загремел. Все крыши на домах сейчас же закипели и справа и слева. К конным фигурам прибавилось вдали еще несколько, но затем одну из них швырнуло куда-то в сторону, в окно дома, другая лошадь стала на дыбы, показавшись страшно длинной, чуть не до второго этажа, и несколько всадников вовсе исчезли. Затем мгновенно исчезли, как сквозь землю, все остальные всадники.

Най-Турс развел ручки, кулаком погрозил небу, причем глаза его налились светом, и прокричал:

– Гебят! Гебят!.. Штабные стегвы!..

Обернулся к Николке и выкрикнул голосом, который показался Николке звуком нежной кавалерийской трубы:

– Удигай, гвупый мавый! Говою – удигай!

Он переметнул взгляд назад и убедился, что юнкера уже исчезли все, потом переметнул взгляд с перекрестка вдаль, на улицу, параллельную Брест-Литовской стреле, и выкрикнул с болью и злобой:

– А, чегт!

Николка повернулся за ним и увидел, что далеко, еще далеко на Кадетской улице, у чахлого, засыпанного снегом бульвара, появились темные шеренги и начали припадать к земле. Затем вывеска тут же над головами Най-Турса и Николки, на углу Фонарного переулка:

**Зубной врач
Берта Яковлевна
ПРИНЦ-МЕТАЛЛ**

хлопнула, и где-то за воротами посыпались стекла. Николка увидел куски штукатурки на тротуаре. Они прыгнули и поскакали. Николка вопросительно вперил взор в полковника Най-Турса, желая узнать, как нужно понимать эти дальние шеренги и штукатурку. И полковник Най-Турс отнесся к ним странно. Он подпрыгнул на одной ноге, взмахнул другой, как будто в вальсе, и по-бальному оскалился неуместной улыбкой. Затем полковник Най-Турс оказался лежащим у ног Николки. Николкин мозг задернуло черным туманцем, он сел на корточки и неожиданно для себя, сухо, без слез всхлипнувши, стал тянуть полковника за плечи, пытаясь его поднять. Тут он увидел, что из полковника через левый рукав стала вытекать кровь, а глаза у него зашли к небу.

– Господин полковник, господин...

– Унтег-цег, – выговорил Най-Турс, причем кровь потекла у него изо рта на подбородок, а голос начал вытекать по капле, слабая на каждом слове, – бгосьте гегойствовать к чегтям, я умигаю... Мало-Пговальная...

Больше он ничего не пожелал объяснить. Нижняя его челюсть стала двигаться. Ровно три раза и судорожно, словно Най давился, потом перестала, и полковник стал тяжелый, как большой мешок с мукой.

«Так умирают? – подумал Николка. – Не может быть. Только что был живой. В бою не страшно, как видно. В меня же почему-то не попадают...»

«Зуб...
... врач», –

затрепетало второй раз над головой, и еще где-то лопнули стекла. «Может быть, он просто в обмороке?» – в смятении вздорно подумал Николка и тянул полковника. Но поднять того не было никакой возможности. «Не страшно?» – подумал Николка и почувствовал, что ему безумно страшно. «Отчего? Отчего?» – думал Николка и сейчас же понял, что страшно от тоски и одиночества, что, если бы был сейчас на ногах полковник Най-Турс, никакого бы страха не было... Но полковник Най-Турс был совершенно недвижим, больше никаких команд не подавал, не обра-

шал внимания ни на то, что возле его рукава расширялась красная большая лужа, ни на то, что штукатурка на выступах стен ломалась и крошилась, как сумасшедшая. Николке же стало страшно оттого, что он совершенно один. Никакие конные не на скакивали больше сбоку, но, очевидно, все были против Николки, а он последний, он совершенно один... И одиночество погнало Николку с перекрестка. Он полз на животе, перебирая руками, причем правым локтем, потому что в ладони он зажимал Най-Турсов кольт. Самый страх наступает уже в двух шагах от угла. Вот сейчас попадут в ногу, и тогда не уползешь, наедут петлюровцы и изрубят шашками. Ужасно, когда лежишь, а тебя рубят... Я буду стрелять, если в кольте есть патроны... И всего-то полтора шага... подтянуться, подтянуться... раз... и Николка за стеной в Фонарном переулке.

«Удивительно, страшно удивительно, что не попали. Прямо чудо. Это уж чудо Господа Бога, – думал Николка, поднимаясь, – вот так чудо. Теперь сам видал – чудо. Собор Парижской Богоматери. Виктор Гюго. Что-то теперь с Еленой? А Алексей? Ясно – рвать погоны, значит, произошла катастрофа».

Николка вскочил, весь до шеи вымазанный снегом, сунул кольт в карман шинели и полетел по переулку. Первые же ворота на правой руке зияли, Николка вбежал в гулкий пролет, выбежал на мрачный, скверный двор с сараями красного кирпича по правой и кладкой дров по левой, сообразил, что сквозной проход посередине, скользая, бросился туда и напоролся на человека в тупе. Совершенно явственно. Рыжая борода и маленькие глазки, из которых сочится ненависть. Курносый, в бараньей шапке, Нерон. Человек, как бы играя в веселую игру, обхватил Николку левой рукой, а правой уцепился за его левую руку и стал выкручивать ее за спину. Николка впал в ошеломление на несколько мгновений. «Боже. Он меня схватил, ненавидит!.. Петлюровец...»

– Ах ты, наволочь! – сипло закричал рыжебородый и запыхтел. – Куды? Стой! – Потом вдруг завопил: – Держи, держи. Юнкерей держи. Погон скинул, думаешь, сволота, не узнают? Держи!

Бешенство овладело всем Николкой, с головы до ног. Он резко сел вниз, сразу, так что лопнул сзади хлястик на шинели, повернулся и с неестественной силой вылетел из рук рыжего. Секунду он его не видал, потому что оказался к нему спиной, но потом повернулся и опять увидел. У рыжебородого не было никакого оружия, он даже не был военным, он был дворник. Ярость пролетела мимо Николкиных глаз совершенно красным одеялом и сменилась чрезвычайной уверенностью. Ветер и мороз залетел Николке в жаркий рот, потому что он оскалился, как волчонок. Николка выбросил руку с кольтом из кармана, подумав: «Убью гадину, лишь бы были патроны». Голоса своего он не узнал, до того голос был чужд и страшен.

– Убью, гад! – Николка просипел, шаря пальцами в мудреном кольте, и мгновенно сообразил, что он забыл, как из него стрелять. Желто-рыжий дворник, увидевший, что Николка вооружен, в отчаянии и ужасе пал на колени и взвыл, чудесным образом превратившись из Нерона в змею:

– А! Ваше благородие! Ваше...

Все равно Николка непременно бы выстрелил, но кольт не пожелал выстрелить. «Разряжен. Эх, беда!» – вихрем подумал Николка. Дворник, рукой закрываясь и птясь, с колен сел на корточки, отваливаясь назад, и выл истошно, губя Николку. Не зная, что сделать, чтобы закрыть эту громкую пасть в медной бороде, Николка в отчаянии от нестреляющего револьвера, как боевой петух, наскочил на дворника и тяжело ударил его, рискуя застрелить самого себя, ручкой в зубы. Николкина злоба вылетела мгновенно. Дворник же вскочил на ноги и побежал от Николки в тот пролет, откуда Николка появился. Сходя с ума от страху, дворник уже не выл, бежал, скользая по льду и спотыкаясь, раз обернулся, и Николка увидал, что половина его бороды стала красной. Затем он исчез. Николка же бросился вниз, мимо сарая, к воротам на Разъезжую и возле них впал в отчаяние. «Кончено. Опоздал. Попался. Боже, и не стреляет». Тщетно он тряс огромный болт и замок. Ничего сделать было нельзя. Рыжий дворник, лишь только проскочили Най-Турсовы юнкера, запер ворота на Разъезжую, и перед Николкой была совершенно неодолимая преграда – гладкая доверху, глухая железная стена. Николка обернулся, глянул на небо, чрезвычайно низкое и густое, увидал на брандмауэре легкую черную лестницу, уходившую на самую крышу четырехэтажного дома. «Полезть разве?» – подумал он, и при этом ему дурацки вспомнилась пестрая картинка: Нат Пинкертон в желтом пиджаке и с красной маской на лице лезет по такой же самой лестнице. «Э, Нат Пинкертон, Америка... а я вот влезу и потом что? Как идиот буду сидеть на крыше, а дворник зовет в это время петлюровцев. Этот Нерон предаст... Зубы я

ему расколотил... Не простит!»

И точно. Из-под ворот в Фонарный переулок Николка услышал призывные отчаянные вопли дворника: «Сюды! Сюды!» – и копытный топот. Николка понял: вот что – конница Петлюры заскочила с фланга в Город. Сейчас она уже в Фонарном переулке. То-то Най-Турс и кричал... на Фонарный возвращаться нельзя.

Все это он сообразил уже, неизвестно каким образом оказавшись на штабеле дров, рядом с сараем, под стеной соседнего двора. Обледеневшие поленья зашатались под ногами, Николка заковылял, упал, разорвал штанину, добрался до стены, глянул через нее и увидел точь-в-точь такой же двор. Настолько такой, что он ждал, что опять выскочит рыжий Нерон в полушубке. Но никто не выскочил. Страшно оборвалось в животе и в пояснице, и Николка сел на землю, в ту же секунду его кольт прыгнул в руке и оглушительно выстрелил. Николка удивился, потом сообразил: «Предохранитель-то был заперт, а теперь я его сдвинул. Оказия».

Черт. И тут ворота на Разъезжую глухие. Заперты. Значит, опять к стене. Но, увы, дров уже нет. Николка запер предохранитель и сунул револьвер в карман. Полез по куче битого кирпича, а затем, как муха по отвесной стене, вставляя носки в такие норки, что в мирное время не поместилась бы и копейка. Оборвал ногти, окровавил пальцы и всцарапался на стену. Лежа на ней животом, услышал, что сзади, в первом дворе, раздался оглушительный свист и Неронов голос, а в этом, третьем, дворе, в черном окне из второго этажа на него глянуло искаженное ужасом женское лицо и тотчас исчезло. Падая со второй стены, угадал довольно удачно: попал в сугроб, но все-таки что-то свернулось в шее и лопнуло в черепе. Чувствуя гудение в голове и мелькание в глазах, Николка побежал к воротам...

О, ликование! И они заперты, но какой вздор! Сквозная узорная решетка. Николка, как пожарный, полез по ней, перелез, опустился и оказался на Разъезжей улице. Увидел, что она была совершенно пуста, ни души. «Четверть минутки подышу, не более, а то сердце лопнет», – думал Николка и глотал раскаленный воздух. «Да... документы...» Николка вытащил из кармана блузы пачку замазанных удостоверений и изорвал их. И они разлетелись, как снег. Услыхал, что сзади со стороны того перекрестка, на котором он оставил Най-Турса, загремел пулемет и ему отозвались пулеметы и ружейные залпы впереди Николки, оттуда, из Города. Вот оно что. Город захватили. В Городе бой. Катастрофа. Николка, все еще задыхаясь, обеими руками счищал снег. Кольт бросить? Най-Турсов кольт? Нет, ни за что. Авось удастся проскочить. Ведь не могут же они быть повсюду сразу?

Тяжко вздохнув, Николка, чувствуя, что ноги его значительно ослабели и развинтились, побежал по вымершей Разъезжей и благополучно добрался до перекрестка, откуда расходились две улицы: Лубочицкая на Подол и Ловская, уклоняющаяся в центр Города. Тут увидел лужу крови у тумбы и навоз, две брошенных винтовки и синюю студенческую фуражку. Николка сбросил свою папаху и эту фуражку надел. Она оказалась ему мала и придала ему гадкий, заливчатый и гражданский вид. Какой-то босяк, выгнанный из гимназии. Николка осторожно из-за угла заглянул в Ловскую и очень далеко на ней увидел танцующую конницу с синими пятнами на папах. Там была какая-то возня и хлопушки выстрелов. Дернул по Лубочицкой. Тут впервые увидел живого человека. Бежала какая-то дама по противоположному тротуару, и шляпа с черным крылом сидела у нее на боку, а в руках моталась серая кошелка, из нее выдирался отчаянный петух и кричал на всю улицу: «пэтурра, пэтурра». Из кулька, в левой руке дамы, сквозь дыру, сыпалась на тротуар морковь. Дама кричала и плакала, бросаясь в стену. Вихрем проскользнул какой-то мещанин, крестился на все стороны и кричал:

– Господисусе! Володька, Володька! Петлюра идет!

В конце Лубочицкой уже многие сновали, суетились и убегали в ворота. Какой-то человек в черном пальто ошалел от страха, рванулся в ворота, засадил в решетку свою палку и с треском ее сломал.

А время тем временем летело и летело, и, оказывается, налетали уже сумерки, и поэтому, когда Николка с Лубочицкой выскочил в Вольский спуск, на углу вспыхнул электрический фонарь и зашипел. В лавчонке бухнула штора и сразу скрыла пестрые коробки с надписью «мыльный порошок». Извозчик на санях вывернул их в сугроб совершенно, заворачивая за угол, и хлестал зверски клячу кнутом. Мимо Николки прыгнул назад четырехэтажный дом с тремя подъездами, и во всех трех лупили двери поминутно, и некий, в котиковом воротнике, проскочил мимо Николки и завыл в ворота:

– Петр! Петр! Ошалел, что ли? Закрывай! Закрывай ворота!

В подъезде грохнула дверь, и слышно было, как на темной лестнице гулкий женский голос прокричал:

– Петлюра идет. Петлюра!

Чем дальше убегал Николка на спасительный Подол, указанный Най-Турсом, тем больше народу летало, и суетилось, и моталось по улицам, но страху уже было меньше, и не все бежали в одном направлении с Николкой, а некоторые проносились навстречу.

У самого спуска на Подол из подъезда серокаменного дома вышел торжественно кадетишка в серой шинели с белыми погонами и золотой буквой «В» на них. Нос у кадетика был пуговицей. Глаза его бойко шныряли по сторонам, и большая винтовка сидела у него за спиной на ремне. Прохожие сновали, с ужасом глядели на вооруженного кадета и разбегались. А кадет постоял на тротуаре, прислушался к стрельбе в верхнем Городе с видом значительным и разведочным, потянул носом и захотел куда-то двинуться. Николка резко оборвал маршрут, двинул поперек тротуара, напер на кадетика грудью и сказал шепотом:

– Бросайте винтовку и немедленно прячьтесь.

Кадетишка вздрогнул, испугался, отшатнулся, но потом угрожающе ухватился за винтовку. Николка же старым испытанным приемом, напирая и напирая, вдавил его в подъезд и там уже, между двумя дверями, внулшил:

– Говорю вам, прячьтесь. Я – юнкер. Катастрофа. Петлюра Город взял.

– Как это так взял? – спросил кадет и открыл рот, причем оказалось, что у него нет одного зуба с левой стороны.

– А вот так, – ответил Николка и, махнув рукой по направлению верхнего Города, добавил: – Слышите? Там конница Петлюрина на улицах. Я еле спасся. Бегите домой, винтовку спрячьте и всех предупредите.

Кадет ооченел, и так ооченевшим его Николка и оставил в подъезде, потому что некогда с ним разговаривать, когда он такой непонятливый.

На Подоле не было такой сильной тревоги, но суета была, и довольно большая. Прохожие учащали шаги, часто задирали головы, прислушивались, очень часто выскакивали кухарки в подъезды и ворота, наскоро кутаясь в серые платки. Из верхнего Города непрерывно слышалось кипение пулеметов. Но в этот сумеречный час четырнадцатого декабря уже нигде, ни вдаль, ни вблизи, не было слышно пушек.

Путь Николки был длинен. Пока он пересек Подол, сумерки совершенно закутали морозные улицы, и суету и тревогу смягчил крупный мягкий снег, полетевший в пятна света у фонарей. Сквозь его редкую сеть мелькали огни, в лавчонках и в магазинах весело светилось, но не во всех: некоторые уже ослепли. Все больше начинало лепить сверху. Когда Николка пришел к началу своей улицы, крутого Алексеевского спуска, и стал подниматься по ней, он увидел у ворот дома №7 картину: двое мальчуганов в сереньких вязаных курточках и шлемах только что скатились на салазках со спуска. Один из них, маленький и круглый, как шар, залепленный снегом, сидел и хохотал. Другой, постарше, тонкий и серьезный, распутывал узел на веревке. У ворот стоял парень в тулупе и ковырял в носу. Стрельба стала слышнее. Она вспыхивала там, наверху, в самых разных местах.

– Васька, Васька, как я задницей об тумбу! – кричал маленький.

«Катаются мирно так», – удивленно подумал Николка и спросил у парня ласковым голосом:

– Скажите, пожалуйста, чего это стреляют там наверху?

Парень вынул палец из носа, подумал и сказал в нос:

– Офицерню бьют наши.

Николка исподлобья посмотрел на него и машинально пошевелил ручкой кольца в кармане. Старший мальчик отозвался сердито:

– С офицерами расправляются. Так им и надо. Их восемьсот человек на весь Город, а они дурака валяли. Пришел Петлюра, а у него миллион войска.

Он повернулся и потащил салазки.

Сразу распахнулась кремовая штора и с веранды в маленькую столовую. Часы... тонк-танк...

– Алексей вернулся? – спросил Николка у Елены.

– Нет, – ответила она и заплакала.

Темно. Темно во всей квартире. В кухне только лампа... сидит Анюта и плачет, положив локти на стол. Конечно, об Алексее Васильевиче... В спальне у Елены в печке пылают дрова. Сквозь заслонку выпрыгивают пятна и жарко пляшут на полу. Елена сидит, наплакавшись об Алексее, на табуреточке, подперев щеку кулаком, а Николка у ее ног на полу в красном огненном пятне, расставив ноги ножницами.

Болботун... полковник. У Щегловых сегодня днем говорили, что это не кто иной, как великий князь Михаил Александрович. В общем, отчаяние здесь в полутьме и огненном блеске. Что ж плакать об Алексее? Плакать – это, конечно, не поможет. Убили его, несомненно. Все ясно. В плен они не берут. Раз не пришел, значит, попался вместе с дивизионом, и его убили. Ужас в том, что у Петлюры, как говорят, восемьсот тысяч войска, отборного и лучшего. Нас обманули, послали на смерть...

Откуда же взялась эта страшная армия?.. Соткалась из морозного тумана в игольчатом сине-м и сумеречном [воздухе]... Ах, страшная страна Украина! Туманно... туманно...

Елена встала и протянула руку.

– Будь прокляты немцы. Будь они прокляты. Но если только Бог не накажет их, значит, у Него нет справедливости. Возможно ли, чтобы они за это не ответили? Они ответят. Будут они мучиться так же, как и мы, будут.

Она упрямо повторяла «будут», словно заклинала. На лице и на шее у нее играл багровый цвет, а пустые глаза были окрашены в черную ненависть. Николка, растопырив ноги, впал от таких выкриков в отчаяние и печаль.

– Может, он еще и жив? – робко спросил он. – Видишь ли, все-таки он врач... Если даже и схватили, может быть, не убьют, а заберут в плен.

– Будут кошек есть, будут друг друга убивать, как и мы, – говорила Елена звонко и ненавистно грозила огню пальцами.

«Эх, эх... Болботун не может быть великий князь. Восемьсот тысяч войска не может быть, и миллиона тоже... Впрочем, туман. Вот оно, налетело страшное времячко. И Тальберг-то, оказывается, умный, вовремя уехал. Огонь на полу танцует. Ведь вот же были мирные времена и прекрасные страны. Например, Париж и Людовик с образками на шляпе, и Клопен Трульефу полз и грелся в таком же огне. И даже ему, нищему, было хорошо. Ну, нигде, никогда не было такого гнусного гада, как этот рыжий дворник Нерон. Все, конечно, нас ненавидят, но ведь он шакал форменный! Сзади за руку».

И вот тут за окнами забухали пушки. Николка вскочил и заметался.

– Ты слышишь? слышишь? слышишь? Может быть, это немцы? Может быть, союзники подошли на помощь? Кто? Ведь не могут же они стрелять по Городу, если они его уже взяли.

Елена сложила руки на груди и сказала:

– Никол, я тебя все равно не пущу. Не пущу. Умоляю тебя никуда не выходить. Не сходи с ума.

– Я только дошел бы до площадки у Андреевской церкви и оттуда посмотрел бы и послушал. Ведь виден весь Подол.

– Хорошо, иди. Если ты можешь оставить меня одну в такую минуту – иди.

Николка смутился.

– Ну, тогда я выйду только во двор послушаю.

– И я с тобой.

– Леночка, а если Алексей вернется, ведь с парадного звонка не услышим?

– Да, не услышим. И это ты будешь виноват.

- Ну, тогда, Леночка, я даю тебе честное слово, что я дальше двора шагу не сделаю.
- Честное слово?
- Честное слово.
- Ты за калитку не выйдешь? На гору лезть не будешь? Постоишь во дворе?
- Честное слово.
- Иди.

Густейший снег шел четырнадцатого декабря 1918 года и застилал Город. И эти странные, неожиданные пушки стреляли в девять часов вечера. Стреляли они только четверть часа.

Снег таял у Николки за воротником, и он боролся с соблазном влезть на снежные высоты. Оттуда можно было бы увидеть не только Подол, но и часть верхнего Города, семинарию, сотни рядов огней в высоких домах, холмы и на них домишки, где лампадками мерцают окна. Но честного слова не должен нарушать ни один человек, потому что нельзя будет жить на свете. Так полагал Николка. При каждом грозном и отдаленном грохоте он молился таким образом: «Господи, дай...»

Но пушки смолкли.

«Это были наши пушки», – горестно думал Николка. Возвращаясь от калитки, он заглянул в окно к Щегловым. Во флигельке, в окошке, завернулась беленькая шторка и видно было: Марья Петровна мыла Петьку. Петька голый сидел в корыте и беззвучно плакал, потому что мыло залезло ему в глаза. Марья Петровна выжимала на Петьку губку. На веревке висело белье, а над бельем ходила и кланялась большая тень Марии Петровны. Николке показалось, что у Щегловых очень уютно и тепло, а ему в расстегнутой шинели холодно.

В глубоких снегах, верстах в восьми от предместья Города, на севере, в сторожке, брошенной сторожем и заваленной наглухо белым снегом, сидел штабс-капитан. На столике лежала краюха хлеба, стоял ящик полевого телефона и малюсенькая трехлинейная лампочка с закопченным пузатым стеклом. В печке догорал огонек. Капитан был маленький, с длинным острым носом, в шинели с большим воротником. Левой рукой он щипал и ломал краюху, а правой жал кнопки телефона. Но телефон словно умер и ничего ему не отвечал.

Кругом капитана, верст на пять, не было ничего, кроме тьмы, и в ней густой метели. Были сугробы снега.

Еще час прошел, и штабс-капитан оставил телефон в покое. Около девяти вечера он пощипал носом и сказал почему-то вслух:

– С ума сойду. В сущности, следовало бы застрелиться. – И, словно в ответ ему, запел телефон.

– Это шестая батарея? – спросил далекий голос.

– Да, да, – с буйной радостью ответил капитан.

Встревоженный голос издали казался очень радостным и глухим:

– Откройте немедленно огонь по урочищу... – Далеким смутным собеседник квакал по нити, – ураганный... – Голос перерезало. – У меня такое впечатление... – И на этом голос опять перерезало.

– Да, слушаю, слушаю, – отчаянно скаля зубы, вскрикивал капитан в трубку. Прошла долгая пауза.

– Я не могу открыть огня, – сказал капитан в трубку, отлично чувствуя, что говорит он в полную пустоту, но не говорить не мог. – Вся моя прислуга и трое прапорщиков разбежались. На батарее я один. Передайте это на Пост.

Еще час просидел штабс-капитан, потом вышел. Очень сильно мело. Четыре мрачных и страшных пушки уже заносило снегом, и на дулах и у замков начало наметать гребешки. Крутило и вертело, и капитан тыкался в холодном визге метели, как слепой. Так в слепоте он долго возился, пока не снял на ощупь, в снежной тьме первый замок. Хотел бросить его в колодец за сторожкой, но раздумал и вернулся в сторожку. Выходил еще три раза и все четыре замка с орудий

снял и спрятал в люк под полом, где лежала картошка. Затем ушел в тьму, предварительно задув лампу. Часа два он шел, утопая в снегу, совершенно невидимый и темный, и дошел до шоссе, ведущего в Город. На шоссе тускло горели редкие фонари. Под первым из этих фонарей его убили конные с хвостами на головах шашками, сняли с него сапоги и часы.

Тот же голос возник в трубке телефона в шести верстах от сторожки на запад, в землянке.

– Откройте... огонь по урочищу немедленно. У меня такое впечатление, что неприятель прошел между вами и нами на Город.

– Слушаете? слушаете? – ответили ему из землянки.

– Узнайте на Посту... – перерезало.

Голос, не слушая, заквакал в трубке в ответ:

– Беглым по урочищу... по коннице...

И совсем перерезало.

Из землянки с фонарями вылезли три офицера и три юнкера в тулупах. Четвертый офицер и двое юнкеров были возле орудий у фонаря, который метель старалась погасить. Через пять минут пушки стали прыгать и страшно бить в темноту. Мощным грохотом они наполнили всю местность верст на пятнадцать кругом, донесли до дома № 13 по Алексеевскому спуску... Господи, дай...

Конная сотня, вертясь в метели, выскочила из темноты сзади на фонари и перебила всех юнкеров, четырех офицеров. Командир, оставшийся в землянке у телефона, выстрелил себе в рот.

Последними словами командира были:

– Штабная сволочь. Отлично понимаю большевиков.

Ночью Николка зажег верхний фонарь в своей угловой комнате и вырезал у себя на двери большой крест и изломанную надпись под ним перочинным ножом:

«п. Турс. 14-го дек. 1918 г. 4 ч. дня».

«Най» откинул для конспирации на случай, если придут с обыском петлюровцы.

Хотел не спать, чтобы не пропустить звонка. Елене в стену постучал и сказал:

– Ты спи, – я не буду спать.

И сейчас же после этого заснул как мертвый, одетым, на кровати. Елена же не спала до рассвета и все слушала и слушала, не раздастся ли звонок. Но не было никакого звонка, и старший брат Алексей пропал.

Уставшему, разбитому человеку спать нужно, и уж одиннадцать часов, а все спится и спится... Оригинально спится, я вам доложу! Сапоги мешают, пояс впился под ребра, ворот душит, и кошмар уселся лапками на груди.

Николка завалился головой навзничь, лицо побагровело, из горла свист... Свист!.. Снег и паутина какая-то... Ну, кругом паутина, черт ее дери! Самое главное пробраться сквозь эту паутину, а то она, проклятая, нарастает, нарастает и подбирается к самому лицу. И чего доброго, окутает так, что и не выберешься! Так и задохнешься. За сетью паутины чистейший снег, сколько угодно, целые равнины. Вот на этот снег нужно выбраться, и поскорее, потому что чей-то голос как будто где-то ахнул: «Никол!» И тут, вообразите, поймалась в эту паутину какая-то бойкая птица и застучала... Ти-ки-тики, тики, тики. Фью. Фи-у! Тики! Тики! Фу ты, черт! Ее самое не видно, но свистит где-то близко, и еще кто-то плачется на свою судьбу, и опять голос: «Ник! Ник! Николка!»

– Эх! – крикнул Николка, разодрал паутину и разом сел, всклокоченный, растерзанный, с бляхой на боку. Светлые волосы стали дыбом, словно кто-то Николку долго трепал.

– Кто? Кто? Кто? – в ужасе спросил Николка, ничего не понимая.

– Кто. Кто, кто, кто, кто, кто так! так!.. Фи-ти! Фи-у! Фьюх! – ответила паутина, и скорб-

ный голос сказал, полный внутренних слез:

– Да, с любовником!

Николка в ужасе прижался к стене и устался на видение. Видение было в коричневом френче, коричневых же штанах галифе и сапогах с желтыми жокейскими отворотами. Глаза, мутные и скорбные, глядели из глубочайших орбит невероятно огромной головы, коротко остриженной. Несомненно, оно было молодо, видение-то, но кожа у него была на лице старческая, серенькая, и зубы глядели кривые и желтые. В руках у видения находилась большая клетка с накинутым на нее черным платком и распечатанное голубое письмо...

«Это я еще не проснулся», – сообразил Николка и сделал движение рукой, стараясь разорвать видение, как паутину, и пребольно ткнулся пальцами в прутья. В черной клетке тотчас, как взбесилась, закричала птица, и засвистала, и затарахтела.

– Николка! – где-то далеко-далеко прокричал Еленин голос в тревоге.

«Господи Иисусе, – подумал Николка, – нет, я проснулся, но сразу же сошел с ума, и знаю отчего – от военного переутомления. Боже мой! И вижу уже чепуху... а пальцы? Боже! Алексей не вернулся... ах, да... он не вернулся... убили... ой, ой, ой!»

– С любовником на том самом диване, – сказала видение трагическим голосом, – на котором я читал ей стихи.

Видение оборачивалось к двери, очевидно к какому-то слушателю, но потом окончательно устремилось к Николке:

– Да-с, на этом самом диване... Они теперь сидят и целуются... после векселей на семьдесят пять тысяч, которые я подписал не задумываясь, как джентльмен. Ибо джентльменом был и им останусь всегда. Пусть целуются!

«О, ей, ей», – подумал Николка. Глаза его выкатились, и спина похолодела.

– Впрочем, извиняюсь, – сказала видение, все более и более выходя из зыбкого, сонного тумана и превращаясь в настоящее живое тело, – вам, вероятно, не совсем ясно? Так не угодно ли, вот письмо, – оно вам все объяснит. Я не скрываю своего позора ни от кого, как джентльмен.

И с этими словами неизвестный вручил Николке голубое письмо. Совершенно ошалев, Николка взял его и стал читать, шевеля губами, крупный, разгонистый и взволнованный почерк. Без всякой даты, на нежном небесном листке было написано:

«Милая, милая Леночка! Я знаю ваше доброе сердце и направляю его прямо к вам, породственному. Телеграмму я, впрочем, послала, он все вам сам расскажет, бедный мальчик. Лариосика постиг ужасный удар, и я долго боялась, что он не переживет его. Милочка Рубцова, на которой, как вы знаете, он женился год тому назад, оказалась подкольной змеей! Приютите его, умоляю, и согрейте так, как вы умеете это делать. Я аккуратно буду переводить вам содержание. Житомир стал ему ненавистен, и я вполне это понимаю. Впрочем, не буду больше ничего писать, – я слишком взволнована, и сейчас идет санитарный поезд, он сам вам все расскажет. Целую вас крепко, крепко и Сережу!»

После этого стояла неразборчивая подпись.

– Я птицу захватил с собой, – сказал неизвестный, вздыхая, – птица – лучший друг человека. Многие, правда, считают ее лишней в доме, но я одно могу сказать – птица уж, во всяком случае, никому не делает зла.

Последняя фраза очень понравилась Николке. Не стараясь уже ничего понять, он застенчиво почесал непонятным письмом бровь и стал спускать ноги с кровати, думая: «Неприлично... спросить, как его фамилия?... Удивительное происшествие...»

– Это канарейка? – спросил он.

– Но какая! – ответил неизвестный восторженно. – Собственно, это даже и не канарейка, а настоящий кенар. Самец. И таких у меня в Житомире пятнадцать штук. Я перевез их маме, пусть она кормит их. Этот негодяй, наверное, посвертывал бы им шеи. Он ненавидит птиц. Разрешите поставить ее пока на ваш письменный стол?

– Пожалуйста, – ответил Николка. – Вы из Житомира?

– Ну да, – ответил неизвестный, – и, представьте, совпадение: я прибыл одновременно с вашим братом.

– Каким братом?

– Как с каким? Ваш брат прибыл вместе со мной, – ответил удивленно неизвестный.

– Какой брат? – жалобно вскричал Николка. – Какой брат? Из Житомира?!

– Ваш старший брат...

Голос Елены явственно выкрикнул в гостиной: «Николка! Николка! Илларион Ларионыч! Да будите же его! Будите!»

– Трики, фит, фит, трики, – протяжно заорала птица.

Николка уронил голубое письмо и пулей полетел через книжную в столовую и в ней замер, растопырив руки.

Алексей Турбин в черном чужом пальто с рваной подкладкой, в черных чужих брюках лежал неподвижно на диванчике под часами. Его лицо было бледно синеватой бледностью, а зубы стиснуты. Елена металась возле него, халат ее распахнулся, и были видны черные чулки и кружево белья. Она хваталась то за пуговицы на груди Турбина, то за руки, крича: «Никол! Никол!»

Через три минуты Николка в сдвинутой на затылок студенческой фуражке, в серой шинели нараспашку бежал, тяжело пыхтя, вверх по Алексеевскому спуску и бормотал: «А если его нету? Вот, Боже мой, история с желтыми отворотами! Но Курицкого нельзя звать ни в коем случае, это совершенно ясно... Кит и кот...» Птица оглушительно стучала у него в голове – кити, кот, кити, кот!

Через час в столовой стоял на полу таз, полный красной жидкой водой, валялись комки красной рваной марли и белые осколки посуды, которую обрушил с буфета неизвестный с желтыми отворотами, доставая стакан. По осколкам все бегали и ходили с хрустом взад и вперед. Турбин, бледный, но уже не синеватый, лежал по-прежнему навзничь на подушке. Он пришел в сознание и хотел что-то сказать, но остробородый, с засученными рукавами, доктор в золотом пенсне, наклонившись к нему, сказал, вытирая марлей окровавленные руки:

– Помолчите, коллега...

Анюта, белая, меловая, с огромными глазами, и Елена, растрепанная, рыжая, подымали Турбина и снимали с него залитую кровью и водой рубаху с разрезанным рукавом.

– Вы разрежьте дальше, уж нечего жалеть, – сказал остробородый.

Рубаху на Турбине искромсали ножницами и сняли по кускам, обнажив худое желтоватое тело и левую руку, только что наглухо забинтованную до плеча. Концы дранок торчали вверху повязки и внизу. Николка стоял на коленях, осторожно расстегивая пуговицы, и снимал с Турбина брюки.

– Совсем раздевайте и сейчас же в постель, – говорил клинобородый басом. Анюта из кувшина лила ему на руки, и мыло ключьями падало в таз. Неизвестный стоял в сторонке, не принимая участия в толкотне и суете, и горько смотрел то на разбитые тарелки, то, краснея, на растерзанную Елену – капот ее совсем разошелся. Глаза неизвестного были увлажнены слезами.

Несли Турбина из столовой в его комнату все, и тут неизвестный принял участие: он подсунил руку под коленки Турбину и нес его ноги.

В гостиной Елена протянула врачу деньги. Тот отстранил рукой...

– Что вы, ей-Богу, – сказал он, – с врача? Тут поважней вопрос. В сущности, в госпиталь надо...

– Нельзя, – донесся слабый голос Турбина, – нельзя в госпит...

– Помолчите, коллега, – отозвался доктор, – мы и без вас управимся. Да, конечно, я сам понимаю... Черт знает что сейчас делается в городе... – Он кивнул на окно. – Гм... пожалуй, он прав: нельзя... Ну, что ж, тогда дома... Сегодня вечером я приеду.

– Опасно это, доктор? – заметила Елена тревожно.

Доктор уставился в паркет, как будто в блестящей желтизне и был заключен диагноз, крикнул и, покрутив бородку, ответил:

– Кость цела... Гм... крупные сосуды не затронуты... нерв тоже... Но нагноение будет... В рану попали ключья шерсти от шинели... Температура... – Выдавив из себя эти малопонятные обрывки мыслей, доктор повысил голос и уверенно сказал: – Полный покой... Морфий, если будет мучиться, я сам впрысну вечером. Есть – жидкое... ну, бульон дадите... Пусть не разговаривает много...

– Доктор, доктор, я очень вас прошу... он просил, пожалуйста, никому не говорить...

Доктор искоса закинул на Елену взгляд хмурый и глубокий и забурчал:

– Да, это я понимаю... Как это он подвернулся?..

Елена только сдержанно вздохнула и развела руками.

– Ладно, – буркнул доктор и боком, как медведь, полез в переднюю.

Часть третья

12

В маленькой спальне Турбина на двух окнах, выходящих на застекленную веранду, упали темненькие шторы. Комнату наполнил сумрак, и Еленина голова засветилась в нем. В ответ ей светилось беловатое пятно на подушке – лицо и шея Турбина. Провод от штепселя змеей сполз к стулу, и розовенькая лампочка в колпачке загорелась и день превратила в ночь. Турбин сделал знак Елене прикрыть дверь.

– Анюту сейчас же предупредить, чтобы молчала...

– Знаю, знаю... Ты не говори, Алеша, много.

– Сам знаю... Я тихонько... Ах, если рука пропадет!

– Ну что ты, Алеша... лежи, молчи... Пальто-то этой дамы у нас пока будет?

– Да, да. Чтобы Николка не вздумал тащить его. А то на улице... Слышишь? Вообще, ради Бога, не пускай его никуда.

– Дай Бог ей здоровья, – искренне и нежно сказала Елена, – вот, говорят, нет добрых людей на свете...

Слабенькая краска выступила на скулах раненого, и глаза уперлись в невысокий белый потолок, потом он перевел их на Елену и, поморщившись, спросил:

– Да, позвольте, а что это за головастик?

Елена наклонилась в розовый луч и вздернула плечами.

– Понимаешь, ну, только что перед тобой, минутки две, не больше, явление: Сережин племянник из Житомира. Ты же слышал: Суржанский... Ларион... Ну, знаменитый Лариосик.

– Ну?..

– Ну, приехал к нам с письмом. Какая-то драма у них. Только что начал рассказывать, как она тебя привезла.

– Птица какая-то, Бог его знает...

Елена со смехом и ужасом в глазах наклонилась к постели:

– Что птица!.. Он ведь жить у нас просится. Я уж не знаю, как и быть.

– Жи-ить?..

– Ну, да... Только молчи и не шевелись, прошу тебя, Алеша... Мать умоляет, пишет, ведь этот самый Лариосик кумир ее... Я такого балбеса, как этот Лариосик, в жизнь свою не видала. У нас он начал с того, что всю посуду расхлопал. Синий сервиз. Только две тарелки осталось.

– Ну, вот. Я уж не знаю, как быть...

В розовой тени долго слышался шепот. В отдалении звучали за дверями и портьерами глухо голоса Николки и неожиданного гостя. Елена простирала руки, умоляя Алексея говорить поменьше. Слышался в столовой хруст – взбудораженная Анюта выметала синий сервиз. Наконец было решено в шепоте. Ввиду того, что теперь в городе будет происходить черт знает что и очень возможно, что придут реквизируют комнаты, ввиду того, что денег нет, а за Лариосика будут платить, – пустить Лариосика. Но обязать его соблюдать правила турбинской жизни. Относительно птицы – испытать. Ежели птица несносна в доме, потребовать ее удаления, а хозяина ее оставить. По поводу сервиза, ввиду того, что у Елены, конечно, даже язык не повернется и вообще это хамство и мещанство, – сервиз предать забвению. Пустить Лариосика в книжную, поставить там кровать с пружинным матрацем и столик...

Елена вышла в столовую. Лариосик стоял в скорбной позе, повесив голову и глядя на то место, где некогда на буфете помещалось стопкой двенадцать тарелок. Мутно-голубые глаза выражали полную скорбь. Николка стоял напротив Лариосика, открыв рот и слушая какие-то речи. Глаза у Николки были наполнены напряженнейшим любопытством.

– Нету кожи в Житомире, – растерянно говорил Лариосик, – понимаете, совершенно нету. Такой кожи, как я привык носить, нету. Я кликнул клич сапожникам, предлагая какие угодно деньги, но нету. И вот пришлось...

Увидя Елену, Лариосик побледнел, переступил на месте и, глядя почему-то вниз на изумрудные кисти капота, заговорил так:

– Елена Васильевна, сию минуту я еду в магазины, кликну клич, и у вас будет сегодня же сервис. Я не знаю, что мне и говорить. Как перед вами извиниться? Меня, безусловно, следует убить за сервис. Я ужасный неудачник, – отнесся он к Николке. – И сейчас же в магазины, – продолжал он Елене.

– Я вас очень прошу ни в какие магазины не ездить, тем более что все они, конечно, закрыты. Да позвольте, неужели вы не знаете, что у нас в Городе происходит?

– Как же не знать! – воскликнул Лариосик. – Я ведь с санитарным поездом, как вы знаете из телеграммы.

– Из какой телеграммы? – спросила Елена. – Мы никакой телеграммы не получили.

– Как? – Лариосик открыл широкий рот. – Не полу-чили? А-га! То-то я смотрю, – он повернулся к Николке, – что вы на меня с таким удивлением... Но позвольте... Мама дала вам телеграмму в шестьдесят три слова.

– Ц... Ц... Шестьдесят три слова! – поразился Николка. – Какая жалость. Ведь телеграммы теперь так плохо ходят. Совсем, вернее, не ходят.

– Как же теперь быть? – огорчился Лариосик. – Вы разрешите мне у вас? – Он беспомощно огляделся, и сразу по глазам его было видно, что у Турбиных ему очень нравится и никуда он уходить бы не хотел.

– Все устроено, – ответила Елена и милостиво кивнула, – мы согласны. Оставайтесь и устраивайтесь. Видите, у нас какое несчастье...

Лариосик огорчился еще больше. Глаза его заволокло слезной дымкой.

– Елена Васильевна! – с чувством сказал он. – Располагайте мной, как вам угодно. Я, знаете ли, могу не спать по три и четыре ночи подряд.

– Спасибо, большое спасибо.

– А теперь, – Лариосик обратился к Николке, – не могу ли я у вас попросить ножницы?

Николка, взъерошенный от удивления и интереса, слетал куда-то и вернулся с ножницами. Лариосик взялся за пуговицу френча, поморгал глазами и опять обратился к Николке:

– Впрочем, виноват, на минутку в вашу комнату...

В Николкиной комнате Лариосик снял френч, обнаружив необыкновенно грязную рубашку, вооружился ножницами, вспорол черную лоснящуюся подкладку френча и вытащил из-под нее толстый зелено-желтый сверток денег. Этот сверток он торжественно принес в столовую и выложил перед Еленой на стол, говоря:

– Вот, Елена Васильевна, разрешите вам сейчас же внести деньги за мое содержание.

– Почему же такая спешность, – краснея, спросила Елена, – это можно было бы и после...

Лариосик горячо запротестовал:

– Нет, нет, Елена Васильевна, вы уж, пожалуйста, примите сейчас. Помилуйте, в такой трудный момент деньги всегда остро нужны, я это прекрасно понимаю! – Он развернул пакет, причем изнутри выпала карточка какой-то женщины. Лариосик проворно подобрал ее и со вздохом спрятал в карман. – Да оно и лучше у вас будет. Мне что нужно? Мне нужно будет папирос купить и канареечного семени для птицы...

Елена на минуту забыла рану Алексея, и приятный блеск показался у нее в глазах, настолько обстоятельны и уместны были действия Лариосика.

«Он, пожалуй, не такой балбес, как я первоначально подумала, – подумала она, – вежлив и добросовестен, только чудак какой-то. Сервиса безумно жаль».

«Вот тип», – думал Николка. Чудесное появление Лариосика вытеснило в нем его печальные мысли.

– Здесь восемь тысяч, – говорил Лариосик, двигая по столу пачку, похожую на яичницу с луком, – если мало, мы подсчитаем, и сейчас же я выпишу еще.

– Нет, нет, потом, отлично, – ответила Елена. – Вы вот что: я сейчас попрошу Анюту, чтобы она истопила вам ванну, и сейчас же купайтесь²¹³. Но скажите, как же вы приехали, как же вы

²¹³ ...и сейчас же купайтесь. – При подготовке второго тома парижского издания романа автором был изъят следующий кусок текста: «...и сейчас же купайтесь. Я боюсь что...

Взгляд ее был так выразителен, что чуткий и нервный Лариосик невольно почесал грудь близ подмышки и за-

пробрались, не понимаю? – Елена стала комкать деньги и прятать их в громадный карман капота.

Глаза Лариосика наполнились ужасом от воспоминания.

– Это кошмар! – воскликнул он, складывая руки, как католик на молитве. – Я ведь девять дней... нет, виноват, десять?.. позвольте... воскресенье, ну да, понедельник... одиннадцать дней ехал от Житомира!..

– Одиннадцать дней! – вскричал Николка. – Видишь! – почему-то укоризненно обратился он к Елене.

– Да-с, одиннадцать... Выехал я, поезд был гетманский, а по дороге превратился в петлюровский. И вот приезжаем мы на станцию, как ее, ну, вот, ну, Господи, забыл... все равно... и тут меня, вообразите, хотели расстрелять. Явились эти петлюровцы, с хвостами...

– Синие? – спросил Николка с любопытством.

– Красные... да, с красными... и кричат: слазь! Мы тебя сейчас расстреляем! Они решили, что я офицер и спрятался в санитарном поезде. А у меня протекция просто была... у мамы к доктору Курицкому.

– Курицкому? – многозначительно воскликнул Николка. – Тэк-с, – кот... и кит. Знаем.

– Кити, кот, кити, кот, – за дверями глухо отозвалась птичка.

– Да, к нему... он и привел поезд к нам в Житомир... Боже мой! Я тут начинаю Богу молиться. Думаю, все пропало! И, знаете ли? птица меня спасла. Я говорю, я не офицер. Я ученый птицевод, показываю птицу... Тут, знаете, один ударил меня по затылку и говорит так нагло – иди себе, бисов птицевод. Вот наглец! Я бы его убил, как джентльмен, но сами понимаете...

– Еле... – глухо послышалось из спальни Турбина. Елена быстро повернулась и, не дослушав, бросилась туда.

Пятнадцатого декабря солнце по календарю угасает в три с половиной часа дня. Сумерки поэтому побежали по квартире уже с трех часов. Но на лице Елены в три часа дня стрелки показывали самый низкий и угнетенный час жизни – половину шестого. Обе стрелки прошли печальные складки у углов рта и стянулись вниз к подбородку. В глазах ее началась тоска и решимость бороться с бедой.

На лице у Николки показались колючие и нелепые без двадцати час оттого, что в Николкиной голове был хаос и путаница, вызванная важными загадочными словами «Мало-Провальная...», словами, произнесенными умирающим на боевом перекрестке вчера, словами, которые было необходимо разъяснить не позже, чем в ближайшие дни. Хаос и трудности были вызваны и важным падением с неба в жизнь Турбиных загадочного и интересного Лариосика, и тем обстоятельством, что стряслось чудовищное и величественное событие: Петлюра взял Город. Тот самый Петлюра и, поймите! – тот самый Город. И что теперь будет происходить в нем, для ума человеческого, даже самого развитого, непонятно и непостижимо. Совершенно ясно, что вчера стряслась отвратительная катастрофа – всех наших перебили, захватили врасплох. Кровь их, несомненно, вопиет к небу – это раз. Преступники генералы и штабные мерзавцы заслужи-

стенчиво улыбнулся.

– Извиняюсь, Елена... – начал он.

Николка мгновенно заразился, отстегнул ворот, скосил глаза и взглянул.

– Ух, ух, ух! – воскликнул он и пальцами вытащил что-то маленькое и незаметное.

– Николка! – возмущенно, негромко вскрикнула Елена, – ты хоть бы не показывал. Тоже, пожалуйста, мыться. Вот, черт, еще не хватало, чтобы ты тиф схватил. Проклятые казармы!

– Ничего, ничего, ничего, – успокаивал Николка, – она веселая. Мне говорили, что если больная, так она худая и печальная, как скелет. – В руках у него что-то хрустнуло.

– Николка! Ну, что это? – Она обратилась к Лариосику и горестно закивала головой. – Вот что у нас делается. Вот беда стряслась.

– Да, да, ужасное несчастье. Как же это случилось? Вот ужас-то. А я-то ничего не подозреваю. Вижу, входит Алексей Васильевич, я, конечно, представляюсь, а он, бледный, молчит. Я смутился, думаю, что он недоволен моим появлением, – говорил Лариосик, и его глаза выражали искреннее участие и наливались слезами.

– Как же вы приехали...»

вают смерти – это два. Но кроме ужаса нарастает и жгучий интерес, – что же, в самом деле, будет? Как будут жить семьсот тысяч людей здесь, в Городе, под властью загадочной личности, которая носит такое страшное и некрасивое имя – Петлюра? Кто он такой? Почему?.. Ах, впрочем, все это отходит пока на задний план по сравнению с самым главным, с кровавым... Эх... эх... ужаснейшая вещь, я вам доложу. Точно, правда, ничего не известно, но, вернее всего, и Мышлаевского и Карася можно считать конченными.

Николка на скользком и сальном столе колот лед широким косарем. Лдины или раскалывались с хрустом, или выскальзывали из-под косаря и прыгали по всей кухне, пальцы у Николки занемели. Пузырь с серебристой крышечкой лежал под рукой.

– Мало... Провальная... – шевелил Николка губами, и в мозгу его мелькали образы Най-Турса, рыжего Нерона и Мышлаевского. И как только последний образ, в разрезной шинели, пронизывал мысли Николки, лицо Анюты, хлопчущей в печальном сне и смятении у жаркой плиты, все явственней показывало без двадцати пяти пять – час угнетения и печали. Целы ли разноцветные глаза? Будет ли еще слышен развалистый шаг, прихлопывающий шпорным звоном – дрень... дрень...

– Неси лед, – сказала Елена, открывая дверь в кухню.

– Сейчас, сейчас, – торопливо отозвался Николка, завинтил крышку и побежал.

– Анюта, милая, – заговорила Елена, – смотри никому ни слова не говори, что Алексея Васильевича ранили. Если узнают, храни Бог, что он против них воевал, будет беда.

– Я, Елена Васильевна, понимаю. Что вы! – Анюта тревожными, расширенными глазами поглядела на Елену. – Что в городе делается, Царица Небесная! Тут на Боричевом Току, иду я, лежат двое без сапог... Крови, крови!.. Стоит кругом народ, смотрит... Говорит какой-то, что двух офицеров убили... Так и лежат, головы без шапок... У меня и ноги подкосились, убежала, чуть корзину не бросила...

Анюта зябко передернула плечами, что-то вспомнила, и тотчас из рук ее косо поехали на пол сковородки...

– Тише, тише, ради Бога, – молила Елена, стирая руки.

На сером лице Лариосика стрелки показывали в три часа дня высший подъем и силу – ровно двенадцать. Обе стрелки сошлись на полудне, слиплись и торчали вверх, как острие меча. Происходило это потому, что после катастрофы, потрясшей Лариосикову нежную душу в Житомире, после страшного одиннадцатидневного путешествия в санитарном поезде и сильных ощущений Лариосику чрезвычайно понравилось в жилище у Турбиных. Чем именно – Лариосик пока не мог бы этого объяснить, потому что и сам себе этого не уяснил точно.

Показалась необычайно заслуживающей почтения и внимания красавица Елена. И Николка очень понравился. Желая это подчеркнуть, Лариосик улучил момент, когда Николка перестал шнырять в комнату Алексея и обратно, и стал помогать ему устанавливать и раздвигать пружинную узкую кровать в книжной комнате.

– У вас очень открытое лицо, располагающее к себе, – сказал вежливо Лариосик и до того засмотрелся на открытое лицо, что не заметил, как сложил сложную гремющую кровать и ущепил между двумя створками Николкину руку. Боль была так сильна, что Николка взвыл, правда глухо, но настолько сильно, что прибежала, шурша, Елена. У Николки, напрягающего все силы, чтобы не завизжать, из глаз сами собой падали крупные слезы. Елена и Лариосик вцепились в сложенную автоматическую кровать и долго рвали ее в разные стороны, освобождая посиневшую кисть. Лариосик сам чуть не заплакал, когда она вылезла мятая и в красных полосах.

– Боже мой! – сказал он, искажая свое и без того печальное лицо. – Что же это со мной делается?! До чего мне не везет!.. Вам очень больно? Простите меня, ради Бога.

Николка молча кинулся в кухню, и там Анюта пустила ему на руку, по его распоряжению, струю холодной воды из крана.

После того как хитрая патентованная кровать расщелкнулась и разложилась и стало ясно, что особенного повреждения Николкиной руки нет, Лариосиком вновь овладел приступ приятной и тихой радости по поводу книг. У него, кроме страсти и любви к птицам, была еще и страсть к книгам. Здесь же на открытых многополочных шкафах тесным строем стояли сокровища. Зелеными, красными, тисненными золотом и желтыми обложками и черными папками со всех четырех стен на Лариосика глядели книги. Уж давно разложилась кровать и застелилась постель и возле нее стоял стул и на спинке его висело полотенце, а на сиденье среди всяких необ-

ходимых мужчине вещей – мыльницы, папирос, спичек, часов, утвердилась в наклонном положении таинственная женская карточка, а Лариосик все еще находился в книжной, то путешествуя вокруг облепленных книгами стен, то присаживаясь на корточки у нижних рядов залежей, жадными глазами глядя на переплеты, не зная, за что скорее взяться – за «Посмертные записки Пиквикского клуба» или за «Русский вестник 1871 года». Стрелки стояли на двенадцати.

Но в жилище вместе с сумерками надвигалась все более и более печаль. Поэтому часы не били двенадцать раз, стояли молча стрелки и были похожи на сверкающий меч, обернутый в траурный флаг.

Виною траура, виною разнобоя на жизненных часах всех лиц, крепко привязанных к пыльному и старому турбинскому уюту, был тонкий ртутный столбик. В три часа в спальне Турбина он показал 39,6. Елена, побледнев, хотела стряхнуть его, но Турбин повернул голову, повел глазами и слабо, но настойчиво произнес: «Покажи». Елена молча и неохотно подала ему термометр. Турбин глянул и тяжело и глубоко вздохнул.

В пять часов он лежал с холодным серым мешком на голове, и в мешке таял и плавился мелкий лед. Лицо его порозовело, а глаза стали блестящими и очень похорошели.

– Тридцать девять и шесть... здорово, – говорил он, изредка облизывая сухие, потрескавшиеся губы. – Та-ак... Все может быть... Но, во всяком случае, практике конец... надолго. Лишь бы руку-то сохранить... а то что я без руки...

– Алеша, молчи, пожалуйста, – просила Елена, оправляя у него на плечах одеяло... Турбин умолкал, закрывая глаза. От раны вверху у самой левой подмышки тянулся и расползался по телу сухой, колючий жар. Порой он наполнял всю грудь и туманил голову, но ноги неприятно леденели. К вечеру, когда всюду зажглись лампы и давно в молчании и тревоге отошел обед трех – Елены, Николки и Лариосика, – ртутный столб, разбухая и рождаясь колдовским образом из густого серебряного шарика, выполз и дотянулся до деления 40,2. Тогда тревога и тоска в розовой спальне вдруг стали таять и расплываться. Тоска пришла, как серый ком, рассеявшийся на одеяле, а теперь она превратилась в желтые струны, которые потянулись, как водоросли в воде. Забылась практика и страх, что будет, потому что все заслонили все эти водоросли. Рвущая боль вверху, в левой части груди, отупела и стала малоподвижной. Жар сменялся холодом. Жгучая свечка в груди порою превращалась в ледяной ножичек, сверлящий где-то в легком. Турбин тогда качал головой и сбрасывал пузырь и сползал глубже под одеяло. Боль в ране выворачивалась из смягчающего чехла и начинала мучить так, что раненый невольно сухо и слабо произносил слова жалобы. Когда же ножичек исчезал и уступал опять свое место палящей свече, жар тогда наливал тело, простыни, всю тесную пещеру под одеялом, и раненый просил – «пить». То Николкино, то Еленино, то Лариосиково лица показывались в дымке, наклонялись и слушали. Глаза у всех стали страшно похожими, нахмуренными и сердитыми. Стрелки Николки сразу стянулись и стали, как у Елены, – ровно половина шестого. Николка поминутно выходил в столовую – свет почему-то горел в этот вечер тускло и тревожно – и смотрел на часы. Тонкрх... тонкрх... сердито и предостерегающе ходили часы с хрипотой, и стрелки их показывали то девять, то девять с четвертью, то девять с половиной...

– Эх, эх, – вздыхал Николка и брел, как сонная муха, из столовой через прихожую мимо спальни Турбина в гостиную, а оттуда в кабинет и выглядывал, отвернув белые занавески, через балконную дверь на улицу... «Чего доброго, не струсил бы врач... не придет...» – думал он. Улица, кривая и крутая, была пустынное, чем все эти дни, но все же уж не так ужасна. И шли изредка и скрипели понемногу извозчичьи сани. Но редко... Николка соображал, что придется, пожалуй, идти... И думал, как уломать Елену.

– Если до десяти с половиной он не придет, я пойду сама с Ларионом Ларионовичем, а ты останешься дежурить у Алешки... Молчи, пожалуйста... Пойми, у тебя юнкерская физиономия... А Лариосику дадим штатское Алешино. И его с дамой не тронут...

Лариосик суетился, изъявлял готовность пожертвовать собой и идти одному и пошел надевать штатское платье.

Нож совсем пропал, но жар пошел гуще – поддавал тиф на каменку, и в жару пришла уже не раз не совсем ясная и совершенно посторонняя турбинской жизни фигура человека. Она была в сером.

– А ты знаешь, он, вероятно, кувыркнулся? Серый? – вдруг отчетливо и строго молвил Турбин и посмотрел на Елену внимательно. – Это неприятно... Вообще, в сущности, все птицы.

В кладовую бы в теплую убрать да посадить, в тепле и опомнились бы.

– Что ты, Алеша? – испуганно спросила Елена, наклоняясь и чувствуя, как в лицо ей веет теплом от лица Турбина. – Птица? Какая птица?

Лариосик в черном штатском стал горбатым, широким, скрыл под брюками желтые отвороты. Он испугался, глаза его жалобно забегали. На цыпочках, балансируя, он выбежал из спальни через прихожую в столовую, через книжную повернул в Николкину и там, строго взмахивая руками, кинулся к клетке на письменном столе и набросил на нее черный платок... Но это было лишнее – птица давно спала в углу, свернувшись в оперенный клубок, и молчала, не ведая никаких тревог. Лариосик плотно прикрыл дверь в книжную, а из книжной в столовую.

– Неприятно... ох, неприятно, – беспокойно говорил Турбин, глядя в угол, – напрасно я застрелил его... Ты слушай... – Он стал освобождать здоровую руку из-под одеяла... – Лучший способ пригласить и объяснить, чего, мол, мечешься как дурак?.. Я, конечно, беру на себя вину... Все пропало и глупо...

– Да, да, – тяжело молвил Николка, а Елена повесила голову. Турбин встревожился, хотел подниматься, но острая боль навалилась, он застонал, потом злобно сказал:

– Уберите тогда!..

– Может быть, вынести ее в кухню? Я, впрочем, закрыл ее, она молчит, – тревожно зашептал Елене Лариосик.

Елена махнула рукой: «Нет, нет, не то...» Николка решительными шагами вышел в столовую. Волосы его взъерошились, он глядел на циферблат: часы показывали около десяти. Встревоженная Анюта вышла из двери в столовую.

– Что, как Алексей Васильевич? – спросила она.

– Бредит, – с глубоким вздохом ответил Николка.

– Ах ты, Боже мой, – зашептала Анюта, – чего же это доктор не едет?

Николка глянул на нее и вернулся в спальню. Он прильнул к уху Елены и начал внушать ей:

– Воля твоя, а я отправлюсь за ним. Если нет его, надо звать другого. Десять часов. На улице совершенно спокойно.

– Подождем до половины одиннадцатого, – качая головой и кутая руки в платок, отвечала Елена шепотом, – другого звать неудобно. Я знаю, этот придет.

Тяжелая, нелепая и толстая морттира в начале одиннадцатого поместилась в узкую спальню. Черт знает что! Совершенно невыносимо будет жить. Она заняла все от стены до стены, так что левое колесо прижалось к постели. Невозможно жить, нужно будет лазить между тяжелыми спицами, потом сгибаться в дугу и через второе, правое колесо протискиваться, да еще с вещами, а вещей навешано на левой руке Бог знает сколько. Тянут руку к земле, бечевой режут подмышку. Мортиру убрать невозможно, вся квартира стала морттирной, согласно распоряжению, и беспомощный полковник Малышев, и ставшая беспомощной Елена, глядящая из колес, ничего не могут предпринять, чтобы убрать пушку или, по крайней мере, самого-то больного человека перевести в другие, сносные условия существования, туда, где нет никаких морттир. Самая квартира стала, благодаря проклятой, тяжелой и холодной штуке, как постоянный двор. Колокольчик на двери звонит часто... бррынь... и стали являться с визитами. Мелькнул полковник Малышев, нелепый, как лопарь, в ушастой шапке и с золотыми погонами, и притащил с собой ворох бумаг. Турбин прикрикнул на него, и Малышев ушел в дуло пушки и сменился Николкой, суетливым, беспомощным и глупым в своем упрямстве. Николка давал пить, но не холодную, витуую струю из фонтана, а лил теплую противную воду, отдающую кастрюлей.

– Фу... гадость эту... перестань, – бормотал Турбин.

Николка и пугался и брови поднимал, но был упрям и неумел. Елена не раз превращалась в черного и лишнего Лариосика, Сережина племянника, и, вновь возвращаясь в рыжую Елену, бегала пальцами где-то возле лба, и от этого было очень мало облегченья. Еленины руки, обычно теплые и ловкие, теперь, как грабли, расхаживали длинно, дурацки и делали все самое ненужное, беспокойное, что отравляет мирному человеку жизнь на Цейхгаузном проклятом дворе. Вряд ли не Елена была и причиной палки, на которую насадили туловище простреленного Турбина. Да еще садилась... что с ней?.. на конец этой палки, и та под тяжестью начинала медленно до тошноты вращаться... А попробуйте жить, если круглая палка врезывается в тело! Нет, нет, нет, они несносны! И как мог громче, но вышло тихо, Турбин позвал:

– Юлия!

Юлия, однако, не вышла из старинной комнаты с золотыми эполетами на портрете сороковых годов, не вняла зову больного человека. И совсем бы бедного больного человека замучили серые фигуры, начавшие хождение по квартире и спальне, наравне с самими Турбинами, если бы не приехал толстый, в золотых очках – настойчивый и очень умелый. В честь его появления в спальне прибавился еще один свет – свет стеариновой трепетной свечи в старом тяжелом и черном шандале. Свеча то мерцала на столе, то ходила вокруг Турбина, а над ней ходил по стене безобразный Лариосик, похожий на летучую мышь с обрезанными крыльями. Свеча наклонялась, оплывая белым стеарином. Маленькая спальня пропахла тяжелым запахом йода, спирта и эфира. На столе возник хаос блестящих коробочек с огнями в никелированных зеркальцах и горы театральной ваты – рождественского снега. Турбину, толстый, золотой, с теплыми руками, сделал чудодейственный укол в здоровую руку, и через несколько минут серые фигуры перестали безобразничать. Мортиру выдвинули на веранду, причем сквозь стекла, завешенные, ее черное дуло отнюдь не казалось страшным. Стало свободнее дышать, потому что уехало громадное колесо и не требовалось лазить между спицами. Свеча потухла, и со стены исчез угловатый, черный, как уголь, Ларион, Лариосик Суржанский из Житомира, а лик Николки стал более осмысленным и не таким раздражающе упрямым, быть может, потому, что стрелка, благодаря надежде на искусство толстого золотого, разошлась и не столь непреклонно и отчаянно висела на остром подбородке. Назад от половины шестого к без двадцати пять пошло времечко, а часы в столовой, хоть и не соглашались с этим, хоть настойчиво и посылали стрелки все вперед и вперед, но уже шли без старческой хрипоты и брюзжания, а по-прежнему – чистым, солидным баритоном били – тонк! башенным боем, как в игрушечной крепости прекрасных галлов Людовика XIV, били на башне – бом!.. Полночь... слушай... полночь... слушай... Били предостерегающе, и чьи-то алебарды позвякивали серебристо и приятно. Часовые ходили и охраняли, ибо башни, тревоги и оружие человек воздвиг, сам того не зная, для одной лишь цели – охранять человеческий покой и очаг. Из-за него он воюет, и, в сущности говоря, ни из-за чего другого воевать ни в коем случае не следует.

Только в очаге покоя Юлия, эгоистка, порочная, но обольстительная женщина, согласна появиться. Она и появилась, ее нога в черном чулке, край черного, отороченного мехом ботика мелькнул на легкой кирпичной лесенке, и торопливому стуку и шороху ответил плещущий колокольчиками гавот оттуда, где Людовик XIV нежился в небесно-голубом саду на берегу озера, опьяненный своей славой и присутствием обаятельных цветных женщин.

В полночь Николка предпринял важнейшую и, конечно, совершенно своевременную работу. Прежде всего он пришел с грязной влажной тряпкой из кухни, и с груди Саардамского Плотника исчезли слова²¹⁴:

***Да здравствует Россия!
Да здравствует самодержавие!
Бей Петлюру!***

Затем при горячем участии Лариосика были произведены и более важные работы. Из письменного стола Турбина ловко и бесшумно был вытащен Алешин браунинг, две обоймы и коробка патронов к нему. Николка проверил его и убедился, что из семи патронов старший шесть где-то расстрелял.

– Здорово... – прошептал Николка.

²¹⁴ ...и с груди Саардамского Плотника исчезли слова... – Далее в журнальном тексте было:

Союзники – сволочи

Да здравствует самодержавие!

...Слухи грозные, ужасные

Наступают банды гласные

Бей Петлюру!

Конечно, не могло быть и речи о том, чтобы Лариосик оказался предателем. Ни в коем случае не может быть на стороне Петлюры интеллигентный человек вообще, а джентльмен, подписавший векселей на семьдесят пять тысяч и посылающий телеграммы в шестьдесят три слова, в частности... Машинным маслом и керосином наилучшим образом были смазаны и Най-Турсов кольт и Алешин браунинг. Лариосик, подобно Николке, засучил рукава и помогал смазывать и укладывать все в длинную и высокую жестяную коробку из-под карамели. Работа была спешной, ибо каждому порядочному человеку, участвовавшему в революции, отлично известно, что обыски при всех властях происходят от двух часов тридцати минут ночи до шести часов пятнадцати минут утра зимой и от двенадцати часов ночи до четырех утра летом. Все же работа задержалась, благодаря Лариосику, который, знакомясь с устройством десятизарядного пистолета системы «Кольт», вложил в ручку обойму не тем концом, и, чтобы вытащить ее, понадобилось значительное усилие и порядочное количество масла. Кроме того, произошло второе и неожиданное препятствие: коробка со вложенными в нее револьверами, погонами Николки и Алексея, шевроном и карточкой наследника Алексея, коробка, выложенная внутри слоем парафиновой бумаги и снаружи по всем швам облепленная липкими полосами электрической изоляции, не пролезала в форточку.

Дело было вот в чем: прятать так прятать!.. Не все же такие идиоты, как Василиса. Как спрятать, Николка сообразил еще днем. Стена дома № 13 подходила к стене соседнего 11-го номера почти вплотную – оставалось не более аршина расстояния. Из дома № 13 в этой стене было только три окна – одно из Николкиной угловой, два из соседней книжной, совершенно ненужные (все равно темно), и внизу маленькое подслеповатое оконце, забранное решеткой, из кладовки Василисы, а стена соседнего № 11 совершенно глухая. Представьте себе великолепное ущелье в аршин, темное и невидное даже с улицы и не доступное со двора ни для кого, кроме разве случайных мальчишек. Вот как раз и будучи мальчишкой, Николка, играя в разбойников, лазил в него, спотыкаясь на грудах кирпичей, и отлично запомнил, что по стене тринадцатого номера тянется вверх до самой крыши ряд костылей. Вероятно, раньше, когда 11-го номера еще не существовало, на этих костылях держалась пожарная лестница, а потом ее убрали. Костыли же остались. Высунув сегодня вечером руку в форточку, Николка и двух секунд не шарил, а сразу нащупал костыль. Ясно и просто. Но вот коробка, обвязанная накрест тройным слоем красного шпагата, так называемого сахарного, с приготовленной петлей, не лезла в форточку.

– Ясное дело, надо окно вскрывать, – сказал Николка, слезая с подоконника.

Лариосик отдал дань уму и находчивости Николки, после чего приступил к распечатыванию окна. Эта каторжная работа заняла не менее полчаса, распухшие рамы не хотели открываться. Но в конце концов все-таки удалось открыть сперва первую, а потом и вторую, причем на Лариосиковой стороне лопнуло длинной извилистой трещиной стекло.

– Потушите свет! – скомандовал Николка.

Свет погас, и страшнейший мороз хлынул в комнату. Николка высунулся до половины в черное обледенелое пространство и зацепил верхнюю петлю за костыль. Коробка прекрасно повисла на двухаршинном шпагате. С улицы заметить никак нельзя, потому что брандмауэр 13-го номера подходит к улице косо, не под прямым углом, и потому, что высоко висит вывеска швейной мастерской. Можно заметить только, если залезть в щель. Но никто не залезет ранее весны, потому что со двора намело гигантские сугробы, а с улицы прекраснейший забор и, главное, идеально то, что можно контролировать, не открывая окна; просунул руку в форточку, и готово: можно потрогать шпагат, как струну. Отлично.

Вновь зажегся свет, и, размяв на подоконнике замазку, оставшуюся с осени у Анюты, Николка замазал окно наново. Даже если бы каким-нибудь чудом и нашли, то всегда готов ответ: «Позвольте? Это чья же коробка? Ах, револьверы... наследник?..»

– Ничего подобного! Знать не знаю и ведать не ведаю. Черт его знает, кто повесил! С крыши залезли и повесили. Мало ли кругом народу? Так-то-с. Мы люди мирные, никаких наследников...»

– Идеально сделано, клянусь Богом, – говорил Лариосик.

Как не идеально! Вещь под руками и в то же время вне квартиры.

Было три часа ночи. В эту ночь, по-видимому, никто не придет. Елена с тяжелыми истомленными веками вышла на цыпочках в столовую. Николка должен был ее сменить. Николка с трех до шести, а с шести до девяти Лариосик.

Говорили шепотом.

– Значит, так: тиф, – шептала Елена, – имейте в виду, что сегодня забегала уже Ванда, справлялась, что такое с Алексеем Васильевичем. Я сказала, может быть, тиф... Вероятно, она не поверила, уж очень у нее глазки бегали... Все расспрашивала – как у нас, да где были наши, да не ранили ли кого. Насчет раны ни звука.

– Ни, ни, ни, – Николка даже руками замахал, – Василиса такой трус, какого свет не видал! Ежели в случае чего, он так и ляпнет кому угодно, что Алексея ранили, лишь бы только себя выгородить.

– Подлец, – сказал Лариосик, – это подло!

В полном тумане лежал Турбин. Лицо его после укола было совершенно спокойно, черты лица обострились и утончились. В крови ходил и сторожил успокоительный яд. Серые фигуры перестали распоряжаться, как у себя дома, разошлись по своим делишкам, окончательно убрали пушку. Если кто даже совершенно посторонний и появлялся, то все-таки вел себя прилично, стараясь связаться с людьми и вещами, коих законное место всегда в квартире Турбиных. Раз появился полковник Малышев, посидел в кресле, но улыбался таким образом, что все, мол, хорошо и будет к лучшему, а не бубнил грозно и зловеще и не набивал комнату бумагой. Правда, он жег документы, но не посмел тронуть диплом Турбина и карточки матери, да и жег на приятном и совершенно синеньком огне от спирта, а это огонь успокоительный, потому что за ним обычно следует укол. Часто звонил звоночек к мадам Анжу.

– Брынь... – говорил Турбин, намереваясь передать звук звонка тому, кто сидел в кресле, а сидели по очереди то Николка, то неизвестный с глазами монгола (не смел буяннить вследствие укола), то скорбный Максим, седой и дрожащий. – Брынь... – Раненый говорил ласково и строил из гибких теней движущуюся картину, мучительную и трудную, но заканчивающуюся необычайным и радостным и больным концом.

Бежали часы, крутилась стрелка в столовой, и, когда на белом циферблате короткая и широкая пошла к пяти, настала полудрема. Турбин изредка шевелился, открывал прищуренные глаза и неразборчиво бормотал:

– По лесенке, по лесенке, по лесенке не добегу, ослабею, упаду... А ноги ее быстрые... ботинки... по снегу... След оставишь... волки... Брынь... брынь...

13

«Брынь» в последний раз Турбин услышал, убегая по черному ходу из магазина неизвестно где находящейся и сладострастно пахнущей духами мадам Анжу. Звонок. Кто-то только что явился в магазин. Быть может, такой же, как сам Турбин, заблудший, отставший, свой, а может быть, и чужие – преследователи. Во всяком случае, вернуться в магазин невозможно. Совершенно лишнее геройство.

Скользкие ступени вынесли Турбина во двор. Тут он совершенно явственно услышал, что стрельба тархтела совсем недалеко, где-то на улице, ведущей широким скатом вниз к Крещатику, да вряд ли не у музея. Тут же стало ясно, что слишком много времени он потерял в сумеречном магазине на печальные размышления и что Малышев был совершенно прав, советуя ему поторопиться. Сердце забило тревожно.

Осмотревшись, Турбин убедился, что длинный и бесконечно высокий желтый ящик дома, приютившего мадам Анжу, выпирал на громадный двор и тянулся этот двор вплоть до низкой стенки, отделявшей соседнее владение управления железных дорог. Турбин, прищурившись, огляделся и пошел, пересекая пустыню, прямо на эту стенку. В ней оказалась калитка, к великому удивлению Турбина, не запертая. Через нее он попал в противный двор управления. Глупые дырки управления неприятно глядели, и ясно чувствовалось, что все управление вымерло. Под гулким сводом, пронизывающим дом, по асфальтовой дороге доктор вышел на улицу. Было ровно четыре часа дня на старинных часах на башне дома напротив. Начало чуть-чуть темнеть. Улица совершенно пуста. Мрачно оглянулся Турбин, гонимый предчувствием, и двинулся не вверх, а вниз, туда, где громоздились, присыпанные снегом в жидком сквере, Золотые ворота.

Один лишь пешеход в черном пальто пробежал навстречу Турбину с испуганным видом и скрылся.

Улица пустая вообще производит ужасное впечатление, а тут еще где-то под ложечкой томило и сосало предчувствие. Злобно морщась, чтобы преодолеть нерешительность – ведь все равно идти нужно, по воздуху домой не перелетишь, – Турбин приподнял воротник шинели и двинулся.

Тут он понял, что отчасти томило – внезапное молчание пушек. Две последних недели непрерывно они гудели вокруг, а теперь в небе наступила тишина. Но зато в городе, и именно там, внизу, на Крещатике, ясно пересыпалась пачками стрельба. Нужно было бы Турбину повернуть сейчас от Золотых ворот влево по переулку²¹⁵, а там, прижимаясь за Софийским собором, тихонечко и выбрался бы к себе, переулками, на Алексеевский спуск. Если бы так сделал Турбин, жизнь его пошла бы по-иному совсем, но вот Турбин так не сделал. Есть же такая сила, что заставляет иногда глянуть вниз с обрыва в горах... Тянет к холодку... к обрыву. И так потянуло к музею. Непременно понадобилось увидеть, хоть издали, что там возле него творится. И вместо того чтобы свернуть, Турбин сделал десять лишних шагов и вышел на Владимирскую улицу. Тут сразу тревога крикнула внутри, и очень отчетливо малышевский голос шепнул: «Беги!» Турбин повернул голову вправо и глянул вдаль, к музею. Успел увидеть кусок белого бока, накупившиеся купола, какие-то мелькавшие вдали черные фигурочки... больше все равно ничего не успел увидеть.

В упор на него, по Прорезной покатою улице, с Крещатика, затянутого далекой морозной дымкой, поднимались, рассыпавшись во всю ширину улицы, серенькие люди в солдатских шинелях. Они были недалеко – шагах в тридцати. Мгновенно стало понятно, что они бегут уже давно и бег их утомил. Совсе не глазами, а каким-то безотчетным движением сердца Турбин сообразил, что это петлюровцы.

«По-пал», – отчетливо сказал под ложечкой голос Малышева.

Затем несколько секунд вывалились из жизни Турбина, и, что во время их происходило, он не знал. Ощутил он себя лишь за углом, на Владимирской улице с головой, втянутой в плечи, на ногах, которые его несли быстро от рокового угла Прорезной, где конфектица «Маркиза».

«Ну-ка, ну-ка, ну-ка, еще... еще...» – застучала в висках кровь.

Еще бы немножечко молчания сзади. Превратиться бы в лезвие ножа или влипнуть бы в стену. Ну-ка... Но молчание прекратилось, – его нарушило совершенно неизбежное.

– Стый! – прокричал сиплый голос в холодную спину – Турбину.

«Так», – оборвалось под ложечкой.

– Стый! – серьезно повторил голос.

Турбин оглянулся и даже мгновенно остановился, потому что явилась короткая шальная мысль изобразить мирного гражданина. Иду, мол, по своим делам... Оставьте меня в покое... Преследователь был шагах в пятнадцати и торопливо взбрасывал винтовку. Лишь только доктор повернулся, изумление выросло в глазах преследователя, и доктору показалось, что это монгольские раскосые глаза. Второй вырвался из-за угла и дергал затвор. На лице первого ошеломление сменилось непонятной, зловещей радостью.

– Тю! – крикнул он. – Бачь, Петро: офицер. – Вид у него при этом был такой, словно внезапно он, охотник, при самой дороге увидел зайца.

«Что так-кое? Откуда известно?» – грянуло в турбинской голове, как молотком.

Винтовка второго превратилась вся в маленькую черную дырку, не более гривенника. Затем Турбин почувствовал, что сам он обернулся в стрелу на Владимирской улице и что губят его валенки. Сверху и сзади, шипя, ударило в воздухе – ч-ч-ч...

– Стый! Ст... Тримай! – Хлопнуло. – Тримай офицера!! – загремела и заюлюкала вся Владимирская. Еще два раза весело трахнуло, разорвав воздух.

Достаточно погнать человека под выстрелами, и он превращается в мудрого волка; на смену очень слабому и в действительно трудных случаях ненужному уму вырастает мудрый звериный инстинкт. По-волчьи обернувшись на угонке на углу Мало-Провальной улицы, Турбин уви-

²¹⁵ ...от Золотых ворот влево по переулку... – В журнальном варианте далее следовало: «...параллельному Владимирской улице».

дал, как черная дырка сзади оделась совершенно круглым и бледным огнем, и, надав ходу, он свернул в Мало-Провальную, второй раз за эти пять минут резко повернув свою жизнь.

Инстинкт: гонятся настойчиво и упорно, не отстанут, настигнут и, настигнув, совершенно неизбежно, – убьют. Убьют, потому что бежал, в кармане ни одного документа и револьвер, серая шинель; убьют, потому что в бегу раз свезет, два свезет, а в третий раз – попадут. Именно в третий. Это с древности известный раз. Значит, кончено; еще полминуты – и валенки погубят. Все непреложно, а раз так – страх прямо через все тело и через ноги выскочил в землю. Но через ноги ледяной водой вернулась ярость и кипятком вышла изо рта на бегу. Уже совершенно поволчь косил на бегу Турбин глазами. Два серых, за ними третий, выскочили из-за угла Владимирской, и все трое вперебой сверкнули. Турбин, замедлив бег, скаля зубы, три раза выстрелил в них, не целясь. Опять надал ходу, смутно впереди себя увидел мелькнувшую под самыми стенами у водосточной трубы хрупкую черную тень, почувствовал, что деревянными клещами кто-то рванул его за левую подмышку, отчего тело его стало бежать странно, косо, боком, неровно. Еще раз обернувшись, он, не спеша, выпустил три пули и строго остановил себя на шестом выстреле:

«Седьмая – себе. Еленка рыжая и Николка. Кончено. Будут мучить. Погоны вырежут. Седьмая себе».

Боком стремясь, чувствовал странное: револьвер тянул правую руку, но как будто тяжелела левая. Вообще уже нужно останавливаться. Все равно нет воздуха, больше ничего не выйдет. До излома самой фантастической улицы в мире Турбин все же дорвался, исчез за поворотом, и ненадолго получил облегчение. Дальше безнадежно: глуха запертая решетка, вон, ворота громады заперты, вон, заперто... Он вспомнил веселую дурацкую поговорку: «Не теряйте, куме, силы, опускайтесь на дно».

И тут увидел ее в самый момент чуда, в черной мшистой стене, ограждавшей наглухо снежный узор деревьев в саду. Она наполовину провалилась в эту стену и, как в мелодраме, простирая руки, сияя огромнейшими от ужаса глазами, прокричала:

– Офицер! Сюда! Сюда...

Турбин, на немного скользких валенках, дыша разодранным и полным жаркого воздуха ртом, подбежал медленно к спасительным рукам и вслед за ними провалился в узкую щель калитки в деревянной черной стене. И все изменилось сразу. Калитка под руками женщины в черном влипла в стену, и щеколда захлопнулась. Глаза женщины очутились у самых глаз Турбина. В них он смутно прочитал решительность, действие и черноту.

– Бегите сюда. За мной бегите, – шепнула женщина, повернулась и побежала по узкой кирпичной дорожке. Турбин очень медленно побежал за ней. На левой руке мелькнули стены сарая, и женщина свернула. На правой руке какой-то белый, сказочный многоярусный сад. Низкий заборчик перед самым носом, женщина проникла во вторую калиточку, Турбин, задыхаясь, за ней. Она захлопнула калитку, перед глазами мелькнула нога, очень стройная, в черном чулке, подол взмахнул, и ноги женщины легко понесли ее вверх по кирпичной лесенке. Обострившимся слухом Турбин услышал, что там, где-то сзади за их бегом, осталась улица и преследователи. Вот... вот, только что они проскочили за поворот и ищут его. «Спасла бы... спасла бы... – подумал Турбин, – но, кажется, не добегу... сердце мое». Он вдруг упал на левое колено и левую руку при самом конце лесенки. Кругом все чуть-чуть закружилось. Женщина наклонилась и подхватила Турбина под правую руку...

– Еще... еще немного! – вскрикнула она; левой трясущейся рукой открыла третью низенькую калиточку, протянула за руку спотыкающегося Турбина и бросилась по аллейке. «Ишь лабиринт... словно нарочно», – очень мутно подумал Турбин и оказался в белом саду, но уже где-то высоко и далеко от роковой Провальной. Он чувствовал, что женщина его тянет, что его левый бок и рука очень теплые, а все тело холодное, и ледяное сердце еле шевелится. «Спасла бы, но тут вот и конец – кончик... ноги слабеют...» Увиделись расплывчато купы девственной и нетронутой сирени, под снегом, дверь, стеклянный фонарь старинных сеней, занесенный снегом. Услышан был еще звон ключа. Женщина все время была тут, возле правого бока, и уже из последних сил, в нитку втянулся за ней Турбин в фонарь. Потом через второй звон ключа во мрак, в котором обдало жилым, старым запахом. Во мраке, над головой, очень тускло загорелся огонек, пол поехал под ногами влево... Неожиданные, ядовито-зеленые, с огненным ободком клочья пролетели вправо перед глазами, и сердцу в полном мраке полегчало сразу...

В тусклом и тревожном свете ряд вытертых золотых шляпочек. Живой холод течет за пазуху, благодаря этому больше воздуху, а в левом рукаве губительное, влажное и неживое тепло. «Вот в этом-то вся суть. Я ранен». Турбин понял, что он лежит на полу, больно упираясь головой во что-то твердое и неудобное. Золотые шляпки перед глазами означают сундук. Холод такой, что духу не переведешь, – это она льет и брызжет водой.

– Ради Бога, – сказал над головой грудной слабый голос, – глотните, глотните. Вы дышите? Что же теперь делать?

Стакан стукнул о зубы, и с клокотом Турбин глотнул очень холодную воду. Теперь он увидел светлые завитки волос и очень черные глаза близко. Сидящая на корточках женщина поставила стакан на пол и, мягко обхватив затылок, стала поднимать Турбина.

«Сердце-то есть? – подумал он. – Кажется, оживаю... может, и не так много крови... надо бороться». Сердце било, но трепетное, частое, узлами вязалось в бесконечную нить, и Турбин сказал слабо:

– Нет. Сдирайте все и чем хотите, но сию минуту затяните жгутом...

Она, стараясь понять, расширила глаза, поняла, вскочила и кинулась к шкафу, оттуда выбросила массу материи.

Турбин, закусив губу, подумал: «Ох, нет пятна на полу, мало, к счастью, кажется, крови», – извиваясь при ее помощи, вылез из шинели, сел, стараясь не обращать внимания на головокружение. Она стала снимать френч.

– Ножницы, – сказал Турбин.

Говорить было трудно, воздуху не хватало. Та исчезла, взметнув шелковым черным подолом, и в дверях сорвала с себя шапку и шубку. Вернувшись, она села на корточки и ножницами, тупо и мучительно въедаясь в рукав, уже обмякший и жирный от крови, распорол его и высвободила Турбина. С рубашкой справилась быстро. Весь левый рукав был густо пропитан, густо-красен и бок. Тут закапало на пол.

– Рвите смелей...

Рубаха слезла клоками, и Турбин, белый лицом, голый и желтый до пояса, вымазанный кровью, желая жить, не дав себе второй раз упасть, стиснув зубы, правой рукой потряс левое плечо, сквозь зубы сказал:

– Слава Бо... цела кость... Рвите полосу или бинт.

– Есть бинт, – радостно и слабо крикнула она. Исчезла, вернулась, разрывая пакет со словами: – И никого, никого... Я одна...

Она опять присела. Турбин увидел рану. Это была маленькая дырка в верхней части руки, ближе к внутренней поверхности, там, где рука прилегает к телу. Из нее сочилась узенькой струйкой кровь.

– Сзади есть? – очень отрывисто, лаконически, инстинктивно сберегая дух жизни, спросил.

– Есть. – Она ответила с испугом.

– Затянете выше... тут... спасете.

Возникла никогда еще не испытанная боль, кольца зелени, вкладываясь одно в другое или переплетаясь, затанцевали в передней. Турбин укусил нижнюю губу.

Она затянула, он помогал зубами и правой рукой, и жгучим узлом, таким образом, выше раны обвили руку. И тотчас перестала течь кровь...

Женщина перевела его так: он стал на колени и правую руку закинул ей на плечо, тогда она помогла ему стать на слабые, дрожащие ноги и повела, поддерживая его всем телом. Он видел кругом темные тени полных сумерек в какой-то очень низкой старинной комнате. Когда же она посадила его на что-то мягкое и пыльное, под ее рукой сбоку вспыхнула лампа под вишневым платком. Он разглядел узоры бархата, край двубортного сюртука на стене в раме и желто-золотой эполет. Простирая к Турбину руки и тяжело дыша от волнения и усилий, она сказала:

– Коньяк есть у меня... Может быть, нужно?... Коньяк?..

Он ответил:

– Немедленно...

И повалился на правый локоть.

Коньяк как будто помог, по крайней мере, Турбину показалось, что он не умрет, а боль, что грызет и режет плечо, перетерпит. Женщина, стоя на коленях, бинтом завязала раненую руку, сползла ниже к его ногам и стащила с него валенки. Потом принесла подушку и длинный, пахнущий сладким давним запахом японский с диковинными букетами халат.

– Ложитесь, – сказала она.

Лег покорно, она набросила на него халат, сверху одеяло и стала у узкой оттоманки, всматриваясь ему в лицо.

Он сказал:

– Вы... вы замечательная женщина. – После молчания: – Я полежу немного, пока вернутся силы, поднимусь и пойду домой... Потерпите еще немного беспокойство.

В сердце его заполз страх и отчаяние: «Что с Еленой? Боже, Боже... Николка. За что Николка погиб? Наверно, погиб...»

Она молча указала на низенькое оконце, завешенное шторой с помпонами. Тогда он ясно услышал далеко и ясно хлопушки выстрелов.

– Вас сейчас же убьют, будьте уверены, – сказала она.

– Тогда... я вас боюсь... подвести. Вдруг придут... револьвер... кровь... там в шинели. – Он облизал сухие губы. Голова его тонко кружилась от потери крови и от коньяку. Лицо женщины стало испуганным. Она призадумалась.

– Нет, – решительно сказала она, – нет, если бы нашли, то уже были бы здесь. Тут такой лабиринт, что никто не отыщет следов. Мы пробежали три сада. Но вот убрать нужно сейчас же...

Он слышал плеск воды, шуршанье материи, стук в шкафах...

Она вернулась, держа в руках за ручку двумя пальцами браунинг так, словно он был горячий, и спросила:

– Он заряжен?

Выпростав здоровую руку из-под одеяла, Турбин ощупал предохранитель и ответил:

– Несите смело, только за ручку.

Она еще раз вернулась и смущенно сказала:

– На случай, если все-таки появятся... Вам нужно снять и рейтузы... Вы будете лежать, я скажу, что вы мой муж больной...

Он, морщась и кривя лицо, стал расстегивать пуговицы. Она решительно подошла, стала на колени и из-под одеяла за штрипки вытащила рейтузы и унесла. Ее не было долго. В это время он видел арку. В сущности говоря, это были две комнаты. Потолки такие низкие, что, если бы рослый человек стал на цыпочки, он достал бы до них рукой. Там, за аркой в глубине, было темно, но бок старого пианино блестел лаком, еще что-то поблескивало, и, кажется, цветы фикусы. А здесь опять этот край эполета в раме.

Боже, какая старина!.. Эполеты его приковали. Был мирный свет сальной свечки в шандале. Был мир, и вот мир убит. Не возвратятся годы. Еще сзади окна низкие, маленькие, и сбоку окно. Что за странный домик? Она одна. Кто такая? Спасла... Мира нет... Стреляют там...

Она вошла нагруженная охапкой дров и с громом выронила их в углу у печки.

– Что вы делаете? Зачем? – спросил он в сердцах.

– Все равно мне нужно было топить, – ответила она, и чуть мелькнула у нее в глазах улыбка, – я сама топлю...

– Подойдите сюда, – тихо попросил ее Турбин. – Вот что, я и не поблагодарил вас за все, что вы... сделали... Да и чем... – Он протянул руку, взял ее пальцы, она покорно придвинулась, тогда он поцеловал ее худую кисть два раза. Лицо ее смягчилось, как будто тень тревоги сбежала с него, и глаза ее показались в этот момент необычайной красоты.

– Если бы не вы, – продолжал Турбин, – меня бы, наверное, убили.

– Конечно, – ответила она, – конечно... А так вы убили одного...

Турбин приподнял голову.

– Я убил? – спросил он, чувствуя вновь слабость и головокружение.

– Угу. – Она благосклонно кивнула головой и поглядела на Турбина со страхом и любопытством. – Ух, как это страшно... они самое меня чуть не застрелили. – Она вздрогнула...

– Как убил?

– Ну да... Они выскочили, а вы стали стрелять, и первый грохнулся... Ну, может быть, ранили... Ну, вы храбрый... Я думала, что я в обморок упаду... Вы отбежите, стрельнете в них... и опять бежите... Вы, наверное, капитан?

– Почему вы решили, что я офицер? Почему кричали мне – «офицер»?

Она блеснула глазами.

– Я думаю, решишь, если у вас кокарда на папаче. Зачем так бравировать?

– Кокарда? Ах, Боже... это я... я... – Ему вспомнился звоночек... зеркало в пыли... – Все снял... а кокарду-то забыл!.. Я не офицер, – сказал он, – я военный врач. Меня зовут Алексей Васильевич Турбин... Позвольте мне узнать, кто вы такая?

– Я – Юлия Александровна Рейсс.

– Почему вы одна?

Она ответила как-то напряженно и отводя глаза в сторону:

– Моего мужа сейчас нет. Он уехал. И матери его тоже. Я одна... – Помолчав, она добавила: – Здесь холодно... Брр... Я сейчас затоплю.

Дрова разгорались в печке, и одновременно с ними разгоралась жестокая головная боль. Рана молчала, все сосредоточилось в голове. Началось с левого виска, потом разлилось по темени и затылку. Какая-то жилка сжалась над левой бровью и посылала во все стороны кольца тугой отчаянной боли. Рейсс стояла на коленях у печки и кочергой шевелила в огне. Мучаясь, то закрывая, то открывая глаза, Турбин видел откинутую назад голову, заслоненную от жара белой кистью, и совершенно неопределенные волосы, не то пепельные, пронизанные огнем, не то золотистые, а брови угольные и черные глаза. Не понять – красив ли этот неправильный профиль и нос с горбинкой. Не разберешь, что в глазах. Кажется, испуг, тревога, а может быть, и порок... Да, порок.

Когда она так сидит и волна жара ходит по ней, она представляется чудесной, привлекательной. Спасительница.

Многие часы ночи, когда давно кончился жар в печке и начался жар в руке и голове, кто-то ввинчивал в темя нагретый жаркий гвоздь и разрушал мозг. «У меня жар, – сухо и беззвучно повторял Турбин и внушал себе: – Надо утром встать и перебраться домой...» Гвоздь разрушал мозг и в конце концов разрушил мысль и о Елене, и о Николке, о доме и Петлюре. Все стало – все равно. Пэтурра... Пэтурра... Осталось одно – чтобы прекратилась боль.

Глубокой же ночью Рейсс в мягких, отороченных мехом туфлях пришла сюда и сидела возле него, и опять, обвив рукой ее шею и слабея, он шел через маленькие комнаты. Перед этим она собралась с силами и сказала ему:

– Вы встаньте, если только можете. Не обращайтесь на меня никакого внимания. Я вам помогу. Потом ляжете совсем... Ну, если не можете...

Он ответил:

– Нет, я пойду... только вы мне помогите...

Она привела его к маленькой двери этого таинственного домика и так же привела обратно. Ложась, лязгая зубами в ознобе и чувствуя, что сжалась и утихает голова, он сказал:

– Клянусь, я вам этого не забуду... Идите спать...

– Молчите, я буду вам гладить голову, – ответила она.

Потом вся тупая и злая боль вытекла из головы, стекла с висков в ее мягкие руки, а по ним и по ее телу – в пол, крытый пыльным пухлым ковром, и там погибла. Вместо боли по всему телу разливался ровный, приторный жар. Рука онемела и стала тяжелой, как чугунная, поэтому он

и не шевелил ею, а лишь закрыл глаза и отдался на волю жару. Сколько времени он так пролежал, сказать бы он не сумел: может быть, пять минут, а может быть, и много часов. Но во всяком случае, ему казалось, что так лежать можно было бы всю вечность, в огне. Когда он открыл глаза тихонько, чтобы не вспугнуть сидящую возле него, он увидел прежнюю картину: ровно, слабо горела лампочка под красным абажуром, разливая мирный свет, и профиль женщины был бессонный близ него. По-детски печально оттопырив губы, она смотрела в окно. Плывя в жару, Турбин шевельнулся, потянулся к ней...

– Наклонитесь ко мне, – сказал он. Голос его стал сух, слаб, высок. Она повернулась к нему, глаза ее испуганно насторожились и углубились в тени. Турбин закинул правую руку за шею, притянул ее к себе и поцеловал в губы. Ему показалось, что он прикоснулся к чему-то сладкому и холодному. Женщина не удивилась поступку Турбина. Она только пытливей вглядывалась в лицо. Потом заговорила:

– Ох, какой жар у вас. Что же мы будем делать? Доктора нужно позвать, но как же это сделать?

– Не надо, – тихо ответил Турбин, – доктор не нужен. Завтра я поднимусь и пойду домой.

– Я так боюсь, – шептала она, – что вам сделается плохо. Чем тогда я помогу. Не течет больше? – Она неслышно коснулась забинтованной руки.

– Нет, вы не бойтесь, ничего со мной не сделается. Идите спать.

– Не пойду, – ответила она и погладила его по руке. – Жар, – повторила она.

Он не выдержал и опять обнял ее и притянул к себе. Она не сопротивлялась. Он притягивал ее до тех пор, пока она совсем не склонилась и не прилегла к нему. Тут он ощутил сквозь свой большой жар живую и ясную теплоту ее тела.

– Лежите и не шевелитесь, – прошептала она, – а я буду вам гладить голову.

Она протянулась с ним рядом, и он почувствовал прикосновение ее коленей. Рукой она стала водить от виска к волосам. Ему стало так хорошо, что он думал только об одном, как бы не заснуть.

И вот он заснул. Спал долго, ровно и сладко. Когда проснулся, узнал, что плывет в лодке по жаркой реке, что боли все исчезли, а за окошком ночь медленно бледнеет да бледнеет. Не только в домике, но во всем мире и Городе была полная тишина. Стеклянно жиденько-синий свет разливался в щелях штор. Женщина, согрешая и печальная, спала рядом с Турбиным. И он заснул.

14

Утром, около девяти часов, случайный извозчик у вымершей Мало-Провальной принял двух седоков – мужчину в черном штатском, очень бледного, и женщину. Женщина, бережно поддерживая мужчину, цеплявшегося за ее рукав, привезла его на Алексеевский спуск. Движения на Спуске не было. Только у подъезда № 13 стоял извозчик, только что высадивший странного гостя с чемоданом, узлом и клеткой.

Они нашлись²¹⁶! Никто не вышел в расход, и нашлись в следующий же вечер.

«Он», – отозвалось в груди Анюты, и сердце ее прыгнуло, как Лариосикова птица. В занесенное снегом оконце турбинской кухни осторожно постучали со двора. Анюта прильнула к окну и разглядела лицо. Он, но без усов... Он²¹⁷!.. Анюта обеими руками пригладила черные волосы, открыла дверь в сени, а из сеней в снежный двор, и Мышлаевский оказался необыкновенно

²¹⁶ *Они нашлись!* – Этими словами начинается XIV глава романа и его «часть четвертая», которая не была опубликована. Сохранилась корректура глав XIV–XIX, названная «Окончанием». В эту корректуру Булгаков вносил изменения и уточнения, которые вошли во второй том парижского издания романа (с XIV по XVIII главу).

²¹⁷ *Он, но без усов... Он!*.. – Далее в корректуре: «Она метнулась, но не к двери, а почему-то сперва к маленькому зеркалу, висевшему в простенке. Зеркало показало страшное уродство. Заплывший правый глаз, а левый раздвоенный, толстые щеки, которых никогда не было у Анюты. Анюта обеими руками...»

близко от нее. Студенческое пальто с барашковым воротником и фуражка... исчезли усы... Но глаза, даже в полутьме сеней, можно отлично узнать. Правый в зеленых искорках, как уральский самоцвет, а левый темный... И меньше ростом стал...

Анюта дрожащей рукой закинула крючок, причем исчез двор, а полосы из кухни исчезли оттого, что пальто Мышлаевского обвилу Анюту, и очень знакомый голос шепнул:

– Здравствуйте, Анюточка... Вы простудитесь... А в кухне никого нет, Анюта?

– Никого нет, – не помня, что говорит, и тоже почему-то шепотом ответила Анюта. – «Целует, губы гладкие стали», – в сладостнейшей тоске подумала она и зашептала:

– Виктор Викторович... пустите... Елене...

– При чем тут Елена... – укоризненно шепнул голос, пахнувший одеколоном и табаком, – что вы, Анюточка²¹⁸...

– Виктор Викторович, пустите, закричу, как Бог свят, – страстно сказала Анюта и обняла за шею Мышлаевского, – у нас несчастье – Алексея Васильевича ранили...

Удав мгновенно выпустил.

– Как ранили? А Никол?!

– Никол жив-здоров, а Алексей Васильевича ранили.

Полоска света из кухни, двери.

В столовой Елена, увидев Мышлаевского, заплакала и сказала:

– Витька, ты жив... Слава Богу... А вот у нас... – Она всхлипнула и указала на дверь к Турбину. – Сорок у него... скверная рана...

– Мать честная, – ответил Мышлаевский, сдвинув фуражку на самый затылок, – как же это он подвернулся?

Он повернулся к фигуре, склонившейся у стола над бутылкой и какими-то блестящими коробками.

– Вы доктор, позвольте узнать?

– Нет, к сожалению, – ответил печальный и тусклый голос, – не доктор. Разрешите представиться: Ларион Суржанский.

Гостиная. Дверь в переднюю заперта и задернута портьера, чтобы шум и голоса не достигали к Турбину. Из спальни его вышли и только что уехали остробородый в золотом пенсне, другой бритый – молодой, и, наконец, седой, старый и умный в тяжелой шубе, в боярской шапке, профессор, самого же Турбина учитель. Елена провожала их, и лицо ее стало каменным. Говорили – тиф, тиф... и накликали.

– Кроме раны, – сыпной тиф!..

И ртутный столб на сорока и... «Юлия!»²¹⁹. В спальне красноватый жар. Тишина, а в тишине бормотание про лесенку и звонок «бр-рынь»...

²¹⁸ ...что вы, Анюточка... – Далее в корректуре:

«Жарко, тепло в недрах пальто, и студенческие пуговицы на тужурке впиваются в грудь...

– Пустите... закричу... вот закричу, – шепотом и хрипло бормотала Анюта.

– Зачем же кричать на морозе?... Что ты, Анюта, – спросил голос, и длинные пальцы ловко подменили пуговицы. Голос прервался судорожным вздохом.

– Анюта, ты красавица... ей-Богу... форменная, – шептал хриловатый тенор, – ты больше на принцессу, в сущности, похожа, чем на Анюту... – В полутьме голос прерывался, разные глаза потемнели, голос сбивался на какую-то чепуху...

– Принцесса?... А?... Такие слова...

В голове от таких слов все поехало, как на салазках под гору... Дух перехватило, но будь что будет...

– Вот в кухню... кто пойдет... Елена Васильевна... вот и будет, – шептала Анюта, закрыв глаза и чувствуя, что холодные пальцы кидают в озноб, бродя уже по голому телу.

– Зачем в кухню заходить?... В кухню незачем... На тебе любой с удовольствием женится, если хочешь знать...

– Виктор Викторович, пустите, закричу...»

²¹⁹ ...и «Юлия!» – В корректуре: «...и „Юлия Марковна"...»

– Здоровеньки булы, пане добродзию, – сказал Мышлаевский ядовитым шепотом и расставил ноги. Шервинский, густо-красный, косил глазом. Черный костюм сидел на нем безукоризненно, глядело чудное белье и галстук бабочкой, на ногах лакированные ботинки. «Артист оперной студии Крамского»²²⁰. Удостоверение в кармане. – Чому ж це вы без погон?.. – продолжал Мышлаевский. – «На Владимирской развеваются русские флаги... Две дивизии сенегалов в одесском порту и сербские квартирьеры... Поезжайте, господа офицеры, на Украину и формируйте части»... за ноги вашу мамашу?..

– Чего ты пристал?.. – ответил Шервинский. – Я, что ль, виноват?.. При чем здесь я?.. Меня самого чуть не убили. Я вышел из штаба последним ровно в полдень, когда с Печерска показались неприятельские цепи.

– Ты герой, – ответил Мышлаевский, – но надеюсь, что его сиятельство, главнокомандующий, успел уйти раньше... Равно как и его светлость, пан гетман... его мать... Лышу себя надеждой, что они в безопасном месте. Родине нужны их жизни. Кстати, не можешь ли ты мне указать, где именно они находятся?

– Зачем тебе?

– Вот зачем. – Мышлаевский сложил правую руку в кулак и постучал ею по ладони левой. – Ежели бы мне попало это самое сиятельство и светлость, я бы одного взял за левую ногу, а другого за правую, перевернул бы и тюкал бы головой о мостовую до тех пор, пока мне это не надоело бы. А вашу штабную ораву в сортире нужно утопить!..

Шервинский побагровел.

– Ну, все-таки ты поосторожней, пожалуйста, – начал он, – полегче!.. Имей в виду, что князь и штабных бросил. Два его адъютанта с ним уехали, а остальные на произвол судьбы.

– Ты знаешь, что сейчас в музее сидит тысяча человек наших²²¹, голодные, с пулеметами?.. Ведь их петлюровцы, как клопов, передушат!.. Ты знаешь, как убили полковника Ная?.. Единственный был...

– Отстань от меня, пожалуйста! – не на шутку сердясь, крикнул Шервинский. – Что это за тон?! Я такой же офицер, как и ты!

– Ну, господа, бросьте, – Карась вклинился между Мышлаевским и Шервинским, – совершенно нелепый разговор. Что ты в самом деле лезешь к нему? Бросим, это ни к чему не ведет...

– Тише, тише, – горестно зашептал Николка, – к нему слышно...

Мышлаевский сконфузился, помялся.

– Ну, не волнуйся, баритон. Это я так... Ведь сам понимаешь...

– Довольно странно!..

– Позвольте, господа, потише... – Николка насторожился и потыкал ногой в пол. Все прислушались. Снизу из квартиры Василисы донеслись голоса. Глуховато расслышали, что Василиса весело рассмеялась и немножко истерически как будто. Как будто в ответ, что-то радостно и звонко прокричала Ванда. Потом поутихло. Еще немного и глухо побубнили голоса.

– Ну, вещь поразительная, – глубокомысленно сказал Николка, – у Василисы гости!.. Гости. Да еще в такое время. Настоящее светопреставление.

– Да, тип ваш Василиса, – скрепил Мышлаевский.

Это было около полуночи, когда Турбин после впрыскивания морфия уснул, а Елена расположилась в кресле у его постели. В гостиной составил военный совет.

Решено было всем оставаться ночевать. Во-первых, ночью, даже с хорошими документами, ходить ни к чему. Во-вторых, тут и Елене лучше – то да се... помочь. А самое главное, что дома в такое времечко именно лучше не сидеть, а находиться в гостях. А еще, самое главное, и делать нечего! А вот винт составить можно.

²²⁰ «...студии Крамского». – В корректуре: «...студии Вронского...»

²²¹ ...в музее сидит тысяча человек наших... – Булгаков описывает действительные события. Об этом см.: Гуль Р. Моя биография // Новый журнал. Нью-Йорк, 164. Кн. 1986. С. 17–18.

– Вы играете? – спросил Мышлаевский у Лариосика.

Лариосик покраснел, смутился и сразу все выговорил, и что в винт он играет, но очень, очень плохо... Лишь бы его не ругали, как ругали в Житомире податные инспектора... Что он потерпел драму, но здесь, у Елены Васильевны, оживает душой, потому что это совершенно исключительный человек Елена Васильевна и в квартире у них тепло и уютно, в особенности замечательны кремовые шторы на всех окнах, благодаря чему чувствуешь себя оторванным от внешнего мира... А он, этот внешний мир... согласитесь сами, грязен, кровав и бессмыслен!

– Вы, позвольте узнать, стихи сочиняете? – спросил Мышлаевский, внимательно всматриваясь в Лариосика.

– Пишу, – скромно краснея, произнес Лариосик.

– Так... Извините, что я вас перебил... Так бессмыслен, вы говорите?... Продолжайте, пожалуйста...

– Да, бессмыслен, а наши израненные души ищут покоя вот именно за такими кремовыми шторами...

– Ну, знаете, что касается покоя, не знаю, как у вас в Житомире, а здесь, в Городе, пожалуйста, вы его не найдете... Ты щетку смочи водкой, а то пылишь здорово. Свечи есть? Бесподобно. Мы вас выходящим в таком случае запишем... Впятером именно покойная игра...

– И Николка, как покойник, играет, – вставил Карась.

– Ну, что ты, Федя. Кто в прошлый раз под печкой проиграл? Ты сам и пошел в ренонс. Зачем клеветать?

– Блакитный петлюоровский крап...

– Именно за кремовыми шторами и жить. Все смеются почему-то над поэтами...

– Да храни Бог!.. Зачем же вы в дурную сторону мой вопрос приняли. Я против поэтов ничего не имею. Не читаю я, правда, стихов...

– И других никаких книг, за исключением артиллерийского устава и первых пятнадцати страниц римского права... На шестнадцатой странице война началась, он и бросил...

– Врет, не слушайте... Ваше имя и отчество – Ларион Иванович?

Лариосик объяснил, что он Ларион Ларионович, но что ему так симпатично все общество, которое даже не общество, а дружная семья, что он очень желал бы, чтобы его называли по имени «Ларион» без отчества... Если, конечно, никто ничего не имеет против?

– Как будто симпатичный парень... – шепнул сдержанный Карась Шервинскому.

– Ну, что ж... сойдемся поближе... Отчего ж... Врет: если угодно знать, «Войну и мир» читал... Вот, действительно, книга! До самого конца прочитал – и с удовольствием. А почему? Потому что писал не обормот какой-нибудь, а артиллерийский офицер²²². У вас десятка? Вы со мной... Карась с Шервинским... Николка, выходи!

– Только вы меня, ради Бога, не ругайте, – как-то нервически попросил Лариосик.

– Ну, что вы, в самом деле. Что мы, папуасы какие-нибудь? Это у вас, видно, в Житомире такие податные инспектора отчаянные, они вас и напугали... У нас принят тон строгий!

– Помилуйте, можете быть спокойны, – отозвался Шервинский, усаживаясь.

– Две пики... Да-с... вот-с писатель был граф Лев Николаевич Толстой, артиллерии поручик... Жалко, что бросил служить... пас... до генерала бы дослужился... Впрочем, что ж, у него имя было... Можно от скуки и роман написать... зимой делать не черта... В имении это просто. Без козыря...

– Три бубны, – робко сказал Лариосик.

– Пас, – отозвался Карась.

– Что же вы? Вы прекрасно играете. Вас не ругать, а хвалить нужно. Ну, если три бубны, то мы скажем – четыре пики. Я сам бы в имение теперь с удовольствием поехал...

– Четыре бубны, – подсказал Лариосику Николай, заглядывая в карты.

– Четыре? Пас.

²²² ...писал не обормот какой-нибудь, а артиллерийский офицер. – Далее в корректуре:

«Вот приехал этот, как его? – Винниченко. Может он что-нибудь написать? Нет, я вас спрашиваю, может человек с фамилией „Винниченко" что-нибудь такое написать?»

– Я не читал его, – робко сказал Лариосик.

– Смело можете и не читать. Ручаюсь вам, что чепуха»

– Пас.

При трепетном стеариновом свете свечей, в дыму папирос, волнующийся Лариосик купил Мышлаевский, словно гильзы из винтовки, разбросал партнерам по карте²²³.

– М-малый в пиках, – скомандовал он и поощрил Лариосика: – Молодец!

Карты из рук Мышлаевского летели беззвучно, как кленовые листья. Шервинский швырял аккуратно, Карась – не везет! – хлестко. Лариосик, вздыхая, тихонько выкладывал, словно удостоверения личности.

– «Папа-мама», видали мы это, – сказал Карась.

Мышлаевский вдруг побагровел, швырнул карты на стол и, зверски выкатив глаза на Лариосика, рывкнул:

– Какого же ты лешего мою даму долбанул? Ларион!!!

– Здорово! Га-га-га, – хищно обрадовался Карась, – без одной!

Страшный гвалт поднялся за зеленым столом, и языки на свечах закачались. Николка, шипя и взмахивая руками, бросился прикрывать дверь и задерживать портьеру.

– Я думал, что у Федора Николаевича король, – мертвея, вымолвил Лариосик.

– Как это можно думать... – Мышлаевский старался не кричать, поэтому из горла у него вылетало сипение, которое делало его еще более страшным, – если ты его своими руками купил и мне прислал? А? Ведь это черт знает, – Мышлаевский ко всем поворачивался, – ведь это... Он покоя ищет! А? А без одной сидеть – это покой? Считанная же игра! Надо все-таки вертеть головой, это же не стихи!

– Постой! Может быть, Карась...

– Что может быть? Ничего не может быть, кроме ерунды! Вы извините, батюшка, может, в Житомире так и играют, но это черт знает что такое!.. Вы не сердитесь... но Пушкин или Ломоносов хоть стихи и писали, а такую штуку никогда бы не устроили... или Надсон, например!

– Тише, ты! Ну, что налетел? Со всяким бывает.

– Я так и знал, – забормотал Лариосик... – Мне не везет...

– Стой! Ст...

И разом наступила полная тишина. В отдалении за многими дверями в кухне затрепетал звоночек²²⁴. Помолчали. Послышался стук каблуков, раскрылись двери, появилась Анюта²²⁵. Голова Елены мелькнула в передней. Мышлаевский побарабанил по сукну и сказал:

– Рановато как будто? А?

– Да, рано, – отозвался Николка, считающийся самым сведущим специалистом по вопросу обысков.

– Открывать идти? – беспокойно спросила Анюта.

– Нет, Анна Тимофеевна, – ответил Мышлаевский, – повремените, – он, кряхтя, поднялся с кресла, – вообще теперь я буду открывать, а вы не затрудняйтесь...

– Вместе пойдем, – сказал Карась²²⁶.

– Ну, – заговорил Мышлаевский и сразу поглядел так, словно стоял перед взводом, – так-с. Там, стало быть, в порядке... У доктора – сыпной тиф и прочее. Ты, Лена, – сестра... Карась, ты за медика сойдешь – студента... Ушейся в спальню... Шприц там какой-нибудь возьми... Много нас... Ну, ничего...

Звонок повторился нетерпеливо, Анюта дернулась, и все стали еще серьезнее.

– Успеется, – сказал Мышлаевский и вынул из заднего кармана брюк маленький черный револьвер, похожий на игрушечный.

²²³ ...разбросал партнерам по карте. – Далее в корректуре: «...играя веером в длинных белых пальцах... Пальцы изумительной красоты».

²²⁴ ...в кухне затрепетал звоночек. – В корректуре далее: «Раньше одновременно с ним трепетал и в передней, но сегодня, поднявшись на стол и табурет, Николка выключил его, чтобы не беспокоить раненого».

²²⁵ ...появилась Анюта. – Далее в корректуре: «Она была в лакированных туфлях, и волосы у висков у нее подвиты. Глаза ее блестели, а лицо похоршело».

²²⁶ – Вместе пойдем, – сказал Карась. – Далее в корректуре: «Лица стали серьезными. Шервинский крякнул неуверенно».

– Вот это напрасно, – сказал, темнея, Шервинский, – это я тебе удивляюсь. Ты-то мог бы быть поосторожнее. Как же ты по улице шел?

– Не беспокойся, – серьезно и вежливо ответил Мышлаевский, – устроим. Держи, Николка, и играй к черному ходу или к форточке. Если петлюровские архангелы, закашляюсь я, сплавь, только чтоб потом найти. Вещь дорогая, под Варшаву со мной ездила... У тебя все в порядке?

– Будь покоен, – строго и гордо ответил специалист Николка, овладевая револьвером.

– Итак, – Мышлаевский ткнул пальцем в грудь Шервинского и сказал: – Певец, в гости пришел, – в Карася, – медик, – в Николку, – брат, – Лариосику, – жилец-студент. Удостоверение есть?

– У меня паспорт царский, – бледнея, сказал Лариосик, – и студенческий харьковский.

– Царский под ноготь, а студенческий показать!

Лариосик зацепился за портьеру, а потом убежал.

– Прочие – чепуха. Женщины... – продолжал Мышлаевский, – нуте-с, удостоверения у всех есть? В карманах ничего лишнего?.. Эй, Ларнон!.. Спроси там у него, оружия нет ли?

– Эй, Ларион! – окликнул в столовой Николка. – Оружие?

– Нету, нету, Боже сохрани, – откликнулся откуда-то Лариосик.

Звонок повторился отчаянный, долгий, нетерпеливый.

– Ну, Господи благослови, – сказал Мышлаевский и двинулся. Карась исчез в розовой спальне Турбина.

– Пасьянс раскладывали, – сказал Шервинский и задул свечи.

Три двери вели в квартиру Турбиных. Первая из передней на лестницу, вторая стеклянная, замыкавшая собственно владение Турбиных. Внизу за стеклянной дверью темный холодный парадный ход, в который выходила сбоку дверь Лисовичей; а коридор замыкала уже последняя дверь на улицу.

Двери прогремели, и Мышлаевский внизу крикнул:

– Кто там?

Вверху за своей спиной на лестнице почувствовал какие-то силуэты. Приглушенный голос за дверью взмолился:

– Звонишь, звонишь... Гальберг-Турбина тут?.. Телеграмма ей... Откройте...

«Так-с», – мелькнуло в голове у Мышлаевского, и он закашлялся болезненным кашлем. Один силуэт сзади на лестнице исчез. Мышлаевский осторожно открыл болт, повернул ключ и открыл дверь, оставив ее на цепочке.

– Давайте телеграмму, – сказал он, становясь боком к двери, так, что она прикрывала его. Рука в сером просунулась и подала ему маленький конвертик. Пораженный Мышлаевский увидел, что это действительно телеграмма.

– Распишитесь, – злобно сказал голос за дверью. Мышлаевский метнул взгляд и увидел, что на улице только один.

– Анюта, Анюта! – бодро, выздоровев от бронхита, вскричал Мышлаевский. – Давай карандаш!

Вместо Акюты к нему сбежал Карась, подал. На клочке, выдернутом из квадрата, Мышлаевский нацарапал: «Тур», шепнул Карасю:

– Дай двадцать пять...

Дверь загремела... Заперлась...

Ошеломленный Мышлаевский с Карасем поднялись вверх. Сошлись решительно все. Елена развернула квадратик и машинально вслух прочла слова:

«Страшное несчастье постигло Лариосика точка Актер оперетки Липский...»

– Боже мой, – вскричал багровый Лариосик, – это она!

– Шестьдесят три слова, – восхищенно ахнул Николка, – смотри, кругом исписано.

– Господи! – воскликнула Елена. – Что же это такое? Ах, извините, Ларион... что начала читать. Я совсем про нее забыла!

– Что это такое? – спросил Мышлаевский.

– Жена его бросила, – шепнул на ухо Николка, – такой скандал...

Страшный грохот в стеклянную дверь, как обвал с горы, влетел в квартиру. Анюта взвизгнула. Елена побледнела и начала клониться к стене. Грохот был так чудовищен, страшен, нелеп, что даже Мышлаевский переменялся в лице. Шервинский подхватил Елену, сам бледный... Из

спальни Турбина послышался стон.

– Двери!.. – крикнула Елена.

По лестнице вниз, спутав стратегический план, побежали Мышлаевский, за ним Карась, Шервинский и насмерть испуганный Лариосик.

– Это уже хуже, – бормотал Мышлаевский.

За стеклянной дверью взметнулся черный одинокий силуэт, оборвался грохот.

– Кто там? – загремел Мышлаевский, как в цейхгаузе.

– Ради Бога!.. Ради Бога!.. Откройте, Лисович – я!.. Лисович²²⁷! – вскричал силуэт. – Лисович – я!.. Лисович!..

Василиса был ужасен... Волосы с просвечивающей розовой лысинкой торчали вбок. Галстук висел на боку, и полы пиджака мотались, как дверцы взломанного шкафа. Глаза Василисы были безумны и мутны, как у отравленного. Он показался на последней ступеньке, вдруг качнулся и рухнул на руки Мышлаевскому. Мышлаевский принял его и еле удержал, сам присел к лестнице и сипло, растерянно крикнул:

– Карась! Воды!!!

15

Был вечер. Время подходило к одиннадцати часам. По случаю событий значительно раньше, чем обычно, опустела и без того не очень людная улица.

Шел жидкий снежок, пушинки его мерно летали за окном, а ветви акации у тротуара, летом темнившие окна Турбиных, все более обвисали в своих снежных гребешках.

Началось с обеда, и пошел нехороший тусклый вечер с неприятностями, с сосущим сердцем. Электричество зажглось почему-то в полсвета, а Ванда накормила за обедом мозгами. Вообще говоря, мозги пища ужасная а в Вандином приготовлении – невыносимая. Был перед мозгами еще суп, в который Ванда налила постного масла, и хмурый Василиса встал из-за стола с мучительной мыслью, что будто он и не обедал вовсе. Вечером же была масса хлопот, и все хлопот неприятных, тяжелых. В столовой стоял столовый стол кверху ножками и пачка Лебидь-Юрчиков лежала на полу²²⁸.

– Ты дура, – сказал Василиса жене.

Ванда изменилась в лице и ответила:

– Я знала, что ты хам, уже давно. Твое поведение в последнее время достигло геркулесовых столбов.

Василисе мучительно захотелось ударить ее со всего размаху косо по лицу так, чтоб она отлетела и стукнулась об угол буфета. А потом еще раз, еще и бить ее до тех пор, пока это проклятое, костлявое существо не умолкнет, не признает себя побежденным. Он – Василиса, измучен ведь, он, в конце концов, работает, как вол, и он требует, требует, чтобы его слушались дома. Василиса скрипнул зубами и сдержался, нападение на Ванду было вовсе не так безопасно, как это можно было предположить.

– Делай так, как я говорю, – сквозь зубы сказал Василиса, – пойми, что буфет могут отодвинуть, и что тогда? А это никому не придет в голову. Все в городе так делают.

Ванда повиновалась ему, и они вдвоем взялись за работу – к столу с внутренней стороны кнопками прищипывали денежные бумажки.

Скоро вся внутренняя поверхность стола расцветилась и стала похожа на замысловатый шелковый ковер.

Василиса, кряхтя, с налитым кровью лицом, поднялся и окинул взором денежное поле.

– Неудобно, – сказала Ванда, – понадобится бумажка, нужно стол переворачивать.

– И перевернешь, руки не отвалятся, – сипло ответил Василиса, – лучше стол перевернуть,

²²⁷ ...Лисович – я!.. Лисович!.. – Далее в корректуре: «И повторял Василиса, бессмысленно глядя в ошалевшего Мышлаевского. – Ах, Боже мой! Алексей Васильевич лежит? Ну, все равно – вы!»

²²⁸ ...и пачка Лебидь-Юрчиков лежала на полу. – Далее в корректуре: «...на полу, а рядом с ней пачка сегодня только привезенных Василисой со службы из „Управления Нижне-Днепровскими шоссевыми путями" зелено-желтых бумажек».

чем лишиться всего. Слышала, что в городе делается? Хуже, чем большевики. Говорят, что по-вальные обыски идут, все офицеров ищут.

В одиннадцать вечера Ванда принесла из кухни самовар и всюду в квартире потушила свет. Из буфета достала кулек с черствым хлебом и головку зеленого сыра. Лампочка, висящая над столом в одном из гнезд трех-гнездной люстры, источала с неполно накаленных нитей тусклый красноватый свет.

Василиса жевал ломтик французской булки, и зеленый сыр раздражал его до слез, как сверлящая зубная боль. Тошный порошок при каждом укусе сыпался вместо рта на пиджак и за галстук. Не понимая, что мучает его, Василиса исподлобья смотрел на жующую Ванду²²⁹.

– Я удивляюсь, как легко им все сходит с рук, – говорила Ванда, обращая взор к потолку, – я была уверена, что убьют кого-нибудь из них. Нет, все вернулись, и сейчас опять квартира полна офицерами...

В другое время слова Ванды не произвели бы на Василису никакого впечатления, но сейчас, когда вся его душа горела в тоске, они показались ему невыносимо подлыми.

– Удивляюсь тебе, – ответил он, отводя взор в сторону, чтобы не расстраиваться, – ты прекрасно знаешь, что, в сущности, они поступили правильно. Нужно же кому-нибудь было защищать город от этих (Василиса понизил голос) мерзавцев... И притом напрасно ты думаешь, что так легко сошло с рук... Я думаю, что он...

Ванда впиалась глазами и закивала головой.

– Я сама, сама сразу это сообразила... Конечно, его ранили...

– Ну, вот, значит, нечего и радоваться – «сошло, сошло»...

Ванда лизнула губы.

– Я не радуюсь, я только говорю «сошло», а вот мне интересно знать, если, не дай Бог, к нам явятся и спросят тебя, как председателя домового комитета, а кто у вас наверху? Были они у гетмана? Что ты будешь говорить?

Василиса нахмурился и покосился:

– Можно будет сказать, что он доктор... Наконец, откуда я знаю? Откуда?

– Вот то-то, откуда...

На этом слове в передней прозвенел звонок. Василиса побледнел, а Ванда повернула жилистую шею.

Василиса, шмыгнув носом, поднялся со стула и сказал:

– Знаешь что? Может быть, сейчас сбегать к Турбиным, вызвать их?

Ванда не успела ответить, потому что звонок в ту же минуту повторился.

– Ах, Боже мой, – тревожно молвил Василиса, – нет, нужно идти.

Ванда глянула в испуге и двинулась за ним. Открыли дверь из квартиры в общий коридор. Василиса вышел в коридор, пахнуло холодком, острое лицо Ванды, с тревожными, расширенными глазами, выглянуло. Над ее головой в третий раз назойливо затрещало электричество в блестящей чашке.

На мгновение у Василисы пробежала мысль постучать в стеклянные двери Турбиных – кто-нибудь сейчас же вышел, и не было бы так страшно. И он побоялся это сделать. А вдруг: «Ты чего стучал? А? Боишься чего-то?» – и, кроме того, мелькнула, правда слабая, надежда, что, может быть, это не они, а так что-нибудь...

– Кто... там? – слабо спросил Василиса у двери.

Тотчас же замочная скважина отозвалась в живот Василисы сиповатым голосом, а над Вандой еще и еще затрещал звонок.

²²⁹ Не понимая, что мучает его, Василиса исподлобья смотрел на жующую Ванду. – Далее в корректуре: «...и представлял ее мертвой. Умирают же люди. О, зачем, зачем он тогда женился? Зачем? Одиннадцать лет он тянет ляжку, как бессрочный каторжник. Нет, она не попадет под трамвай, тиф ее не схватит, нет. Она будет жива, это несомненно, и мучениям впереди нет никакого срока. Зачем, какой дьявол толкал его на безумный поступок? Почему понадобилось каторжной цепью связать себя с этим желтым лицом, газетными папилютками и тонкими бледными губами? Боже, Боже! Да, все, теперь будь он один, холост, свободен, – какая бы у него была чудесная, сказочная воистину жизнь. Сейчас бы вечером он был один. Явдоха бы пришла... Всегда можно было бы устроить так, чтобы она пришла. А теперь... Василиса представил себе труп Ванды, убитой и разрезанной на четыре куска. Его можно было бы запаковать в корзину и отправить в Брест-Литовск. Брр... Страшно... Найдут, поймут».

– Видчиняй, – хрипнула скважина, – из штабу. Та не отходи, а то стрельнем через дверь...

– Ах, Бож... – выдохнула Ванда.

Василиса мертвыми руками сбросил болт и тяжелый крючок, не помнил и сам, как снял цепочку.

– Скорийш... – грубо сказала скважина.

Темнота с улицы глянула на Василису куском серого неба, краем акации, пушинками. Вошло всего трое, но Василисе показалось, что их гораздо больше.

– Позвольте узнать... по какому же поводу?

– С обыском, – ответил первый вошедший волчьим голосом и как-то сразу надвинулся на Василису. Коридор повернулся, и лицо Ванды в освещенной двери показалось резко напудренным.

– Тогда, извините, пожалуйста, – голос Василисы звучал бледно, бескрасочно, – может быть, мандат есть? Я, собственно, мирный житель... не знаю, почему же ко мне? У меня – ничего, – Василиса мучительно хотел сказать по-украински и сказал, – нема.

– Ну, мы побачимо, – ответил первый.

Как во сне двигаясь под напором хрустящих в двери, как во сне их видел Василиса. В первом человеке все было волчье, так почему-то показалось Василисе. Лицо его узкое, глаза маленькие, глубоко сидящие, кожа серенькая, усы торчали клочьями, и небритые щеки запали сухими бороздами, он как-то странно косил, смотрел инокходью и тут, даже в узком пространстве, успел показать, что идет нечеловеческой, ныряющей походкой привычного к снегу и траве существа. Он говорил на страшном и неправильном языке – смеси русских и украинских слов, – языке, знакомом жителям Города, бывающим на Подоле, на берегу Днепра, где летом пристань свистит и вертит лебедками, где летом оборванные люди выгружают с барж арбузы... На голове у волка была папаха, и синий лоскут, обшитый сусальным позументом, свисал набок.

Второй – гигант, занял почти до потолка переднюю Василисы. Он был румян бабьим полным и радостным румянцем, молод, и ничего у него не росло на щеках. На голове у него был шлык с объединенными молью ушами, на плечах серая шинель, и на неестественно маленьких ногах ужасные скверные опорки.

Третий был с провалившимся носом, изъеденным сбоку гноеточащей коростой, и сшитой и изуродованной шрамом губой. На голове у него старая офицерская фуражка с красным околышем и следом от кокарды, на теле двубортный солдатский старинный мундир с медными позеленевшими пуговицами, на ногах черные штаны, на ступнях лапти, поверх пухлых, серых казенных чулок. Его лицо в свете лампы отливало в два цвета – восково-желтый и фиолетовый, глаза смотрели страдальчески злобно.

– Побачимо, побачимо, – повторил волк, – и мандат есть,

С этими словами он полез в карман штанов, вытащил смятую бумагу и ткнул ее Василисе. Один глаз его поразил сердце Василисы, а второй, левый, косой, проткнул бегло сундуки в передней.

На скомканном листке – четвертушке со штампом:

Штаб 1-го сичевого куреня

было написано химическим карандашом косо крупными каракулями:

– Предписується зробити обыск у жителя Василя Лисовича, по Алексеевському спуску, дом № 13. За сопроотивлення карається розстрілом.

Начальник Штабу Проценко

Ад'ютант Миклун

В левом нижнем углу стояла неразборчивая синяя печать.

Цветы букетами зелени на обоях попрыгали немного в глазах Василисы, и он сказал, пока волк вновь овладевал бумажкой:

– Прохаю, пожалуйста, но у меня ничего...

Волк вынул из кармана черный, смазанный машинным маслом браунинг и направил его на

Василису. Ванда тихонько вскрикнула: «Ай». Лоснящийся от машинного масла колыт, длинный и стремительный, оказался в руке изуродованного. Василиса согнул колени и немного присел, став меньше ростом. Электричество почему-то вспыхнуло ярко-бело и радостно.

– Кто в квартире? – сипловато спросил волк.

– Никого нету, – ответил Василиса белыми губами, – я та жинка.

– Нуте, хлопцы, – смотрите, та швидче, – хрипнул волк, оборачиваясь к своим спутникам, – нема часу.

Гигант тотчас потрянул сундук, как коробку, а изуродованный шмыгнул к печке. Револьверы спрятались. Изуродованный кулаками постучал по стене, со стуком открыл заслонку, из черной дверцы ударило скуповатым теплом.

– Оружие е? – спросил волк.

– Честное слово... помилуйте, какое оружие...

– Нет у нас, – одним дыханьем подтвердила тень Ванды.

– Лучше скажи, а то бачил – росстрил? – внушительно сказал волк...

– Ей-Богу... откуда же?

В кабинете загорелась зеленая лампа, и Александр II, возмущенный до глубины чугунной души, глянул на трех. В зелени кабинета Василиса в первый раз в жизни узнал, как ходит, грозно вертя голову, предчувствие обморока. Все трое принялись первым долгом за обои. Гигант пачками, легко, игрушечно, сбросил с полки ряд за рядом книги, и шестеро рук заходили по стенам, выстукивая их... Туп... туп... глухо постукивала стена. Тук, отозвалась внезапно пластинка на тайнике. Радость сверкнула в волчьих глазах.

– Що я казав? – шепнул он беззвучно. Гигант продрал кожу кресла тяжелыми ногами, возвысился почти до потолка, что-то крякнуло, лопнуло под пальцами гиганта, и он выдрал из стены пластинку. Бумажный переkreщенный пакет оказался в руках волка. Василиса пошатнулся и прислонился к стене. Волк начал качать головою и долго качал, глядя на полумертвого Василису.

– Что же ты, зараза, – заговорил он горько, – шо ж ты? Нема, нема, ах ты, сучий хвост. Казал нема, а сам гроши в стенку запечатав? Тебя же убить треба!

– Что вы?! – вскрикнула Ванда.

С Василисой что-то странное сделалось, вследствие чего он вдруг рассмеялся судорожным смехом, и смех этот был ужасен, потому что в голубых глазах Василисы прыгал ужас, а смеялись только губы, нос и щеки.

– Декрета, Панове, помилуйте, никакого же не было. Тут кой-какие бумаги из банка и вещицы... Денег-то мало... Заработанные... Ведь теперь же все равно царские деньги аннулированы...

Василиса говорил и смотрел на волка так, словно тот доставлял ему жуткое восхищение.

– Тебе заарестовать бы требовалось, – назидательно сказал волк, потрянул пакетом и запихнул его в бездонный карман рваной шинели. – Нуте, хлопцы, беритесь за ящики.

Из ящиков, открытых самим Василисой, выскакивали груды бумаг, печати, печатки, карточки, ручки, портсигары. Листы усеяли зеленый ковер и красное сукно стола, листы, шурша, падали на пол. Урод перевернул корзину. В гостиной стучали по стенам поверхностно, как бы нехотя. Гигант сдернул ковер и потопал ногами в пол, отчего в паркете остались замысловатые, словно выжженные следы. Электричество, разгораясь к ночи, разбрызгивало веселый свет, и блистал цветок граммофона. Василиса шел за тремя, волоча и шаркая ногами. Тупое спокойствие овладело Василисой, и мысли его текли как будто складнее. В спальне мгновенно – хаос: полезли из зеркального шкафа, горбом, одеяла, простыни, кверху ногами встал матрац. Гигант вдруг остановился, просиял застенчивой улыбкой и заглянул вниз. Из-под взбудораженной кровати глянули Василисины шевровые новые ботинки с лакированными носами. Гигант усмехнулся, оглянувшись застенчиво на Василису.

– Яки гарны ботинки, – сказал он тонким голосом, – а что они, часом, на мене не придутся?

Василиса не придумал еще, что ему ответить, как гигант наклонился и нежно взялся за ботинки. Василиса дрогнул.

– Они шевровые, панове, – сказал он, сам не понимая, что говорит.

Волк обернулся к нему, в косых глазах мелькнул горький гнев.

– Молчи, гнида, – сказал он мрачно. – Молчать! – повторил он, внезапно раздражаясь. – Ты

спасибо скажи нам, що мы тебе не расстреляли, як вора и бандита, за утайку сокровищ. Ты молчи, – продолжал он, наступая на совершенно бледного Василису и грозно сверкая глазами. – Накопил вещей, нажрал морду, розовый, як свинья, а ты бачишь, в чем добрые люди ходют? Бачишь? У него ноги мороженые, рваные, он в окопах за тебя гнил, а ты в квартире сидел, на граммофонах играл? У-у, матери твоей, – в глазах его мелькнуло желание ударить Василису по уху, он дернул рукой. Ванда вскрикнула: «Что вы...» Волк не посмел ударить представительного Василису и только ткнул его кулаком в грудь. Бледный Василиса пошатнулся, чувствуя острую боль и тоску в груди от удара острого кулака. «Вот так революция, – подумал он в своей розовой и аккуратной голове, – хорошенькая революция. Вешать их надо было всех, а теперь поздно...»

– Василько, обувайсь, – ласково обратился волк к гиганту. Тот сел на пружинный матрац и сбросил опорки. Ботинки не налезали на серые толстые чулки. – Выдай казаку носки, – строго обратился волк к Ванде. Та мгновенно присела к нижнему ящику желтого шкафа и вынула носки. Гигант сбросил серые чулки, показав ступни с красноватыми пальцами и черными изъединами, и натянул носки. С трудом налезли ботинки, шнурок на левом с треском лопнул. Восхищенно, по-детски улыбаясь, гигант затянул обрывки и встал. И тотчас как будто что лопнуло в натянутых отношениях этих странных пятерых человек, шаг за шагом шедших по квартире. Появилась простота. Изуродованный, глянув на ботинки на гиганте, вдруг проворно снял Василисины брюки, висящие на гвоздике, рядом с умывальником. Волк только еще раз подозрительно оглянулся на Василису, – не скажет ли чего, – но Василиса и Ванда ничего не говорили, и лица их были совершенно одинаково белые, с громадными глазами. Спальня стала похожа на уголок магазина готового платья. Изуродованный стоял в одних полосатых, в клочья изодранных подштанниках и рассматривал на свет брюки.

– Дорогая вещь, шевиот... – гнусаво сказал он, присел в синее кресло и стал натягивать. Волк сменил грязную гимнастерку на серый пиджак Василисы, причем вернул Василисе какие-то бумажки со словами: «Якись бумажки, берите, пане, може, нужные». Со стола взял стеклянные часы в виде глобуса, в котором жирно и черно красовались римские цифры.

Волк натянул шинель, и под шинелью было слышно, как ходили и тикали часы.

– Часы нужная вещь. Без часов – як без рук, – говорил изуродованному волк, все более смягчаясь по отношению к Василисе, – ночью глянуть, сколько времени, – незаменимая вещь.

Затем все тронулись и пошли обратно через гостиную в кабинет. Василиса и Ванда рядом молча шли позади. В кабинете волк, кося глазами, о чем-то задумался, потом сказал Василисе:

– Вы, пане, дайте нам росписку... (Какая-то дума беспокоила его, он хмурил лоб гармоникой.)

– Как? – шепнул Василиса.

– Росписку, що вы нам вещи выдады, – пояснил волк, глядя в землю.

Василиса изменился в лице, его щеки порозовели.

– Но как же... Я же... (Он хотел крикнуть: «Как, я же еще и росписку?!» – но у него не вышли эти слова, а вышли другие.) вы... вам надлежит расписаться, так сказать...

– Ой, убить тебе надо, – злобно задумчиво ответил волк, – вбить тебе треба, як собаку. У-у, кровопийца... Знаю я, что ты думаешь. Знаю. Ты, як бы твоя власть была, изничтожил бы нас, як насекомых. У-у, вижу я, добром с тобой не сговоришь. Хлопцы, ставь его к стенке. У, як вдарю...

Он рассердился и нервно притиснул Василису к стене, ухватив его рукой за горло, отчего Василиса мгновенно стал красным.

– Ай! – в ужасе вскрикнула Ванда и ухватила за руку волка, – Что вы. Помилуйте... Вася, напиши, напиши...

Волк выпустил инженерово горло, и с хрустом в сторону отскочил, как на пружине, воротничок. Василиса и сам не заметил, как оказался сидящим в кресле. Руки его тряслись. Он оторвал от блокнота листок, макнул перо. Настала тишина, и в тишине было слышно, как в кармане волка стучал стеклянный глобус.

– Как же писать? – спросил Василиса слабым, хрипловатым голосом.

Волк задумался, поморгал глазами.

– Пыщить... по предписанию штаба сичевого куреня... вещи... вещи... в размере... у целости сдал...

– В разм... – как-то скрипнул Василиса и сейчас же умолк.

–...Сдал при обыске. И претензий нияких не маю. И подпишить...

Тут Василиса собрал остатки последнего духа и спросил, отведя глаза:

– А кому?

Волк подозрительно посмотрел на Василису, но сдержал негодование и только вздохнул.

– Пиштить: получив... получили у целости Немоляка (он задумался, посмотрел на урода)...Кирпатьяш и отаман Ураган.

Василиса, мутно глядя в бумагу, писал под его диктовку. Написав требуемое, вместо подписи поставил дрожащую «Василис», протянул бумагу волку. Тот взял листок и стал в него вглядываться.

В это время далеко на лестнице вверху загремели стеклянные двери, послышались шаги и грянул голос Мышлаевского.

Лицо волка резко изменилось, потемнело. Зашевелились его спутники. Волк стал бурым и тихонько крикнул: «Ша!» Он вытащил из кармана браунинг и направил его на Василису, и тот страдальчески улыбнулся. За дверями в коридоре слышались шаги, переключения. Потом слышно было, как прогремел болт, крюк, цепь, – запирали дверь. Еще пробежали шаги, донесся смех мужчины. После этого стукнула стеклянная дверь, ушли ввысь замирающие шаги, и все стихло. Урод вышел в переднюю, наклонился к двери и прислушался. Когда он вернулся, многозначительно переглянулся с волком, и все, теснясь, стали выходить в переднюю. Там, в передней, гигант пошевелил пальцами в тесноватых ботинках и сказал:

– Холодно буде.

Он надел Василисины калоши.

Волк повернулся к Василисе и заговорил мягким голосом, бегая глазами:

– Вы вот що, пане... Вы молчите, що мы были у вас. Бо як вы накапаете на нас, то вас наши хлопцы вбьют. С квартиры до утра не выходить, за це строго взыскується...

– Прощении просим, – сказал провалившийся нос гнилым голосом.

Румяный гигант ничего не сказал, только застенчиво посмотрел на Василису и искоса, радостно – на сияющие калоши. Шли они из двери Василисы по коридору к уличной двери, почему-то приподымаясь на цыпочки, быстро, толкаясь. Прогремели запоры, глянуло темное небо, и Василиса холодными руками запер болты, голова его кружилась, и мгновенно ему показалось, что он видит сон. Тотчас сердце его упало, потом заколотилось часто, часто. В передней рыдала Ванда. Она упала на сундук, стукнулась головой об стену, крупные слезы залили ее лицо.

– Боже! Что же это такое?.. Боже. Боже. Вася... Среди бела дня. Что же это делается?!

Василиса трясся перед ней, как лист, лицо его было искажено.

– Вася, – вскричала Ванда, – ты знаешь?.. Это никакой не штаб, не полк. Вася. Это были бандиты!

– Я сам, сам понял, – бормотал Василиса, в отчаянии разводя руками.

– Господи! – вскрикнула Ванда. – Нужно бежать скорей, сию минуту, сию секунду заявить, ловить их. Ловить! Царица Небесная! Все вещи. Все! Все! И хоть бы кто-нибудь, кто-нибудь... А?.. – Она затряслась, скатилась с сундука на пол, закрыла лицо руками. Волосы ее разметались, кофточка расстегнулась на спине.

– Куда ж, куда?.. – спрашивал Василиса.

– Боже мой, в штаб, в варту! Заявление подать. Скорей. Что ж это такое...

Василиса топтался на месте, вдруг кинулся бежать в дверь. Он налетел на стеклянную преграду и поднял грохот.

Все, кроме Шервинского и Елены, толпились в квартире Василисы. Лариосик, бледный, стоял в дверях. Мышлаевский, раздвинув ноги, поглядел на опорки и лохмотья, брошенные неизвестными посетителями, повернулся к Василисе:

– Пиши пропало. Это бандиты. Благодарите Бога, что живы остались. Я, сказать по правде, удивлен, что вы так дешево отделались.

– Боже... что они с нами сделали! – сказала Ванда.

– Они угрожали мне смертью.

– Спасибо, что угрозу не привели в исполнение. В первый раз такую штуку вижу.

– Чисто сделано, – тихонько подтвердил Карась.

– Что же теперь делать?.. – замирая, спросил Василиса. – Бежать жаловаться?.. Куда?.. Ради Бога, Виктор Викторович, посоветуйте.

Мышлаевский крикнул, подумал.

– Никуда я вам жаловаться не советую, – молвил он, – во-первых, их не поймают – раз. – Он загнул длинный палец. – Во-вторых...

– Вася, ты помнишь, они сказали, что убьют, если ты заявишь?

– Ну, это-то вздор, – Мышлаевский нахмурился, – никто не убьет, но, говорю, не поймают их, да и ловить никто не станет, а второе, – он загнул второй палец, – ведь вам придется заявить, что у вас взяли, вы говорите, царские деньги... Нуте-с, вы заявите там в штаб этот ихний или куда там, а они вам, чего доброго, второй обыск устроят.

– Может быть, очень может быть, – подтвердил высокий специалист Николка.

Василиса, растерзанный, облитый водой после обморока, поник головой, Ванда тихо заплакала, прислонившись к притолоке, всем стало их жаль. Лариосик тяжело вздохнул у дверей и выкатил мутные глаза.

– Вот оно, у каждого свое горе, – прошептал он.

– Чем же они были вооружены? – спросил Николка.

– Боже мой. У обоих револьверы, а третий... Вася, у третьего ничего не было?

– У двух револьверы, – слабо подтвердил Василиса.

– Какие, не заметили? – деловито добивался Николка.

– Ведь я ж не знаю, – вздохнув, ответил Василиса, – не знаю я систем. Один большой черный, другой маленький черный с цепочкой.

– Цепочка, – вздохнула Ванда.

Николка нахмурился и искоса, как птица, посмотрел на Василису. Он потоптался на месте, потом беспокойно двинулся и проворно отправился к двери. Лариосик поплелся за ним. Лариосик не достиг еще столовой, когда из Николкиной комнаты долетел звон стекла и Николкин вопль. Лариосик устремился туда. В Николкиной комнате ярко горел свет, в открытую форточку несло холодом и зияла огромная дыра, которую Николка устроил коленями, сорвавшись с отчаяния с подоконника. Николкины глаза блуждали.

– Неужели? – вскричал Лариосик, вздымая руки. – Это настоящее колдовство!

Николка бросился вон из комнаты, проскочил сквозь книжную, через кухню, мимо ошеломленной Анюты, кричащей: «Никол, Никол, куда ж ты без шапки? Господи, аль еще что случилось?!» И выскочил через сени во двор. Анюта, крестясь, закинула в сенях крючок, убежала в кухню и припала к окну, но Николка моментально пропал из глаз.

Он круто свернул влево, сбежал вниз и остановился перед сугробом, запиравшим вход в ущелье между стенами. Сугроб был совершенно нетронут. «Ничего не понимаю», – в отчаянии бормотал Николка и храбро кинулся в сугроб. Ему показалось, что он задохнется. Он долго месил снег, плевался и фыркая, прорвал наконец снеговую преграду и, весь белый, пролез в дикое узкое ущелье, глянул вверх и увидел: вверху, там, где из рокового окна его комнаты выпадал свет, черными головками виднелись костыли и их остренькие густые тени, но коробки не было.

С последней надеждой, что, может быть, петля оборвалась, Николка, поминутно падая на колени, шарил по битым кирпичам. Коробки не было.

Тут яркий свет вдруг осветил Николкину голову. «А-а», – закричал он и полез дальше к забору, закрывающему ущелье с улицы. Он дополз и ткнул руками, доски отошли, глянула широкая дыра на черную улицу. Все понятно!.. Они отшили доски, ведущие в ущелье, были здесь и даже, п-о-нимаю, хотели залезть к Василисе через кладовку, но там решетка на окне!

Николка, весь белый, вошел в кухню молча.

– Господи, дай хоть почищу!.. – вскричала Анюта.

– Уйди ты от меня, ради Бога, – ответил Николка и прошел в комнаты, обтирая заочеченные руки об штаны. – Ларион, дай мне по морде, – обратился он к Лариосику. Тот заморгал глазами, потом выкатил их и сказал:

– Что ты, Николаша? Зачем же так впадать в отчаянье? – Он робко стал шаркать руками по спине Николки и рукавом сбивать снег.

– Не говоря о том, что Алеша оторвет мне голову, если, даст Бог, поправится, – продолжал Николка, – но самое главное... Най-Турсов кольт!.. Лучше б меня убили самого, ей-Богу!.. Это Бог наказал меня за то, что я над Василисой издевался. И жаль Василису, но ты понимаешь, они

с этим самым револьвером его и отделали. Хотя, впрочем, его можно и без всяких револьверов обобрать как липочку!.. Такой уж человек. Эх... Вот какая история. Бери бумагу, Ларион, будем окно заклеивать.

Ночью из ущелья вылезли с гвоздями, топором и молотком Николка, Мышлаевский и Лариосик. Ущелье было короткими досками забито наглухо. Сам Николка с остервенением вгонял длинные толстые гвозди с таким расчетом, чтобы они остриями вылезли наружу. Еще позже на веранде со свечами ходили, а затем через холодную кладовую на чердак лезли Николка, Мышлаевский и Лариосик. На чердаке, над квартирой, со зловещим топотом они лазили всюду, сгибаясь между теплыми трубами, между бельем, и забили слуховое окно.

Василиса, узнав об экспедиции на чердак, обнаружил живейший интерес и тоже присоединился и лазил между балками, одобряя все действия Мышлаевского.

– Какая жалость, что вы не дали нам как-нибудь знать! Нужно было бы Ванду Михайловну послать к нам через черный ход, – говорил Николка, капая со свечи стеарином.

– Ну, брат, не очень-то, – отозвался Мышлаевский, – когда уже они были в квартире, это, друг, дело довольно дохлое. Ты думаешь, они не стали бы защищаться? Еще как. Ты, прежде чем в квартиру бы влез, получил бы пулю в живот. Вот и покойничек. Так-то-с. А вот не пускать, это дело другого рода.

– Угрожали выстрелить через дверь, Виктор Викторович, – задушевно сказал Василиса.

– Никогда бы не выстрелили, – отозвался Мышлаевский, гремя молотком, – ни в коем случае. Всю бы улицу на себя навлекли.

Позже ночью Карась нежился в квартире Лисовичей, как Людовик XIV. Этому предшествовал такой разговор:

– Не придут же сегодня, что вы! – говорил Мышлаевский.

– Нет, нет, нет, – вперебой отвечали Ванда и Василиса на лестнице, – мы умоляем, просим вас или Федора Николаевича, просим!.. Что вам стоит? Ванда Михайловна чайком вас напоит. Удобно уложим. Очень просим и завтра тоже. Помилуйте, без мужчины в квартире!

– Я ни за что не засну, – подтвердила Ванда, кутаясь в пуховый платок.

– Коньячок есть у меня – согреемся, – неожиданно залихватски как-то сказал Василиса²³⁰.

– Иди, Карась, – сказал Мышлаевский.

Вследствие этого Карась и нежился. Мозги и суп с постным маслом, как и следовало ожидать, были лишь симптомами той омерзительной болезни скупости, которой Василиса заразил свою жену. На самом деле в недрах квартиры скрывались сокровища, и они были известны только одной Ванде. На столе в столовой появилась банка с маринованными грибами, телятина, вишневое варенье и настоящий, славный коньяк Шустова с колоколом. Карась потребовал рюмку для Ванды Михайловны и ей налил.

– Не полную, не полную, – кричала Ванда.

Василиса, отчаянно махнув рукой, подчиняясь Карасю, выпил одну рюмку.

– Ты не забывай, Вася, что тебе вредно, – нежно сказала Ванда.

После авторитетного разъяснения Карася, что никому абсолютно не может быть вреден коньяк и что его дают даже малокровным с молоком, Василиса выпил вторую рюмку, и щеки его порозовели, и на лбу выступил пот. Карась выпил пять рюмок и пришел в очень хорошее расположение духа. «Если б ее откормить, она вовсе не так уж дурна», – думал он, поглядывая на Ванду.

Затем Карась похвалил расположение квартиры Лисовичей и обсудил план сигнализации в квартиру Турбиных: один звонок из кухни, другой из передней. Чуть что – наверх звонок! И пожалуйста, выйдет открывать Мышлаевский, это будет совсем другое дело.

Карась очень хвалил квартиру: и уютно, и хорошо меблирована, и один недостаток – холодно!

²³⁰ ...залихватски как-то сказал Василиса. – Далее в корректуре: «Мышлаевский повернул голову, но удержался, видно было, что какой-то другой план сидит у него в голове».

Ночью сам Василиса притащил дров и собственноручно затопил печку в гостиной. Карась, раздевшись, лежал на тахте между двумя великолепнейшими простынями и чувствовал себя очень уютно и хорошо. Василиса в рубашке, в подтяжках пришел к нему и присел на кресло со словами:

– Не спится, знаете ли, вы разрешите с вами немного побеседовать?

Печка догорела, Василиса, круглый, успокоившийся, сидел в креслах, вздыхал и говорил:

– Вот-с как, Федор Николаевич. Все, что нажито упорным трудом, в один вечер перешло в карманы каких-то негодяев... путем насилия... Вы не думайте, чтобы я отрицал революцию, о нет, я прекрасно понимаю исторические причины, вызвавшие все это.

Багровый отблеск играл на лице Василисы и застежках его подтяжек. Карась в чудесном коньячном расслаблении начинал дремать, стараясь сохранить на лице вежливое внимание...

– Но, согласитесь сами. У нас в России, в стране, несомненно, наиболее отсталой, революция уже выродилась в пугачевщину... Ведь что ж такое делается?.. Мы лишились в течение каких-либо двух лет всякой опоры в законе, минимальной защиты наших прав человека и гражданина. Англичане говорят...

– М-ме, англичане... они, конечно, – пробормотал Карась, чувствуя, что мягкая стена начинает отделять его от Василисы.

–...А тут, какой же «твой дом – твоя крепость», когда вы не гарантированы в собственной вашей квартире за семью замками от того, что шайка, вроде той, что была у меня сегодня, не лишит вас не только имущества, но, чего доброго, и жизни?

– На сигнализацию и на ставни наляжем, – не очень удачно, сонным голосом ответил Карась.

– Да ведь, Федор Николаевич! Да ведь дело, голубчик, не в одной сигнализации! Никакой сигнализацией вы не остановите того развала и разложения, которые свили теперь гнездо в душах человеческих. Помилуйте, сигнализация – частный случай, а предположим, она испортится?

– Починим, – ответил счастливый Карась.

– Да ведь нельзя же всю жизнь строить на сигнализации и каких-либо там револьверах. Не в этом дело. Я говорю вообще, обобщая, так сказать, случай. Дело в том, что исчезло самое главное, уважение к собственности. А раз так, дело кончено. Если так, мы погибли. Я убежденный демократ по натуре и сам из народа. Мой отец был простым десятником на железной дороге. Все, что вы видите здесь, и все, что сегодня у меня отняли эти мошенники, все это нажито и сделано исключительно моими руками. И, поверьте, я никогда не стоял на страже старого режима, напротив, признаюсь вам по секрету, я кадет, но теперь, когда я своими глазами увидал, во что все это выливается, клянусь вам, у меня является зловещая уверенность, что спасти нас может только одно...

Откуда-то из мягкой пелены, окутывающей Карася, донесся шепот...

– Самодержавие. Да-с... Злейшая диктатура, какую можно только себе представить... Самодержавие...

«Эк разнесло его, – думал блаженный Карась. – М-да, самодержавие – штука хитрая. Эхемм...» – проговорил он сквозь вату.

– Ах, ду-ду-ду-ду – хабеас корпус, ах, ду-ду-ду-ду... Ай, ду-ду... – бубнил голос через вату, – ай, ду-ду-ду, напрасно они думают, что такое положение вещей может существовать долго, ай, ду-ду-ду, и восклицают многие лета! Нет-с. Многие лета это не продолжится, да и смешно было бы думать, что...

– Крепость Ивангород, – неожиданно перебил Василису покойный комендант в папаче,

– **многая лета!**

– И Ардаган и Каре²³¹, – подтвердил Карась в тумане,

– **многая лета!**

²³¹ *Крепость Ивангород... И Ардаган и Каре...* – Речь идет о городах, которые потеряла Россия в результате развала Российской империи.

Реденький почтительный смех Василисы донесся издали.

– **Многая лета!!** –

радостно спели голоса в Карасевой голове.

16

**Многая ле-ета. Многая лета!
Много-о-о-о-га-ая ле-е-е-т-а!..** –

вознесли девять басов знаменитого хора Толмашевского!

Мн-о-о-о-о-о-о-о-о-гая л-е-е-е-е-та!.. –

разнесли хрустальные дисканты.

Многая... Многая... Многая...–

рассыпаясь в сопрано, ввинтил в самый купол хор.

– Бач! Бач! Сам Петлюра...

– Бач, Иван...

– У, дурень... Петлюра уже на площади...

Сотни голов на хорах громоздились одна на другую, давя друг друга, свешивались с балюстрады между древними колоннами, расписанными черными фресками. Крутятся, волнуясь, напирая, давя друг друга, лезли к балюстраде, стараясь глянуть в бездну собора, но сотни голов, как желтые яблоки, висели тесным, тройным слоем. В бездне качалась душная тысячеголовая волна, и над ней плыл, раскаляясь, пот и пар, ладанный дым, нагар сотен свечей, копоть тяжелых лампад на цепях. Тяжкая завеса серо-голубая, скрипя, ползла по кольцам и закрывала резные, витые, векового металла, темного и мрачного, как весь мрачный собор Софии, царские врата. Огненные хвосты свечей в паникадилах потрескивали, колыхались, тянулись дымной ниткой вверх. Им не хватало воздуха. В приделе алтаря была невероятная кутерьма. Из боковых алтарских дверей, по гранитным истертым плитам сыпались золотые ризы, взмахивали орари. Лезли из круглых картонок фиолетовые камилавки, со стен, качаясь, снимались хоругви. Страшный бас протодиакона Серебрякова рычал где-то в гуще. Риза, безголовая, безрукая, горбом витала над толпой, затем утонула в толпе, потом вынесло вверх один рукав ватной рясы, другой. Взмахивали клетчатые платки, свивались в жгуты.

– Отец Аркадий, щеки покрепче подвяжите, мороз лютый, позвольте, я вам помогу.

Хоругви кланялись в дверях, как побежденные знамена, плыли коричневые лики и таинственные золотые слова, хвосты мело по полу.

– Посторонитесь...

– Батюшки, куда ж?

– Манька! Задавят...

– О ком же? (Бас, шепот.) Украинской народной республике?

– А черт ее знает (шепот).

– Кто ни поп, тот батька...

– Осторожно!..

Многая лета!!! –

зазвенел, разнесся по всему собору хор... Толстый, багровый Толмашевский угасил восковую жидкую свечу и камертон засунул в карман. Хор, в коричневых до пят костюмах, с золотыми позументами, колыша белобрысыми, словно лысыми, головами дискантов, качаясь кады-

ками, лошадиными головами басов, потек с темных, мрачных хор. Лавинами из всех пролетов, густея, давя друг друга, закипел в водоворотках, зашумел народ.

Из придела выплывали стихари, обвязанные, словно от зубной боли, головы с растерянными глазами, фиолетовые, игрушечные, картонные шапки. Отец Аркадий, настоятель кафедрального собора, маленький щуплый человек, водрузивший сверх серого клетчатого платка самоцветами искрящуюся митру, плыл, семена ногами в потоке. Глаза у отца были отчаянные, тряслась борода.

- Крестный ход будет. Вали, Митька.
- Тише вы! Куда лезете? Попов подавите...
- Туда им и дорога.
- Православные!! Ребенка задавили...
- Ничего не понимаю...
- Як вы не понимаете, то вы б ишли до дому, бо тут вам робить нема чога...
- Кошелек вырезали!
- Позвольте, они же социалисты? Так ли я говорю? При чем же здесь попы?
- Выбачайте.
- Попам дай синенькую, так они дьяволу обедню отслужат.
- Тут бы сейчас на базар, да по жидовским лавкам ударить. Самый раз...
- Я на вашей мови не размовляю.
- Душат женщину, женщину душат...
- Га-а-а-а!!! Га-а-а-а!!!

Из боковых заколонных пространств, с хор, со ступени на ступень, плечо к плечу, не повернуться, не шелохнуться, ташило к дверям, вертело. Коричневые с толстыми икрами скомоорохи неизвестного века неслись, приплясывая и наигрывая на дудках, на старых фресках на стенах. Через все проходы, в шорохе, гуле, несло полузадушенную, опьяненную углекислотой, дымом и ладаном толпу. То и дело в гуще вспыхивали короткие болезненные крики женщин. Карманные воры с черными кашне работали сосредоточенно, тяжело, продвигая в слипшихся комках человеческого давленого мяса ученые виртуозные руки. Хрустели тысячи ног, шептала, шуршала толпа.

- Господи Боже мой...
- Иисусе Христе... Царица Небесная, Матушка...
- И не рад, что пошел. Что же это делается?
- Чтоб тебя, сволочь, раздавило...
- Часы, голубчики, серебряные часы, братцы родные! Вчера купил...
- Отлитургисали, можно сказать...
- На каком же языке служили, отцы родные, не пойму я?
- На божественном, тетка.
- От строго заборонють, щоб не було бильш московской мовы.
- Что ж это, позвольте, как же? Уж и на православном, родном языке говорить не разрешается?
- С корнями серьги вывернули. Пол-уха оборвали...
- Большевика держите, козаки! Шпиен! Большевицкий шпиен!
- Це вам не Россия, добродию!
- Ох, Боже мой, с хвостами... Глянь, в галунах, Маруся.
- Дур... но мне...
- Дурно женщине.
- Всем, матушка, дурно. Всему народу чрезвычайно плохо. Глаз, глаз выдушите, не напирайте! Что вы взбесились, анафемы?!
- Геть! В Россию! Геть с Украины!
- Иван Иванович, тут бы полиции сейчас наряд, помните, бывало, в двенадцатые праздники?.. Эх, хо, хо.
- Николая вам кровавого давай? Мы знаем, мы все знаем, какие мысли у вас в голове находятся.
- Отстаньте от меня, ради Христа. Я вас не трогаю.
- Господи, хоть бы выход скорей... Воздуху живого глотнуть.

– Не дойду. Помру.

Через главный выход напором перло и выпихивало толпу, вертело, бросало, роняли шапки, гудели, крестились. Через второй боковой, где мгновенно выдавили два стекла, вылетел, серебряный с золотом, крестный, задавленный и ошалевший, ход с хором. Золотые пятна плыли в черном месиве, торчали камилавки и митры, хоругви наклонно вылезали из стекол, выпрямлялись и плыли торчком.

Был сильный мороз. Город курился дымом. Соборный двор, топтанный тысячами ног, звонко, непрерывно хрустел. Морозная дымка веяла в остывшем воздухе, поднималась к колокольне. Софийский тяжелый колокол на главной колокольне гудел, стараясь покрыть всю эту страшную, вопящую кутерьму. Маленькие колокола тьякали, заливаясь, без ладу и складу, вперебой, точно сатана влез на колокольню, сам дьявол в рясе и, забавляясь, поднимал гвалт. В черные прорезы многоэтажной колокольни, встречавшей некогда тревожным звоном косых татар, видно было, как металась и кричала маленькие колокола, словно яростные собаки на цепи. Мороз хрустел, курился. Расплавляло, отпускало душу на покаяние, и черным-черно разливался по соборному двору народушко.

Старцы Божии, несмотря на лютый мороз, с обнаженными головами, то лысыми, как спелые тыквы, то крытыми дремучим оранжевым волосом, уже сели рядом по-турецки вдоль каменной дорожки, ведущей в великий пролет старософийской колокольни, и пели гнусавыми голосами.

Слепцы-лирники тянули за душу отчаянную песню о Страшном Суде, и лежали доньшком книзу рваные картузы, и падали, как листья, засаленные карбованцы, и глядели из картузов трепаные гривны.

*Ой, когда конец века искончается,
А тогда Страшный Суд приближается²³²...*

Страшные, щиплющие сердце звуки пели с хрустящей земли, гнусаво, пискливо вырываясь из желтозубых бандур с кривыми ручками.

– Братики, сестрички, обратите внимание на убожество мое. Подайте, Христа ради, что милость ваша будет.

– Бегите на площадь, Федосей Петрович, а то опоздаем.

– Молебен будет.

– Крестный ход.

– Молебствие о даровании победы и одоления революционному оружию народной украинской армии.

– Помилуйте, какие же победы и одоление? Победили уже!

– Еще побеждать будут!

– Поход буде.

– Куды поход?

– На Москву.

– На какую Москву?

– На самую обыкновенную.

– Руки коротки!

– Як вы казали? Повторить, як вы казали? Хлопцы, слухайте, що вин казав!

– Ничего я не говорил!

²³² ...А тогда Страшный Суд приближается... – Далее в корректуре:

«Ой, восплачем мы все возрыдаем.
А на бессмертный час размышляемо.
Ой тогда ту, никого не будет, ой.
Тильки нас сам Иисус Христос судити буде.
Ох услыши, услыши, господь Саваоф,
А помилуй нас, сам Иисус Христос!..»

– Держи, держи его, вора, держи!

– Беги, Маруся, через те ворота, здесь не пройдем. Петлюра, говорят, на площади. Петлюру смотреть.

– Дура, Петлюра в соборе.

– Сама ты дура. Он на белом коне, говорят, едет.

– Слава Петлюри! Украинской Народной Республике слава!!!

– Дон... дон... дон... Дон-дон-дон... Тирли-бом-бом. Дон-бом-бом, – бесились колокола.

– Воззрите на сироток, православные граждане, добрые люди... Слепому... Убогому...

Черный, с обшитым кожей задом, как ломаный жук, цепляясь рукавицами за затоптанный снег, полез безногий между ног. Калеки, убогие выставляли язвы на посиневших голеньях, трясли головами, якобы в тике и параличе, закатывали белесые глаза, притворяясь слепыми. Изводя душу, убивая сердце, напоминая про нищету, обман, безнадежность, безысходную дичь степей, скрипели, как колеса, стонали, выли в гуще проклятые лиры.

– Вернися, сиротко, далекий свит зайдешь²³³...

Косматые, трясущиеся старухи с клюками совали вперед иссохшие пергаментные руки, выли:

– Красавец писанный! Дай тебе Бог здоровечка!

– Барыня, пожалей старуху, сироту несчастную.

– Голубчики, милые, Господь Бог не оставит вас...

Салопницы на плоских ступнях, чуйки в чепцах с ушами, мужики в бараньих шапках, румяные девушки, отставные чиновники с пыльными следами кокард, пожилые женщины с выпяченным мысом животом, юркие ребята, казаки в шинелях, в шапках с хвостами цветного верха, синего, красного, зеленого, малинового с галуном, золотыми и серебряными, с кистями золотыми с углов гроба, черным морем разливались по соборному двору, а двери собора все источали и источали новые волны²³⁴. На воздухе воспрянул духом, глотнул силы крестный ход, перестроился, подтянулся, и поплыли в стройном чине и порядке обнаженные головы в клетчатых платках, митры и камилавки, буйные гривы дьяконов, скуфьи монахов, острые кресты на золоченых древках, хоругви Христа-Спасителя и Божьей Матери с младенцем, и поплыли разрезные, кованые, золотые, малиновые, писанные славянской вязью хвостатые полотнища.

То не серая туча со змеиным брюхом разливается по городу, то не бурные, мутные реки текут по старым улицам – то сила Петлюры несметная на площадь старой Софии идет на парад²³⁵.

Первой, взорвав мороз ревом труб, ударив блестящими тарелками, разрезав черную реку народа, пошла густыми рядами синяя дивизия.

В синих жупанах, в смушковых, лихо заломленных шапках с синими верхами, шли галичане. Два двуцветных прапора, наклоненных меж обнаженными шашками, плыли следом за густым трубным оркестром, а за прапорами, мерно давя хрустальный снег, молодецки гремели ряды, одетые в добротное, хоть немецкое сукно. За первым батальоном валили черные в длинных халатах, опоясанных ремнями, и в тазах на головах, и коричневая заросль штыков колючей тучей лезла на парад.

Несчитанной силой шли серые обшарпанные полки сечевых стрельцов. Шли курени гайдамаков, пеших, курень за куренем, и, высоко танцуя в просветах батальонов, ехали в седлах бравые полковые, куренные и ротные командиры. Удалые марши, победные, ревущие, выли золотом в цветной реке.

За пешим строем, облегченной рысью, мелко прыгая в седлах, покатили конные полки.

²³³ – *Вернися, сиротко, далекий свит зайдешь...* – Далее в корректуре: «А в своей матинки до вику не знайдешь...»

²³⁴ *...источали новые волны.* – Далее в корректуре: «К выходу на Владимирскую улицу и к другому великому проходу через колокольню старой Софии валил народ, стараясь попасть на Софийскую площадь. На воздухе – в игольчатом морозе воспрянул духом, глотнул...»

²³⁵ *...на площадь старой Софии идет на парад.* – Далее в корректуре: «Волнами народа забило и закупило все перекрестки на улицах, ведущих на площадь. Снизу от Крещатика по Михайловской, Софийской осели потоки, пропала в черноте белая Владимирская улица, а на самой площади, вокруг черного Богдана Хмельницкого, поднявшего коня на дыбы, закипел водоворот».

Ослепительно резнули глаза восхищенного народа мятые, заломленные папахи с синими, зелеными и красными шлыками с золотыми кисточками.

Пики прыгали, как иглы, надетые петлями на правые руки. Весело гремящие бунчуки металась среди конного строя, и рвались вперед от трубного воя кони командиров и трубачей. Толстый, веселый, как шар, Болботун катил впереди куреня, подставив морозу блестящий в сале низкий лоб и пухлые радостные щеки. Рыжая кобыла, кося кровавым глазом, жуя мундштук, роня пену, поднималась на дыбы, то и дело встряхивая шестипудового Болботуна, и гремела, хлопая ножами, кривая сабля, и колол легонько шпорами полковник крутые нервные бока.

*Бо старшины з нами,
З нами, як з братами! –*

разливаясь, на рыси пели и прыгали лихие гайдамаки, и трепались цветные оселедцы.

Трепля простреленным желто-блакитным знаменем, гремя гармоникой, прокатил полк черного, остроусого, на громадной лошади, полковника Козыря-Лешко. Был полковник мрачен и косил глазом и хлестал по крупу жеребца плетью. Было от чего сердиться полковнику – побили Най-Турсовы залпы в туманное утро на Брест-Литовской стреле лучшие Козырины взводы, и шел полк рысью и выкатывал на площадь сжавшийся, поредевший строй.

За Козырем пришел лихой, никем не битый черноморский конный курень имени гетмана Мазепы. Имя славного гетмана, едва не погубившего императора Петра под Полтавой, золотистыми буквами сверкало на голубом шелке²³⁶.

Народ тучей обмывал серые и желтые стены домов, народ выпирал и лез на тумбы, мальчишки карабкались на фонари и сидели на перекладинах, торчали на крышах, свистали, кричали: ура!! Ура!..

– Слава! Слава! – кричали с тротуаров.

Лепешки лиц громоздились в балконных и оконных стеклах.

Извозчики, балансируя, лезли на козлы саней, взмахивая кнутами.

– Ото казали банды... Вот тебе и банды. Ура!

– Слава! Слава Петлюри! Слава нашему батько!

– Ур-ра!..

– Маня, глянь, глянь... Сам Петлюра, глянь, на серой. Какой красавец...

– Що вы, мадам, це полковник.

– Ах, неужели? А где же Петлюра?

– Петлюра во дворце принимает французских послов с Одессы.

– Що вы, добродию, сдурели? Яких послов?

– Петлюра, Петр Васильевич, говорят (шепот), в Париже, а, видали?

– Вот вам и банды... Меллиен войску.

– Где же Петлюра? Голубчики, где Петлюра? Дайте хоть одним глазком взглянуть.

– Петлюра, сударыня, сейчас на площади принимает народ.

– Ничего подобного. Петлюра в Берлине президенту представляется по случаю заключения союза.

– Якому президенту? Чего вы, добродию, распространяете провокацию?

– Берлинскому президенту... По случаю республики...

– Видали? Видали? Який важный... Вин по Рыльскому переулку проехал у кареты. Шесть лошадей...

– Це архиерей проехал.

– Виноват, разве они в архиереев верят?

– Я не кажу, верят – не верят... Кажу – проехал, и больше ничего. Самы истолкуйте факт...

– Факт тот, что попы служат сейчас...

– С попами крепче...

– Петлюра! Петлюра! Петлюра! Петлюра! Петлюра!

²³⁶ ...золотистыми буквами сверкало на голубом шелке. – Далее в корректуре: «Но несчастлив был седоусый мрачный возлюбленный Марии и ушел сам из-под Полтавы рядом с замученным, раненым императором Карлом... Хор собственных трубачей сверкал и весело рокотал и пел впереди мазепино куреня».

Гремели страшные тяжкие колеса, тархтели ящики, за десятью конными куренями шла лентами бесконечная артиллерия. Везли тупые, толстые мортиры, катились тонкие гаубицы; сидела прислуга на ящиках, веселая, кормленая, победная, чинно и мирно ехали ездовые. Шли, напрягаясь, вытягиваясь, шестидюймовые, сытые кони, крепкие, крутокрупные, и крестьянские, привычные к работе, похожие на беременных блох, коняки. Легко громыхала конно-горная легкая, и пушечки подпрыгивали, окруженные бравыми всадниками.

– Эх... эх... вот тебе и пятнадцать тысяч... Что же это наврали нам. Пятнадцать... бандит... разложение... Господи, не сочтешь! Еще батарея... еще, еще...

Толпа мяла и мяла Николку, и он, сунув птичий нос в воротник студенческой шинели, влез наконец в нишу в стене и там утвердился. Какая-то веселая бабенка в валенках уже находилась в нише и сказала Николке радостно:

– Держитесь за меня, паньчучу, а я за кирпич, а то звалимся.

– Спасибо, – уныло просопел Николка в заиндевавшем воротнике, – я вот за крюк буду.

– Де ж сам Петлюра? – болтала словоохотливая бабенка. – Ой, хочу побачить Петлюру. Кажуть, вин красавец неопикуемый?

– Да, – промычал Николка неопределенно в барашковом мехе, – неопикуемый. «Еще батарея... Вот, черт... Ну, ну, теперь я понимаю...»

– Вин на автомобиле, кажуть, проехав, – тут... Вы не бачили?

– Он в Виннице, – гробовым и сухим голосом ответил Николка, шевеля замерзшими в сапогах пальцами. «Какого черта я валенки не надел. Вот мороз».

– Бач, бач, Петлюра.

– Та який Петлюра, це начальник варты.

– Петлюра мае резиденцию в Билой Церкви. Теперь Била Церковь буде столицей.

– А в Город они разве не придут, позвольте вас спросить?

– Придут своевременно.

– Так, так, так...

Лязг, лязг, лязг. Глухие раскаты турецких барабанов неслись с площади Софии, а по улице уже ползли, грозя пулеметами из амбразур, колыша тяжелыми башнями, четыре страшных броневика. Но румяного энтузиаста Страшкевича уже не было внутри. Лежал еще до сих пор не убраный и совсем уже не румяный, а грязно-восковой, неподвижный Страшкевич на Печерске, в Мариинском парке, тотчас за воротами. Во лбу у Страшкевича была дырочка, другая, запекшаяся, за ухом. Босые ноги энтузиаста торчали из-под снега, и глядел остеклевшими глазами энтузиаст прямо в небо сквозь кленовые голые ветви. Кругом было очень тихо, в парке ни живой души, да и на улице редко кто показывался, музыка сюда не достигала от старой Софии, поэтому лицо энтузиаста было совершенно спокойно.

Броневики, гудя, разламывая толпу, уплывали в поток туда, где сидел Богдан Хмельницкий и булавой, чернея на небе, указывал на северо-восток. Колокол еще плыл густейшей масляной волной по снежным холмам и кровлям города, и бухал, бухал барабан в гуще, и лезли остервеневшие от радостного возбуждения мальчишки к копытам черного Богдана. А по улицам уже гремели грузовики, скрипя цепями, и ехали на площадках в украинских кожухах, из-под которых торчали разноцветные плахты, ехали с соломенными венками на головах девушки и хлопцы в синих шароварах под кожухами, пели стройно и слабо...

А в Рыльском переулке в то время грохнул залп. Перед залпом закружились метелицей бабы визги в толпе. Кто-то побежал с воплем:

– Ой, лышечко!

Кричал чей-то голос, срывающийся, торопливый, сиповатый:

– Я знаю. Тримай их! Офицеры! Офицеры! Офицеры... Я их бачив в погонах!

Во взводе десятого куреня имени Рады, ожидавшего выхода на площадь, торопливо спешили хлопцы, врезались в толпу, хватая кого-то. Кричали женщины. Слабо, надрывно вскрикивал схваченный за руки капитан Плешко:

– Я не офицер. Ничего подобного. Ничего подобного. Что вы? Я служащий в банке.

Хватили с ним рядом кого-то, тот, белый, молчал и извивался в руках...

Потом хлынуло по переулку, словно из прорванного мешка, давя друг друга. Бежал ошалевший от ужаса народ. Очистилось место совершенно белое, с одним только пятном – брошенной чьей-то шапкой. В переулке сверкнуло и трахнуло, и капитан Плешко, трижды отрекшийся,

заплатил за свое любопытство к парадам. Он лег у палисадника церковного софийского дома навзничь, раскинув руки, а другой, молчаливый, упал ему на ноги и откинулся лицом в тротуар. И тотчас лязгнули тарелки с угла площади, опять попер народ, зашумел, забухал оркестр. Резнул победный голос: «Кроком рушь!» И ряд за рядом, блестя хвостатыми галунами, тронулся конный курень Рады.

Совершенно внезапно лопнул в прорезе между куполами серый фон, и показалось в мутной мгле внезапное солнце. Было оно так велико, как никогда еще никто на Украине не видал, и совершенно красно, как чистая кровь. От шара, с трудом сияющего сквозь завесу облаков, мерно и далеко протянулись полосы запекшейся крови и сукровицы. Солнце окрасило в кровь главный купол Софии, а на площадь от него легла странная тень, так что стал в этой тени Богдан фиолетовым, а толпа мятущегося народа еще чернее, еще гуще, еще смятнее. И было видно, как поднимались на лестницу серые, опоясанные лихими ремнями и штыками, пытались сбить надпись, глядящую с черного гранита²³⁷. Но бесполезно скользили и срывались с гранита штыки. Скачущий же Богдан яростно рвал коня со скалы, пытаясь улететь от тех, кто навис тяжестью на копытах. Лицо его, обращенное прямо в красный шар, было яростно, и по-прежнему булавой он указывал в дали.

И в это время над гудящей растекающейся толпой напротив Богдана, на замерзшую, скользкую чашу фонтана, подняли руки человека. Он был в темном пальто с меховым воротником, а шапку, несмотря на мороз, снял и держал в руках. Площадь по-прежнему гудела и кишела, как муравейник, но колокольня на Софии уже смолкла, и музыка уходила в разные стороны по морозным улицам. У подножия фонтана сбилась огромная толпа.

- Петька, Петька. Кого это подняли?..
- Кажись, Петлюра.
- Петлюра речь говорит!!
- Що вы брешете... Це простый оратор...
- Маруся, оратор. Гляди!.. Гляди!..
- Декларацию объявляют...
- Ни, це Универсал будут читать.
- Хай живе вильна Украина!

Поднятый человек глянул вдохновенно поверх тысячной гуши голов куда-то, где, все явственнее вылезая, солнечный диск золотил густым красным золотом кресты, взмахнул рукой и слабо выкрикнул:

- Народу слава!
- Петлюра!.. Петлюра.
- Да який Петлюра. Що вы, сказались?
- Чего на фонтан Петлюра полезет?
- Петлюра в Харькове!
- Петлюра только что проследовал во дворец на банкет...
- Не брешить, нияких банкетов не буде.
- Слава народу! – повторял человек, и тотчас прядь светлых волос прыгнула, соскочила ему на лоб.
- Тише!

Голос светлого человека окреп и был слышен ясно сквозь рокот и хруст ног, сквозь гуденье и прибой, сквозь отдаленные барабаны.

- Видели Петлюру?
- Как же, Господи, только что.
- Ах, счастливица. Какой он? Какой?
- Усы черные кверху, как у Вильгельма, и в шлеме. Да вот он, вон он, смотрите, Марья Фе-

²³⁷ ...пытались сбить надпись, глядящую с черного гранита. – Речь идет о надписи на памятнике, которая гласит: «Богдану Хмельницкому единая неделимая Россия». Памятник был сооружен в 1888 г. по проекту М. О. Микешина.

доровна, глядите, глядите – едет...

- Що вы провокацию робите! Це начальник Городской пожарной команды.
- Сударыня, Петлюра в Бельгии.
- Зачем же в Бельгию он поехал?
- Улаживать союз с союзниками...
- Та ни. Вин сейчас с эскортом поехал в Думу.
- Чого?..
- Присяга...
- Он будет присягать?
- Зачем он? Ему будут присягать.
- Ну, я скорей умру (шепот), а не присягну...
- Та вам и не надо... Женщин не тронут.
- Жидов тронут, это верно...
- И офицеров. Всем им кишки повыпустят.
- И помещиков. Долой!!
- Тише!

Светлый человек с какой-то страшной тоской и в то же время решимостью в глазах указал на солнце.

– Вы чулы, громадяне, браты и товарищи, – заговорил он, – як козаки пели: «Бо старшины з нами, з нами, як з братами»? З нами. З нами воны! – человек ударил себя шапкой в грудь, на которой алел громадной волной бант, – з нами. Бо тии старшины з народу, з ним родились, з ним и умрут. З нами воны мерзли в снегу при облоге Города и вот доблестно узяли его, и прапор червонный уже висит над теми громадами...

- Ура!
- Який червонный? Що вин каже? Жовто-блакитный?
- У большаков тэ ж червонный!
- Тише! Слава!
- А вин погано розмовляе на украинской мови...

– Товарищи! Перед вами теперь новая задача – поднять и укрепить новую незалежну Республику, для счастья усих трудящих элементов – рабочих и хлеборобов, бо тильки воны, полившие своею свежею кровью и потом нашу ридну землю, мають право владеть ею!

- Верно! Слава!
- Ты слышишь, «товарищами» называет? Чудеса-а...
- Ти-ше.

– Поэтому, дорогие граждане, присягнем тут в радостный час народной победы, – глаза оратора начали светиться, он все возбужденнее простирал руки к густому небу, и все меньше в его речи становилось украинских слов, – и дадим клятву, що мы не зложим оружие, доки червонный прапор – символ свободы – не буде развеваться над всем миром трудящихся!

- Ура! Ура! Ура!.. Интер...
- Васька, заткнись. Что ты, сдурел?
- Щур, что вы, тише!
- Ей-Богу, Михаил Семенович, не могу выдержать – вставай... прокл...

Черные онегинские баки скрылись в густом бобровом воротнике, и только видно было, как тревожно сверкнули в сторону восторженного самокатчика, сдавленного в толпе, глаза, до странности похожие на глаза покойного прапорщика Шполянского, погибшего в ночь на четырнадцатое декабря. Рука в желтой перчатке протянулась и сдвинула руку Щура...

- Ладно. Ладно, не буду, – бормотал Щур, въедаясь глазами в светлого человека.

А тот, уже овладев собой и массой в ближайших рядах, вскрикивал:

- Хай живут Советы рабочих, селянских и казачьих депутатов. Да здравствует...

Солнце вдруг угасло, и на Софии и куполах легла тень; лицо Богдана вырезалось четко, лицо человека тоже. Видно было, как прыгал светлый кок над его лбом...

- Га-а. Га-а-а, – зашумела толпа...

–...Советы рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов!! Пролетарии всех стран, соединяйтесь!!

- Как? Как? Что?! Слава!!

В задних рядах несколько мужских и один голос тонкий и звонкий запели «Як умру, то...».

– Ур-ра! – победно закричали в другом месте. Вдруг вспыхнул водоворот в третьем.

– Тримай його! Тримай! – закричал мужской надтреснутый и злобный и плаксивый голос. – Тримай! Це провокация. Большевик! Москаль! Тримай! Вы слухали, що вин казав?..

Всплеснули чьи-то руки в воздухе. Оратор кинулся набок, затем исчезли его ноги, живот, потом исчезла и голова, покрываясь шапкой.

– Тримай! – кричал в ответ первому второй тонкий тенор. – Це фальшивый оратор! Бери его, хлопцы, берить, громадяне.

– Га, га, га. Стой! Кто? Кого поймали? Кого? Та никого!!!

Обладатель тонкого голоса рванулся вперед к фонтану, делая такие движения руками, как будто ловил скользкую большую рыбу. Но бестолковый Щур в дубленом полушубке и треухе завертелся перед ним с воплем: «Тримай!» – и вдруг гаркнул:

– Стой, братцы, часы срезали!

Какой-то женщине отдавили ногу, и она взвыла страшным голосом.

– Кого часы? Где? Врешь – не уйдешь!

Кто-то сзади обладателя тонкого голоса ухватил за пояс и придержал, в ту минуту большая холодная ладонь разом и его нос и губы залепила тяжелой оплеухой фунта в полтора весом.

– Уп! – крикнул тонкий голос и стал бледный как смерть и почувствовал, что голова его голая, что на ней нет шапки. В ту же секунду его адски резнула вторая оплеуха, и кто-то взвыл в небесах:

– Вот он, ворюга, марвихер, сукин сын. Бей его!!

– Що вы?! – взвыл тонкий голос. – Що вы меня бьете?! Це не я! Не я! Це большевика держать треба! О-о! – завопил он...

– Ой, Боже мой, Боже мой, Маруся, бежим скорей, что же это делается?

В толпе, близ самого фонтана, завертелся и взбесился винт, и кого-то били, и кто-то выл, и народ раскидывало, и, главное, оратор пропал. Так пропал чудесно, колдовски, что словно сквозь землю провалился. Кого-то вынесло из винта, а впрочем, ничего подобного, оратор фальшивый был в черной шапке, а этот выскочил в папахе. И через три минуты винт улегся сам собой, как будто его и не было, потому что нового оратора уже поднимали на край фонтана, и со всех сторон слушать его лезла, наслаиваясь на центральное ядро, толпа мало-мало не в две тысячи человек.

В белом переулке у палисадника, откуда любопытный народ уже схлынул вслед за расходящимся войском, смешливый Щур не вытерпел и с размаху сел прямо на тротуар.

– Ой, не могу, – загремел он, хватаясь за живот. Смех полетел из него каскадами, причем рот сверкал белыми зубами, – сдохну со смеху, как собака. Как же они его били, Господи Иисусе!

– Не очень-то рассаживайтесь, Щур, – сказал спутник его, неизвестный в бобровом воротнике, как две капли воды похожий на знаменитого покойного прапорщика и председателя «Магнитного Триолета» Шполянского.

– Сейчас, сейчас, – затормошился Щур, приподнимаясь.

– Дайте, Михаил Семенович, папироску, – сказал второй спутник Щура, высокий человек в черном пальто. Он заломил папаху на затылок, и прядь волос светлая налезла ему на брови. Он тяжело дышал и отдувался, словно ему было жарко на морозе.

– Что? Натерпелись? – ласково спросил неизвестный, отогнул полу пальто и, вытащив маленький золотой портсигар, предложил светлому безмундштучную немецкую папиросу; тот закурил, поставив щитком руки, от огонька на спичке и, только выдохнув дым, молвил:

– Ух! Ух!

Затем все трое быстро двинулись, свернули за угол и исчезли.

В переулочек с площади быстро вышли две студенческие фигуры. Один маленький, укладистый, аккуратный, в блестящих резиновых калошах. Другой высокий, широкоплечий, ноги длинные циркулем и шагу чуть не в сажень.

У обоих воротники надвинуты до краев фуражек, а у высокого даже и бритый рот прикрыт

кашне; немудрено – мороз. Обе фигуры словно по команде повернули головы, глянули на труп капитана Плешко и другой, лежащий ничком, уткнувшись в стороны разметанные колени, и, ни звука не издав, прошли мимо.

Потом, когда из Рыльского студенты повернули к Житомирской улице, высокий повернулся к низкому и молвил хрипловатым тенором:

– Видал-миндал? Видал, я тебя спрашиваю?

Маленький ничего не ответил, но дернулся так и так промычал, точно у него внезапно заболел зуб.

– Сколько жив буду, не забуду, – продолжал высокий, идя размашистым шагом, – буду помнить.

Маленький молча шел за ним.

– Спасибо, выучили. Ну, если когда-нибудь встретится мне эта самая каналья... гетман... – из-под кашне послышалось сипение, – я его, – высокий выпустил страшное трехэтажное ругательство и не кончил. Вышли на Большую Житомирскую улицу, и двум преградила путь процессия, направляющаяся к Старо-Городскому участку с каланчой. Путь ей с площади был, в сущности говоря, прям и прост, но Владимирскую еще запирала не успевшая уйти с парада кавалерия, и процессия дала крюк, как и все.

Открывалась она стайей мальчишек. Они бежали и прыгали задом и свистали пронзительно. Затем шел по истоптанной мостовой человек с блуждающими в ужасе и тоске глазами, в расстегнутой и порванной бекеше и без шапки. Лицо у него было окровавлено, а из глаз текли слезы. Расстегнутый открывал широкий рот и кричал тонким, но совершенно осипшим голосом, мешая русские и украинские слова:

– Вы не маете права! Я известный украинский поэт. Моя фамилия Горболаз. Я написал антологию украинской поэзии. Я жаловаться буду председателю Рады и министру. Це неопишуемо!

– Бей его, стерву, карманщика, – кричали с тротуаров.

– Я, – отчаянно надрываясь и поворачиваясь во все стороны, кричал окровавленный, – зробив попытку задержать большевика-провокаатора!!

– Что, что, что? – гремело на тротуарах.

– Кого это?!

– Покушение на Петлюру!

– Ну?!

– Стрелял, сукин сын, в нашего батько!

– Так вин же украинец.

– Сволочь он, не украинец! – бубнил чей-то бас, – Кошельки срезал.

– Ф-юх, – презрительно свистали мальчишки.

– Что такое? По какому праву?

– Большевика-провокаатора поймали. Убить его, падаль, на месте!

Сзади окровавленного ползла взволнованная толпа, мелькал на папaxe золотоголунный хвост и концы двух винтовок. Некто, туго перепоясанный цветным поясом, шел рядом с окровавленным развалистой походкой и изредка, когда тот особенно громко кричал, механически ударял его кулаком по шее; тогда злополучный арестованный, хотевший схватить неуловимое, умолкал и начинал бурно, но беззвучно рыдать.

Двое студентов пропустили процессию. Когда она отошла, высокий подхватил под руку низенького и зашептал злорадным голосом:

– Так его, так его. От сердца отлегло. Ну, одно тебе скажу, Карась, молодцы большевики! Клянусь честью – молодцы. Вот работа, так работа, видал, как ловко орателя сплывили? И смелы. За что люблю – за смелость²³⁸, мать их за ногу.

²³⁸ За что люблю – за смелость, мать их за ногу. – Далее в корректуре:

«– Ты потише, – буркнуло в воротнике у низенького.

– Ладно.

Они хотели перейти улицу, но пришлось переждать. С Владимирской от площади завернул последний уходящий с парада конный полк Сечи Запорожской. Сухенький маленький бритый командир полковник Овсиенко, играючи, прищипоривал гнедую лошадь и, подбоченившись, плясал в седле. Трепался и брэнчал бунчук впереди, и широко веял прапор. Две гармошки в такт и лад гремели и разливались в головном взводе.

Маленький сказал тихо:

– Если теперь не выпить, повеситься можно.

– Это мысль! Мысль, – оживленно подтвердил высокий. – У тебя сколько?

– Двести.

– У меня полтора. Зайдем к Тamarке, возьмем полторы...

– Заперто.

– Откроет.

Двое повернули на Владимирскую, дошли до двухэтажного домика с вывеской: «Бакалейная торговля», а рядом погреб – «Замок Тамары». Нырнув по ступеням вниз, двое стали осторожно постукивать в стеклянную двойную дверь.

17²³⁹

Заветной цели, о которой²⁴⁰ Николка думал все эти три лихих дня, когда события падали в семью, как камни, цели, связанной с загадочными последними словами распростертого на снегу, цели этой Николка достиг. Но для этого ему пришлось весь день перед парадом бегать по городу и посетить не менее девяти адресов. И много раз в этой беготне Николка терял присутствие духа, и падал и опять поднимался, и все-таки добился.

На самой окраине, в Литовской улице, в маленьком домишке он разыскал одного из второго отделения дружины и от него узнал адрес, имя и отчество Ная.

Николка боролся часа два с бурными народными волнами, пытаясь пересечь Софийскую площадь. Но площадь нельзя было пересечь, ну просто невыносимо! Тогда около получаса потерял изыбший Николка, чтобы выбраться из тесных клещей и вернуться к исходной точке – к Михайловскому монастырю. От него по Костельной пытался Николка, дав большого крюку, пробраться на Крещатик вниз, а оттуда окольными, нижними путями на Мало-Провальную. И это оказалось невозможным! По Костельной вверх, густейшей змеей, шло, так же как и всюду, войско на парад. Тогда еще больший и выпуклый крюк дал Николка и в полном одиночестве оказался на Владимирской горке. По террасам и аллеям бежал Николка, среди стен белого снега, пробираясь вперед. Попадал и на площадки, где снегу было уже не так много. С террас был виден в море снега залегший напротив на горах Царский сад, а далее, влево, бесконечные черниговские пространства в полном зимнем покое за рекой Днепром – белым и важным в зимних бе-

Гриць, Гриць, до работы! –

пели звонкие голоса теноров...

В Гриця порваны чоботы, –

отвечали сильные рваные басы.

Грицю, Грицю, до телят.

В Гриця ножки болят!

Гриць, Гриць, до Маруси?

Зараз, зараз, уберуся!!

Восхищенные жители бежали по тротуарам, глазели, останавливались в воротах, торчали простоволосые женщины, накинув на плечи серые платки. – Слава! – кричали с тротуара.

– Слава!

– Сл! Сл! – ухали серые стены зданий.

И полк ушел, и уже глухо вдали слышалась гармоника, и уже слились серые спины шинелей в седлах в одно пятно с разноцветным верхом, а двое – высокий и низенький – все стояли на перекрестке и глядели ему вслед».

²³⁹ 17. – Видимо, Булгаков предполагал опубликовать эту главу отдельно, поскольку сверху он написал большими буквами:

«НАЙ В АНАТОМКЕ» (ненапечатанный отрывок из романа «Белая гвардия»).

²⁴⁰ *Заветной цели, о которой...* – В корректуре глава семнадцатая начиналась так: «Если человек чего-нибудь хочет по-настоящему добиться, непременно добьется, как бы это ни было трудно или невозможно. И вот, заветной цели...»

регах.

Был мир и полный покой, но Николке было не до покоя. Борясь со снегом, он одолевал и одолевал террасы одну за другой и только изредка удивлялся тому, что снег кое-где уже топтан, есть следы, значит, кто-то бродит по Горке и зимой.

По аллее спустился наконец Николка, облегченно вздохнул, увидел, что войска на Крещатике нет, и устремился к заветному, искомому месту. «Мало-Провальная, 21». Таков был Николкой добытый адрес, и этот незаписанный адрес крепко врезан в Николкином мозгу.

Николка волновался и робел... «Кого же и как спросить получше? Ничего не известно...» Позвонил у двери флигеля, приютившегося в первом ярусе сада. Долго не откликнулись, но наконец зашлепали шаги, и дверь приоткрылась немного под цепочкой. Выглянуло женское лицо в пенсне и сурово спросило из тьмы передней:

– Вам что надо?

– Позвольте узнать... Здесь живут Най-Турс?

Женское лицо стало совсем неприветливым и хмурым, стекла блеснули.

– Никаких Турс тут нету, – сказала женщина низким голосом.

Николка покраснел, смутился и опечалился...

– Это квартира пять?

– Ну да, – неохотно и подозрительно ответила женщина, – да вы скажите, вам что.

– Мне сообщили, что Турс здесь живут...

Лицо выглянуло больше и пытливо шмыгнуло по садику глазом, стараясь узнать, есть ли еще кто-нибудь за Николкой... Николка разглядел тут полный, двойной подбородок дамы.

– Да вам что?.. Вы скажите мне.

Николка вздохнул и, оглянувшись, сказал:

– Я насчет Феликс Феликсовича... у меня сведения.

Лицо резко изменилось. Женщина моргнула и спросила:

– Вы кто?

– Студент.

– Подождите здесь, – захлопнулась дверь, и шаги стихли.

Через полминуты за дверью застучали каблук, дверь открылась совсем и впустила Николку. Свет проникал в переднюю из гостиной, и Николка разглядел край пушистого мягкого кресла, а потом даму в пенсне. Николка снял фуражку, и тотчас перед ним очутилась сухонькая другая невысокая дама, со следами увядшей красоты на лице. По каким-то незначительным и неопределенным чертам, не то на висках, не то по цвету волос, Николка сообразил, что это мать Ная, и ужаснулся – как же он сообщит... Дама на него устремила упрямый, блестящий взор, и Николка пуще потерялся. Сбоку еще очутился кто-то, кажется, молодая и тоже очень похожая.

– Ну, говорите же, ну... – упрямо сказала мать...

Николка смял фуражку, взвел на даму глазами и вымолвил:

– Я... я...

Сухонькая дама – мать метнула в Николку взор черный и, как показалось ему, ненавистный и вдруг крикнула звонко, так, что отозвалось сзади Николки в стекле двери:

– Феликс убит!

Она сжала кулаки, взмахнула ими перед лицом Николки и закричала:

– Убили... Ирина, слышишь? Феликса убили!

У Николки в глазах помутилось от страха, и он отчаянно подумал: «Я ж ничего не сказал... Боже мой!» Толстая в пенсне мгновенно захлопнула за Николкой дверь. Потол! быстро, быстро подбежала к сухонькой даме, охватила ее плечи и торопливо зашептала:

– Ну, Марья Францевна, ну, голубчик, ну, успокойтесь... – Нагнулась к Николке, спросила:

– Да, может быть, это не так?.. Господи... Вы же скажите... Неужели?..

Николка ничего не мог на это сказать... Он только отчаянно глянул вперед и опять увидел край кресла.

– Тише, Марья Францевна, тише, голубчик... Ради Бога... Услышат... Услышат... Воля Божья... – лепетала толстая.

Мать Най-Турса валилась навзничь и кричала:

– Четыре года! Четыре года! Я жду, все жду... Жду! – Тут молодая из-за плеча Николки бросилась к матери и подхватила ее. Николке нужно было бы помочь, но он неожиданно-неожиданно бурно и неудержимо зарыдал и не мог остановиться.

Окна завешаны шторами, в гостиной полумрак и полное молчание, в котором отвратительно пахнет лекарством...

Молчание нарушила наконец молодая – эта самая сестра. Она повернулась от окна и подошла к Николке. Николка поднялся с кресла, все еще держа в руках фуражку, с которой не мог разделаться в этих ужасных обстоятельствах. Сестра поправила машинально завиток черных волос, дернула рот и спросила:

– Как же он умер?..

– Он умер, – ответил Николка самым своим лучшим голосом, – он умер, знаете ли, как герой... Настоящий герой... Всех юнкеров вовремя прогнал, в самый последний момент, а сам, – Николка, рассказывая, плакал, – а сам их прикрыл огнем. И меня чуть-чуть не убили вместе с ним. Мы попали под пулеметный огонь, – Николка и плакал и рассказывал в одно время, – мы... только двое остались, и он меня гнал и ругал и стрелял из пулемета... Со всех сторон наехала конница, потому что нас посадили в западню. Положительно, со всех сторон.

– А вдруг его только ранили?

– Нет, – твердо ответил Николка и грязным платком стал вытирать глаза, и нос, и рот, – нет, его убили. Я сам его ощупывал. В голову попала пуля и в грудь.

Еще больше потемнело, из соседней комнаты не доносилось ни звука, потому что Мария Францевна умолкла, а в гостиной, тесно сойдясь, шептались трое: сестра Ная – Ирина, та толстая в пенсне – хозяйка квартиры Лидия Павловна, как узнал Николка, и сам Николка.

– У меня с собой денег нет, – шептал Николка, – если нужно, я сейчас сбегаю за деньгами, и тогда поедем.

– Я деньги дам сейчас, – гудела Лидия Павловна, – деньги-то это пустяки, только вы, ради Бога, добейтесь там. Ирина, ей ни слова не говори, где и что... Я прямо не знаю, что и делать...

– Я с ним поеду, – шептала Ирина, – и мы добьемся. Вы скажете, что он лежит в казармах и что нужно Разрешение, чтобы его видеть.

– Ну, ну... Это хорошо... хорошо...

Толстая тотчас засемила в соседнюю комнату, и от-туда послышался ее голос, шепчущий, убеждающий:

– Марья Францевна, ну, лежите, ради Христа... Они сейчас поедут и все узнают. Это юнкер сообщил, что он в казармах лежит.

– На нарах?.. – спросил звонкий и, как показалось опять Николке, ненавистный голос.

– Что вы, Марья Францевна, в часовне он, в часовне...

– Может, лежит на перекрестке, собаки его грызут.

– Ах, Марья Францевна, ну, что вы говорите... Лежите спокойно, умоляю вас...

– Мама стала совсем неногмальной за эти тги дня... – зашептала сестра Ная и опять отбросила непокорную прядь волос и посмотрела далеко куда-то за Николку, – а впочем, тепегь все вздог.

– Я поеду с ними, – раздалось из соседней комнаты...

Сестра моментально встрепенулась и побежала.

– Мама, мама, ты не поедешь. Ты не поедешь. Юнкег отказывается хлопотать, если ты поедешь. Его могут агестовать. Лежи, лежи, я тебя пгошу...

– Ну, Ирина, Ирина, Ирина, Ирина, – раздалось из соседней комнаты, – убили, убили его, а ты что ж? Что же?.. Ты, Ирина... Что я буду делать теперь, когда Феликса убили? Убили... И лежит на снегу... Думаешь ли ты... – Опять началось рыдание, и заскрипела кровать, и послышался голос хозяйки:

– Ну, Марья Францевна, ну, бедная, ну, терпите, терпите...

– Ах, Господи, Господи, – сказала молодая и быстро пробежала через гостиную. Николка, чувствуя ужас и отчаяние, подумал в смятении: «А как не найдем, что тогда?»

У самых ужасных дверей, где, несмотря на мороз, чувствовался уже страшный тяжелый запах, Николка остановился и сказал:

– Вы, может быть, посидите здесь?.. А?.. А то там такой запах, что, может быть, вам плохо будет?

Ирина посмотрела на зеленую дверь, потом на Николку и ответила:

– Нет, я с вами пойду.

Николка потянул за ручку тяжелую дверь, и они вошли. Вначале было темно. Потом замелькали бесконечные ряды вешалок пустых. Вверху висела тусклая лампа.

Николка тревожно обернулся на свою спутницу, но та – ничего – шла рядом с ним, и только лицо ее было бледно, а брови она нахмурила. Так нахмурила, что напонила Николке Най-Турса, впрочем, сходство мимолетное – у Ная было железное лицо, простое и мужественное, а эта – красавица, и не такая, как русская, а, пожалуй, иностранка. Изумительная, замечательная девушка.

Этот запах, которого так боялся Николка, был всюду. Пахли полы, пахли стены, деревянные вешалки. Ужасен этот запах был до того, что его можно было даже видеть. Казалось, что стены жирные и липкие, а вешалки лоснящиеся, что полы жирные, а воздух густой и сытный, падалью пахнет. К самому запаху, впрочем, привыкаешь очень быстро, но уже лучше не присматриваться и не думать. Самое главное, не думать, а то сейчас узнаешь, что значит тошнота. Мелькнул студент в пальто и исчез. За вешалками слева открылась со скрипом дверь, и оттуда вышел человек в сапогах. Николка посмотрел на него и быстро отвел глаза, чтобы не видеть его пиджака. Пиджак лоснился, как вешалка, и руки человека лоснились.

– Вам что? – спросил человек строго...

– Мы пришли, – заговорил Николка, – по делу, нам бы заведующего... Нам нужно найти убитого. Здесь он, вероятно?

– Какого убитого? – спросил человек и поглядел исподлобья...

– Тут вот на улице, три дня, как его убили...

– Ага, стало быть, юнкер или офицер?.. И гайдамаки попадали. Он – кто?

Николка побоялся сказать, что Най-Турс именно офицер, и сказал так:

– Ну да, и его тоже убили...

– Он офицер мобилизованный гетманом, – сказала Ирина, – Най-Турс, – и пододвинулась к человеку.

Тому было, по-видимому, все равно, кто такой Най-Турс, он боком глянул на Ирину и ответил, кашляя и плюя на пол:

– Я не знаю, как тут быть. Занятия уже кончены, и никого в залах нема. Другие сторожа ушли. Трудно искать. Очень трудно. Бо трупы перенесли в нижние кладовки. Трудно, дуже трудно...

Ирина Най расстегнула сумочку, вынула денежную бумажку и протянула сторожу. Николка отвернулся, боясь, что честный человек сторож будет протестовать против этого. Но сторож не протестовал...

– Спасибо, барышня, – сказал он и оживился, – найти можно. Только разрешение нужно. Если профессор дозволит, можно забрать труп.

– А где же профессор?.. – спросил Николка.

– Они здесь, только они заняты... Я не знаю... доложить?..

– Пожалуйста, пожалуйста, доложите ему сейчас же, – попросил Николка, – я его сейчас же узнаю, убитого.

– Доложить-то можно, – сказал сторож и повел их. Они поднялись по ступенькам и пошли в коридор, где запах стал еще страшнее. Потом по коридору, потом влево, и запах ослабел, и по-светлело, потому что коридор был под стеклянной крышей. Здесь и справа и слева двери были белы. У одной из них сторож остановился, постучал, потом снял шапку и вошел. В коридоре бы-

ло тихо-тихо и через крышу сеялся свет. В углу вдали начинало смеркаться. Сторож вышел и сказал:

– Зайдите сюда.

Николка вошел туда, за ним Ирина Най... Николка снял фуражку и разглядел первым делом черные пятна лоснящихся штор в огромной комнате и пучок страшного острого света, падавшего на стол, а в пучке черную бороду и изможденное лицо в морщинах и горбатый нос. Потом, подавленный, оглянулся по стенам. В полутьме поблескивали бесконечные шкафы, и в них мерещились какие-то уроды, темные и желтые, как страшные китайские фигуры. Еще вдали увидел высокого человека в жреческом кожаном фартуке и черных перчатках. Тот склонился над длинным столом, на котором стояли, как пушки, светлея зеркалами и золотом в свете спущенной лампочки, под зеленым тюльпаном, микроскопы.

– Что вам? – спросил профессор.

Николка по изможденному лицу и этой бороде узнал, что он именно профессор, а тот жрец меньше – какой-то помощник.

Николка кашлянул, все глядя на острый пучок, который выходил из лампы, странно изогнутой – блестящей, и на другие вещи – на желтые пальцы от табаку, на ужасный отвратительный предмет, лежащий перед профессором, – человеческую шею и подбородок, состоящие из жил и ниток, утыканных, увешанных десятками блестящих крючков и ножниц...

– Вы родственники? – спросил профессор. У него был глухой голос, соответствующий изможденному лицу и этой бороде. Он поднял голову и прищурился на Ирину Най, на ее меховую черную шубку и ботинки.

– Я его сестга, – сказала Най, стараясь не смотреть на то, что лежало перед профессором.

– Вот видите, Сергей Николаевич, как с этим трудно. Уже не первый случай... Да, может, он еще и не у нас. В чернорабочую ведь возили трупы?

– Возможно, – отозвался тот высокий и бросил какой-то инструмент в сторону...

– Федор! – крикнул профессор...

Нет, вы туда... Туда вам нельзя... Я сам... – робко молвил Николка...

– Сомлеете, барышня, – подтвердил сторож. – Здесь, – добавил он, – можно подождать.

Николка отвел его в сторону, дал ему еще две бумажки и попросил его посадить барышню на чистый табурет. Сторож, пыхтя горячей махоркой, вынес табурет откуда-то, где стояли зеленая лампа и скелеты.

– Вы не медик, панычу?.. Медики, те привыкают сразу, – и, открыв большую дверь, щелкнул выключателем. Шар загорелся вверху под стеклянным потолком. Из комнаты шел тяжелый запах. Цинковые столы белели рядами. Они были пусты, и где-то со стуком падала вода в раковину. Под ногами гулко звенел каменный пол. Николка, страдая от запаха, оставшегося здесь, должно быть, навеки, шел, стараясь не думать. Они со сторожем вышли через противоположные двери в совсем темный коридор, где сторож зажег маленькую лампу, затем прошли немного дальше. Сторож отодвинул тяжелый засов, открыл чугунную дверь и опять щелкнул. Холодом обдало Николку. Громадные цилиндры стояли в углах черного помещения и доверху, так, что выпирало из них, были полны кусками и обрезками человеческого мяса, лоскутами кожи, пальцами, кусками раздробленных костей. Николка отвернулся, глотая слюну, а сторож сказал ему:

– Понюхайте, панычу.

Николка закрыл глаза, жадно втянул в нос нестерпимую резь – запах нашатыря из склянки.

Как в полусне, Николка, сощуриив глаз, видел вспыхнувший огонек в трубке Федора и слышал сладостный дух горячей махорки. Федор возился долго с замком у сетки лифта, открыл его, и они с Николкой стали на платформу. Федор дернул ручку, и платформа пошла вниз, скрипя. Снизу тянуло ледяным холодом. Платформа стала. Вошли в огромную кладовую. Николка мутно видел то, чего он никогда не видел. Как дрова в штабелях, одни на других, лежали голые, источающие несносный, душастый человека, несмотря на нашатырь, смрад, человеческие тела. Ноги, закоченевшие или расслабленные, торчали ступнями. Женские головы лежали со взбившимися и разметанными волосами, а груди их были мятыми, жеваными, в синяках.

– Ну, теперь будем ворочать их, а вы смотрите, – сказал сторож, наклоняясь. Он ухватил за

ногу труп женщины, и она, скользкая, со стуком сползла, как по маслу, на пол и со стуком ударилась головой, заматавая космами пол. Николке она показалась страшно красивой, как ведьма, и липкой. Глаза ее были раскрыты и глядели прямо на Федора. Николка с трудом отвел глаза от шрама, опоясывающего ее, как красной лентой, и глядел в стороны. Его мутило, и голова кружилась при мысли, что нужно будет разворачивать всю эту многослитную груду слипшихся тел.

– Не надо. Стойте, – слабо сказал он Федору и сунул склянку в карман, – вон он. Нашел! Он сверху. Вон, вон!

Федор тотчас двинулся, балансируя, чтобы не поскользнуться на полу, ухватил Най-Турса за голову и сильно дернул. На животе у Найа ничком лежала плоская, широкобедрая женщина, и в волосах у нее тускло, как обломок стекла, светился в затылке дешевенький забытый гребень. Федор ловко, попутно выдернул его, бросил в карман фартука и перехватил Найа под мышки. Голова того, вылезая со штабеля, размоталась, свисла, и острый небритый подбородок задрался кверху, одна рука соскользнула.

Федор не швырнул Найа, как швырнул женщину, а бережно, под мышки, сгибая уже ослабленное тело, повернул его так, что ноги Найа загребли по полу, к Николке лицом, и сказал:

– Вы смотрите – он? Чтоб не было ошибки...

Николка глянул Найа прямо в глаза, открытые стеклянные глаза Найа отозвались бессмысленно. Левая щека у него была тронута чуть заметной зеленью, а по груди, Животу расплылись и застыли темные широкие пятна, вероятно, крови.

– Он, – сказал Николка.

Федор так же под мышки втащил Найа на платформу лифта и опустил его к ногам Николки, Мертвый раскинул руки и опять задрал подбородок. Федор взошел сам, тронул ручку, и платформа ушла вверх.

В ту же ночь в часовне все было сделано так, как Николка хотел, и совесть его была совершенно спокойна, но печальна и строга. При анатомическом театре в часовне, голой и мрачной, посветлело. Гроб какого-то неизвестного в углу закрыли крышкой, и тяжелый, неприятный и страшный чужой покойник сосед не смущал покоя Найа. Сам Найа значительно стал радостнее и повеселел в гробу.

Найа – обмытый сторожами, довольными и словоохотливыми, Найа – чистый, во френче без погон, Найа с венцом на лбу под тремя огнями, и, главное, Найа с аршином пестрой георгиевской ленты, собственноручно Николкой уложенной под рубаху на холодную его вязкую грудь. Старуха мать от трех огней повернула к Николке трясущуюся голову и сказала ему:

– Сын мой. Ну, спасибо тебе.

И от этого Николка опять заплакал и ушел из часовни на снег. Кругом над двором анатомического театра была ночь, снег, и звезды крестами, и белый Млечный Путь.

18²⁴¹

Турбин стал умирать днем двадцать второго декабря. День этот был мутноват, бел и насквозь пронизан отблеском грядущего через два дня Рождества. В особенности этот отблеск чувствовался в блеске паркетного пола в гостиной, натертого совместными усилиями Аняты, Николки и Лариосика, бесшумно шаркавших накануне. Так же веяло Рождеством от переплетиков лампадок, начищенных Анятиными руками. И, наконец, пахло хвоей, и зелень осветила угол у разноцветного Валентина, как бы навеки забытого над открытыми клавишами...

Я за сестру...

Елена вышла около полудня из двери турбинской комнаты не совсем твердыми шагами и

²⁴¹ 18. – Этой главой начиналась «Часть пятая», включавшая несколько глав, но в корректуре обрывавшаяся главой девятнадцатой.

молча прошла через столовую, где в совершенном молчании сидели Карась, Мышлаевский и Лариосик. Ни один из них не шевельнулся при ее проходе, боясь ее лица. Елена закрыла дверь к себе в комнату, а тяжелая портьера тотчас улеглась неподвижно.

Мышлаевский шевельнулся.

– Вот, – сиплым шепотом промолвил он, – все хорошо сделал командир, а Алешку-то неудачно пристроил...

Карась и Лариосик ничего к этому не добавили. Лариосик заморгал глазами, и лиловые тени разлеглись у него на щеках.

– Э... черт, – добавил еще Мышлаевский, встал и, покачиваясь, подобрался к двери, потом остановился в нерешительности, повернулся, подмигнул на дверь Елены. – Слушайте, ребята, вы посматривайте... А то...

Он потоптался и вышел в книжную, там его шаги замерли. Через некоторое время глухо донесся его голос и еще какие-то странные ноющие звуки из Николкиной комнаты.

– Плачет, Никол, – отчаянным голосом прошептал Лариосик, вздохнул, на цыпочках подошел к Елениной двери, наклонился к замочной скважине, но ничего не разглядел. Он беспомощно оглянулся на Карася, стал делать ему знаки, беззвучно спрашивать. Карась подошел к двери, помялся, но потом стукнул все-таки тихонько несколько раз ногтем в дверь и негромко сказал:

– Елена Васильевна, а Елена Васильевна...

– Ах, не бойтесь вы, – донесся глуховато Еленин голос из-за двери, – не входите.

Карась отпрянул, и Лариосик тоже. Они оба вернулись на свои места – на стулья под печкой Саардама – и затихли.

Делать Турбиным и тем, кто с Турбинами был тесно и кровно связан, в комнате Алексея было нечего. Там и так стало тесно от трех мужчин. Это были тот золотоглавый медведь, другой, молодой, бритый и стройный, больше похожий на гвардейца, чем на врача, и, наконец, третий, седой профессор. Его искусство открыло ему и турбинской семье нерадостные вести, сразу, как только он появился шестнадцатого декабря. Он все понял и тогда же сказал, что у Турбина тиф. И сразу как-то сквозная рана у подмышки левой руки отошла на второй план. Он же час всего назад вышел с Еленой в гостиную и там, на ее упорный вопрос, вопрос не только с языка, но и из сухих глаз и потрескавшихся губ и развитых прядей, сказал, что надежды мало, и добавил, глядя в Еленины глаза глазами очень, очень опытного и всех поэтому жалеющего человека, – «очень мало». Всем хорошо известно и Елене также, что это означает, что надежды вовсе никакой нет и, значит, Турбин умирает. После этого Елена прошла в спальню к брату и долго стояла, глядя ему в лицо, и тут отлично и сама поняла, что значит нет надежды. Не обладая искусством седого и доброго старика, можно было знать, что умирает доктор Алексей Турбин.

Он лежал, источая еще жар, но жар уже зыбкий и непрочный, который вот-вот упадет. И лицо его уже начало пропускать какие-то странные восковые оттенки, и нос его изменился, утончился, и какая-то черта безнадежности вырисовывалась именно у горбинки носа, особенно ясно проступившей. Еленины ноги похолодели, и стало ей туманно-тоскливо в гнойном камфарном, сытном воздухе спальни. Но это быстро прошло.

Что-то в груди у Турбина заложило, как камнем, и дышал он с присвистом, через оскаленные зубы притягивая липкую, не влезающую в грудь струю воздуха. Давно уже не было у него сознания, и он не видел и не понимал того, что происходило вокруг него. Елена постояла, посмотрела. Профессор тронул ее за руку и шепнул:

– Вы идите, Елена Васильевна, мы сами все будем делать.

Елена повиновалась и сейчас же вышла. Но профессор ничего не стал больше делать²⁴².

²⁴² Но профессор ничего не стал больше делать. – Далее в корректуре:

«Гвардеец – молодой врач – поднял на Янчевского вопросительно глаза. Янчевский, подтолкнув крахмальную манжетку на левой кисти, осторожно еще раз пощупал кисть Турбина, бегло глянул на часы, тронул веко. Золотой в очках смотрел нахмуренно. Янчевский глянул в окошко на веранду, вздохнул, спросил у бритого:

– Ну, collega, что делать-то теперь? Посоветуйте. Не знаю, – и очень пытливо и с надеждой уставился на бритого. Глаза его были очень скорбны. Бритый очень смутился, хоть и знал эту манеру Янчевского, хоть и знал, что он по-настоящему умирает каждый раз, как умирает кто-нибудь, кого он лечил, потому что Янчевский был настоящий врач, такой, каких очень немного, может быть, несколько человек на всю страну.

Бритый волновался, помялся и сказал:

Он снял халат, вытер влажными ватными шарами руки и еще раз посмотрел в лицо Турбину. Синеватая тень сгущалась у складок губ и носа.

– Безнадежен, – очень тихо сказал иа ухо бритому профессор, – вы, доктор Бродович, оставайтесь возле него.

– Камфару? – спросил Бродович шепотом.

– Да, да, да.

– По шприцу?

– Нет, – глянул в окно, подумал, – сразу по три грамма. И чаще. – Он подумал, добавил: – Вы мне протелефонируйте в случае несчастного исхода, – такие слова профессор шептал очень осторожно, чтобы Турбин даже сквозь завесу бреда и тумана не воспринял их, – в клинику. Если же этого не будет, я приеду сейчас же после лекции.

Из года в год, сколько помнили себя Турбины, лампадки зажигались у них двадцать четвертого декабря в сумерки, а вечером дробящимися, теплыми огнями зажигались в гостиной зеленые еловые ветви. Но теперь коварная огнестрельная рана, хрипящий тиф все сбили и спутали, ускорили жизнь и появление света лампадки. Елена, прикрыв дверь в столовую, подошла к тумбочке у кровати, взяла с нее спички, влезла на стул и зажгла огонек в тяжелой цепной лампаде, висящей перед старой иконой в тяжелом окладе. Когда огонек созрел, затеплился, венчик над смуглым лицом Богоматери превратился в золотой, глаза ее стали приветливыми. Голова, наклоненная набок, глядела на Елену. В двух квадратах окон стоял белый декабрьский беззвучный день, а в углу зыбкий язычок огня устроил предпраздничный вечер. Елена слезла со стула, сбросила с плеч платок и опустилась на колени. Она сдвинула край ковра, освободила себе площадь глянцевого паркета и молча положила первый земной поклон.

В столовой прошел Мышлаевский, за ним Николка с поблекшими веками. Они побывали в комнате Турбина. Николка, вернувшись в столовую, сказал собеседникам:

– Помирает... – набрал воздуха.

– Вот что, – заговорил Мышлаевский, – не позвать ли священника? А, Никол?.. Что ж ему так-то, без покаяния...

– Лене нужно сказать, – испуганно ответил Николка, – как же без нее? И еще с ней что-нибудь делается...

– А что доктор говорит? – спросил Карась.

– Да что тут говорить. Говорить более нечего, – просипел Мышлаевский.

Они долго тревожно шептались, и слышно было, как вздыхал бледный отуманенный Лариосик. Еще раз ходили к доктору Бродовичу. Тот выглянул в переднюю, закурил папиросу и прошептал, что это агония, что, конечно, священника можно позвать, что ему это безразлично, потому что больной все равно без сознания и ничему это не повредит.

– Глухую исповедь?..

Шептались, шептались, но не решились пока звать, а к Елене стучали, она через дверь глухо ответила: «Уйдите пока... я выйду...»

И они ушли.

Елена с колен исподлобья смотрела на зубчатый венец над почерневшим ликом с ясными глазами и, протягивая руки, говорила шепотом:

– Камфору опять.

Янчевский закивал головой часто, часто, одобряя это слово, он заговорил совсем другое:

– Вот ужас-то. И муж ее уехал... И все уж так бывает... Да, да... – Он опять повернулся к больному, но смотрел на него рассеянно, не вглядываясь, все думал о горе, о беде. – Сергей Васильевич, – обратился он к тому в золотых очках, – давайте мы ему сейчас раствор.

Они зашевелились все трое. Турбина обнажали молодой бритый и сам Янчевский, а толстый хирург занялся аппаратом. Турбин застонал, попробовал размахивать руками, больше оскалил зубы, но быстро ослабел и затих. Старик профессор присел на край постели и держал руки Турбина, бритый прижал худые пожелтевшие ноги, и хирург, вколотив изогнутые иглы в кожу бедер, стал по длинным резиновым трубкам вливать в больного солевой раствор, который должен был пополнить турбинскую кровь.

Когда кончилась процедура, Янчевский снял халат...»

– Слишком много горя сразу посылаешь, Мать-Заступница. Так в один год и кончаешь семью. За что?.. Мать взяла у нас, мужа у меня нет и не будет, это я понимаю. Теперь уж очень ясно понимаю. А теперь и старшего отнимаешь. За что?.. Как мы будем вдвоем с Николом?.. Посмотри, что делается кругом, ты посмотри... Мать-заступница, неужто ж не сжалишься?.. Может быть, мы люди и плохие, но за что же так карать-то?

Она опять поклонилась и жадно коснувшись лбом пола перекрестилась и, вновь простирая руки, стала просить:

– На Тебя одна надежда, Пречистая Дева. На Тебя. Умоли Сына своего, умоли Господа Бога, чтоб послал чудо...

Шепот Елены стал страстным, она сбивалась в словах, но речь ее была непрерывна, шла потоком. Она все чаще припадала к полу, отмахивала головой, чтоб сбить назад выскочившую на глаза из-под гребенки прядь. День исчез в квадратах окон, исчез и белый сокол, неслышным прошел плещущий гавот в три часа дня, и совершенно неслышным пришел Тот, к Кому через заступничество смуглой Девы взывала Елена. Он появился рядом у развороченной гробницы, совершенно воскресший, и благостный, и босой. Грудь Елены очень расширилась, на щеках выступили пятна, глаза наполнились светом, переполнились сухим бесслезным плачем. Она лбом и щекой прижалась к полу, потом, всей душою вытягиваясь, стремилась к огоньку, не чувствуя уже жесткого пола под коленями. Огонек разбух, темное лицо, врезанное в венец, явно оживало, а глаза выманивали у Елены все новые и новые слова. Совершенная тишина молчала за дверями и за окнами, день темнел страшно быстро, и еще раз возникло видение – стеклянный свет небесного купола, какие-то невиданные, красно-желтые песчаные глыбы, масляные деревья, черной вековой тишью и холодом повеял в сердце собор.

– Мать-Заступница, – бормотала в огне Елена, – Упроси Его. Вон Он! Что же Тебе стоит. Пожалей нас. Пожалей. Идут Твои дни, Твой праздник. Может, что-нибудь доброе сделает Он, да и я Тебя умолю за грехи. Пусть Сергей не возвращается... Отымаешь, отымай, но этого смертью не карай... Все мы в крови повинны, но Ты не карай. Не карай. Вон Он, вон Он... вон Он...

Огонь стал дробиться, и один цепочный луч протянулся длинно, длинно к самым глазам Елены. Тут безумные ее глаза разглядели, что губы на лице, окаймленном золотой косынкой, расклеились, а глаза стали такие невиданные, что страх и пьяная радость разорвали ей сердце, она сникла к полу и больше не поднималась.

По всей квартире сухим ветром пронеслась тревога, на цыпочках через столовую пробежал кто-то. Еще кто-то поцарапался в дверь, возник шепот: «Елена... Елена... Елена...» Елена, вытирая тылом ладони холодный скользкий лоб, отбрасывая прядь, поднялась, глядя перед собой слепо, как дикарка, не глядя больше в сияющий угол, с совершенно стальным сердцем прошла к двери. Та, не дождавшись разрешения, распахнулась сама собой, и Никол предстал в обрамлении портьеры. Николкины глаза выпятились на Елену в ужасе, ему не хватало воздуха.

– Ты знаешь, Елена... ты не бойся... не бойся... иди туда... кажется...

Доктор Алексей Турбин, восковой, как ломаная, мятая в потных руках свеча, выбросив из-под одеяла костистые руки с нестриженными ногтями, лежал, задрвав кверху острый подбородок. Тело его оплывало липким потом, а высохшая скользкая грудь вздымалась в прорезах рубахи. Он свел голову книзу, уперся подбородком в грудину, расцепил пожелтевшие зубы, приоткрыл глаза. В них еще колыхалась рваная завеса тумана и бреда, но уже в клочьях черного глянул свет. Очень слабым голосом, сиплым и тонким, он сказал:

– Кризис, Бродович. Что... выживу?.. А-га?

Карась в трясущихся руках держал лампу, и она освещала вдавленную постель и комья простынь с серыми тенями в складках.

Бритый врач не совсем верной рукой сдавил в щипок остатки мяса, вкалывая в руку Турбину иглу маленького шприца. Мелкие капельки выступили у врача на лбу. Он был взволнован и потрясен.

19

Пэтурра. Было его жития в Городе сорок семь дней. Пролетел над Турбинными закованный в лед и снегом запорошенный январь 1919 года, подлетел февраль и завертелся в метели.

Второго февраля по турбинской квартире прошла черная фигура, с обритой головой, прикрытой черной шелковой шапочкой. Это был сам воскресший Турбин. Он резко изменился. На лице, у углов рта, по-видимому, навсегда присохли две складки, цвет кожи восковой, глаза запали в тених и навсегда стали не улыбочивыми и мрачными.

В гостиной Турбин, как сорок семь дней тому назад, прижался к стеклу и слушал, и, как тогда, когда в окнах виднелись теплые огонечки, снег, опера, мягко слышны были дальние пушечные удары. Сурово сморщившись, Турбин всею тяжестью тела налег на палку и глядел на улицу. Он видел, что дни колдовски удлиннились, свету было больше, несмотря на то, что за стеклом वालीлась, рассыпаясь миллионами хлопьев, вьюга.

Мысли текли под шелковой шапочкой, суровые, ясные, безрадостные. Голова казалась легкой, опустевшей, как бы чужой на плечах коробкой, и мысли эти приходили как будто извне и в том порядке, как им самим было желательно. Турбин рад был одиночеству у окна и глядел...

«Пэтурра... Сегодня ночью, не позже, свершится, не будет больше Пэтурры... А был ли он?... Или это мне все снилось? Неизвестно, проверить нельзя. Лариосик очень симпатичный. Он не мешает в семье, нет, скорее нужен. Надо его поблагодарить за уход... А Шервинский? А, черт его знает... Вот наказание с бабами. Обязательно Елена с ним свяжется, всенепременно... А что хорошего? Разве что голос? Голос превосходный, но ведь голос, в конце концов, можно и так слушать, не вступая в брак, не правда ли... Впрочем, не важно. А что важно? Да, тот же Шервинский говорил, что они с красными звездами на папах... Вероятно, жуть будет в Городе? О да... Итак, сегодня ночью... Пожалуй, сейчас обозы уже идут по улицам... Тем не менее я пойду, пойду, днем... И отнесу... Брынь. Тримай! Я убийца. Нет, я застрелил в бою. Или подстрелил... С кем она живет? Где ее муж? Брынь. Малышев. Где он теперь? Провалился сквозь землю. А Максим... Александр Первый?»

Текли мысли, но их прервал звоночек. В квартире никого не было, кроме Анюты, все ушли в Город, торопясь кончить всякие дела засветло.

– Если это пациент, прими, Анюта.

– Хорошо, Алексей Васильевич.

Кто-то поднялся вслед за Анютой по лестнице, в передней снял пальто с козым мехом и прошел в гостиную.

– Пожалуйте, – сказал Турбин.

С кресла поднялся худенький и желтоватый молодой человек в сереньком френче. Глаза его были мутны и сосредоточены. Турбин в белом халате посторонился и пропустил его в кабинет.

– Садитесь, пожалуйста. Чем могу служить?

– У меня сифилис, – хрипловатым голосом сказал посетитель и посмотрел на Турбина и прямо и мрачно.

– Лечились уже?

– Лечился, но плохо и не аккуратно. Лечение мало помогало.

– Кто направил вас ко мне?

– Настоятель церкви Николая Доброго, отец Александр.

– Как?

– Отец Александр.

– Вы что же, знакомы с ним?..

– Я у него исповедался, и беседа святого старика принесла мне душевное облегчение, – объяснил посетитель, глядя в небо. – Мне не следовало лечиться... Я так полагал. Нужно было бы терпеливо снести испытание, ниспосланное мне Богом за мой страшный грех, но настоятель внушил мне, что я рассуждаю неправильно. И я подчинился ему.

Турбин внимательнейшим образом взгляделся в зрачки пациенту и первым долгом стал исследовать рефлексы. Но зрачки у владельца козьего меха оказались обыкновенные, только полные одной печальной чернотой.

– Вот что, – сказал Турбин, отбрасывая молоток, – вы человек, по-видимому, религиозный.
– Да, я день и ночь думаю о Боге и молюсь Ему. Единственному прибежищу и утешителю.
– Это, конечно, очень хорошо, – отозвался Турбин, не спуская глаз с его глаз, – и я отношусь к этому с уважением, но вот что я вам посоветую: на время лечения вы уж откажитесь от вашей упорной мысли о Боге. Дело в том, что она у вас начинает смахивать на идею фикс. А в вашем состоянии это вредно. Вам нужны воздух, движение и сон.

– По ночам я молюсь.

– Нет, это придется изменить. Часы молитвы придется сократить. Они вас будут утомлять, а вам необходим покой.

Больной покорно опустил глаза.

Он стоял перед Турбиным обнаженным и подчинялся осмотру.

– Кокаин нюхали?

– В числе мерзостей и пороков, которым я предавался, был и этот. Теперь нет.

«Черт его знает... а вдруг жулик... притворяется; надо будет посмотреть, чтобы в передней шубы не пропали».

Турбин нарисовал ручкой молотка на груди у больного знак вопроса. Белый знак превратился в красный.

– Вы перестаньте увлекаться религиозными вопросами. Вообще поменьше предавайтесь всяким тягостным размышлениям. Одевайтесь. С завтрашнего дня начну вам впрыскивать ртуть, а через неделю первое вливание.

– Хорошо, доктор.

– Кокаин нельзя. Пить нельзя. Женщин тоже...

– Я удалился от женщин и ядов. Удалился и от злых людей, – говорил больной, застегивая рубашку, – злой гений моей жизни, предтеча антихриста, уехал в город дьявола.

– Батюшка, нельзя так, – застонал Турбин, – ведь вы в психиатрическую лечебницу попадете. Про какого антихриста вы говорите?

– Я говорю про его предтечу Михаила Семеновича Шполянского, человека с глазами змеи и с черными баками. Он уехал в царство антихриста в Москву, чтобы подать сигнал и полчища аггелов вести на этот Город в наказание за грехи его обитателей. Как некогда Содом и Гоморра...

– Это вы большевиков аггелами? Согласен. Но все-таки так нельзя... Вы бром будете пить. По столовой ложке три раза в день...

– Он молод. Но мерзости в нем как в тысячелетнем дьяволе. Жен он склоняет на разврат, юношей на порок, и трубят уже, трубят боевые трубы грешных полчищ, и виден над полями лик сатаны, идущего за ним.

– Трощкого?

– Да, это имя его, которое он принял. А настоящее его имя по-еврейски Аваддон, а по-гречески Аполлион, что значит губитель.

– Seriously вам говорю, если вы не прекратите это, вы, смотрите... у вас мания развивается...

– Нет, доктор, я нормален. Сколько, доктор, вы берете за ваш святой труд?

– Помилуйте, что у вас на каждом шагу слово «святой». Ничего особенно святого я в своем труде не вижу. Беру я за курс, как все. Если будете лечиться у меня, оставьте задаток.

– Очень хорошо.

френч расстегнулся.

– У вас, может быть, денег мало, – пробурчал Турбин, глядя на потертые колени. – «Нет, он не жулик... нет... но свихнется».

– Нет, доктор, найдутся. Вы облегчаете по-своему человечество.

– И иногда очень удачно. Пожалуйста, бром принимайте аккуратно.

– Полное облегчение, уважаемый доктор, мы получим только там, – больной вдохновенно указал в беленький потолок. – А сейчас ждут нас всех испытания, коих мы еще не видали... И наступят они очень скоро.

– Ну, покорнейше благодарю. Я уже испытал достаточно.

– Нельзя зарекаться, доктор, ох, нельзя, – бормотал больной, напяливая козий мех в передней, – ибо сказано: третий ангел вылил чашу в источники вод, и сделалась кровь.

«Где-то я уже слышал это... Ах, ну конечно, со священником всласть натолковался. Вот по-

дошли друг к другу – прелесть».

– Убедительно советую, поменьше читайте Апокалипсис... Повторяю, вам вредно. Честь имею кланяться. Завтра в шесть часов, пожалуйста. Анюта, выпусти, пожалуйста...

– Вы не откажетесь принять это... Мне хочется, чтобы спасшая мне жизнь хоть что-нибудь на память обо мне... это браслет моей покойной матери...

– Не надо... Зачем это... Я не хочу, – ответила Рейсс и рукой защищалась от Турбина, но он настоял и застегнул на бледной кисти тяжкий, кованый и темный браслет. От этого рука еще больше похорошела и вся Рейсс показалась еще красивее... Даже в сумерках было видно, как розовеет ее лицо.

Турбин не выдержал, правой рукой обнял Рейсс за шею, притянул ее к себе и несколько раз поцеловал ее в щеку... При этом выронил из ослабевших рук палку, и она со стуком упала у ножки стола.

– Уходите... – шепнула Рейсс, – пора... Пора. Обозы идут на улице. Смотрите, чтоб вас не тронули.

– Вы мне милы, – прошептал Турбин. – Позвольте мне придти к вам еще.

– Придите...

– Скажите мне, почему вы одни и чья это карточка на столе? Черный, с баками.

– Это мой двоюродный брат... – ответила Рейсс и потупила свои глаза.

– Как его фамилия?

– А зачем вам?

– Вы меня спасли... Я хочу знать.

– Спасла, и вы имеете право знать? Его зовут Шполянский.

– Он здесь?

– Нет, он уехал... В Москву. Какой вы любопытный.

Что-то дрогнуло в Турбине, и он долго смотрел на черные баки и черные глаза... Неприятная, сосущая мысль задержалась дольше других, пока он изучал лоб и губы председателя «Магнитного Триолета». Но она была неясна... Предтеча. Этот несчастный в козьем меху... Что беспокоит? Что сосет? Какое мне дело. Ангелы... Ах, все равно. Но лишь бы прийти еще сюда, в странный и тихий домик, где портрет в золотых эполетах.

– Идите. Пора.

– Никол? Ты?

Братья столкнулись нос к носу в нижнем ярусе таинственного сада у другого домика. Николка почему-то смутился, как будто его поймали с поличным.

– А я, Алеша, к Най-Турсам ходил, – пояснил он и вид имел такой, как будто его поймали на заборе во время кражи яблок.

– Что ж, дело доброе. У него мать осталась?

– И еще сестра, видишь ли, Алеша... Вообще.

Турбин покосился на Николку и более расспросам его не подвергал.

Полпути братья сделали молча. Потом Турбин прервал молчание.

– Видно, брат, швырнул нас Пэтурра с тобой на Мало-Провальную улицу. А? Ну, что ж, будем ходить. А что из этого выйдет – неизвестно. А?

Николка с величайшим интересом прислушался к этой загадочной фразе и спросил в свою очередь:

– А ты тоже кого-нибудь навещал, Алеша? В Мало-Провальной?

– Угу, – ответил Турбин, поднял воротник пальто, скрылся в нем и до самого дома не произнес более ни одного звука.

Обедали в этот важный и исторический день у Турбиных все – и Мышлаевский с Карасем, и Шервинский. Это была первая общая трапеза с тех пор, как лег раненый Турбин. И все было по-прежнему, кроме одного – не стояли на столе мрачные, знойные розы, ибо давно уже не существовало разгромленной конфетницы «Маркизы», ушедшей в неизвестную даль, очевидно, туда, где покоится и мадам Анжу. Не было и погон ни на одном из сидевших за столом, и погоны уплыли куда-то и растворились в метели за окнами.

Открыв рты, Шервинского слушали все, даже Анюта пришла из кухни и прислонилась к дверям.

– Какие такие звезды? – мрачно расспрашивал Мышлаевский.

– Маленькие, как кокарды, пятиконечные, – рассказывал Шервинский, – на папах. Тучей, говорят, идут,.. Словом, в полночь будут здесь...

– Почему такая точность: в полночь...

Но Шервинскому не удалось ответить – почему, так как после звонка в квартире появился Василиса.

Василиса, кланяясь направо и налево и приветливо пожимая руки, в особенности Карасю, проследовал, скрипя рантом, прямо к пианино. Елена, солнечно улыбаясь, протянула ему руку, и Василиса, как-то подпрыгнув, приложился к ней. «Черт его знает, Василиса какой-то симпатичный стал после того, как у него деньги поперли, – подумал Николка и мысленно пофилософствовал: – Может быть, деньги мешают быть симпатичным. Вот здесь, например, ни у кого нет денег, и все симпатичные».

Василиса чаю не хочет. Нет, покорнейше благодарит. Очень, очень хорошо. Хе, хе. Как это у вас уютно все так, несмотря на такое ужасное время. Э... хе... Нет, покорнейше благодарит. К Ванде Михайловне приехала сестра из деревни, и он должен сейчас же вернуться домой. Он пришел затем, чтобы передать Елене Васильевне письмо. Сейчас открывал ящик у двери, и вот оно. «Счел своим долгом. Честь имею кланяться». Василиса, подпрыгивая, попрощался.

Елена ушла с письмом в спальню...

«Письмо из-за границы? Да неужели? Вот бывают же такие письма. Только возьмешь в руки конверт, а уже знаешь, что там такое. И как оно пришло? Никакие письма не ходят. Даже из Житомира в Город приходится посылать почему-то с оказией. И как все у нас глупо, дико в этой стране. Ведь оказия-то эта самая тоже в поезде едет. Почему же, спрашивается, письма не могут ездить, пропадают? А вот это дошло. Не беспокойтесь, такое письмо дойдет, найдет адресата. Вар... Варшава. Варшава. Но почерк не Тальберга. Как неприятно сердце бьется».

Хоть на лампе и был абажур, в спальне Елены стало так нехорошо, словно кто-то сдернул цветистый шелк и резкий свет ударил в глаза и создал хаос укладки. Лицо Елены изменилось, стало похоже на старинное лицо матери, смотревшей из резной рамы. Губы дрогнули, но сложились презрительные складки. Дернула ртом. Вышедший из рваного конверта листок рубчатой, серенькой бумаги лежал в пучке света.

...Тут только узнала, что ты развелась с мужем. Остроумовы видели Сергея Ивановича в посольстве – он уезжает в Париж, вместе с семьей Герц; говорят, что он женится на Лидочке Герц; как странно все делается в этой кутерьме. Я жалею, что ты не уехала. Жаль всех вас, оставшихся в лапах у мужиков. Здесь в газетах, что будто бы Петлюра наступает на Город. Мы надеемся, что немцы его не пустят...

В голове у Елены механически прыгал и стучал Николкин марш сквозь стены и дверь, наглухо завешенную Людовиком XIV. Людовик смеялся, откинув руку с тростью, увитой лентами. В дверь стукнула рукоять палки, и Турбин вошел, постукивая. Он покосился на лицо сестры, дернул ртом так же, как и она, и спросил:

– От Тальберга?

Елена помолчала, ей было стыдно и тяжело. Но потом сейчас же овладела собой и подтолкнула листок Турбину: «От Оли... из Варшавы...» Турбин внимательно вцепился глазами в строчки и забегал, пока не прочитал все до конца, потом еще раз обращение прочитал:

Дорогая Леночка, не знаю, дойдет ли...

У него на лице заиграли различные краски. Так – общий тон шафранный, у скул розовато, а глаза из голубых превратились в черные.

– С каким бы удовольствием... – процедил он сквозь зубы, – я б ему по морде съездил...

– Кому? – спросила Елена и шмыгнула носом, в котором скопились слезы.

– Самому себе, – ответил, изнывая от стыда, доктор Турбин, – за то, что поцеловался тогда с ним.

Елена моментально заплакала.

– Сделай ты мне такое одолжение, – продолжал Турбин, – убери ты к чертовой матери вот эту штуку. – Он рукоятью ткнул в портрет на столе. Елена подала, всхлипывая, портрет Турбину. Турбин выдрал мгновенно из рамы карточку Сергея Ивановича и разодрал ее в клочья. Елена по бабьи заревела, тряся плечами, и уткнулась Турбину в крахмальную грудь. Она косо, суеверно, с ужасом поглядывала на коричневую икону, перед которой все еще горела лампадка в золотой решетке.

«Вот помолилась... условие поставила... ну, что ж... не сердись... не сердись, Мать Божия», – подумала суеверная Елена. Турбин испугался:

– Тише, ну тише... услышат они, что хорошего?

Но в гостиной не слышали. Пианино под пальцами Николки изрыгало отчаянный марш: «Двуглавый Орел», и слышался смех.

20

Велик был год и страшен год по Рождестве Христовом 1918, но 1919 был его страшней.

В ночь со второго на третье февраля у входа на Цепной мост через Днепр человека в разорванном и черном пальто с лицом синим и красным в потеках крови волокли по снегу два хлопца, а пан куренной бежал с ним рядом и бил его шомполом по голове. Голова моталась при каждом ударе, но окровавленный уже не вскрикивал, а только ухал. Тяжко и хлестко впивался шомпол в разодранное в клочья пальто, и каждому удару отвечало сипло:

– Ух... а...

– А, жидовская морда! – иступленно кричал пан куренной. – К штабелям его, на расстрел! Я тебе покажу, як по темным углам ховаться. Я т-тебе покажу! Что ты робив за штабелем? Шпион!..

Но окровавленный не отвечал яростному пану куренному. Тогда пан куренной забежал спереди, и хлопцы отскочили, чтобы самим увернуться от взлетевшей блестящей трости. Пан куренной не рассчитал удара и молниеносно опустил шомпол на голову. Что-то в ней крякнуло, черный не ответил уже «ух»... Повернув руку и мотнув головой, с колен рухнул на бок и, широко отмахнув другой рукой, откинул ее, словно хотел побольше захватить для себя истоптанной и унавоженной земли. Пальцы крючкато согнулись и загребли грязный снег. Потом в темной луже несколько раз дернулся лежащий в судороге и стих.

Над поверженным шипел электрический фонарь у входа на мост, вокруг поверженного металась встревоженные тени гайдамаков с хвостами на головах, а выше было черное небо с играющими звездами.

И в ту минуту, когда лежащий испустил дух, звезда Марс над Слободкой под Городом вдруг разорвалась в замерзшей выси, брызнула огнем и оглушительно ударила.

Вслед звезде черная даль за Днепром, даль, ведущая к Москве, ударила громом тяжело и длинно. И тотчас хлопнула вторая звезда, но ниже, над самыми крышами, погребенными под снегом.

И тотчас синяя гайдамацкая дивизия тронулась с моста и побежала в Город, через Город и навеки вон.

Следом за синей дивизией волчьей побежкой прошел на померзших лошадях курень Козыря-Лешко, проплясала какая-то кухня... потом исчезло все, как будто никогда и не было. Остался только стынущий труп еврея в черном у входа на мост, да утопанные хлопья сена, да конский навоз.

И только труп и свидетельствовал, что Пэтурра не миф, что он действительно был... Дзынь... Трень... гитара, турок... кованый на Бронной фонарь... девичьи косы, метущие снег, огнестрельные раны, звериный вой в ночи, мороз... Значит, было.

*Ой, Трицъ, до роботы...
В Трицъ порваны чоботы...*

А зачем оно было? Никто не скажет. Заплатит ли кто-нибудь за кровь?

Нет. Никто.

Просто растает снег, взойдет зеленая украинская трава, заплетет землю... выйдут пышные всходы... задрожит зной над полями, и крови не останется и следов. Дешева кровь на червонных полях, и никто выкупать ее не будет.

Никто.

С вечера жарко натопили Саардамские изразцы, и до сих пор, до глубокой ночи, печи все еще держали тепло. Надписи были смыты с Саардамского Плотника, и осталась только одна:

..Лен... я взял билет на Ауд...

Дом на Алексеевской спуске, дом, накрытый шапкой белого генерала, спал давно и спал тепло. Сонная дрема ходила за шторами, колыхалась в тенях.

За окнами расцветала все победоноснее студеная ночь и беззвучно плыла над землей. Иг- рали звезды, сжимаясь и расширяясь, и особенно высоко в небе была звезда красная и пятико- нечная – Марс.

В теплых комнатах поселились сны.

Турбин спал в своей спальне, и сон висел над ним, как размытая картина. Плыл, качаясь, вестибюль, и император Александр I жег в печурке списки дивизиона... Юлия прошла и помани- ла и засмеялась, проскакали тени, кричали: «Тримай! Тримай!»

Беззвучно стреляли, и пытался бежать от них Турбин, но ноги прилипали к тротуару на Мало-Провальной, и погибал во сне Турбин. Проснулся со стоном, услышал храп Мышлаевско- го из гостиной, тихий свист Карася и Лариосика из книжной. Вытер пот со лба, опомнился, слабо улыбнулся, потянулся к часам.

Было на часиках три.

– Наверно, ушли... Пэтурра... Больше не будет никогда.

И вновь уснул.

Ночь расцветала. Тянуло уже к утру, и погребенный под мохнатым снегом спал дом. Ис- терзанный Василиса почивал в холодных простынях, согревая их своим похудевшим телом. Ви- дел Василиса сон нелепый и круглый. Будто бы никакой революции не было, все была чепуха и вздор. Во сне. Сомнительное, зыбкое счастье наплывало на Василису. Будто бы лето и вот Васи- лиса купил огород. Моментально выросли на нем овощи. Грядки покрылись веселыми завитка- ми, и зелеными шишами в них выглядывали огурцы. Василиса в парусиновых брюках стоял и глядел на милое, заходящее солнышко, почесывая живот, и бормотал:

– Так-то оно и лучше... А то революция. Нет, знаете ли, с такими свиньями никаких рево- люций производить нельзя.

Тут Василисе приснились взятые круглые, глобусом, часы. Василисе хотелось, чтобы ему стало жалко часов, но солнышко так приятно сияло, что жалости не получалось.

И вот в этот хороший миг какие-то розовые, круглые поросята влетели в огород и тотчас пятачковыми своими мордами взрыли грядки. Фонтанами полетела земля. Василиса подхватил с земли палку и собирался гнать поросят, но тут же выяснилось, что поросята страшные – у них острые клыки. Они стали наскакивать на Василису, причем подпрыгивали на аршин от земли, потому что внутри у них были пружины. Василиса взвыл во сне. Черным боковым косяком накрыло поросят, они провалились в землю, и перед Василисой всплыла черная, сыроватая его спальня...

Ночь расцветала. Сонная дрема прошла над городом, мутной белой птицей пронеслась, минуя сторонкой крест Владимира, упала за Днепром в самую гущу ночи и поплыла вдоль железной дуги. Доплыла до станции Дарницы и задержалась над ней. На третьем пути стоял бронепоезд. Наглухо, до колес, были зажаты площадки в серую броню. Паровоз чернел многогранной глыбой, Из брюха его вываливался огненный плат, разлегаясь на рельсах, и со стороны казалось, что утроба паровоза набита раскаленными углями. Он сипел тихонько и злобно, сочилось что-то в боковых стенках, тупое рыло его молчало и шурилось в приднепровские леса. С последней площадки в высь, черную и синюю, целилось широченное дуло в глухом наморднике верст на двенадцать и прямо в полночный крест.

Станция в ужасе замерла. На лоб надвинула тьму и светилась в ней осовевшими от вечернего грохота глазками желтых огней. Суeta на ее платформах была непрерывная, несмотря на предутренний час. В низком желтом бараке телеграфа три окна горели ярко, и слышался сквозь стекла непрекращающийся стук трех аппаратов. По платформе бегали взад и вперед, несмотря на жгучий мороз, фигуры людей в полушубках по колено, в шинелях и черных бушлатах. В стороне от бронепоезда и сзади, растянувшись, не спал, перекликался и гремел дверями теплушек эшелон.

А у бронепоезда, рядом с паровозом и первым железным корпусом вагона, ходил, как маятник, человек в длинной шинели, в рваных валенках и остроконечном куколе-башлыке. Винтовку он нежно лелеял на руке, как уставшая мать ребенка, и рядом с ним ходила меж рельсами, под скупым фонарем, по снегу, острая щепка черной тени и теневой беззвучный штык. Человек очень сильно устал и зверски, не по-человечески озяб. Руки его, синие и холодные, тщетно рылись деревянными пальцами в рвани рукавов, ища убежища. Из окаймленной белой накипью и бахромой неровной пасти башлыка, открывавшей мохнатый, обмороженный рот, глядели глаза в снежных космах ресниц. Глаза эти были голубые, страдальческие, сонные, томные.

Человек ходил методически, свесив штык, и думал только об одном, когда же истечет, наконец, морозный час пытки и он уйдет с озверевшей земли вовнутрь, где божественным жаром пышут трубы, греющие эшелон, где в тесной конуре он сможет свалиться на узкую койку, прильнуть к ней и на ней распластаться. Человек и тень ходили от огненного всплеска броневго брюха к темной стене первого боевого ящика, до того места, где чернела надпись:

БРОНЕПОЕЗД «ПРОЛЕТАРИЙ».

Тень, то вырастая, то уродливо горбатясь, но неизменно остроголовая, рыла снег своим черным штыком. Голубоватые лучи фонаря висели в тылу человека. Две голубоватые луны, не грея и дразня, горели на платформе. Человек искал хоть какого-нибудь огня и нигде не находил его; стиснув зубы, потеряв надежду согреть пальцы ног, шевеля ими, неуклонно рвался взором к звездам. Удобнее всего ему было смотреть на звезду Марс, сияющую в небе впереди над Слободкой. И он смотрел на нее. От его глаз шел на миллионы верст взгляд и не упускал ни на минуту красноватой живой звезды. Она сжималась и расширялась, явно жила и была пятиконечная. Изредка, истомившись, человек опускал винтовку прикладом в снег, остановившись, мгновенно и прозрачно засыпал, и черная стена бронепоезда не уходила из этого сна, не уходили и некоторые звуки со станции. Но к ним присоединялись новые. Вырастал во сне небосвод невиданный. Весь красный, сверкающий и весь одетый Марсами в их живом сверкании. Душа человека мгновенно наполнялась счастьем. Выходил неизвестный, непонятный всадник в кольчуге и братски наплывал на человека. Кажется, совсем собирался провалиться во сне черный бронепоезд, и вместо него вырастала в снегах зарытая деревня – Малые Чугры. Он, человек, у околицы Чугров, а навстречу ему идет сосед и земляк.

– Жилин? – говорил беззвучно, без губ, мозг человека, и тотчас грозный сторожевой голос в груди выстукивал три слова:

– Пост... часовой... замерзнешь...

Человек уже совершенно нечеловеческим усилием отрывал винтовку, вскидывал на руку, шатнувшись, отдирали ноги и шел опять.

Вперед – назад. Вперед – назад. Исчезал сонный небосвод, опять одевало весь морозный мир синим шелком неба, продырявленного черным и губительным хоботом орудия. Играла Венера красноватая, а от голубой луны фонаря временами поблескивала на груди человека ответная звезда. Она была маленькая и тоже пятиконечная.

Металась и металась потревоженная дрема. Летела вдоль Днепра. Пролетела мертвые пристани и упала над Подолом. На нем очень давно погасли огни. Все спали. Только на углу Волынской в трехэтажном каменном здании, в квартире библиотекаря, в узенькой, как дешевый номер дешевенькой гостиницы, комнате, сидел голубоглазый Русаков у лампы под стеклянным горбом колпака. Перед Русаковым лежала тяжелая книга в желтом кожаном переплете. Глаза шли по строкам медленно и торжественно.

«И увидел я мертвых, малых и великих, стоящих пред Богом, и книги раскрыты были, и иная книга раскрыта, которая есть книга жизни; и судимы были мертвые по написанному в книгах, сообразно с делами своими.

Тогда отдало море мертвых, бывших в нем, и смерть и ад отдали мертвых, которые были в них; и судим был каждый по делам своим.

.....
и кто не был записан в книге жизни, тот был брошен в озеро огненное.

.....
и увидел я новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали, и моря уже нет».

По мере того как он читал потрясающую книгу, ум его становился как сверкающий меч, углубляющийся в тьму.

Болезни и страдания казались ему неважными, несущественными. Недуг отпадал, как короста с забытой в лесу отсохшей ветви. Он видел синюю, бездонную мглу веков, коридор тысячелетий. И страха не испытывал, а мудрую покорность и благоговение. Мир становился в душе, и в мире он дошел до слов:

«...слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо прежнее прошло²⁴³».

Смутная мгла расступилась и пропустила к Елене поручика Шервинского. Выпуклые глаза его развязно улыбались.

– Я демон, – сказал он, щелкнув каблуками, – а он не вернется, Тальберг, – и я пою вам...

Он вынул из кармана огромную сусальную звезду и нацепил ее на грудь с левой стороны. Туманы сна ползли вокруг него, его лицо из клубов выходило ярко-кукольным. Он пел пронзительно, не так, как наяву:

– Жить, будем жить!!

– А смерть придет, помирать будем... – пропел Николка и вошел.

В руках у него была гитара, но вся шея в крови, а на лбу желтый венчик с иконками. Елена мгновенно подумала, что он умрет, и горько зарыдала и проснулась с криком в ночи:

– Николка. О, Николка?

И долго, всхлипывая, слушала бормотание ночи.

И ночь все плыла.

И, наконец, Петька Щеглов во флигеле видел сон.

Петька был маленький, поэтому он не интересовался ни большевиками, ни Петлюрой, ни

²⁴³ «И увидел я мертвых... ибо прежнее прошло». – Апокалипсис (XX, 12–15; XXI, 1–4).

Демоном. И сон привиделся ему простой и радостный, как солнечный шар.

Будто бы шел Петька по зеленому большому лугу, а на этом лугу лежал сверкающий алмазный шар, больше Петьки. Во сне взрослые, когда им нужно бежать, прилипают к земле, стонут и мечутся, пытаясь оторвать ноги от трясины. Детские же ноги резвы и свободны. Петька добежал до алмазного шара и, задохнувшись от радостного смеха, схватил его руками. Шар обдал Петьку сверкающими брызгами. Вот весь сон Петьки. От удовольствия он расхохотался в ночи. И ему весело стрекотал сверчок за печкой. Петька стал видеть иные, легкие и радостные сны, а сверчок все пел и пел свою песню, где-то в щели, в белом углу за ведром, оживляя сонную, бормочущую ночь в семье.

Последняя ночь расцвела. Во второй половине ее вся тяжелая синева, занавес Бога, облекающий мир, покрылась звездами. Похоже было, что в неизмеримой высоте за этим синим пологом у царских врат служили всенощную. В алтаре зажигали огоньки, и они проступали на завесе целыми крестами, кустами и квадратами. Над Днепром с грешной и окровавленной и снежной земли поднимался в черную, мрачную высь полночный крест Владимира. Издали казалось, что поперечная перекладина исчезла – слилась с вертикалью, и от этого крест превратился в угрожающий острый меч.

Но он не страшен. Все пройдет. Страдания, муки, кровь, голод и мор. Меч исчезнет, а вот звезды останутся, когда и тени наших тел и дел не останется на земле. Нет ни одного человека, который бы этого не знал. Так почему же мы не хотим обратить свой взгляд на них? Почему?

1923-1924 гг.

г. Москва

Комментарии. В. И. Лосев

Белая гвардия

Впервые – Россия. 1925. №4, 5 (первые 13 глав); полный текст: *Булгаков Мих.* Дни Турбиных (Белая гвардия). Париж, Concorde; Т. 1, 1927; Т. 2, 1929 (без указания издательства). Впервые полный текст в России: *Булгаков М.* Избранная проза. М.: Художественная литература, 1966.

Печатается по тексту парижского издания с исправлениями явных неточностей по текстам журнальной публикации и корректуры с авторской правкой третьей части романа.

Позднейшая авторская правка отражена в комментариях.

Булгаков не мог не написать значительного, яркого произведения о Гражданской войне, ибо для него события этого страшного времени были не только чудовищным братоубийственным кровопролитием, но и историческим моментом, определившим коренной перелом в русской жизни, в том числе и в семейном укладе – «ладе», как он говорил. И если добавить, что в душе писатель не принимал революционных преобразований, то станет понятным его стремление сказать свое слово о «смутной мгле», охватившей от края и до края родную землю. Мысли о полном крахе многовековых традиций и устоев, милых и близких его сердцу, постоянно дополнялись осознанием личной трагедии, своей разрушенной жизни и семейного очага. Виденные им кровавые события много лет не покидали его, мучили, тревожили. Об этом он так писал в черновом варианте повести «Тайному другу»:

«Мне приснился страшный сон. Будто бы был лютой мороз, и крест на чугунном Владимире в неизмеримой высоте горел над замерзшим Днепром... Я погиб во сне... Проснулся, всхлипывая, и долго дрожал в темноте, пока не понял, что я безумно далеко от Владимира, что я в Москве, в моей постылой комнате, что это ночь бормочет кругом, что это 23-й год... Я думал о безнадежности моего положения... Была жизнь и вдруг разлетелась, как дым, и я почему-то оказался в Москве, совершенно один... Я притянул насколько возможно мою казарменную лампу к столу и поверх ее зеленого колпака надел колпак из розовой бумаги, отчего бумага ожила. На ней я выписал слова „И судимы были мертвые по написанному в книгах, сообразно с делами своими“. Затем стал писать, не зная еще хорошо, что из этого выйдет. Помнится, мне очень хотелось передать, как хорошо, когда дома тепло, часы, бьющие башенным боем в столовой, сонную

дрему в постели, книги, и мороз, и страшного человека в оспе, мои сны. Писать вообще очень трудно, но это почему-то выходило легко....С этой ночи каждую ночь в час я садился к столу и писал часов до трех-четырёх...»

Принято считать, что Булгаков работал над романом «Белая гвардия» в 1923–1924 гг. Это, по-видимому, не вполне точно. Во всяком случае известно, что в 1922 г. им были написаны некоторые вещи, которые затем в измененном виде вошли в роман. И не случайно, видимо, уже в марте 1923 г. в седьмом номере журнала «Россия» появилось сообщение: «Михаил Булгаков заканчивает роман „Белая гвардия“, охватывающий эпоху борьбы с белыми на юге (1919–1920)».

Весной 1923 г. Булгаков сообщает сестре Надежде Афанасьевне: «...срочно дописываю 1-ю часть романа; называется она „Желтый прапор“». Роман начинается со вступления в Киев петлюровских войск. Вторая и последующие части, очевидно, должны были рассказать о приходе в столицу Украины большевиков, затем об их отступлении под ударами деникинцев и, наконец, о боевых действиях на Кавказе. Таков был первоначальный замысел писателя.

Но после трезвого осмысления возможностей публикации подобного романа в советской России Булгаков принял решение сместить время действия на более ранний период, исключая события, связанные с большевиками.

Можно предположить (поскольку имеются некоторые свидетельства), что существенные корректировки в структуру романа Булгаков внес после поездки в апреле–мае 1923 г. в Киев. Он не был на похоронах матери, умершей 1 февраля 1922 г., поэтому через год вновь пережил глубокую личную трагедию. Все киевские события 1918–1919 гг. опять всплыли в его памяти. Цитируем запись П. С. Попова со слов Булгакова (1929): «Мать мне послужила стимулом для создания романа „Белая гвардия“». Друг писателя А. П. Гдешинский запомнил слова, сказанные ему Булгаковым в дни пребывания в Киеве: «Жизнь нельзя остановить... Было хорошо, будет еще лучше». Писатель тем самым подчеркнул свое устремление в будущее через прошлое. И наконец, в очерке «Киев-город», вышедшем в июле 1923 г., Булгаков писал: «Когда небесный гром (ведь и небесному терпению есть предел) убьет всех до единого современных писателей и явится лет через 50 новый настоящий Лев Толстой, будет создана изумительная книга о великих боях в Киеве».

Июнь 1923 г., видимо, был полностью посвящен работе над романом – даже дневника в это время Булгаков не вел. 11 июля он записал: «Самый большой перерыв в моем дневнике... Стоит отвратительное, холодное и дождливое лето». А через несколько дней, 25 июля, с горечью отметил: «Роман из-за „Гудка“, отнимающего лучшую часть дня, почти не подвигается». Но 29 июля в газете «Накануне» появляется фельетон Булгакова «Самогонное озеро», где его герой заявляет: «А роман я допишу, и, смею уверить, это будет такой роман, что от него небу станет жарко».

Об этом времени Булгаков позже так расскажет в «Записках покойника»: «Днем я старался об одном – как можно меньше истратить сил на свою подневольную работу... Подобно тому как нетерпеливый юноша ждет часа свидания, я ждал часа ночи. Проклятая квартира успокаивалась в это время. Я садился к столу...»

В конце августа Булгаков сообщил Ю. Слезкину, что закончил роман вчерне. Это чрезвычайно важное свидетельство: видимо, была завершена работа над самой ранней редакцией, структура и состав которой до сих пор остаются невыясненными. И тут же Булгаков добавил еще одну важную деталь о романе: «...но он еще не переписан, лежит грудой, над которой я много думаю. Кое-что исправлю. Лежнев начинает толстый ежемесячник „Россия“ при участии наших и заграничных... По-видимому, Лежневу предстоит громадная издательско-редакторская будущность. Печататься „Россия“ будет в Берлине... Во всяком случае, дело явно идет на оживление... в литературно-издательском мире».

И, как бы подводя итог проделанной работе, Булгаков записывает в дневнике 2 сентября: «Сегодня я с Катаевым ездил на дачу к Алексею Толстому (Иваньково)... Мысли его о литературе всегда правильны и метки, порой великолепны... И сейчас я слышу в себе, как взмывает моя мысль, и верю, что я неизмеримо сильнее как писатель всех, кого я ни знаю».

Это многозначительное высказывание Булгакова, конечно, не является каким-то мимолетным всплеском самонадеянности, оно проистекало из сопоставления результатов литературного творчества и оценки достоинств только что законченного романа. Кстати, когда позже Булгаков записал в автобиографии, что он работал над романом в течение года, то, по-видимому, имел в виду именно его раннюю редакцию.

И затем в течение полугода о романе в дневнике ничего не говорится, хотя о других событиях, в том числе и литературных, упоминается часто. И лишь 25 февраля 1924 г. появилась запись: «Сегодня вечером... я читал куски из „Белой гвардии"... По-видимому, и в этом кружке производило впечатление».

В этой записи есть одно важное словосочетание – «и в этом кружке», – указывающее на то, что чтение романа проводилось и в других местах. Известно, например, что Булгаков читал роман на квартире у своего друга Н. Лямина. А вот любопытные зарисовки В. Катаева: «...Булгаков читал нам свои вещи – уже не фельетоны, а отрывки из своего романа. Было даже удивительно, когда он в один прекрасный день сказал нам: „Знаете что, товарищи, я пишу роман и, если вы не возражаете, прочту вам несколько страничек". И он прочитал нам несколько страниц очень хорошо написанного живого, острого полотна, которое потом постепенно превратилось в „Белую гвардию"...»

9 марта 1924 г. появилось следующее сообщение Ю. Слезкина в газете «Накануне»: «Роман „Белая гвардия" является первой частью трилогии и прочитан был автором в течение четырех вечеров в литературном кружке „Зеленая лампа". Вещь эта охватывает период 1918–1919 гг., гетманщину и петлюровщину до появления в Киеве Красной Армии... Мелкие недочеты, отмеченные некоторыми, бледнеют перед несомненными достоинствами этого романа, являющегося первой попыткой создания великой эпопеи современности».

12 апреля Булгаков заключает договор с редактором журнала «Россия» И. Лежневым на издание «Белой гвардии». Запись в дневнике 25 июля 1924 г.: «...днем позвонил Лежневу по телефону, узнал, что с Каганским (издатель „России". – В. Л.) пока можно и не вести переговоров относительно выпуска „Белой гвардии" отдельной книгой, т. к. у того денег пока нет. Это новый сюрприз. Вот тогда не взял 30 червонцев, теперь могу каяться (об этом подробнее см. „Тайному другу". – В. Л.). Уверен, что „Гвардия" останется у меня на руках». 29 декабря: «Лежнев ведет переговоры... чтобы роман „Белая гвардия" взять у Сабашникова и передать ему... Не хочется мне связываться с Лежневым, да и с Сабашниковым расторгать договор неудобно и неприятно». 2 января 1925 г.: «...вечером... я с женой сидел, вырабатывая текст договора на продолжение „Белой гвардии" в „России"... Лежнев обхаживает меня... Завтра неизвестный мне еще еврей Каганский должен будет уплатить мне 300 рублей и векселя. Векселями этими можно подтереться. Впрочем, черт его знает! Интересно, привезут ли завтра деньги. Не отдам рукопись». 3 января: «Сегодня у Лежнева получил 300 рублей в счет романа „Белая гвардия", который пойдет в „Россию". Обещали на остальную сумму векселя...»

Роман «Белая гвардия» вышел в свет в журнале «Россия» в начале 1925 г. в четвертом и пятом номерах. Последняя часть романа не была опубликована, так как журнал был закрыт.

Как дальше развивались события? О них поведал Булгаков в «Записках покойника»: «Тогда я сел в трамвай и долго ехал... Приехал туда, где жил Рудольфи (прототип И. Лежнева. – В. Л.). Позвонил. Не открывают. Еще раз позвонил. Открыл старичок и поглядел на меня с отвращением.

– Рудольфи дома?

Старичок посмотрел на носки своих ночных туфель и ответил:

– Нету его.

На мои вопросы – куда он девался, когда будет, и даже на нелепый вопрос, почему замок висит на „Бюро", старичок как-то мялся, осведомился, кто я таков. Я объяснил все, даже про роман рассказал. Тогда старичок сказал:

– Он уехал в Америку неделю тому назад...»

Булгаков с опаской ждал реакцию прессы на роман. Но ее почти не последовало. Это объясняется несколькими причинами. Во-первых, роман не был издан отдельной книгой и широкий читатель с ним не был знаком. Во-вторых, напечатан он был в урезанном виде, без завершающей части. В-третьих, роман был тут же переделан автором в пьесу, и МХАТ принял ее к постановке. Опомнившиеся критики с остервенением напали уже на пьесу.

И все же кое-какие отклики в журналах и газетах появились. Так, Г. Горбачев, позже не раз разносивший пьесы Булгакова, писал: «Автор великодержавной шовинистической „Белой гвардии" Булгаков и автор контрреволюционных сказок Замятин... открыто издеваются над коммунизмом».

Впрочем, Булгакову пришлось пережить и большую радость, связанную с признанием и

высокой оценкой его «Белой гвардии». Максимилиан Волошин, ознакомившись с первой частью романа, пришел в восторг от прочитанного и сравнил дебют Булгакова в литературе с дебютами Достоевского и Л. Толстого.

Этот отзыв известного писателя чрезвычайно поддержал Булгакова морально. Он с удовольствием принял приглашение посетить Коктебель и уже в июне 1925 г. вместе с женой приехал на дачу к Максимилиану Александровичу. Встреча писателей и их дальнейшие отношения были очень теплыми, о чем свидетельствует последующая переписка.

Важно, на наш взгляд, знать мнение самого Булгакова о романе. Интересно, что писатель неоднозначно оценивал любимое свое детище. То роман казался ему значительным литературным достижением, то не совсем удачным, неровным, слабым. Об этом свидетельствуют его дневниковые записи. 3 января 1925 г.: «...боюсь, как бы „Белая гвардия" не потерпела фиаско. Уже сегодня вечером на „Зеленой лампе" Ауслендер сказал, что „в чтении..." и поморщился. А мне нравится, черт его знает почему». 5 января: «...у меня такое впечатление, что несколько лиц, читавших „Белую гвардию" в „России", разговаривают со мной иначе, как бы с некоторым боязливым косоватым почтением... окрепло у меня что-то в душе. Это состояние уже дня три. Ужасно будет жаль, если я заблуждаюсь и „Белая гвардия" не сильная вещь».

И в других материалах, запечатлевших мнение Булгакова о первом своем романе, содержатся весьма противоречивые суждения. Если в автобиографии, составленной писателем в октябре 1924 г., говорится с непосредственной откровенностью: «Роман этот я люблю больше всех других моих вещей» – и тем самым косвенно выражается удовлетворение его «качеством», то в 1929 г. в беседе с П. Поповым роман называется «неудавшимся», несмотря на всю серьезность отношения к его замыслу.

К последнему высказыванию писателя следует отнестись внимательно, поскольку оно было выражено в период, когда колебания относительно писательского призвания («беллетрист ли я?») давно прошли. Неудовлетворенность, видимо, объясняется тем, что замысел произведения не был реализован в полной мере. Незавершенность романа настолько очевидна, что об этом говорили почти все, кто внимательно соприкасался с текстом. Вот, например, мнение Константина Симонова, тщательнейшим образом изучившего наследие Булгакова, в том числе и рукописное: «В моем представлении, хотя Булгаковым в конце романа „Белая гвардия" и поставлена точка, на самом деле роман все-таки не окончен. Некоторые его сюжетные линии заставляют думать о случайности этой точки, о том, что первоначальные замыслы автора выходили далеко за пределы романа и что многим его героям предстояло еще жить и действовать».

Для меня это почти несомненно. Не потому, что я располагаю биографическими или текстологическими доказательствами этого, а потому, что это заложено в самом тексте романа, в самой его композиции, во многих его сюжетных линиях, в сущности, оборванных на полуслове» (Симонов К. О трех романах Булгакова // Булгаков М. Романы. М., 1973. С. 5).

Это и понятно. Задуманная Булгаковым трилогия не могла быть завершена по политическим мотивам. И все же Булгаков стремился к осуществлению своего замысла. Сдав в редакцию «России» основную часть последней трети романа, писатель еще несколько месяцев работал над его окончанием. Он хотел в последних двух главах в самом сжатом виде сказать о том, что предполагал развернуть в других частях трилогии. Отсюда вытекают и многократные переделки окончания романа.

К большому сожалению, до настоящего времени не определен канонический текст романа «Белая гвардия». Во всяком случае, глубокого текстологического исследования этого произведения никто не проводил.

Исследователям долго не удавалось обнаружить ни одной страницы рукописного или машинописного текста «Белой гвардии». И вот в начале 90-х гг. И. Ф. Владимировым была сделана уникальная находка: авторизованная машинопись окончания «Белой гвардии» общим объемом около двух печатных листов!

При проведении экспертизы найденной рукописи нам удалось установить, что она как раз и является тем самым окончанием последней трети романа, которое готовилось Булгаковым для шестого номера журнала «Россия». Именно этот материал был сдан писателем редактору «России» И. Лежневу 7 июня 1925 г. В этот день Лежнев написал Булгакову записку: «Вы „Россию" совсем забыли. Уже давно пора сдавать материал по № 6 в набор, надо набирать окончание „Белой гвардии", а рукописи Вы не заносите. Убедительная просьба не затягивать более этого дела».

И в тот же день писатель под расписку (она сохранилась) передал окончание романа Лежневу.

Любопытная деталь: найденная рукопись «отпала» именно от архива И. Лежнева. И сохранилась она, видимо, только потому, что известный редактор, а затем сотрудник газеты «Правда» Исая Григорьевич Лежнев использовал рукопись Булгакова как бумажную основу для наклейки своих многочисленных статей, вырезанных из газет. В таком виде рукопись и была обнаружена.

При этом выяснились и другие важные подробности. Так, найденное окончание романа не только существенно отличается по содержанию от парижского варианта, но и значительно острее в политическом отношении (явно просматривается стремление автора найти общее между петлюровцами и большевиками). Подтвердились и догадки о том, что рассказ писателя «В ночь на 3-е число» является составной частью «Белой гвардии». Четко установлена прямая связь романа с другими рассказами Булгакова.

Возникает вопрос: не следует ли таким образом признать, что перед нами текст «Белой гвардии», который в случае выхода в свет шестого номера журнала «Россия» стал бы основным, каноническим?

Не будем пока спешить с окончательными выводами, поскольку в рукописном наследии Булгакова еще существует много тайн.